

СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ

№ 1 • 2022

ISSN: 2310-8681
Издается с 2013 г.

Учредители:

Машкевич И.М., Орлов В.Н., Антонян Е.А., Зайцев О.А.

Издатель:

Издательство «Прспект»

Главный редактор:

Машкевич Игорь Михайлович, доктор юридических наук, профессор, президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Заместители главного редактора:

Овчинский Владимир Семенович, доктор юридических наук, вице-президент Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Эминов Владимир Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Зайцев Олег Александрович, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Звягинцев Александр Григорьевич, вице-президент Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Редакционный совет:

Астанин Виктор Викторович, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Российской криминологической ассоциации (Россия, г. Москва)

Блажеев Виктор Владимирович, кандидат юридических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», заслуженный юрист Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Буянов Владимир Петрович, доктор экономических наук, профессор, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Гордиенко Владимир Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Клемешев Андрей Павлович, доктор политических наук, президент ФГАОВ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта», заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Калининград)

Саренбаев Талгат Есиналиевич, доктор юридических наук, профессор, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Республика Казахстан, г. Астана)

Редакционная коллегия:

Абшилова Георгий Валерьянович, доктор юридических наук, профессор, адвокат, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Уральскому федеральному округу, почетный адвокат Российской Федерации (Россия, г. Екатеринбург)

Аветисян Сергей Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, профессор Российско-Армянского (Славянского) университета, председатель Палаты по уголовным и военным делам Кассационного суда Республики Армения, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Армения (Армения, г. Ереван)

Антонян Елена Александровна, доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Баранов Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России», заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Нижний Новгород)

Барков Алексей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Россия, г. Москва)

Бодров Николай Филиппович, кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной экспертизы ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Велиев Исахан Вейсал-оглы, доктор юридических наук, профессор, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Азербайджане (Азербайджанская Республика, г. Баку)

Гришко Александр Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Центральному федеральному округу (Россия, г. Рязань)

Жалаири Омрли Шакарпулы, доктор юридических наук, профессор, ректор Евразийской юридической академии имени Д.А. Кунаева, академик высшей школы Казахстана, заслуженный деятель Казахстана, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Казахстан (Республика Казахстан, г. Алматы)

Ильашенко Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Южному федеральному округу (Россия, г. Краснодар)

Кадников Николай Григорьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права ФГКОУ ВО «Московский университет МВД имени В.Я. Кикотя» (Россия, г. Москва)

Казак Бронислав Брониславович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой организации правоохранительной и правозащитной деятельности ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Северо-Западному федеральному округу (Россия, г. Псков)

Лукьянов Владимир Викторович, кандидат юридических наук, доцент, советник ректора ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет имени

А.И. Герцена», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Санкт-Петербургу (Россия, г. Санкт-Петербург)

Маркьян Рубен Валерьевич, кандидат юридических наук, профессор НОУ ВПО «Российская академия адвокатуры и нотариата», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Москве (Россия, г. Москва)

Мельников Николай Николаевич, доктор юридических наук, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Юридического института ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева» (Россия, г. Орел)

Номоконов Виталий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГАОВ ВПО «Дальневосточный федеральный университет» (Россия, г. Владивосток)

Петракин Алексей Владимирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России», руководитель Филиала Союза криминалистов и криминологов в Нижнем Новгороде (Россия, г. Нижний Новгород)

Рарог Алексей Иванович, доктор юридических наук, профессор, научный руководитель кафедры уголовного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Редникова Татьяна Владимировна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права, научный сотрудник ФГБН «Институт государства и права Российской академии наук» (ИГП РАН) (Россия, г. Москва)

Росинская Елена Рафаиловна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой судебной экспертизы ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Саламова Себила Якубовна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Селиверстов Вячеслав Иванович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Скурапов Юрий Ильич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, президент Фонда «Правовые технологии XXI века» (Россия, г. Москва)

Тунавчески Никола, доктор юридических наук, профессор, руководитель магистерской программы кафедры уголовного права юридического факультета «Iustinianus Primus» Университета Святых Кирилла и Мефодия (Республика Македония, г. Скопье)

Устюгова Валентина Владимировна, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права ФГБН «Институт государства и права Российской академии наук» (ИГП РАН) (Россия, г. Москва)

Халилов Рафик Нурулович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Приволжскому федеральному округу, почетный работник МВД России (Россия, г. Казань)

Хельмани Уве, dr. jur. habil., профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета (Германия, г. Потсдам)

Хунайя Лю, доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором экологического права Института права Китайской академии общественных наук (Китай, г. Пекин)

Шамураев Таалайбек Турсунович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминологии Кыргызско-Российского Славянского университета, председатель Представительства Союза криминалистов и криминологов в Кыргызской Республике (Кыргызская Республика, г. Бишкек)

Шевелева Светлана Викторовна, доктор юридических наук, декан юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-западный государственный университет», руководитель Филиала Союза криминалистов и криминологов в Курске (Россия, г. Курск)

Шидловский Андрей Викторович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета Белорусского государственного университета, председатель Представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск)

Ширяев Юрий Егорович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина (Россия, г. Москва)

Шиншко Ирина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института ФГАОВ ВО «Сибирский федеральный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Сибирскому федеральному округу, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Россия, г. Красноярск)

Научный редактор:

Редникова Татьяна Владимировна

Редактор:

Свещая Елена Владимировна

Помощник редактора:

Махмутова Лилия Ренатовна

Почта журнала

skk_vkk@mail.ru

Адрес: 105005, г. Москва, Лефортовский пер, д. 12/50, корп. 1

Тел.: 8 (495) 651-62-62; E-mail: crimescience.pro@yandex.ru

http://crimescience.ru; http://criminology.ru

Союз криминалистов и криминологов: периодическое печатное издание, журнал. — 2022. — № 1.

М.: ООО «Издательство Проспект», 2022. — 192 с.

Публикуются работы в сфере наук криминального цикла и уголовной политики. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЕЛИ № ФИ77-72228 от 1 февраля 2018 г.

Подписано в печать 20.03.2022. Формат 60×90 1/8. Бумага офсетная. 24 п. л. Тираж 500. Цена свободная.

Journal DOI 10.31085/2310-8681 Issue DOI: 10.31085/2310-8681-2022-1-192

VERBAND DER KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN

№ 1 • 2022

ISSN: 2310-8681
Wird seit 2013 veröffentlicht

Gründer:

Matskevich I.M., Orlov V.N., Antonyan E.A., Zaytsev O.E.

Verleger:

Prospekt

Der Chefredakteur:

Matskevich Igor Mikhailovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Präsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Stellvertreter des Chefredakteurs:

Ovchinsky Vladimir Semenovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Eminov Vladimir Evgenevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, Verdienter Anwalt der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Zaytsev Oleg Aleksandrovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation, Verdienter Arbeiter der Hochschulbildung der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Zyagintsev Aleksand Grigorievich, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Redaktionsbeirat:

Astanin Viktor Viktorovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vizepräsident der Russischen Vereinigung für Kriminologie (Moskau, Russland)

Blazhev Viktor Vladimirovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Professor, Rektor der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie), Verdienter Jurist der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Buyanov Vladimir Petrovich, Doktor der Wirtschaftswissenschaften, Professor, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Gordienko Vladimir Vasilievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Jurist der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Klemeshev Andrey Pavlovich, Doktor der Politikwissenschaften, Präsident der Baltischen Föderalen Immanuel-Kant-Universität, Verdienter Arbeiter der Hochschulbildung der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Kaliningrad, Russland)

Sarsenbaev Talgat Esinalievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Almaty, Republik Kasachstan)

Redaktionskollegium:

Abshilava Georgiy Valerianovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Rechtsanwalt, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Föderalen Bezirk Ural Russlands, Vereidigter Rechtsanwalt der Russischen Föderation (Jekaterinburg, Russland)

Avetisyan Sergik Sergeevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Russisch-Armenischen (Slawischen) Staatlichen Universität, Vorsitzender der Kammer für Kriminelle und Militärische Fälle von Armenien Kassationsgericht, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Armenien (Jerewan, Republik Armenien)

Antonyan Elena Aleksandrovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Baranov Vladimir Mikhailovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor an der Nyzhnyi Novgorod Akademie des Innenministeriums der Russischen Föderation, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Nyzhnyi Novgorod, Russland)

Barkov Aleksey Vladimirovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Abteilung für Gesetzliche Regulierung der Wirtschaftstätigkeit der Finanzuniversität der Regierung der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Bodrov Nikolai Filipovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent am Lehrstuhl für Forensische Untersuchung der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Veliev Isakhan Yveysale-ogly, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Akademie für Öffentliche Verwaltung unter dem Präsidenten der Republik Aserbaidschan, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Republik Aserbaidschan (Baku, Republik Aserbaidschan)

Grishko Aleksandr Jakovlevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Zentral Föderalen Bezirk Russlands (Rjasan, Russland)

Jalairi Omrali Shakarapuly, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Rektor der Eurasischen Kunaev Akademie für Jurisprudenz, Akademienmitglied der Kasachischen Oberschule, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Kasachstan, Verdienter Arbeiter Kasachstans (Almaty, Republik Kasachstan)

Hellmann Uwe, Dr. jur. habil., Professor, Lehrstuhlinhaber für Straf- und Wirtschaftsstrafrecht an der Fakultät für Jura der Universität Potsdam (Potsdam, Bundesrepublik Deutschland)

Hongyan Liu, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Bereichs Umweltrecht des Instituts für Recht der Chinesischen Akademie der Sozialwissenschaften (Peking, Volksrepublik China)

Iyashenko Aleksey Nikolaevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Staatlichen Kuban-Universität, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Südlichen Föderalen Bezirk Russlands (Krasnodar, Russland)

Kadnikov Nikolai Grigorievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Kikot Universität Moskau des Innenministeriums der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Kazak Bronislav Bronislavovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter der Organisation der Strafverfolgung und der Menschenrechtsaktivitäten, Vorsitzender der Pskover Staatlichen Universität, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Nordwestlichen Föderalen Bezirk Russlands (Pskov, Russland)

Lukyakov Vladimir Viktorovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Berater des Rektors der Staatlichen Pädagogischen A.I. Herzen Universität St. Petersburg, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Sankt Petersburg (Sankt Petersburg, Russland)

Markarjan Ruben Valerievich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Professor an der Russischen Akademie für Anwaltschaft und Notariat, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Moskau (Moskau, Russland)

Melnikov Nikolay Nikolaevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Lehrstuhlleiter für Zivilrecht und Zivilprozess am Institut für Recht der Orel Staatlichen I.S. Turgenev Universität (Orel, Russland)

Nomokonov Vitaly Anatolievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Fernöstlichen Föderalen Universität (Wladivostok, Russland)

Petryanin Alexey Vladimirovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Dozent, Professor am Lehrstuhl für Straf- und Strafvollzugsrecht der Nyzhnyi Novgorod Akademie des Innenministeriums der Russischen Föderation, Leiter der Filiale des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Nyzhnyi Novgorod (Nyzhnyi Novgorod, Russland)

Rarog Alexey Ivanovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Wissenschaftlicher Berater am Lehrstuhl für Strafrecht der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie), Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Rednikova Tatiana Vladimirovna, Kandidatin der Rechtswissenschaften, Leitende Wissenschaftliche Mitarbeiterin im Bereich Umwelt-, Land- und Agrarrecht, Forscherin am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften (Moskau, Russland)

Rossinskaya Elena Rafailovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Lehrstuhlleiterin für Gerichtsgutachten der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Salamova Sebila Jakubovna, Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Seliverstov Vyacheslav Ivanovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Moskauer Staatlichen Lomonossov Universität, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Skurativ Yury Ilyich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Verfassungs- und Völkerrecht der Gubkin-Universität für Erdöl und Gas, Präsident der Stiftung "Förderung der Rechtstechnologien XXI. Jahrhunderts" (Moskau, Russland)

Tupancevski Nikola, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Masterstudiengangs des Lehrstuhls für Strafrecht der Juristischen Fakultät "Justinianus Primus" der Universität St. Cyril und Methodius (Skopje, Republik Mazedonien)

Ustyukova Valentina Vladimirovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Wissenschaftliche Hauptmitarbeiterin im Bereich der Umwelt-, Land- und Agrarrecht am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften (Moskau, Russland)

Khalilov Rafik Nurulovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent am Lehrstuhl für Strafrecht der Kasaner Föderalen Universität, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Privolgsjky Föderalen Bezirk Russlands, Verdienter Arbeiter des Ministeriums für Innere Angelegenheiten der Russischen Föderation (Kasan, Russland)

Shamurzaev Taalaibek Tursunovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Lehrstuhlleiter für Strafverfahren und Kriminologie an der Kirgisisch-Russischen (Slawischen) Universität, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Kirgisischen Republik (Bischkek, Kirgisische Republik)

Sheveleva Svetlana Viktorovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Dekanin der Juristischen Fakultät der Süd-West-Universität Kursk, Leiterin der Filiale des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Kursk (Kursk, Russland)

Shidlovsky Andrei Viktorovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Prodekan der Rechtsfakultät der Belorussischen Staatsuniversität, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Republik Belarus (Minsk, Republik Belarus)

Shiryayev Yury Yegorovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Verfassungs- und Völkerrecht der Gubkin-Universität für Erdöl und Gas (Moskau, Russland)

Shishko Irina Victorovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Direktorin des Instituts für Rechtswissenschaften der Sibirischen Föderalen Universität, Leiterin des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Sibirischen Föderalen Bezirk Russlands, Verdienter Arbeiterin der Hochschulbildung der Russischen Föderation (Krasnojarsk, Russland)

Wissenschaftlicher Redakteur:
Rednikova Tatiana Vladimirovna

Redakteur:
Svetskaya Elena Vladimirovna

Redakteur Assistent:
Makmutova Lilia Rinatovna

E-mail
skk_ykk@mail.ru

Adresse: 105005, Russland, Moskau, Lefortovskij Pereulok, 12/50, Gebäude 1.

Telefon: 8 (495) 651-62-62; E-mail: crimescience.pro@yandex.ru

Verband der Kriminalisten und Kriminologen: periodischen Druckschrift, Zeitschrift. – 2022. – Nr. 1.

Moskau: Gmbh "Verlag Prospekt", 2022. – 192 Seiten.

Es werden Arbeiten auf dem Gebiet der kriminellen Funktion sowie Kriminalpolitik veröffentlicht.

die Zeitschrift ist im Föderalen Dienst für Aufsicht im Bereich der Kommunikation,

Informationstechnologie und Massenkommunikation (Roskomnadsor)

registriert. Eintragungsbekanntmachung der Massenmedien PI Nr. FS77-72228 vom 1. Februar 2018.

Am 20.03.2022 in Druck gegeben, Format 60×90 1/8. Offsetdruck Papier. Druckliste 24. Auflage 500 Exemplare. Der Preis ist frei.

Journal DOI 10.31085/2310-8681 Issue DOI: 10.31085/2310-8681-2022-1-192

THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS

№ 1 • 2022

ISSN: 2310-8681
Published since 2013

Founders:

Matskevich I.M., Orlov V.N., Antonian E.A., Zaitsev O.E.

Publisher:

Prospekt

The Editor-in-Chief:

Matskevich Igor Mikhailovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, President of the Union of Criminalists and Criminologists, Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Executive Editors-in-Chief:

Ovchinsky Vladimir Semenovich, Doctor of Legal Sciences, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Eminov Vladimir Evgenievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Zaitsev Oleg Aleksandrovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Zvyagintsev Aleksand Grigorievich, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Editorial Collegium:

Astanin Viktor Viktorovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Vice-President of the Russian Association for Criminology (Moscow, Russia)

Blazhev Viktor Vladimirovich, Candidate of Legal Sciences, Professor, Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Buyanov Vladimir Petrovich, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Gordienko Vladimir Vasilievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Klemeshev Andrey Pavlovich, Doctor of Political Sciences, President of Immanuel Kant Baltic Federal University, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Kaliningrad, Russia)

Sarsenbaev Talgat Esinalievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Editorial Board:

Abshilava Georgiy Valerianovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Attorney, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Ural Federal District of Russia, Honored Attorney of Russia (Ekaterinburg, Russia)

Avetisyan Sergiy Sergeevich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of Russian-Armenian (Slavonic) University, Chairman of the Chamber for Criminal and Military Cases of Armenia Cassation Court, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in Armenia (Yerevan, Republic of Armenia)

Antonyan Elena Aleksandrovna, Doctor of Legal Sciences, Professor of the Chair of Criminology and Criminal Executive Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Baranov Vladimir Mikhailovich, Doctor of Legal Sciences, Professor of Nyzhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation (Nyzhny Novgorod, Russia)

Barkov Aleksey Vladimirovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Legal Regulation of Economic Activity at the Financial University under the Russian Federation Government (Moscow, Russia)

Bodrov Nikolai Filipovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of the Chair of Forensic Expertise at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Veliev Isakhan Veysale-ogly, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Azerbaijan, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Republic of Azerbaijan (Baku, Republic of Azerbaijan)

Grishko Aleksandr Jakovlevich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Central Federal District of Russia (Ryazan, Russia)

Jalairi Omrali Shakarapuly, Doctor of Legal Sciences, Professor, Rector of Kunaev Eurasian Law Academy, Academician of the Higher School of Kazakhstan, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in Kazakhstan, Honored Worker of Kazakhstan (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Hellmann Uwe, Dr. jur. habil., Professor, Head of the Chair of Criminal and Economic Criminal Law at the Faculty of Law of the University of Potsdam (Potsdam, Federal Republic of Germany)

Hongyan Liu, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Sector of Environmental Law of the Institute of Law of the Chinese Academy of Social Sciences (Beijing, People's Republic of China)

Iyashenko Aleksey Nikolaevich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Kuban State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in the Southern Federal District of Russia (Krasnodar, Russia)

Kadnikov Nikolai Grigorievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Kikot Moscow University of the Interior Ministry of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Kazak Bronislav Bronislavovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Organization of Law Enforcement and Human Rights Activities at Pskov State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in the North-Western Federal District of Russia (Pskov, Russia)

Lukyanov Vladimir Viktorovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, Advisor to the Rector of Herzen State Pedagogical University of Russia, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in Sankt Petersburg (Sankt Petersburg, Russia)

Markarjan Ruben Valerievich, Candidate of Legal Sciences, Professor of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in Moscow (Moscow, Russia)

Melnikov Nikolay Nikolaevich, Doctor of Legal Sciences, Head of the Chair of Civil Law and Procedure of the Institute of Law at Orel State I.S. Turgenev University (Orel, Russia)

Nomokonov Vitaly Anatolievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Far-Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)

Petryanin Alexey Vladimirovich, Doctor of Legal Sciences, Assistant Professor, Professor of the Chair of Criminal and Criminal Executive Law at Nyzhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Branch Office in Nyzhny Novgorod (Nyzhny Novgorod, Russia)

Rarog Alexey Ivanovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Research Supervisor of the Chair of Criminal Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Rednikova Tatiana Vladimirovna, Candidate of Legal Sciences, Senior Researcher of the Sector of Environmental, Land and Agricultural Law at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Rossinskaya Elena Rafailovna, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Forensic Expertise at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Salamova Sebita Jakubovna, Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer of the Chair of Criminology and Criminal Executive Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Seliverstov Vyacheslav Ivanovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Lomonosov Moscow State University, Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Skuratov Yury Ilyich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Constitutional and International Law at the National University of Oil and Gas "Gubkin University", President of the "Legal Technologies of the XXI Century" Fund (Moscow, Russia)

Tupancevski Nikola, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Master's Program of the Chair of Criminal Law at the Faculty of Law "Justinianus Primus" of the University of Saints Cyril and Methodius (Skopje, Republic of Macedonia)

Ustyukova Valentina Vladimirovna, Doctor of Legal Sciences, Professor, Chief Researcher of the Sector of Environmental, Land and Agricultural Law at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Khalilov Rafik Nurulovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law at Kazan Federal University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in the Privolzhsky Federal District of Russia, Honored Worker of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation (Kazan, Russia)

Shamurzaev Taalaibek Tursunovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Criminal Procedure and Criminology at Kyrgyz-Russian Slavic University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Kyrgyz Republic (Bishkek, Kyrgyz Republic)

Sheveleva Svetlana Viktorovna, Doctor of Legal Sciences, Dean of the Faculty of Law of the Southwest State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Branch Office in Kursk (Kursk, Russia)

Shidlovsky Andrei Viktorovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, Vice-Dean of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belarus)

Shiryayev Yury Yegorovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Constitutional and International Law at the National University of Oil and Gas "Gubkin University" (Moscow, Russia)

Shishko Irina Viktorovna, Doctor of Legal Sciences, Professor, Director of Siberian Federal University Law Institute, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Siberian Federal District of Russia, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Krasnoyarsk, Russia)

Scientific Editor:

Rednikova Tatiana Vladimirovna

Editor:

Svetskaya Elena Vladimirovna

Editor's Assistant:

Makhmutova Lilia Rinatovna

E-mail

skk_vkk@mail.ru

Address: Building 1, Lefortovskiy Pereulok, Moscow, 105005, Russia

Telephone: 8 (495) 651-62-62; E-mail: crimescience.pro@yandex.ru

The Union of Criminalists and Criminologists: periodical printed edition, bulletin. – 2022. – No. 1.

Moscow: LLC "Publisher Prospekt", 2022. – 192 p.

The bulletin is registered at the Federal Service on Communication, Informational Technologies and Mass Media (Roscommnadzor).

Registration Certificate of Mass Media PE No. FC77-72228 issued on February 1, 2018.

Works in Sphere of criminal sciences and criminal politics art; published.

Signed for publishing 20.03.2022. Format 60×90 1/8. Offset paper. Pr. Sheets 24. Circulation 500. Openprice.

Journal DOI 10.31085/2310-8681 Issue DOI: 10.31085/2310-8681-2022-1-192

СОДЕРЖАНИЕ

КРИМИНОЛОГИЯ

<i>Барков Алексей Владимирович, Овсянникова Юлия Вячеславовна</i> Устройство на воспитание несовершеннолетних в воинские части как правовой инструмент профилактики безнадзорности и правонарушений.....	7
<i>Берндт Анастасия Анатольевна</i> Детерминанты розничной продажи алкогольной продукции несовершеннолетнему.....	13

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Полубинская Светлана Вениаминовна</i> Использование результатов генетических исследований в сфере уголовной юстиции	21
<i>Саргсян Аделина Арменовна</i> Проблемы назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление в судебной практике Республики Армения и Российской Федерации.....	31

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

<i>Рашидян Андраник Арменович</i> Некоторые вопросы регламентации соучастия в преступлении по новому Уголовному кодексу Республики Армения	40
<i>Жилкин Максим Геннадьевич, Доценко Елена Андреевна</i> Сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства Российской Федерации и стран СНГ, предусматривающего ответственность за обман в сфере потребительского рынка: постановка проблемы	46
<i>Галюкова Мария Игоревна</i> Имплементация международных норм о защите генома человека, эмбриона, генетической информации в российское уголовное законодательство	53
<i>Штанькова Анастасия Петровна</i> Дифференциация уголовной ответственности посредством конструирования нового привилегированного состава преступления против собственности	63

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Тепляшин Павел Владимирович</i> Реализация Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года в контексте Правил Нельсона Манделы	72
<i>Хохрин Сергей Александрович</i> Структура пенитенциарной преступности и меры ее предупреждения.....	78

Трибуна ВУЗА

ВОЛОГОДСКИЙ ИНСТИТУТ ПРАВА И ЭКОНОМИКИ ФСИН РОССИИ

<i>Морозов Роман Михайлович, Волков Дмитрий Юрьевич</i> Актуальные вопросы профилактики девиантного поведения несовершеннолетних через формирование примерного перечня маркеров (критериев) для оценки возможностей вовлеченности несовершеннолетнего в криминальную субкультуру, в том числе запрещенного в Российской Федерации движения «АУЕ»	84
<i>Зеленская Ольга Олеговна</i> Некоторые особенности условно-досрочного освобождения осужденных к пожизненному лишению свободы	91

Латышева Людмила Александровна

Применение основных средств ресоциализации в отношении женщин во время отбывания наказания в виде лишения свободы и в постпенитенциарный период.....	94
---	----

Павлушков Александр Рудольфович

Общественная наблюдательная комиссия субъектов Российской Федерации: актуальные вопросы и проблемы организации деятельности.....	100
--	-----

Рудаков Артур Михайлович

К вопросу о целях деятельности правозащитных организаций в пенитенциарной сфере.....	107
---	-----

Силкин Вячеслав Петрович

Система уголовных наказаний постсоветских государств.....	110
---	-----

Житков Алексей Анатольевич

Криминологическая характеристика лиц, совершающих преступления, связанные с посягательством на сотрудника уголовно-исполнительной системы России...	118
---	-----

ФИЛИАЛ СОЮЗА КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ

Лавринов Вячеслав Викторович

Проблемные вопросы квалификации преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, совершенных в различные периоды.....	123
---	-----

Осяк Валентина Владимировна

Особенности производства отдельных видов следственного осмотра при расследовании нарушений правил охраны окружающей среды при производстве работ.....	127
--	-----

Подройкина Инна Андреевна, Леймоева Залина Беслановна

Дополнительные наказания как средство индивидуализации наказания	132
---	-----

ЦИВИЛИСТИКА, ЭНЕРГЕТИКА И ЭКОЛОГИЯ

Глуценко Никита Валерьевич

К вопросу об угрозах экономической безопасности предприятий нефтегазовой отрасли	138
---	-----

МОЛОДЫЕ КРИМИНАЛИСТЫ И КРИМИНОЛОГИ

Епоян Дмитрий Тигранович

Межотраслевая преюдиция в уголовном процессе.....	147
---	-----

НЕКРОЛОГ

Нечевин Дмитрий Константинович

Мы будем помнить! Светлой памяти Лунева Виктора Васильевича (16.02.1932–06.01.2022).....	156
---	-----

Мацкевич Игорь Михайлович, Саламова Себила Якубовна

Памяти Лунева Виктора Васильевича	157
---	-----

Коллектив Московского университета МВД России

<i>имени В.Я. Кикотя</i> Памяти выдающегося ученого.....	159
---	-----

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ	160
-----------------------------	-----

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN.....	162
-------------------------------------	-----

ABOUT THE AUTHORS.....	164
------------------------	-----

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER.....	166
--------------------------------------	-----

ANNOTATIONS AND KEYWORDS.....	178
-------------------------------	-----

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ».....	189
---	-----

INHALT

KRIMINOLOGIE

- Barkov A.V., Ovsyannikova Yu.V.*
Unterbringung zur Erziehung in der Militäreinheit für Minderjährige als rechtliches Instrument zur Verhinderung von Vernachlässigung und Straftaten..... 7
- Berndt A.A.*
Determinanten des Einzelhandelsverkaufs von Alkohol an Minderjährige..... 13

STRAFPROZESSRECHT

- Polubinskaya S.V.*
Nutzung von Ergebnissen der Genforschung in der Strafjustiz..... 21
- Sargsyan A.A.*
Die Probleme der Verhängung einer milderen Strafe als für dieses Verbrechen in der Gerichtspraxis der Republik Armenien und der Russischen Föderation vorgesehen 31

STRAFRECHT

- Rashidyan A.A.*
Einige Fragen der Regelung der Mittäterschaft bei Straftaten nach dem neuen Strafgesetzbuch der Republik Armenien..... 40
- Zhilkin M.G., Dotsenko E.A.*
Rechtsvergleichende Analyse der Strafgesetzgebung der Russischen Föderation und der GUS-Staaten, die die Haftung für Betrug auf dem Verbrauchermarkt vorsieht: Problemstellung..... 46
- Galyukova M.I.*
Umsetzung der internationalen Normen zum Schutz des menschlichen Genoms, des Embryos und der genetischen Informationen in die russische Strafgesetzgebung..... 53
- Shtankova A.P.*
Differenzierung der strafrechtlichen Verantwortung durch die Gestaltung eines neuen privilegierten Eigentumsdelikts 63

STRAFVOLLZUGSRECHT

- Teplyashin P.V.*
Umsetzung des Konzepts für die Entwicklung des Strafvollzugssystems der Russischen Föderation bis 2030 im Rahmen der Nelson-Mandela-Regeln..... 72
- Khokhrin S.A.*
Struktur der Strafvollzugskriminalität und Maßnahmen zu ihrer Bekämpfung 78

TRIBÜNE DER UNIVERSITÄT WOLOGDA INSTITUTS FÜR RECHT UND WIRTSCHAFT DES FSIN RUSSLANDS

- Morozov R.M., Volkov D.Yu.*
Aktuelle Fragen der Prävention von abweichendem Verhalten von Minderjährigen durch die Bildung einer Beispielliste von Markern (Kriterien) zur Bewertung der Möglichkeiten der Beteiligung eines Minderjährigen an einer kriminellen Subkultur, einschließlich der in der Russischen Föderation verbotenen AUE-Bewegung 84
- Zelenskaya O.O.*
Einige Merkmale der Bewährung für lebenslänglich verurteilte Gefangene 91

- Latysheva L.A.*
Anwendung grundlegender Maßnahmen zur Resozialisierung von Frauen während und nach der Inhaftierung..... 94
- Pavlushkov A.R.*
Öffentliche Beobachtungskommission der Subjekte der Russischen Föderation: aktuelle Fragen und Probleme der Organisation von Aktivitäten 100
- Rudakov A.M.*
Zu den Zielen von Menschenrechtsorganisationen im Bereich des Strafvollzugs 107
- Silkin V.P.*
Das Kriminalstrafensystem in den postsowjetischen Staaten.. 110
- Zhitkov A.A.*
Kriminologische Charakterprofilierung der Täter von Straftaten im Zusammenhang mit einem Angriff auf einen Angehörigen des Strafvollzugssystems Russlands..... 118

NIEDERLASSUNG DES VERBANDES DER KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN IN ROSTOW AM DON

- Lavrinov V.V.*
Probleme bei der Einstufung von Straftaten gegen die sexuelle Unversehrtheit und die sexuelle Freiheit der Person, die in verschiedenen Zeiträumen begangen wurden... 123
- Osyak V.V.*
Besonderheiten bestimmter Arten von Ermittlungsinspektionen bei der Untersuchung von Umweltverstößen bei Bauarbeiten..... 127
- Podroykina I.A., Leimoeva Z.B.*
Zusätzliche Strafen als Mittel zur Individualisierung der Bestrafung 132

ZIVILRECHT, ENERGIE UND UMWELT

- Glushchenko N.V.*
Zur Frage der Bedrohungen der Wirtschaftssicherheit in Öl- und Gasunternehmen..... 138

JUNGE KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN

- Epoyan D.T.*
Branchenübergreifende Präjudiz im Strafverfahren..... 147

NECROLOGUE

- Nechevin D.K.*
Wir werden uns erinnern! In gesegneter Erinnerung Luneev Viktor Wassiljewitsch..... 156
- Matskevich I.M., Salamova S.Ya.*
In Erinnerung Luneev Viktor Wassiljewitsch 157
- Das Kollektiv der Moskauer Universität des Innenministeriums namens W.I. Kikotja.*
In Erinnerung an einen herausragenden Wissenschaftler..... 159

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN 162

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER 166

- EINLEITUNG FÜR DIE GESTALTUNG
VON WISSENSCHAFTLICHEN ARTIKELN
UND MATERIALIEN FÜR DIE ZEITSCHRIFT VERBAND
DER KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN 189

CONTENTS

CRIMINOLOGY

Barkov A.V., Ovsyannikova Yu.V.

Placement of minors in military units as a legal tool for the prevention of neglect and offenses..... 7

Berndt A.A.

Determinants of retail sale of alcoholic beverages to a minor.. 13

CRIMINAL PROCEDURAL LAW

Polubinskaya S.V.

Using the results of genetic research in the field of criminal justice..... 21

Sargsyan A.A.

Problems of assigning a milder punishment than is provided for this crime in the judicial practice of the Republic of Armenia and the Russian Federation 31

CRIMINAL LAW

Rashidyan A.A.

Several issues of regulation of complicity in a crime in the new Criminal Code of the Republic of Armenia 40

Zhilkin M.G., Dotsenko E.A.

Comparative legal analysis of the criminal legislation of the Russian Federation and the CIS countries providing for liability for fraud in the consumer market: problem statement 46

Galyukova M.I.

Implementation of international standards of human genome, embryo, and genetic data security in the Russian criminal law..... 53

Shtankova A.P.

Differentiation of criminal responsibility through the construction of a new privileged corpus delicti against property..... 63

PENAL LAW

Teplyashin P.V.

Implementation of the Concept for the Development of the Penal and Correctional System of the Russian Federation until 2030 in the context of the Nelson Mandela Rules 72

Khokhrin S.A.

The structure of penitentiary crime and measures to prevent it.....78

PRESENTATION OF THE UNIVERSITY VOLOGDA INSTITUTE OF LAW AND ECONOMICS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA

Morozov R.M., Volkov D.Yu.

Actual issues of prevention of deviant behavior of minors through the formation of an approximate list of markers (criteria) for assessing the possibility of a minor's involvement in a criminal subculture, including the AUE movement banned in the Russian Federation 84

Zelenskaya O.O.

Some features of parole of convicts sentenced to life imprisonment..... 91

Latysheva L.A.

The use of basic means of resocialization against women while serving a sentence of imprisonment and in the post-penitentiary period 94

Pavlushkov A.R.

Public Monitoring Commission of the Subjects of the Russian Federation: current issues and problems of the organization of activities 100

Rudakov A.M.

On the question of the goals of the activities of human rights organizations in the penitentiary sphere 107

Silkin V.P.

The system of criminal penalties of post-Soviet States 110

Zhitkov A.A.

Criminological characteristics of persons committing crimes related to an attack on an employee of the Russian penal system 118

BRANCH OF THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS IN ROSTOV ON DON

Lavrinov V.V.

Problematic issues of qualification of crimes against sexual integrity and sexual freedom of the individual committed in different periods 123

Osyak V.V.

Features of the production of certain types of investigative inspection in the investigation of violations of environmental protection rules during the production of works 127

Podroykina I.A., Leimoeva Z.B.

Additional punishments as a means of individualizing punishment..... 132

CIVIL LAW, ENERGY AND ECOLOGY

Glushchenko N.V.

To the question of economic security threats in oil and gas companies 138

YOUNG CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS

Epoyan D.T.

Interbranch issue preclusion in criminal proceedings 147

NECROLOGUE

Nechevin D.K.

We will remember! In blessed memory Luneev Viktor Vasilyevich..... 156

Matskevich I.M., Salamova S.Ya.

In memory of Lunev Viktor Vasilyevich 157

The staff of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs named after V.Ya. Kikot

In memory of an outstanding scientist..... 159

ABOUT THE AUTHORS 164

ANNOTATIONS AND KEYWORDS 178

GUIDELINES FOR PRESENTING THE SCIENTIFIC ARTICLES AND MATERIALS FOR PUBLISHING IN THE MAGAZINE "THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS"..... 189

КРИМИНОЛОГИЯ

УСТРОЙСТВО НА ВОСПИТАНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ВОИНСКИЕ ЧАСТИ КАК ПРАВОВОЙ ИНСТРУМЕНТ ПРОФИЛАКТИКИ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Барков Алексей Владимирович,
Овсянникова Юлия Вячеславовна

***Цель:** раскрыть возможности правовой конструкции устройства на воспитание несовершеннолетних в воинские части как правового инструмента профилактики безнадзорности и правонарушений.*

***Методология:** анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнение, абстрагирование, формально-юридический метод, диалектический, системный методы, метод межотраслевых юридических исследований.*

***Выводы.** В настоящее время, помимо выполнения основных задач, возложенных на Вооруженные Силы, по подготовке к вооруженной защите Российской Федерации, воинская часть способна эффективно содействовать в решении важнейшей государственной социально значимой проблемы, заключающейся в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, посредством зачисления детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в списки воинских частей в качестве воспитанников. Воинскую часть следует признать элементом системы профилактики правонарушений, а зачисление детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в списки воинских частей в качестве воспитанников – формой профилактического воздействия с высокой степенью обеспечения гарантий защиты прав воспитанников, направленной на социальную адаптацию находящихся в трудной жизненной ситуации безнадзорных и беспризорных несовершеннолетних. «Зачисление несовершеннолетних в воинские части в качестве воспитанников» имеет единую правовую природу с группой форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей, не получивших в Семейном кодексе РФ четкого законодательного закрепления и имеющих в семейном праве наименование «иных форм устройства», определяющих порядок, условия воспитания, обучения и содержания детей, обеспечивающих защиту их прав и интересов. Легально применяемый к этому сложному и многоаспектному процессу термин «зачисление» является узким по содержанию, отражающим лишь один из процедурных элементов и в связи с необходимостью отражения сути деятельности нуждается в замене на более точное определение «устройство на воспитание несовершеннолетних в воинские части в качестве воспитанников». Предлагается расширить систему организаций для устройства детей, оставшихся без попечения родителей, содержащихся в ст. 123 СК РФ, включив в нее в качестве системного элемента «воинскую часть, устраивающую на воспитание несовершеннолетних в качестве воспитанников», со статусом «социально-адаптационной, профилактической организации».*

***Научная и практическая значимость** заключается в том, что выводы, полученные в результате исследования, могут быть использованы в процессе дальнейшего научного изучения вопросов, связанных с правовым регулированием общественных отношений, возникающих при устройстве на воспитание несовершеннолетних в воинские части в качестве воспитанников, корректировки законодательства, основой для методических рекомендаций, инструкций и применены в практике деятельности воинских частей, зачисляющих воспитанников.*

***Ключевые слова:** устройство несовершеннолетних, воинская часть, профилактика безнадзорности и правонарушений.*

Одной из приоритетных задач социального государства является решение вопросов, связанных с защитой прав и законных интересов детей, в том числе детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Во все времена низкие показатели уровня детской беспризорности и безнадзорности являются одним из индикаторов благополучия и стабильности общества.

В целях поддержания государственной политики в сфере защиты подрастающего поколения, учитывая результаты, достигнутые в ходе реализации Национальной стратегии действий в интересах детей (*Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 гг.* (утв. Указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761) // [Электронный ресурс]: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130516/ (дата обращения: 03.02.2022)), Президент Российской Федерации В.В. Путин объявил 2018–2027 гг. в Российской Федерации «Десятилетием детства» (*Указ Президента РФ от 29 мая 2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства»* // СЗ РФ. 2017. № 23. Ст. 3309). Одной из поставленных задач является профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. В реализации плана работы в сфере защиты детства задействовано достаточно большое количество министерств, что подчеркивает заинтересованность государства в решении проблем, связанных с подрастающим поколением.

В Министерстве обороны вопрос поддержки детей, оставшихся без попечения родителей, никогда не оставался без внимания и был актуален еще в годы войн — тогда солдаты брали под свою опеку ребят, испытывающих жизненные трудности. В 1998 г. министр обороны маршал И.Д. Сергеев призвал офицеров «обратить пристальное внимание на решение вопросов, связанных с сиротами и беспризорниками» (*Птичкин С. Сироты в погонах* // *Российская газета*. 2008. 30 октября), и воинские части стали неофициально брать воспитанников. Так в армии появились «сыны полка» [1] нашего времени, и более того, в ряде частей были образованы целые «детские взводы» (*Прокопцов А. Сын полка Гречихин* // *Белгородские ведомости*. 2010. 10 мая). Они формировались преимущественно из беспризорников и детей из неблагополучных семей.

В начале 2000-х гг. данный вид устройства детей получил первое юридическое оформление. В соответствии с ч. 3 ст. 24 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (*Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы про-*

филактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3177) (далее — Закон о профилактике) «федеральные органы исполнительной власти и федеральные государственные органы, в которых законодательством Российской Федерации предусмотрена военная служба, принимают в пределах своей компетенции участие в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних путем зачисления детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в списки воинских частей в качестве воспитанников с согласия указанных несовершеннолетних, а также с согласия органов опеки и попечительства».

В Вооруженных Силах Российской Федерации порядок устройства, статус таких детей и другие основополагающие вопросы регулируются рядом нормативно-правовых актов (*Положение о зачислении несовершеннолетних граждан Российской Федерации в качестве воспитанников в воинские части и обеспечении их необходимыми видами довольствия* (утв. Постановлением Правительства РФ от 14 февраля 2000 г. № 124); *Положение о статусе воспитанников воинских частей* (утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 21 сентября 2000 г. № 745); *Приказ Министра обороны Российской Федерации от 19 мая 2001 г. № 235 «О мерах по выполнению в Вооруженных Силах Российской Федерации постановлений Правительства Российской Федерации от 14 февраля 2000 г. № 124 и от 21 сентября 2000 г. № 745»*). Вместе с тем за последние годы данная нормативно-правовая база практически не претерпела существенных изменений, вследствие чего правоприменительная практика сталкивается с рядом сложностей. Проблемными сторонами являются правовое регулирование: порядка реализации полномочий должностными лицами воинских частей по работе с воспитанниками, определение сущности, правовой природы договорных отношений, регулирующих устройство на воспитание несовершеннолетних в воинские части, вопросы правового статуса субъектов договора, понимание ответственности сторон по договору и многие другие положения [2, с. 39–45].

Несмотря на то, что положения международного права (*Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г., вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.)* // *Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI*) и Семейного кодекса Российской Федерации (п. 2 ст. 54) провозглашают принцип воспитания в семье приоритетным, тем не менее сегодня в нашей стране часть детей, оставшихся без попечения родителей, вынуждены проживать

в организациях для детей-сирот. Формы и порядок устройства таких детей регламентируются Семейным кодексом РФ, однако данный документ не охватывает все возможные варианты устройства нуждающихся детей. В нем не отображена такая значимая форма устройства, как «зачисление несовершеннолетних в воинские части в качестве воспитанников», хотя она легально предусмотрена Законом о профилактике.

Очевидно, что «зачисление несовершеннолетних в воинские части в качестве воспитанников» имеет единую правовую природу с группой форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей, не получивших в Семейном кодексе РФ четкого законодательного закрепления и имеющих в семейном праве наименование «иные формы устройства», определяющие порядок, условия воспитания, обучения и содержания детей, обеспечивающие защиту их прав и интересов. Легально применяемый к этому сложному и многоаспектному процессу термин «зачисление» является узким по содержанию, отражающим лишь один из процедурных элементов и в связи с необходимостью отражения сути деятельности нуждается в его замене на более точное определение «устройство на воспитание несовершеннолетних в воинские части в качестве воспитанников». Предлагается расширить систему организаций для устройства детей, оставшихся без попечения родителей, содержащихся в ст. 123 СК РФ, включив в нее в качестве системного элемента «воинскую часть, устраивающую на воспитание несовершеннолетних в качестве воспитанников» со статусом «социально-адаптационной, профилактической организации».

В Российской Федерации в условиях экономической нестабильности, спровоцированной в том числе последствиями пандемии коронавирусной инфекции COVID-19, увеличилось количество асоциальных и нестабильных семей, возрос уровень безработицы, увеличилось число беженцев и вынужденных переселенцев и т. д. К сожалению, последствия перечисленного негативно сказываются на детях. Сегодня государство столкнулось с остро стоящей проблемой, связанной с беспризорностью, безнадзорностью и, как следствие, преступностью несовершеннолетних, что подтверждается статистическими данными.

«Численность детей и подростков в возрасте до 18 лет, постоянно проживающих в России, по состоянию на 1 января 2020 г. составила 30 370 тыс. человек (по состоянию на 1 января 2016 г. — 29 014 тыс. человек). Участниками преступлений в 2019 г. стали 37,9 тыс. несовершеннолетних

(в 2016 г. — 48,6 тыс. человек, в 2017 г. — 42,5 тыс. человек, в 2018 г. — 40,8 тыс. человек), в том числе 28,5 тыс. несовершеннолетних, являвшихся учащимися, студентами (в 2016 г. — 35 тыс. человек, в 2017 г. — 31,5 тыс. человек, в 2018 г. — 30,6 тыс. человек). Несовершеннолетними и при их соучастии в 2019 г. совершено 41,5 тыс. преступлений (в 2016 г. — 53,7 тыс. преступлений, в 2017 г. — 45,3 тыс. преступлений, в 2018 г. — 43,5 тыс. преступлений). В конце 2019 г. на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел (далее — подразделения по делам несовершеннолетних) состояли 126,8 тыс. несовершеннолетних (в 2016 г. — 142,8 тыс. человек, в 2017 г. — 140,2 тыс. человек, в 2018 г. — 131 тыс. человек). Снизилась численность несовершеннолетних, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения (в 2016 г. — 6,7 тыс. человек, в 2017 г. — 5,4 тыс. человек, в 2018 г. — 4,8 тыс. человек, в 2019 г. — 4,4 тыс. человек), а также численность несовершеннолетних, совершивших преступления в состоянии наркотического опьянения (в 2016 г. — 0,5 тыс. человек, в 2017 г. — 0,3 тыс. человек, в 2018 г. — 0,2 тыс. человек, в 2019 г. — 0,1 тыс. человек).

Не теряет актуальности проблема повторной преступности несовершеннолетних, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях. В 2019 г. 2,8 тыс. человек (17,9%) из числа несовершеннолетних, состоявших на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, ранее привлекались к уголовной ответственности (в 2016 г. — 3,1 тыс. человек (15,5%), в 2017 г. — 2,9 тыс. человек (16,2%), в 2018 г. — 2,8 тыс. человек (16,6%), 3,9 тыс. человек (25%) осуждены за совершение тяжкого и особо тяжкого преступления (в 2016 г. — 5,5 тыс. человек (27,7%), в 2017 г. — 4,7 тыс. человек (26,2%), в 2018 г. — 4,2 тыс. человек (24,9%). На протяжении ряда лет сохраняется криминальная активность подростков младших возрастных групп. Так, в 2019 г. на учет в подразделениях по делам несовершеннолетних было поставлено 18,8 тыс. несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности вследствие недостижения возраста привлечения к уголовной ответственности. По сравнению с показателем 2016 г., их количество снизилось на 34,3% (28,6 тыс. человек)» (*Состояние системы безнадзорности и профилактики преступлений несовершеннолетних. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 18 марта 2021 г. № 656-п // [Электронный ресурс]: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202103200021> (дата обращения: 03.02.2022)*).

Не приходится сомневаться в том, что криминальная ситуация обуславливает необходимость интенсивного развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, ее совершенствования с учетом актуальных потребностей семьи, общества и государства. При этом нельзя игнорировать и такой правовой инструмент профилактики безнадзорности и правонарушений, как устройство на воспитание несовершеннолетних в воинские части.

Государство в лице компетентных органов использует комплекс мер правового, социального и административного воздействия для создания действенной превентивной системы, являющейся неотъемлемой частью государственной политики. Государство усердно пытается найти способы решения данной проблемы. Еще в 1999 г. был принят Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». В нем определили основные задачи и принципы работы в указанном направлении. Они заключаются в «предупреждении безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, выявлении и устранении причин и условий, способствующих этому; обеспечении защиты прав и законных интересов несовершеннолетних; социально-педагогической реабилитации несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении; выявление и пресечение случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений, других противоправных и (или) антиобщественных действий, а также случаев склонения к суицидальным действиям» (п. 1 ст. 2 Закона о профилактике).

Согласно данному закону, деятельность по профилактике безнадзорности и правонарушений основывается на принципах «законности, демократизма, гуманного обращения с несовершеннолетними, поддержки семьи и взаимодействия с ней, индивидуального подхода к несовершеннолетним с соблюдением конфиденциальности полученной информации, государственной поддержки деятельности органов местного самоуправления и общественных объединений по профилактике беспризорности и правонарушений несовершеннолетних, обеспечения ответственности должностных лиц и граждан за нарушение прав и законных интересов несовершеннолетних» (п. 2 ст. 2 Закона о профилактике).

Следует подчеркнуть, что для решения проблемы беспризорности, безнадзорности и сиротства главенствующая роль отводится государству, а именно его эффективной и планомерной работе.

При этом существенный вклад в решение описываемых вопросов вносит армия путем создания специализированных военно-учебных заведений, деятельность которых направлена на воспитание и обучение несовершеннолетних, в том числе и попавших в тяжелую жизненную ситуацию. Помимо зачисления детей-сирот в списки воинских частей в качестве воспитанников, государственные органы, в которых законодательством РФ предусмотрена военная служба, участвуют в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в форме военно-патриотического воспитания граждан, курируя военно-патриотические молодежные и детские объединения (*Постановление Правительства РФ от 24 июля 2000 г. № 551 «О военно-патриотических молодежных и детских объединениях» (с изменениями и дополнениями) // СЗ РФ. 2000. № 31. Ст. 3292*). Примером такого объединения является «Юнармия» – российское детско-юношеское движение, основной целью которого является всестороннее развитие и патриотическое воспитание россиян от 8 лет. В настоящее время в системе среднего военного образования действуют 22 заведения, курируемых Министерством обороны. Среди них – 7 президентских кадетских училищ, 8 суворовских училищ, 4 кадетских корпуса, а также 1 нахимовское морское училище, 1 военномызыкальное и 1 пансион воспитанниц МО РФ для девушек.

В этих заведениях большое внимание уделяется патриотическому настрою учащихся, также делается акцент на выработку основополагающих человеческих качеств выпускника, которые позволяют ему по окончании обучения самому стать примером и образцом для окружения. Главной целью образования в кадетских учебных и образовательных учреждениях является довузовская подготовка будущих специалистов в России и для России. Задачами обучения и воспитания является интеллектуальное, культурное, физическое и нравственное развитие детей, их адаптация к жизни в обществе, подготовка базы для несовершеннолетних граждан к служению Родине на военном поприще.

Основными отличительными особенностями указанных учебных заведений являются: система воспитания, которая основана на традициях русской армии и в первую очередь на традициях взаимоотношений равных, старших и младших, уважения и подчинения, выражения собственного мнения и учета мнений товарищей. Воспитание в воинском коллективе закрытого интернатного типа с регламентированной системой жизнедеятельности.

тельности основывается не только на организации и строгом соблюдением воинских ритуалов, полном выполнении всех основных требований внутренней службы, определяемых воинскими уставами, но происходит с учетом возрастной психологии детей. В данных учреждениях (заведениях) с раннего возраста закладывается понятие чувства ответственности за свои поступки. По опыту работы таких заведений видно, что благодаря программам образования, на которых основывается подготовка, в сочетании с четко организованной системой самостоятельной работы и постоянным контролем уровня знаний по окончании пребывания в них воспитанник способен определить направление дальнейшего обучения и службы.

Естественно, пребывание ребенка в подобных заведениях является в том числе весьма перспективной формой профилактики безнадзорности и беспризорности. Но, к сожалению, не все дети имеют возможность быть зачисленными. Это обусловлено такими факторами, как отсутствие интереса и желания или элементарного знания об армейской жизни и ее возможном влиянии на несовершеннолетнего у близких родственников. В конце концов, самой распространенной причиной является отсутствие мест, так как зачисление происходит на основании конкурса.

Одной из лучших альтернатив кадетским и суворовским училищам является воспитание ребят при воинских частях. Как показал практический опыт изучения описываемого вопроса, такое воспитание ничем не уступает, а в некотором даже превосходит вышеописанные учебные заведения. Неоспоримым преимуществом зачисления несовершеннолетних в воинские части в качестве воспитанников является то, что ребенок уже с 14 лет живет в военных условиях, его быт и жизнь практически ни чем не отличаются от условий военнослужащих по призыву, то есть он знаком со многими «тяготами и лишениями военной службы» изначально и готов к их преодолению в дальнейшем. Что касается ребят, вышедших из кадетских и суворовских училищ, они не всегда готовы столкнуться с суровыми военными условиями после выпуска из заведений, и зачастую стресс, вызванный несовпадением жизни в стенах училища с военными реалиями, не способствует продолжению карьеры военнослужащего.

Подтвержденным достоинством зачисления несовершеннолетних в воинские части в качестве воспитанников является помощь органам опеки и попечительства в отношении устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, живущих в отдаленных гарнизонах

страны и не имеющих возможности при желании поступить в описываемые учебные заведения ввиду отсутствия таковых в принципе и большого конкурса на место в городах.

В период нахождения несовершеннолетнего в статусе воспитанника воинской части, помимо изучения общеобразовательной программы в школе, в воинских частях с детьми проводят занятия, где их знакомят с основными нормативно-правовыми актами об обороне, основах военной службы, они изучают военно-исторические материалы, материалы о культурном наследии Российской Федерации. Воспитанники получают первичные знания, умения и навыки по основным разделам общевойсковой подготовки, куда включены изучение общевойсковых уставов, строевая, огневая, специальная, тактическая, автомобильная подготовка. Большое внимание уделяется физической, медико-санитарной подготовке и основам гражданской обороны.

Полученная воспитанниками база знаний способствует военно-профессиональной ориентации, теоретической и практической готовности к военной службе в Вооруженных Силах Российской Федерации и других силовых структурах. Данный объем информации способствует формированию у несовершеннолетних высокого патриотического сознания, готовности отстаивать гражданскую и конституционную обязанность в отношении защиты национальных интересов Родины.

Сегодня в разных уголках Российской Федерации в качестве воспитанников зачислено совсем не большое количество ребят. В воинские части, в том числе находящиеся в отдаленных гарнизонах, ежегодно поступают ходатайства от организаций и граждан с просьбами принять несовершеннолетних на воспитание, но нехватка финансирования, отсутствие штата квалифицированных офицеров, ограниченное количество мест (разрешено содержание не более 8 детей) и множество иных проблем не позволяют сделать описываемое явление массовым.

Число воинских частей, которые уже имеют своих несовершеннолетних воспитанников, весьма ограничено. Тем не менее включение воинских частей и военных образовательных организаций высшего образования в систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в качестве неспециализированных субъектов профилактики отвечает насущным требованиям современности и позволяет надеяться на то, что попытка воспроизведения на практике того положительного опыта зачисления детей-сирот в качестве сынов полков, который был широко

распространен в период Великой Отечественной войны (разумеется, с учетом новых исторических реалий), окажется удачной.

Исходя из своего предназначения, военная организация государства может и должна внести свой посильный вклад в профилактическую работу с несовершеннолетними, в решение проблем подростковой безнадзорности и профилактики правонарушений среди несовершеннолетних, что позволит российскому обществу и государству, используя отечественные традиции воспитательной деятельности в социуме, справиться с негативными тенденциями в деле сохранения подрастающего поколения для его созидательной работы на благо Отечества.

Таким образом, в настоящее время, помимо выполнения основных задач, возложенных на Вооруженные Силы, по подготовке к вооруженной защите Российской Федерации, воинская часть способна эффективно содействовать в решении важнейшей государственной социально-значимой проблемы, заключающейся в профилактике безнадзорности и правонарушений

несовершеннолетних, посредством зачисления детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в списки воинских частей в качестве воспитанников. Воинскую часть следует признать элементом системы профилактики правонарушений, а зачисление детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в списки воинских частей в качестве воспитанников — формой профилактического воздействия с высокой степенью обеспечения гарантий защиты прав воспитанников, направленной на социальную адаптацию находящихся в трудной жизненной ситуации безнадзорных и беспризорных несовершеннолетних.

В связи с этим представляется необходимым дополнить п. 3, ст. 24 «Социальная адаптация» Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» подп. 3.5 в следующей редакции: «Обеспечение социальной адаптации осуществляется посредством: ... 5) устройства на воспитание несовершеннолетних в воинскую часть в качестве воспитанников».

Литература

1. Катаев В.П. Сын полка. М.: Азбука-Аттикус, 2017. 256 с.
2. Бибикова (Овсянникова) Ю.В. Проблемы правового регулирования воспитания несовершеннолетних граждан при воинских частях Вооруженных Сил Российской Федерации // Военное право. 2014. № 2. С. 39–45.

References

1. Kataev V.P. Syn polka [Son of the regiment]. Moscow, Azbuka-Attikus Publ., 2017. 256 p.
2. Bibikova (Ovsyannikova) Yu.V. Problemy pravovogo regulirovaniya vospitaniya nesovershennoletnikh grazhdan pri voinskikh chastyakh Vooruzhennykh Sil Rossiiskoi Federatsii [Problems of legal regulation of the education of minors in military units of the Armed Forces of the Russian Federation]. *Voennoe pravo [Military law]*, 2014, no. 2, pp. 39–45. (In Russian)

ДЕТЕРМИНАНТЫ РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖИ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕМУ

Берндт Анастасия Анатольевна

Цель: дать комплексный анализ детерминант розничной продажи алкогольной продукции несовершеннолетнему на общесоциальном, социально-психологическом и психологических уровнях.

Методология: непосредственные аналитические выводы в работе произведены на основе методов анализа, синтеза, гипотезы, обобщения, а также частнонаучных методов: статистического и социологического. Статистический метод использован для количественно-качественной характеристики розничной продажи алкогольной продукции несовершеннолетнему, анализа социально-демографической характеристики осужденного по ст. 151¹ УК РФ, иной противоправной деятельности в сфере розничной продажи; иных социальных процессов и явлений.

Социологический опрос мировых судей Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (60 чел.) проведен с целью изучения проблем, связанных с соблюдением запрета на продажу алкогольной продукции несовершеннолетнему, причин, порождающих данные противоправные деяния, адвокатов, защищавших осужденных по ст. 151¹ УК РФ (150 чел.), – для изучения мотива совершения преступления. Анализ документов применен для изучения уголовных дел по ст. 151¹ УК РФ (251 приговор), противоправных деяний и иных общественных явлений.

Выводы. Негативные процессы социально-экономического, политического и духовно-нравственного характера формируют социально-криминогенную среду в деятельности участников розничного рынка алкоголя, создавая почву для возникновения преступной мотивации продавца, реализующего алкоголь несовершеннолетнему. На процесс формирования его преступной мотивации огромное влияние оказывает семейная десоциализация, в процессе которой у личности не возникает такой общественно значимый ориентир, как забота о будущем молодежи. Процесс десоциализации личности продолжается в профессиональной деятельности. Под воздействием социально-криминогенной среды формируется преступная мотивация для совершения данного преступления. При этом корыстный мотив продавца имеет особенность и заключается в желании утверждения, сохранения или улучшения своего материального положения за счет незаконной продажи алкоголя несовершеннолетнему. Вместе с тем к совершению преступления его провоцирует сам несовершеннолетний. Он выступает активным участником в механизме данного преступления и создает конфликтную ситуацию. Однако у продавца возникает желание ухода от конфликта в силу эмоционального равнодушия (апатии).

Научная и практическая значимость. Данное исследование является основой для разработки предложений по профилактике розничной продажи алкогольной продукции несовершеннолетнему с учетом детерминант такого деяния.

Ключевые слова: алкогольная продукция, несовершеннолетний, преступление, корыстный мотив, общесоциальные, социально-психологические и психологические детерминанты, социально-криминогенная среда.

Одним из центральных вопросов в криминологии является вопрос о причинах, порождающих преступную деятельность. Особенно остро стоит вопрос относительно преступлений, которые

долгое время не рассматривались преступными с позиции общества и государства. Кроме того, их криминализация до сих пор носит дискуссионный характер среди исследователей.

К такому преступному деянию относится розничная продажа алкогольной продукции несовершеннолетним, совершенная неоднократно (ст. 151¹ УК РФ). Данный состав преступления был введен в Уголовный кодекс РФ 21 июля 2011 г. Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер по предотвращению продажи несовершеннолетним алкогольной продукции» (СЗ РФ. 2011. № 30 (часть 1). Ст. 4601). Криминали-

зация указанного деяния была обусловлена ростом алкоголизации среди несовершеннолетних, где одной из причин являлась доступность алкогольной продукции несовершеннолетним в розничной сети. Данная мера наряду с другими мерами профилактики алкоголизации молодого поколения является вполне успешной, что подтверждается следующими данными. Так, согласно данным статистики, заболеваемость детей в возрасте от 15–17 лет алкоголизмом составляет:

Год	2005	2010	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Чел.	1283	482	155	134	115	96	67	41	137	38

Год	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Тыс. чел.	38,2	35,9	16,7	14,4	11,2	9,5	8,5	6,1

Взяты на профилактический учет в связи с употреблением с вредными последствиями алкоголя тыс. человек:

(Здравоохранение в России, 2019 // [Электронный ресурс]: URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Zdravoohran-2019.pdf> (дата обращения: 23.01.2020); Здравоохранение в России, 2021 // [Электронный ресурс]: URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Zdravoohran-2021.pdf> (дата обращения: 11.01.2022)).

Вместе с тем особенность лиц, совершающих преступление, предусмотренное ст. 151¹ УК РФ, выражается в том, что данное преступление совершается преимущественно лицами женского пола, среднего возраста (39–40 лет), работающими в сфере торговли в качестве продавца, кассира, имеющими среднее или средне-специальное образование, постоянно проживающими в местности, где совершаются преступления, состоящими или ранее состоявшими в браке, ранее не судимыми (Данные судебной статистики // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 21.03.2021)).

Анализ личности, совершающей розничную продажу алкогольной продукции несовершеннолетним, позволяет сделать вывод, что она не обладает ярко выраженными криминальными признаками. Напротив, она вовлечена в социально-полезные связи (трудозанятость, семейные отношения, постоянное местожительство). Соответственно данная личность имеет огромный потенциал для стимулирования ее к добросовестной деятельности, для чего необходима эффективная система профилактики, разработанная с учетом детерминант рассматриваемого преступления.

Розничная продажа алкогольной продукции несовершеннолетнему, как и любые виды преступной деятельности, детерминирована комплексом причин на общесоциальном, социально-психологическом и психологических уровнях.

Общесоциальные детерминанты розничной продажи алкогольной продукции несовершеннолетнему, как и преступности в целом, обусловлены социальными процессами и явлениями, протекающими в обществе, и во многом являются результатом их социально-экономических, политических, идеологических и духовно-нравственных противоречий [1, с. 55–80; 2, с. 5–14]. Эти противоречия оказывают непосредственное влияние на все стороны жизнедеятельности социума, включая профессиональные сферы [3, с. 151]. Так, негативные процессы и явления отразились на социально значимой деятельности предпринимательского сообщества в торговой сфере, вызвали отклонения от одобряемых обществом ценностей у ее представителей, оказали на них криминогенное воздействие.

В качестве экономических детерминант выступили избыточные ограничения на розничную продажу алкогольной продукции, влекущие рост нелегального рынка алкогольной продукции и иной противоправной деятельности, где для реализации такого алкоголя оказываются втянутыми рядовые работники объектов торговли.

Наиболее уязвимыми оказались индивидуальные предприниматели в сфере розничной продажи алкогольной продукции. Так, в 90-е гг. они в сфере торговли показали наибольшую предпринимательскую активность. Как на дрожжах росли коммерческие магазины, в подавляющем

большинстве торговавшие алкогольной продукцией без каких-либо правил и ограничений. По мере развития государственного регулирования правил оборота алкогольной продукции, а также роста более крупных субъектов предпринимательства (торговых сетей), произошел существенный регресс в развитии индивидуального предпринимательства в сфере розничной торговли. Этот процесс особо обострился с 2006 г., когда для индивидуальных предпринимателей был введен запрет на продажу крепкого алкоголя. В соответствии

с п. 1 ст. 16 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4553) индивидуальный предприниматель мог реализовывать исключительно пиво, пивные напитки, сидр, пуаре, медовуху. Действительно количество индивидуальных предпринимателей, осуществляющих розничную торговлю, ежегодно уменьшается:

Год	2005	2010	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Тыс. ед.	1448,3	1769,0	1442,8	1437,1	1418,7	1384,7	1294,3	1258,2	1191,4

(Число хозяйствующих субъектов розничной торговли // [Электронный ресурс]: URL: <https://gks.ru/>

folder/23457 (дата обращения: 21.12.2020)). Количество супермаркетов, напротив, ежегодно увеличивается:

Год	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Ед.	10941	14405	16478,9	18430	20939	21166,8

(Количество объектов розничной торговли. Витрина статистических данных // [Электронный ресурс]: URL: <https://showdata.gks.ru/report/273634/> (дата обращения: 01.08.2020)).

В предложениях Минпромторга России по оптимизации государственного регулирования розничной продажи алкогольной продукции в целях легализации оборота алкоголя (Протокол от 28 апреля 2017 г. № 40-ОФ // [Электронный ресурс]: URL: https://depeconom.admhmao.ru/upload/iblock/e61/document_3.pdf (дата обращения: 05.03.2021)) отмечено, что реализация алкоголя дает возможность магазинам продавать низкомаржинальные социально значимые продукты питания, такие как овощи, колбаса, молоко, хлеб и др. по доступным ценам. Алкоголь дает приблизительно 40–50% оборота магазина «у дома». Примерно такое же соотношение наблюдается в других странах мира, что является нормальной практикой. Невозможность продажи алкоголя означает, что магазин не может обеспечить окупаемость. В результате магазины либо торгуют алкоголем нелегально, либо вовсе прекращают свою деятельность.

Те предприниматели, которые пытаются выжить, конкурируя с торговыми сетями, сознательно идут на нарушения правил розничной продажи алкогольной продукции (например, розничная продажа алкогольной продукции без лицензии и (или) без маркировки, розничная продажа несовершеннолетнему алкогольной продукции, розничная продажа алкогольной продукции в торговом объекте общественного питания, ко-

торый оборудован исключительно для розничной продажи алкогольной продукции (торговля в «псевдообщепите») (Публичное обсуждение правоприменительной практики контрольно-надзорной деятельности Департамента экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры за 2018 г. // [Электронный ресурс]: URL: <https://depeconom.admhmao.ru/regionalnyy-gosudarstvennyy-kontrol-nadzor/pravoprimenitelnaya-praktika/pravoprimenitelnaya-praktika-za-2019-god/2641222/doklad-13-03-2019> (дата обращения: 11.05.2020)). При этом вовлеченными оказываются и его работники по найму.

Данные негативные экономические процессы формируют социально-криминогенную среду [4, с. 39; 5, с. 36–37; 6, с. 199–201; 7, с. 74–81; 8, с. 9] в деятельности индивидуального предпринимателя, которая становится для него и его работников источником противоправного поведения, в том числе совершения преступления, предусмотренного ст. 151¹ УК РФ. Так, анализ 251 уголовного дела, возбужденного по ст. 151¹ УК РФ, показывает, что к уголовной ответственности в основном привлекаются работники, осуществляющие трудовую деятельность у индивидуальных предпринимателей (146 осужденных осуществляли трудовую деятельность у индивидуального предпринимателя, 77 – в небольших магазинах, имеющих статус юридического лица, 8 – в павильонах, 2 – в торговых сетях, 2 – в барах, закусочных, 16 – данные обезличены). Анкетирование мировых судей также показало, что к уголовной ответственности привлекались преи-

мущественно продавцы, работающие у индивидуальных предпринимателей (97,5% опрошенных), продавцы павильонов, киосков, палаток (60%). Значительно меньше – бармены, официанты ресторанов, пунктов общественного питания (15%). В единичных случаях были привлечены продавцы минимаркетов (7,5%), курьеры (5%). Продавцы торговых сетей в качестве подсудимых мировыми судьями отмечены не были.

Розничная продажа алкогольной продукции несовершеннолетним детерминирована и политическими причинами. В России до сих пор отсутствует системное, сбалансированное законодательство. Все это порождает проблемы управленческого характера в деятельности органов государственной власти, а также оппортунистическое поведение в предпринимательской среде в связи с кризисом доверия к действиям государственной власти. Так, ежегодно в Российской Федерации принимается порядка 20 000 нормативных правовых актов, несколько тысяч из которых непосредственно затрагивают вопросы ведения предпринимательской деятельности. Качество таких актов в связи с огромной скоростью их выпуска является достаточно низким и влечет за собой прирост значительного числа подзаконных актов. Результатом регулярного пересмотра установленных норм, невозможности их соблюдения и даже прогнозирования хотя бы на среднесрочную перспективу становится тотальный кризис доверия к действиям исполнительной и законодательной ветвей власти (Голодникова А.Е., Ефремов А.А., Соболев Д.В. и др. *Регуляторная политика в России: основные тенденции и архитектура будущего* // [Электронный ресурс]: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regulyatornaya-politika-v-rossii-osnovnyetendentsii-i-arhitektura-buduschego> (дата обращения: 01.08.2021)).

Кроме того, политические причины кроются в слабом превентивном законодательстве за совершение противоправных деяний в сфере оборота алкогольной продукции.

Отсутствие действенного превентивного законодательства порождают проблемы организационного характера в системе государственной власти. Это в первую очередь бюрократизация общественной жизни, разрастание государственного аппарата, попытка государства регулировать общественные отношения с помощью силовых, волевых, а подчас волюнтаристических, научно необоснованных решений [9, с. 104–107].

Особо чувствительным для предпринимательства является отсутствие эффективной системы государственного контроля на рынке алкоголя,

подрывающего правовую основу законопослушания участников рыночных отношений ввиду его выборочного характера, а также отсутствие эффективных методов противодействия теневому рынку алкоголя со стороны государства.

Существующая система контроля, основанная исключительно на методах принуждения, ее выборный характер создают почву для злоупотребления и коррупции со стороны контролирующих органов. Так, в выступлении Генерального прокурора Российской Федерации Ю. Чайки от 5 июля 2017 г. было указано на то, что уже более 10 лет органами прокуратуры осуществляются мероприятия по защите бизнеса. Только за последние два с половиной года пресечено около 150 тыс. нарушений в этой сфере, прокурорами отклонено почти 900 тыс. необоснованных заявлений контролирующих органов о проведении проверок (*О ходе реализации приоритетной программы «Реформа контрольной и надзорной деятельности»*. Селекторное совещание // [Электронный ресурс]: URL: <http://government.ru/news/28307/> (дата обращения: 20.02.2021)).

Отсутствие эффективной системы государственного контроля в области производства и оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции, сводившейся исключительно к государственному принуждению, а не стимулированию добросовестного поведения участников рынка, подрывает правовую основу законопослушания участников рыночных отношений, что только способствует укреплению социально-криминального пространства в сфере торговли. Соответственно, предприниматели, продавцы, реализующие алкогольную продукцию, заинтересованные в получении высокой прибыли, идут на совершение противоправных деяний, полагая избежать наказания ввиду выборочного характера контроля государственных органов и его коррупционного характера, а также отсутствия эффективных методов противодействия теневому рынку алкоголя со стороны государства.

Социальные причины розничной продажи алкогольной продукции несовершеннолетним кроются в слабом развитии социально ориентированного предпринимательства, незаинтересованного в надлежащей социальной защите наемных работников сферы торговли, являющихся наиболее социально неустроенной группой населения, готовой к противоправной деятельности в обмен на материальные поощрения.

Резкое расслоение населения по уровню жизни, низкий уровень материального обеспечения большей части населения породили массу про-

фессий, которые стали непрестижными в силу их низких доходов либо малопривлекательных и тяжелых условий труда.

Появляется новый класс собственников, представителей спекулятивно-ростовщического бизнеса, также творцы рекламного и шоу-бизнеса, многочисленные дизайнеры, продуцирующие досуговый авангард постмодерна (*Панарин А.С. Народ без элиты: между отчаянием и надеждой // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2001&n=11&id=5> (дата обращения: 05.09.2021)*). На их фоне рабочие профессии приобретают статус профессий-изгоев, предназначенных для неудачников, к коим, по их мнению, относится большая часть российского общества, оказавшегося неприспособленным к рыночным отношениям.

К таковым стала относиться профессия продавца, поскольку является малоквалифицированной, физически и эмоционально тяжелой, рутинной. Так, по данным судебной статистики, основную группу лиц, совершающих преступления, предусмотренные ст. 151¹ УК РФ, совершали лица из группы «рабочие», на которых приходится весь груз тяжелого труда.

Кроме того, профессия продавца традиционно является женской сферой занятости. Исследователи отмечают, что именно преимущественно женские профессии оказались менее престижными, благодаря данной дифференциации в уровне доходов [10, с. 31].

Отсутствие социальной стабильности в обществе обуславливает слабое развитие социально ответственного бизнеса, направленного не только на получение прибыли за счет использования труда наемного работника, но и способного на соблюдение социально-экономических прав работника.

Кроме того, возникшие социальные противоречия в обществе обостряются на фоне массовой алкоголизации населения. Как подчеркнуто в Концепции реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 г., в России к началу 1990-х гг. потребление учтенной алкогольной продукции на душу населения составило 5,4 литра в год, а к 2008 г. оно возросло до 10 литров, то есть в 1,8 раза. С учетом нелегальной продукции фактическое потребление алкоголя на душу населения составляло около 18 литров в год (*СЗ РФ. 2010. № 2. Ст. 264*).

Негативные социальные и экономические противоречия в обществе обусловили и негативные

процессы в идеологической сфере. Россия отказалась от пропаганды и агитации советских идей построения социального общества на основе всеобщего равенства и коллективизма, создав почву для неконтролируемого насаждения либеральной идеологии, пропагандирующей приоритет интересов отдельной личности над интересами общества, право на индивидуалистическую мораль, права агрессивного маргинального меньшинства и т. д. [11, с. 253].

Данные негативные процессы формируют социально-криминогенную среду в деятельности участников розничного рынка алкоголя, создают социальную основу для втягивания их в сферу криминальной деятельности, формируют почву для формирования преступной мотивации продавца, реализующего алкоголь несовершеннолетнему.

Доминирование системы либеральных ценностей над консервативными губительным образом сказалось на таких традиционных ценностях, как семья и материнство [12, с. 49]. Для женщины на первый план вышла карьера, потребность к зарабатыванию любыми способами.

Под влиянием новых либеральных ценностей продавцы алкоголя, являющиеся преимущественно женщинами, пренебрегают интересами будущего поколения, совершая противоправные деяния. При этом многие из них имеют семьи, воспитывают детей. Однако это уже не является сдерживающим фактом в формировании деформированного отношения к правам несовершеннолетнего как ценности. Так, на вопрос анкетирования о том, не вызывает у вас недоумение тот факт, что в большинстве случаев к уголовной ответственности привлекались лица женского пола, 45% опрошенных мировых судей ответили положительно, мотивируя тем, что это противоречит роли женщины в обществе; 55% ответили отрицательно, поскольку в современном мире практически стерты гендерные различия.

Анализ социально-психологических детерминант розничной продажи алкогольной продукции несовершеннолетнему предполагает изучение малых социальных групп (семья, учебное заведение, профессиональная среда, сфера досуга, неформальное окружение), в которых формируется личность.

Криминологи, бесспорно, отмечают огромную роль семьи в формировании личности. Вместе с тем социально-экономические процессы негативно сказались на состоянии данного института, в результате чего произошло значительное снижение его антикриминогенного потенци-

ала. Напротив, стали более активно развиваться процессы семейной десоциализации (бесконтрольность со стороны семьи за формированием личности ребенка, создание внутрисемейных конфликтов, алкоголизм, наркомания и т. д.). Особенно негативным образом разрушительные процессы затронули традиционную роль женщины в семье, привели к деформации ее ценностных ориентиров, где семья, материнство и детство, а также подрастающее поколение перестали рассматриваться в качестве приоритетных. Так, женщинам, осужденным по ст. 151¹ УК РФ, как указывает социально-демографическая характеристика (на основе анализа статистических карточек на подсудимого), не чужды брачно-семейные отношения. Многие имеют семьи, несовершеннолетних детей. Вместе с тем у них такая нравственная установка, как забота о подрастающем поколении, оказалась не сформирована либо деформирована.

Процесс десоциализации личности продолжается в немотивированной и непрестижной профессиональной деятельности, которая не свободна от криминальных форм поведения.

Во имя получения большей прибыли собственники прибегают к противоправной деятельности, включая преступные формы поведения. Недаром исследователи сферу потребительского рынка определяют как наиболее криминализированный сектор теневой экономики [13, с. 220–221]. В данном секторе сбывается львиная доля контрафактной продукции, в первую очередь алкоголь, используются схемы ухода от налогов. Такая социально-криминогенная среда негативно влияет на участников розничного рынка алкоголя, оказывая непосредственное влияние на формирование преступной мотивации продавца, реализующего алкоголь несовершеннолетнему.

При этом собственник торгового объекта с целью снижения для себя затрат существенно нарушает трудовые и социальные права работников, создавая социальную основу для втягивания их в сферу криминальной активности.

В результате чего под воздействием социально-криминогенной среды формируется преступная мотивация для совершения преступления, предусмотренного ст. 151¹ УК РФ.

Изучение психологических детерминант конкретных преступлений, предусмотренных ст. 151¹ УК РФ, позволяет выявить специфику преступной мотивации продавца розничной продажи алкогольной продукции. Анализ приговоров по ст. 151¹ УК РФ позволяет говорить о корыстном мотиве лиц, их совершивших.

Вместе с тем продавец, реализуя алкоголь несовершеннолетнему, непосредственно не получает от таких действий доход, поскольку его получает собственник. При интервьюировании адвокатов, осуществляющих защиту лиц, продававших алкоголь несовершеннолетним, отмечалось, что их подзащитные, продавая алкоголь несовершеннолетним, полагали, что этим они заслужат особое материальное поощрение у собственников. Кроме того, в качестве мотива они отмечали, что преступные действия продавца были обусловлены страхом утраты работы, поскольку она является источником существования, боялись разозлить собственника, вызвать неудовольствие работодателя. Таким образом, корыстный мотив продавца необходимо трактовать как желание утверждения, сохранения или улучшения своего материального положения (повышение заработка, получение одобрения работодателя, сохранение работы) за счет незаконной продажи алкоголя несовершеннолетнему.

Однако преступная мотивация становится следствием преступления лишь при наличии ситуации совершения преступления, которая является проблемной. В качестве такой проблемной ситуации стоит рассматривать особенность реакции продавца на поведение потерпевшего, который сам создает криминогенную обстановку, провоцирующую виновного на совершение преступления [14, с. 66]. Несовершеннолетний, приобретая алкогольную продукцию, в силу объективных причин выступает активным участником в механизме данного преступления. Он осознанно имеет целью приобретение алкоголя, несмотря на наличие запрета на такую продажу.

Продавец в соответствии с законом является активным участником в охране прав несовершеннолетнего на здоровый образ жизни и всеми способами должен противодействовать желанию подростка в приобретении алкоголя. Продавец обязан идти на конфликтную ситуацию, отказываясь продать алкоголь несовершеннолетнему.

Однако при совершении преступления, предусмотренного ст. 151¹ УК РФ, у продавца возникает желание ухода от конфликта в силу эмоционального равнодушия или дистанцирования (апатии).

Уход от конфликта сохраняет продавцу эмоциональные силы, позволяет уйти от дополнительных эмоциональных переживаний, но при этом получить дополнительное материальное поощрение или сохранить свой материальный статус. Кроме того, в понимании продавца, такой конфликт будет не одобрен работодателем,

поскольку он требует обеспечить необходимую выручку.

Подводя итог вышеизложенного, следует выделить следующие детерминанты рассматриваемого преступления.

На социальном уровне к ним можно отнести:

– избыточные ограничения на розничную продажу алкогольной продукции, влекущие рост нелегального рынка алкогольной продукции и иной противоправной деятельности, где для реализации такого алкоголя оказываются втянутыми рядовые работники объектов розничной торговли;

– отсутствие системного, сбалансированного законодательства, слабое превентивное влияние юридической ответственности за совершение противоправных деяний в сфере оборота алкогольной продукции, порождающее проблемы управленческого характера в деятельности органов государственной власти, а также оппортунистическое поведение в предпринимательской среде в связи с кризисом доверия к действиям государственной власти;

– отсутствие эффективной системы государственного контроля на рынке алкоголя, подрывающего правовую основу законопослушания участников рыночных отношений ввиду его выборочного и коррупционного характера, а также отсутствие (слабое развитие) эффективных методов противодействия теневому рынку алкоголя со стороны государства;

– слабое развитие социально ориентированного предпринимательства, заинтересованного в надлежащей социальной защите наемных ра-

ботников сферы торговли, являющихся наиболее социально неустроенной группой населения и готовой к противоправной деятельности в обмен на материальные поощрения;

– переоценка ценностей в современном обществе, возникшая под воздействием либеральных идей и провозглашающая приоритет личного интереса над общественным, в результате чего сиюминутные корыстные интересы продавца становятся выше интересов общества в воспитании здорового молодого поколения как основы его дальнейшего существования.

На социально-психологическом уровне можно выделить следующие детерминанты:

– семейная десоциализация, в процессе которой у личности не формируются такие общественно значимые ориентиры, как забота о будущем молодого поколения;

– социально-криминогенная среда, создаваемая собственником торгового объекта с целью снижения издержек своей предпринимательской деятельности.

На психологическом уровне к ним относятся:

– особенность корыстной мотивации продавца, выражающейся в сохранении или улучшении своего материального положения за счет незаконной продажи алкоголя несовершеннолетнему;

– особенность реакции продавца на провокационное поведение несовершеннолетнего, где он вместо активного противодействия последнему в силу эмоциональной отстраненности сознательно выбирает позицию ухода от конфликта, продавая ему алкоголь.

Литература

1. *Кудрявцев В.Н.* Причины преступности в России. Криминологический анализ. М.: Норма, 2006. 110 с.
2. *Прозументов Л.М., Шеслер А.В.* Общесоциальные детерминанты преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 1. С. 5–14.
3. *Прозументов Л.М., Шеслер А.В.* Криминология. Общая часть: учеб. пособие. Томск: ИД Томск. гос. ун-та, 2017. 284 с.
4. *Шеслер А.В.* Криминологическая характеристика и профилактика профессиональной преступности: учеб. пособие. Тюмень: Тюмен. юрид. ин-т МВД РФ, 2004. 61 с.
5. *Шеслер А.В.* «Серые зоны» как объект криминологического исследования // Актуальные проблемы государства и права в современный период. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. Ч. 3. С. 36–37.
6. *Шеслер А.В.* Криминологическое понятие «серых зон» // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе. Красноярск: Краснояр. высш. шк. МВД России, 1999. Ч. 1. С. 199–201.
7. *Булатов Р.М., Шеслер А.В.* «Серые зоны» как результат процесса криминализации современного социума // Мониторинг законодательства Республики Татарстан. Вып. 1. Казань, 1999. С. 74–81.
8. *Абакумова О.А.* Криминологические аспекты налоговой преступности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Тюмень, 2010. 25 с.
9. *Шадрин О.Ю.* Коррупция как элемент организованной преступности: юридическая природа и основные причины // Вестник СевКавГТИ. 2017. Вып. 3 (30). С. 104–107.

10. Шеслер А.В. Криминологическая характеристика и профилактика женской преступности: учеб. пособие. Тюмень: Тюмен. юрид. ин-т МВД России, 2008. 95 с.
11. Номоконов В.А. Причины преступности в современной России: проблема обостряется // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 2. С. 247–257.
12. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. 49 с.
13. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности. Теоретический и прикладной анализ: монография. Ч. 1. М.: Юрлитинформ, 2015. 330 с.
14. Антопян Ю.М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления: учебное пособие. М.: Акад. МВД СССР, 1973. 70 с.

References

1. Kudryavtsev V.N. Prichiny prestupnosti v Rossii. Kriminologicheskii analiz [Causes of crime in Russia. Criminological analysis]. Moscow, Norma Publ., 2006. 110 p. (In Russian)
2. Prozumentov L.M., Shesler A.V. Obshchesotsial'nye determinanty prestupnosti [General social determinants of crime]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal (All-Russian Criminological Journal)*, 2018, v. 12, no. 1, pp. 5–14. (In Russian, abstract in English)
3. Prozumentov L.M., Shesler A.V. Kriminologiya. Obshchaya chast': ucheb. posobie [Criminology. General part: study guide]. Tomsk, Tomsk. gos. un-ta Publ., 2017. 284 p. (In Russian)
4. Shesler A.V. Kriminologicheskaya kharakteristika i profilaktika professional'noi prestupnosti: ucheb. posobie [Criminological characteristics and prevention of professional crime: textbook]. Tyumen', Tyumen. jurid. in-t MVD RF Publ., 2004. 61 p. (In Russian)
5. Shesler A.V. “Serye zony” kak ob’ekt kriminologicheskogo issledovaniya [“Gray zones” as an object of criminological research]. In *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava v sovremennyi period [Actual problems of state and law in the modern period]*. Tomsk, Tom. un-ta Publ., 1998, part 3, pp. 36–37. (In Russian)
6. Shesler A.V. Kriminologicheskoe ponyatie “serykh zon” [Criminological concept of “gray zones”]. In *Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu v Sibirskom regione [Actual problems of combating crime in the Siberian region]*. Krasnoyarsk, Krasnoyar. vyssh. shk. MVD Rossii Publ., 1999, part 1, pp. 199–201. (In Russian)
7. Bulatov R.M., Shesler A.V. “Serye zony” kak rezul'tat protsessa kriminalizatsii sovremennogo sotsiuma [“Gray zones” as a result of the process of criminalization of modern society]. In *Monitoring zakonodatel'stva Respubliki Tatarstan [Monitoring of the legislation of the Republic of Tatarstan]*. Issue 1. Kazan', 1999, pp. 74–81. (In Russian)
8. Abakumova O.A. Kriminologicheskie aspekty nalogovoi prestupnosti [Criminological aspects of tax crime]. Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. 12.00.08. Tyumen', 2010. 25 p. (In Russian)
9. Shadrin O.Yu. Korrupsiya kak element organizovannoi prestupnosti: yuridicheskaya priroda i osnovnye prichiny [Corruption as an element of organized crime: legal nature and main causes]. *Vestnik SevKavGTI [Bulletin of SevKavGTI]*, 2017, issue 3 (30), pp. 104–107. (In Russian)
10. Shesler A.V. Kriminologicheskaya kharakteristika i profilaktika zhenskoi prestupnosti: ucheb. posobie [Criminological characteristics and prevention of female crime: a textbook]. Tyumen', Tyumen. jurid. in-t MVD Rossii Publ., 2008. 95 p. (In Russian)
11. Nomokonov V.A. Prichiny prestupnosti v sovremennoi Rossii: problema obostryaetsya [Causes of crime in modern Russia: the problem is getting worse]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal [All-Russian Criminological Journal]*, 2017, v. 11, no. 2, pp. 247–257. (In Russian, abstract in English)
12. Panarin A.S. Pravoslavnaya tsivilizatsiya v global'nom mire [Orthodox civilization in the global world]. Moscow, Algoritm Publ., 2002. 49 p. (In Russian)
13. Lopashenko N.A. Prestupleniya v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti. Teoreticheskii i prikladnoi analiz: monografiya [Crimes in the sphere of economic activity. Theoretical and applied analysis: monograph]. P. 1. Moscow, Yurlitinform Publ., 2015. 330 p. (In Russian)
14. Antonyan Yu.M. Rol' konkretnoi zhiznennoi situatsii v sovershenii prestupleniya: uchebnoe posobie [The role of a specific life situation in the commission of a crime: a study guide]. Moscow, Akad. MVD SSSR Publ., 1973. 70 p. (In Russian)

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СФЕРЕ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ

Полубинская Светлана Вениаминовна

Цель: дать общую характеристику основных направлений использования результатов генетических исследований в сфере уголовной юстиции; на основе анализа зарубежной научной литературы представить примеры применения конкретных результатов генетических исследований и лежащих в их основе технологий; проанализировать позиции судов зарубежных стран в отношении допустимости генетических доказательств при рассмотрении уголовных дел.

Методология: диалектический метод, анализ, синтез, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, метод междисциплинарных юридических исследований.

Выводы. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что результаты и технологии генетических исследований востребованы уголовной юстицией многих стран. ДНК-дактилоскопирование стало общепризнанным методом, используемым в уголовных расследованиях. В решении вопроса о допустимости генетических доказательств при рассмотрении уголовных дел суды зарубежных стран не столь единодушны.

Научная и практическая значимость. В статье представлены два основных направления использования генетической информации в сфере уголовной юстиции. Так, метод ДНК-дактилоскопирования широко применяется при расследовании преступлений, и на сегодня многие страны имеют криминалистические базы ДНК-информации, создание, объем и порядок использования которых регламентируется национальным законодательством. Анализ зарубежной научной литературы показывает, что в уголовном правосудии доказательства из генетики поведения почти всегда являются частью совокупности смягчающих обстоятельств, обосновывающих смягчение ответственности или наказания по делам о тяжких, как правило, насильственных преступлениях. Автор обращает внимание на то, что решения судов о допустимости таких генетических доказательств основываются на оценке их научной достоверности. Дискуссионность имеющихся результатов изучения влияния наследственных факторов на поведение человека лежит в основе осторожности судов в использовании таких доказательств при рассмотрении уголовных дел. При этом автор отмечает, что в целом имеющиеся данные о влиянии генетических вариаций на антисоциальное поведение не подрывают устоявшиеся в уголовном праве представления об основаниях уголовной ответственности.

Ключевые слова: уголовная юстиция, ДНК-дактилоскопирование, криминалистические базы ДНК-информации, поведенческая генетика, ген MAOA, ХУУ-синдром, уголовное право, уголовная ответственность, суд, доказательства, допустимость доказательств, показания экспертов, заключения экспертов.

Научные достижения современной генетики сегодня востребованы не только биологией и медициной. Изучение генетических основ многих заболеваний, как и разработка на этой основе более эффективных методов их диагностики, лечения и профилактики все еще остаются одними из приоритетных направлений таких исследований.

Однако генетическая информация и технологии ее получения находят свое применение и в других сферах науки и практики. И уголовная юстиция стала одним из первых и активных «потребителей» результатов генетических исследований.

ДНК-дактилоскопирование. Этот метод (*DNA fingerprinting*), дающий возможность идентифи-

цировать человека по образцу его ДНК, был открыт в 1984 г. британским генетиком сэром Алемом Джеффрисом (*Alec Jeffreys*). Впервые ДНК-дактилоскопирование было использовано в 1985 г. в деле иммигрантов из Ганы для подтверждения родства матери и ребенка, которому грозила депортация из Соединенного Королевства. В 1987 г. метод был применен при расследовании изнасилования и убийства двух школьниц в Лестершире (*the Enderby murder case*), который позволил оправдать непричастного к преступлению подозреваемого и установить виновного [1; 2, с. 287–288]. Драматичная история первых случаев практического использования ДНК-дактилоскопирования послужила сюжетом для британского мини-сериала «Код убийцы» (2015 г.). Сегодня с усовершенствованием технологий метод широко используется не только при расследовании уголовных дел, но и в том числе для идентификации жертв аварий, катастроф и стихийных бедствий, лиц, пропавших без вести, и неопознанных человеческих останков [3; 4].

Первая в мире государственная база данных ДНК (*National DNA Database* или *NDNAD*) появилась в Англии в 1995 г. С 1996 г. подобные базы существуют в Шотландии и Северной Ирландии, и содержащиеся в них сведения передаются в *NDNAD* [5]. Первоначально информационная база включала в себя образцы, полученные от осужденных преступников и лиц, ожидающих суда. Позднее, в соответствии с изменениями законодательства, в частности, Закона об уголовном правосудии (*Criminal Justice Act*) 2003 г. (*Criminal Justice Act 2003* // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2003/44/contents> (дата обращения: 08.11.2021)), полномочия полиции были расширены, и сегодня в *NDNAD* поступают образцы ДНК, взятые полицией у задержанных и арестованных в связи с зарегистрированными преступлениями. В базу включаются и образцы ДНК, полученные с мест преступлений, и, кроме того, у лиц, согласившихся их предоставить. С 1 октября 2012 г. *NDNAD* находится в ведении Министерства внутренних дел Соединенного Королевства.

Генетическая информация из Национальной базы данных позволяет полиции обнаружить совпадения, связывающие места преступлений или человека с местом преступления. Через 10 лет после создания – в конце декабря 2005 г. – в *NDNAD* хранилось около 3,45 млн ДНК-профилей из уголовных расследований, а также образцов, взятых для исключения, то есть у лиц, которые могли оставить свои ДНК, например, при оказании первой помощи потерпевшему, и, кроме того,

263 923 образца с мест преступлений. На тот момент это было и в абсолютных, и в относительных (к численности населения – 5,2% в Великобритании в сравнении с 1,13% в Европейском Союзе и 0,5% в США) показателях самое большое собрание образцов ДНК в мире (*The National DNA Database. POSTnote. Parliamentary Office of Science and Technology. February 2006. Number 258* // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.parliament.uk/globalassets/documents/post/postpn258.pdf> (дата обращения: 08.11.2021)).

Еще через 15 лет – по состоянию на 31 марта 2020 г. – в базе данных содержалось уже 6 568 035 ДНК-профилей отдельных лиц и 647 378 образцов с мест преступлений. Надо заметить, что иногда один и тот же человек попадает в базу дважды, например, под разными именами, и, таким образом, без учета дублирования в ней оказались данные о 5 604 185 субъектах. В 2018–2019 гг. *NDNAD* пополнилась 258 134 новыми индивидуальными профилями (в 2019–2020 г. – 268 892) и 38 789 новыми образцами с мест преступлений (31 569 таких образцов для следующего периода времени) [5, с. 10].

Эффективность использования полицией *NDNAD* весьма высока. Так, в 2018–2019 гг. вероятность того, что после загрузки в базу образцы, полученные с места преступлений, совпадут с ДНК-профилем лица, уже там хранящимся, составляла 66,92% (в 2019–2020 гг. – 65,52%) (за исключением совпадений образцов с места преступления с образцами с других мест преступлений).

В результате срочного поиска в информационной базе, осуществляемого по наиболее тяжким преступлениям, в 2018–2019 гг. полиция получила 214 совпадений данных субъекта с местом преступления, из них в отношении 46 убийств и покушений на убийство и 59 изнасилований. В 2019–2020 гг. совпадений было 219, в том числе в отношении 58 убийств и покушений на убийство и 56 изнасилований. В ходе регулярных уголовных расследований за те же периоды времени было установлено 30 551 (из них 626 убийств и 639 изнасилований) и 22 916 (601 убийство и 555 изнасилований) совпадений ДНК субъекта и образцов с мест преступлений соответственно. Дополнительно в 2018–2019 гг. обнаружилось 1377, а в 2019–2020 гг. 921 совпадение генетической информации с различных мест преступлений, что способствует выявлению серийных преступников [5, с. 20–22].

Национальная система индексов ДНК (*NDIS*), входящая в Объединенную систему индексов ДНК (*Combined DNA Index System* или *CODIS*), зарабо-

тала в США с 1998 г. (*Combined DNA Index System (CODIS)* // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.fbi.gov/services/laboratory/biometric-analysis/codis> (дата обращения: 25.11.2021); *CODIS and NDIS Fact Sheet* // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.fbi.gov/services/laboratory/biometric-analysis/codis/codis-and-ndis-fact-sheet> (дата обращения: 25.11.2021)) [2, с. 291]. Закон об идентификации ДНК (*DNA Identification Act*) 1994 г. (*34 U.S. Code § 12592* // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/34/12592> (дата обращения: 25.11.2021)) предоставил полномочия по созданию и обеспечению работы этой информационной системы ФБР.

Сегодня в систему поступают данные из более чем 190 лабораторий, находящихся на территории США, различного уровня подчинения — от федерального до местного. Тот же закон с последующими поправками определяет категории генетической информации, которая попадает в национальную базу данных. В нее включаются, в том числе, образцы ДНК осужденных преступников, задержанных и арестованных лиц; полученные с мест преступлений; из неопознанных человеческих останков; относящиеся к лицам, пропавшим без вести и их родственникам; полученные добровольно от лиц, находившихся на месте преступления, с целью последующего их исключения из подозреваемых. Организационные и процедурные вопросы работы с системой индексов ДНК, включая полномочия сотрудников, требования к участвующим лабораториям, стандарты получения образцов ДНК и их анализа, регламентируются Руководством по работе NDIS (*National DNA Index System (NDIS) Operational Procedures Manual* // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.fbi.gov/file-repository/ndis-operational-procedures-manual.pdf/view> (дата обращения: 25.11.2021)).

По данным на октябрь 2021 г., в национальной информационной системе США содержались ДНК-профили более чем 14 836 490 осужденных преступников, 4 513 955 задержанных и арестованных лиц, а также 1 144 255 судебно-медицинских образцов. Основным показателем ее эффективности является количество уголовных расследований, вклад в которые внесли содержащиеся в ней сведения, и на ту же дату CODIS предоставила более 587 773 ДНК-совпадений, которые помогли провести более 574 343 расследований (*CODIS — NDIS Statistics* // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.fbi.gov/services/laboratory/biometric-analysis/codis/ndis-statistics> (дата обращения: 25.11.2021)).

К 1998 г. национальные информационные системы сбора ДНК для нужд уголовного правосудия

появились в Австрии, Германии и Нидерландах. В следующем году к ним добавились Финляндия и Норвегия, а в 2000 г. — Бельгия, Дания и Швейцария [6, с. 228–229]. В последующие годы базы данных генетической информации были созданы во Франции, Чехии, Словакии, Венгрии и ряде других европейских государств, в 2004 г. — в Таиланде и Китае [2, с. 291–292].

В России создание федеральной базы геномной информации предусмотрено Федеральным законом от 3 декабря 2008 г. «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» (Федеральный закон от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» (с изм. от 17.12.2009 г.)).

Геномной регистрации в обязательном порядке подлежат лица, осужденные и отбывающие наказание в виде лишения свободы за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, а также всех категорий преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Также в базу попадают неустановленные лица, биологический материал которых изъят в ходе производства следственных действий, и неопознанные трупы (ст. 7 Федерального закона). Вступивший в законную силу обвинительный приговор суда, на основании которого лицо направлено для отбывания наказания в учреждение, исполняющее наказание в виде лишения свободы, служит основанием для проведения обязательной государственной геномной регистрации физических лиц (п. 3 Постановления Правительства РФ от 11 октября 2011 г. № 828 «Об утверждении Положения о порядке проведения обязательной государственной геномной регистрации лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы»).

Опрос, проведенный Интерполом в 2019 г., показал, что из 110 государств, ответивших на анкету (57% членов организации), 89 использовали ДНК-дактилоскопирование при расследовании преступлений. В 70 государствах имелись криминалистические информационные базы генетической информации (*INTERPOL Global DNA Profiling Survey 2019* // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.interpol.int/How-we-work/Forensics/DNA> (дата обращения: 27.11.2021)). Статистические данные приведены по состоянию на конец 2018 г. и касаются 130 государств, поскольку в итоге дополнительно учтены результаты подобного исследования, проведенного в 2016 г.

Однако в соответствии с национальным законодательством такие базы отличаются и по объему, и по критериям включения в них информации [7; 8; 9; 10]. В целях унификации подобных

информационных ресурсов в 2015 г. Интерпол опубликовал Рекомендации по созданию национальных баз данных ДНК (*Best Practice Principles: Recommendations for the Establishment of a National DNA Database* // [Электронный ресурс]: URL: https://www.interpol.int/content/download/4876/file/MEG_Recommendation_Establishing_DNA_Database.pdf (дата обращения: 27.11.2021)).

С 2002 г. Интерпол поддерживает собственную международную базу ДНК-информации, содержащую более 247 000 образцов, предоставленных 84 государствами-членами организации (*DNA* // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.interpol.int/How-we-work/Forensics/DNA> (дата обращения: 27.11.2021)).

В последние годы появилась новая быстро развивающаяся область использования генетической информации для расследования преступлений – следственная генетическая генеалогия (*investigative genetic genealogy*, или *IGG*), называемая также судебной генетической генеалогией, когда профиль ДНК с места преступления загружается в одну или несколько открытых баз данных генетической генеалогии, используемых для нахождения родственников и составления родословных. Таким образом выявляются генетические родственники подозреваемого, что позволяет в конечном счете установить преступника. Впервые этот способ поиска генетической информации был использован в 2018 г. и позволил найти «Убийцу из Золотого Штата» – Джозефа Джеймса Деанджело, разыскиваемого почти 40 лет за совершение в Калифорнии в 70–80-е гг. по меньшей мере 13 убийств, 45 изнасилований и других преступлений. Судебная генетическая генеалогия находит все более широкое применение (*Molteni M. The Future of Crime-Fighting Is Family Tree Forensics* // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.wired.com/story/the-future-of-crime-fighting-is-family-tree-forensics/> (дата обращения: 03.12.2021); Салькова А. *Расчленил и закопал: ДНК помогла найти убийцу ветерана Первой мировой* // [Электронный ресурс]: URL: https://www.gazeta.ru/science/2021/12/04_a_14278867.shtml (дата обращения: 04.12.2021)), позволив, к примеру, в США к сентябрю 2020 г. идентифицировать более 150 подозреваемых [11]. При этом использование открытой генетической генеалогической информации для расследования преступлений ставит ряд юридических и этических вопросов и требует детального правового регулирования [11; 12; 13].

Поведенческая генетика и уголовное правосудие. Если при расследовании преступлений используются в первую очередь достижения молекулярной генетики, то в качестве доказательств по уго-

ловным делам судам представляются результаты исследований по генетике поведения (*behavioral genetics*). Работы в этой области нацелены на выявление генов (их групп), вероятно, влияющих на психологические и поведенческие особенности людей, а также изучение взаимодействия генов с окружающей средой. Существуют различные исследовательские методы, с помощью которых может изучаться вклад генетических факторов в поведение человека, в том числе так называемые обсервационные (наблюдательные) исследования, которые включают в себя оценку и сравнение близнецов, братьев и сестер, семей и приемных детей. Цель таких работ, использующих статистические методы, – изучить, в какой степени вариации определенного признака в группе людей определяются генетическими факторами. Исследователи также фокусируются на конкретных генах, которые влияют на вариации признака и, соответственно, на характеристики отдельных людей [14, с. xxi].

Поведенческая генетическая информация представляется в уголовных судах как сведения, полученные в результате оценки наследственности, к примеру, конкретных генов, либо в виде ссылки на генетическую предрасположенность или историю семьи, которая, возможно, указывает на биологические корни определенного поведения [15, с. 583].

В литературе выделяются три основные области возможного использования генетической информации при рассмотрении уголовных дел в судах: такая информация может исключать вину подсудимого и, соответственно, уголовную ответственность; она способна служить обстоятельством, смягчающим наказание; её также можно использовать при прогнозе риска антисоциального поведения [14, с. 160]. Однако пока поведенческая генетика не располагает достоверными и надежными научными данными, на которых можно было бы строить прогноз опасного для общества поведения человека. И потому использование генетической информации в прогностических целях, в том числе для принятия превентивных решений, чревато серьезными рисками для прав и свобод человека [14, с. 171].

Следует согласиться с М. Сабателло (*Maya Sabatello*) и П. Аппелбаумом (*Paul S. Appelbaum*), обратившими внимание на ряд обстоятельств, которые относятся к возможностям поведенческой генетики как науки и требуют учета при использовании ее результатов в судебных решениях. Во-первых, надо понимать, что поведение является результатом влияния не одного,

а множества генов, и установление этого влияния с практическими выводами все еще находится в зачаточном состоянии. Во-вторых, как уже показали многочисленные исследования, поведение человека определяется не генетикой или окружающей средой, а является результатом их взаимодействия на протяжении всей человеческой жизни. Поскольку сложные формы поведения не порождаются простой суммой причин, то весьма вероятно, что они определяются не только генетикой или средой. Кроме того, очень трудно, если вообще возможно определить, какие именно факторы среды влияют на поведение и в какой степени. И, наконец, большинство исследований в области генетики поведения человека на сегодняшний день сосредоточено на его негативных и патологических формах, таких как агрессия, антисоциальное поведение и психические заболевания (шизофрения, биполярное расстройство, аутизм и др.). Однако грань между вариантами нормального и отклоняющегося поведения, а также патологическими состояниями весьма подвижна и может зависеть от культурного и социального контекста [16, с. 290–291].

Кроме того, оценивая распространенность генетических доказательств в уголовных судах, в частности, в США, а также правовые позиции судов в отношении их допустимости по конкретным делам, надо иметь в виду, что на такие доказательства распространяются установленные общие правила доказывания. Основными источниками таких доказательств являются заключения и показания экспертов. Помимо правила 702 Федеральных правил о доказательствах (*Federal Rules of Evidence*) (*Appendix to Title 28 of the U.S. Code // [Электронный ресурс]: URL: <https://uscode.house.gov/browse/prelim@title28&edition=prelim> (дата обращения: 05.12.2021)*) (и соответствующих правил из законодательства штатов), в отношении научных доказательств действуют требования к их допустимости, определенные Верховным Судом США по делу *Daubert v. Merrell Dow Pharmaceuticals, Inc.* (1993) (*Daubert v. Merrell Dow Pharmaceuticals, Inc.*, 509 U.S. 579 (1993) // [Электронный ресурс]: URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/509/579/> (дата обращения: 05.12.2021)).

Во время судебного разбирательства необходимо исследовать следующие вопросы: может ли научная теория или основывающаяся на ней экспертная методика быть проверена эмпирически и была ли она проверена; рецензировалась ли теория либо методика специалистами в данной области научных знаний и была ли она опубликована; какова известная или возможная частота

ошибок использованной методики; существуют ли стандарты, регулирующие порядок ее применения или действия; является ли данная научная теория или экспертная методика общепризнанной в соответствующем научном сообществе [17, с. 234].

Таким образом, решение судьи о допустимости научных доказательств основывается на оценке методологии и принципов, положенных в основу экспертных выводов, и методов их получения, а в итоге — их научной достоверности. При этом Верховный Суд США не указал, является ли каждое из перечисленных требований необходимым и достаточным для процессуальной допустимости научных доказательств, предоставив судьям свободу усмотрения в решении этого вопроса [17, с. 234].

Генетические доказательства в судебной практике. Низкоактивный вариант гена *MAOA* является одним из самых изученных применительно к антисоциальному поведению. В 1993 г. появились результаты обследования членов большой голландской семьи, выявившее у некоторых из них мутацию этого гена, проявляющуюся в дефиците его работы. При этом мужчины — носители мутировавшего гена — страдали легкой умственной отсталостью, отличались импульсивной агрессивностью и совершали акты антиобщественного поведения, включая поджог, попытку изнасилования и эксгибиционизм. На этом основании авторы исследования предположили наличие связи между низкой активностью гена *MAOA* и агрессивным поведением мужчин, у которых обнаружена такая мутация [18].

Эта гипотеза проверялась в других исследованиях. Авторы одного из них, опубликованного в 2002 г., установили, что мутация повышает риск антисоциального поведения, если сочетается с плохим обращением (*maltreatment*) в детском возрасте [19]. В дальнейшем одни авторы полностью или частично подтверждали этот результат, другие приходили к противоположным выводам [20, с. 17–18].

Вместе с тем доказательства о наличии низкоактивного гена *MAOA* оказались воспринятыми судебной практикой. За период с 1995 г. по 1 марта 2016 г. в справочно-поисковых системах *Westlaw* и *LexisNexis* содержалось 11 уголовных дел, где такая информация представлялась суду на стадии судебного разбирательства, при вынесении приговоров и их обжаловании. Девять дел рассматривались судами США, два — судами Италии. Все подсудимые обвинялись в тяжких преступлениях, в большинстве случаев — в совершении убийства.

Решения судов по существу уголовных дел не были однозначными – по одним делам обвинение или наказание смягчались, в других суды не признали такие доказательства допустимыми, сочтя их не соответствующими требованиям, предъявляемым к научным доказательствам. Например, итальянские суды сократили назначенное обвиняемым наказание, а по двум американским делам (1995 г. и 2014 г.) генетические особенности обвиняемых никак не повлияли на их приговоры к смертной казни. При этом ни по одному уголовному делу ссылка на наличие рассматриваемой генетической аномалии не использовалась для защиты от предъявленного обвинения [20, с. 18–22].

Еще одной генетической аномалией, ранее привлекавшей внимание ученых в связи с преступным поведением, стало наличие лишней Y-хромосомы у мужчин. Подобные исследования появились в 60-х гг. прошлого века и проводились в психиатрических больницах со строгим режимом безопасности, пенитенциарных учреждениях и школах для несовершеннолетних правонарушителей [21; 22; 23; 24; 25]. Распространенность ХУУ-синдрома среди мужчин, содержащихся в подобных учреждениях, составляла в среднем 2,05%, хотя при рождении у мальчиков в общей популяции он проявлялся в 0,1% случаев. На этом основании исследователи сделали вывод о роли этой генетической аномалии в качестве фактора, повышающего вероятность преступного, в особенности насильственного поведения [26, с. 76].

Вместе с тем существует обширная критика этих исследований как с точки зрения их методологии и дизайна, так и выводов. Так, исследования проводились на малых группах, а контрольная группа в них отсутствовала, отбор участников проводился по высокому росту, характерному для синдрома, что могло повлиять на полученные результаты. Кроме того, влияние на преступное поведение уровня образования и интеллекта участников, а также других социальных и экономических факторов во внимание не принималось и не изучалось. При проверке выводы этих исследований не находили своего подтверждения, и другими авторами было показано, что повышенная распространенность преступного поведения среди мужчин с лишней Y-хромосомой была продуктом сочетания генетических характеристик и факторов среды [26, с. 77–78].

Немногочисленные уголовные дела, где подсудимые в качестве защиты от обвинения ссылались на наличие у них ХУУ-синдрома, практически всегда завершались обвинительными приговорами. Известно одно уголовное дело, рассмотренное

в Австралии в 1968 г., когда суд признал подсудимого невменяемым в связи с этой генетической аномалией. В судах же других стран такая защита успеха не имела [27, с. 247–259; 28, с. 76, 79–80].

Одни суды не считали ХУУ-синдром «психическим заболеванием или дефектом», наличие которых у подсудимого альтернативно требуется для признания его невменяемым (*insanity defense*). Другие суды не полагали доказанной причинно-следственную связь между генетической аномалией и совершенным насильственным преступлением и не признавали допустимыми представленные в судебном процессе доказательства. При этом указывалось на невозможность с достаточной степенью надежности доказать, что с наличием этой аномалии связаны любые конкретные акты поведения, хотя бы и подсудимый был предрасположен к насилию из-за своей генетической особенности [28, с. 26].

На практике круг генетических доказательств, представляемых по уголовным делам, не ограничивается только рассмотренными генетическими аномалиями. Изучение уголовных дел, рассмотренных по преимуществу апелляционными судами в 1994–2007 гг. (48 дел) [29] и за период с 1 июля 2007 г. по 1 июля 2011 г. (33 дела) [30], показало, что подобные доказательства весьма часто используются для подтверждения наличия у обвиняемого серьезного заболевания, снижающего его способность контролировать свое поведение. Такими заболеваниями являются зависимость от психоактивных веществ – алкоголя и (или) наркотиков, тяжелые психические расстройства (депрессия, шизофрения и т. п.), иные серьезные нарушения психической деятельности. Автор исследования обратила внимание на то, что суды чаще принимают доказательства генетической предрасположенности обвиняемых к зависимости от психоактивных веществ по сравнению с другими расстройствами психики. К примеру, из 33 дел, анализировавшихся во втором исследовании, в 20 (61%) суды согласились с тем, что генетические доказательства подтверждают такую связь [30, с. 1005].

Почти всегда генетические доказательства использовались для смягчения наказания по делам о тяжких, как правило, насильственных преступлениях, по которым виновные были приговорены к смертной казни (в единичных случаях – к пожизненному лишению свободы). В большинстве уголовных дел целью стороны защиты была демонстрация того, что обвиняемый имеет серьезное, генетически обусловленное заболевание и потому не заслуживает смертной казни. Ни по

одному делу подобные доказательства не служили отягчающими ответственность обстоятельствами, как и не выдвигались в качестве основания защиты от уголовного обвинения.

Обоснованием для введения в процесс рассматриваемых доказательств служили жалобы на неэффективную помощь защитника [31, с. 512–513], необходимость доказать и диагностировать смягчающие ответственность психические нарушения у подсудимых, а также подтвердить наследственную склонность к насилию и преступному поведению. В первое исследование попали также и дела, где такие доказательства использовались для прогноза вероятной опасности обвиняемого в будущем [29, с. 345–346].

В качестве основных источников доказательств выступали заключения и показания экспертов, история семьи, сведения о развитии и поведении обвиняемого, начиная с раннего детского возраста, а также медицинские документы (истории болезни) [30, с. 998–1003]. Проведение непосредственных генетических тестов было редким [29, с. 334].

В итоге Д. Денно (*Deborah W. Denno*) обратила внимание на сложность оценки эффективности влияния генетических доказательств на решения судов, поскольку по конкретным делам они были, как правило, частью комплекса смягчающих обстоятельств. Вместе с тем результаты второго анализа судебной практики в сравнении с анализом первым показало, что со временем суды стали чаще признавать подобные доказательства допустимыми и делали их предметом рассмотрения по большинству дел, в которых они представлялись стороной защиты [30, с. 1028].

Судебная практика использования генетической информации имеется и в Нидерландах, что подтверждается результатами анализа опубликованных за период с 2000 по 2012 г. уголовных дел. Из 231 найденного авторами исследования дела, содержащего нейробиологические и генетические доказательства, 178 рассматривались судами первой инстанции, 45 – инстанцией апелляционной и 8 дел – Верховным судом.

Из 231 дела сведения, относящиеся к генетике поведения, использовались в 14 и еще в 10 – в сочетании с информацией из нейронаук. Экспертами в уголовных делах выступали психиатры и психологи. В большинстве случаев их показания касались роли генетических факторов в этиологии психических расстройств (шизофрении и иных психозов – в 7, расстройств аутистического спектра – в 2 и расстройств личности – в 3 делах). В 6 делах обсуждалось влияние генетики на ал-

когольную или наркотическую зависимость подсудимых. Как правило, эксперты использовали генетическую информацию о наследственных факторах в сочетании с другими обстоятельствами, например, проблемными условиями в семье, чтобы объяснить, как могли возникнуть психическое расстройство и проблемное поведение подсудимого [15, с. 597–598].

Заключение. Как показывает практика, результаты и технологии генетических исследований востребованы уголовной юстицией многих стран. При этом, если ДНК-дактилоскопирование стало общепризнанным методом, используемым в уголовных расследованиях, то допустимость генетических доказательств при рассмотрении уголовных дел оценивается судами не столь однозначно.

В целом результаты исследований в области генетики поведения «не представляют собой фундаментальной проблемы» для существующих в уголовном праве представлений об основаниях уголовной ответственности. Генетические вариации «в нормальном диапазоне... не вписываются в границы защиты со ссылкой на невменяемость [*insanity*] и ограниченную ответственность [*diminished responsibility*], и нельзя сказать, что они освобождают индивидов от ответственности за свои действия» [14, с. 165].

В научной литературе справедливо отмечается, что «гены не имеют психических состояний и не совершают преступлений; это делают люди». Поэтому «нет никаких оснований полагать», к примеру, «что правонарушители, подвергающиеся взаимодействию наличия низкоактивного гена MAOA с жестоким обращением в детстве, не совершали действий и не обладали необходимым состоянием психики» [32, с. 379].

В свою очередь, по уголовному делу, в котором адвокат апеллировал к генетической основе педофилии подсудимого, суд Нидерландов не согласился с этими аргументами. Суд отметил при этом, что «хотя обвиняемый не может нести ответственность за свою педофилию, это не означает, что он не может нести ответственность за свои действия педофила: сбор и распространение порнографических материалов с детьми, а также растление малолетнего ребенка» [15, с. 598–599].

Конечно, по мере роста числа научных работ, посвященных изучению влияния генетических особенностей людей на их антисоциальное поведение, появление подобных доказательств в уголовных судах будет также увеличиваться [16, с. 22]. Однако влияние таких доказательств на судебные решения будет зависеть от их научной достоверности и надежности.

Литература

1. *Jeffreys A.J.* Genetic fingerprinting // *Nature Medicine*. 2005. Т. 11. № 10. С. 1036–1037.
2. *Анисимов В.А., Гарафутдинов Р.Р., Сагитов А.М. и др.* ДНК-криминалистика – зарождение, современность и перспективы // *Биомика*. 2019. Т. 11 (3). С. 282–314.
3. *Roewer L.* DNA fingerprinting in forensics: past, present, future // *Investigative Genetics*. 2013. Т. 4. Вып. 1. Номер статьи: 22.
4. *Butler J.M.* The future of forensic DNA analysis // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2015. Т. 370. Вып. 1674. ID статьи: 20140252.
5. National DNA Database Strategy Board Biennial Report 2018–2020. Home Office. National Police Chiefs' Council. September 2020. Crown copyright, 2020. 72 с.
6. *Martin P.D., Schmitter H., Schneider P.M.* A brief history of the formation of DNA databases in forensic science within Europe // *Forensic Science International*. 2001. Т. 119. Вып. 2. С. 225–231.
7. *Santos F., Machado H., Silva S.* Forensic DNA databases in European countries: is size linked to performance? // *Life Sciences, Society and Policy*. 2013. Т. 9. С. 1–13.
8. *Butler J.M.* U.S. initiative to strengthen forensic science & international standards in forensic DNA // *Forensic Science International: Genetics*. 2015. Т. 18. С. 4–20.
9. *Aminev F.G., Anisimov V.A., Lutsenko V.I. et al.* Peculiarities of the legislative regulation in establishing and functioning of national DNA database systems (case study of Great Britain, the USA, China and Russia) // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2019. Т. 12. № 11. С. 1990–2000.
10. *Семиходский А.Г.* Криминалистические базы данных геномной информации: международный опыт и возможность его применения в Российской Федерации // *Правосудие*. 2021. Т. 3. № 1. С. 148–183.
11. *Guerrini C.J., Wickenheiser R.A., Bettinger B. et al.* Four misconceptions about investigative genetic genealogy // *Journal of Law and the Biosciences*. 2021. Т. 8. Вып. 1. Статья Isab001.
12. *Kling D., Phillips C., Kennett D., Tillmar A.* Investigative genetic genealogy: Current methods, knowledge and practice // *Forensic Science International: Genetics*. 2021. Т. 52. С. 102474.
13. *de Groot N.F., van Beers B.C., Meynen G.* Commercial DNA tests and police investigations: a broad bioethical perspective // *Journal of Medical Ethics*. 2021. Т. 47. Вып. 12. С. 788–795.
14. Genetics and human behaviour: the ethical context. Nuffield Council on Bioethics. 2002. 258 с.
15. *de Kogel C.H., Westgeest E.J.M.C.* Neuroscientific and behavioral genetics information in criminal cases in the Netherlands // *Journal of Law and the Biosciences*. 2015. Т. 2. Вып. 3. С. 580–605.
16. *Sabatello M., Appelbaum P.S.* Behavioral Genetics in Criminal and Civil Courts // *Harvard Review of Psychiatry*. 2017. Т. 25. Вып. 6. С. 289–301.
17. *Segal B.J.* Inherited proclivity: When should neurogenetics mitigate moral culpability for purposes of sentencing? // *Journal of Law and the Biosciences*. 2016. Т. 3. Вып. 1. С. 227–237.
18. *Brunner G., Nelen M., Breakefield X.O. et al.* Abnormal Behavior Associated with a Point Mutation in the Structural Gene for Monoamine Oxidase A // *Science*. 1993. Т. 262. Вып. 5133. С. 578–580.
19. *Caspi A., McClay J., Moffitt T.E. et al.* Role of genotype in the cycle of violence in maltreated children // *Science*. 2002. Т. 297. № 5582. С. 851–854.
20. *McSwiggan S., Elger B., Appelbaum P.S.* The forensic use of behavioral genetics in criminal proceeding: case of the MAOA-L genotype // *International Journal of Law and Psychiatry*. 2017. Т. 50. С. 17–23.
21. *Price W.H., Whatmore P.B.* Criminal Behavior and the XYY male // *Nature*. 1967. Т. 213. № 5078. С. 815.
22. *Price W.H., Whatmore P.B.* Behavior Disorders and Pattern of Crime among XYY Males Identified at a Maximum Security Hospital // *British Medical Journal*. 1967. Т. 1. Вып. 5539. С. 533–536.
23. *Jacobs P.A., Price W.H., Brown W.M.C. et al.* Chromosome studies on men in a maximum security hospital // *Annals of Human Genetics*. 1968. Т. 31. Вып. 4. С. 339–358.
24. *Brown W.M.C., Price W.H., Jacobs P.A.* Further information on the identity of 47, XYY males // *British Medical Journal*. 1968. Т. 2. Вып. 5601. С. 325–328.
25. *Jacobs P.A., Price W.H., Richmond S., Ratcliff R.A.W.* Chromosome surveys in penal institutions and approved schools // *Journal of Medical Genetics*. 1971. Т. 8. Вып. 1. С. 49–58.
26. *Wilson D.* Genetics, Crime and Justice. UK: Edward Elgar Publ., 2015. 260 p.
27. *Skeen D.* The Genetically Defective Offender // *William Mitchell Law Review*. 1983. Т. 9. Вып. 2. С. 217–265.

28. *Appelbaum P.S.* Behavioral genetics and the punishment of crime // *Psychiatric Services*. 2005. Т. 56. № 1. С. 25–27.
29. *Denno D.W.* Behavioral Genetic Evidence in Criminal Cases: 1994–2007 // *The Impact of Behavioral Sciences on Criminal Law*. Ed. Nita A. Farahany. New York: Oxford University Press, 2009. С. 317–354.
30. *Denno D.W.* Courts' increasing consideration of behavioral genetics in criminal cases: results of a longitudinal study // *Michigan State Law Review*. 2011. Т. 2011. С. 967–1047.
31. *Бернам У.* Правовая система Соединенных Штатов Америки. М.: РИО «Новая юстиция», 2006. 1216 с.
32. *Morse S.J.* Genetics and criminal responsibility // *Trends in Cognitive Sciences*. 2011. Т. 15. Вып. 9. С. 378–380.

References

1. *Jeffreys A.J.* Genetic fingerprinting. *Nature Medicine*, 2005, vol. 11, no. 10, pp. 1036–1037. (In English)
2. *Anisimov V.A., Garafutdinov R.R., Sagitov A.M.* etc. DNK-kriminalistika – zarozhdenie, sovremennost' i perspektivy [DNA forensics – origin, modernity and prospects]. *Biomika [Biomics]*, 2019, vol. 11 (3), pp. 282–314. (In Russian)
3. *Roewer L.* DNA fingerprinting in forensics: past, present, future. *Investigative Genetics*, 2013, vol. 4, iss. 1, article number: 22. (In English)
4. *Butler J.M.* The future of forensic DNA analysis. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*, 2015, vol. 370, iss. 1674, article ID: 20140252. (In English)
5. National DNA Database Strategy Board Biennial Report 2018–2020. Home Office. National Police Chiefs' Council. September 2020. Crown copyright publ., 2020. 72 p. (In English)
6. *Martin P.D., Schmitter H., Schneider P.M.* A brief history of the formation of DNA databases in forensic science within Europe. *Forensic Science International*, 2001, vol. 119, iss. 2, pp. 225–231. (In English)
7. *Santos F., Machado H., Silva S.* Forensic DNA databases in European countries: is size linked to performance? *Life Sciences, Society and Policy*, 2013, vol. 9, pp. 1–13. (In English)
8. *Butler J.M.* U.S. initiative to strengthen forensic science & international standards in forensic DNA. *Forensic Science International: Genetics*, 2015, vol. 18, pp. 4–20. (In English)
9. *Aminev F.G., Anisimov V.A., Lutsenko V.I. et al.* Peculiarities of the legislative regulation in establishing and functioning of national DNA database systems (case study of Great Britain, the USA, China and Russia). *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2019, vol. 12, no. 11, pp. 1990–2000. (In English)
10. *Semikhodskii A.G.* Kriminalisticheskie bazy dannykh genomnoi informatsii: mezhdunarodnyi opyt i vozmozhnost' ego primeneniya v Rossiiskoi Federatsii [Forensic databases of genomic information: international experience and the possibility of its application in the Russian Federation]. *Pravosudie [Justice]*, 2021, vol. 3, no. 1, pp. 148–183. (In Russian)
11. *Guerrini C.J., Wickenheiser R.A., Bettinger B. et al.* Four misconceptions about investigative genetic genealogy. *Journal of Law and the Biosciences*, 2021, vol. 8, iss. 1, art. l5ab001. (In English)
12. *Kling D., Phillips C., Kennett D., Tillmar A.* Investigative genetic genealogy: Current methods, knowledge and practice. *Forensic Science International: Genetics*, 2021, vol. 52, pp. 102474. (In English)
13. *de Groot N.F., van Beers B.C., Meynen G.* Commercial DNA tests and police investigations: a broad bioethical perspective. *Journal of Medical Ethics*, 2021, vol. 47, iss. 12, pp. 788–795. (In English)
14. Genetics and human behaviour: the ethical context. Nuffield Council on Bioethics. 2002. 258 p. (In English)
15. *de Kogel C.H., Westgeest E.J.M.C.* Neuroscientific and behavioral genetics information in criminal cases in the Netherlands. *Journal of Law and the Biosciences*, 2015, vol. 2, iss. 3, pp. 580–605. (In English)
16. *Sabatello M., Appelbaum P.S.* Behavioral Genetics in Criminal and Civil Courts. *Harvard Review of Psychiatry*, 2017, vol. 25, iss. 6, pp. 289–301. (In English)
17. *Segal B.J.* Inherited proclivity: When should neurogenetics mitigate moral culpability for purposes of sentencing? *Journal of Law and the Biosciences*, 2016, vol. 3, iss. 1, pp. 227–237. (In English)
18. *Brunner G., Nelen M., Breakefield X.O. et al.* Abnormal Behavior Associated with a Point Mutation in the Structural Gene for Monoamine Oxidase A. *Science*, 1993, vol. 262, iss. 5133, pp. 578–580. (In English)

19. Caspi A., McClay J., Moffitt T.E. et al. Role of genotype in the cycle of violence in maltreated children. *Science*, 2002, vol. 297, no. 5582, pp. 851–854. (In English)
20. McSwiggan S., Elger B., Appelbaum P.S. The forensic use of behavioral genetics in criminal proceeding: case of the MAOA-L genotype. *International Journal of Law and Psychiatry*, 2017, vol. 50, pp. 17–23. (In English)
21. Price W.H., Whatmore P.B. Criminal Behaviour and the XYY male. *Nature*, 1967, vol. 213, no. 5078, p. 815. (In English)
22. Price W.H., Whatmore P.B. Behaviour Disorders and Pattern of Crime among XYY Males Identified at a Maximum Security Hospital. *British Medical Journal*, 1967, vol. 1, iss. 5539, pp. 533–536. (In English)
23. Jacobs P.A., Price W.H., Brown W.M.C. et al. Chromosome studies on men in a maximum security hospital. *Annals of Human Genetics*, 1968, vol. 31, iss. 4, pp. 339–358. (In English)
24. Brown W.M.C., Price W.H., Jacobs P.A. Further information on the identity of 47, XYY males. *British Medical Journal*, 1968, vol. 2, iss. 5601, pp. 325–328. (In English)
25. Jacobs P.A., Price W.H., Richmond S., Ratcliff R.A.W. Chromosome surveys in penal institutions and approved schools. *Journal of Medical Genetics*, 1971, vol. 8, iss. 1, pp. 49–58. (In English)
26. Wilson D. Genetics, Crime and Justice. UK: Edward Elgar Publ., 2015. 260 p. (In English)
27. Skeen D. The Genetically Defective Offender. *William Mitchell Law Review*, 1983, vol. 9, iss. 2, pp. 217–265. (In English)
28. Appelbaum P.S. Behavioral genetics and the punishment of crime. *Psychiatric Services*, 2005, vol. 56, no. 1, pp. 25–27. (In English)
29. Denno D.W. Behavioral Genetic Evidence in Criminal Cases: 1994–2007. In *The Impact of Behavioral Sciences on Criminal Law*. Ed. By Nita A. Farahany. New York: Oxford University Press, 2009, pp. 317–354. (In English)
30. Denno D.W. Courts' increasing consideration of behavioral genetics in criminal cases: results of a longitudinal study. *Michigan State Law Review*, 2011, vol. 2011, pp. 967–1047. (In English)
31. Bernam U. Pravovaya sistema Soedinennykh Shtatov Ameriki [Legal system of the United States of America]. Moscow: RIO "Novaya yustitsiya" Publ., 2006. 1216 p. (In Russian)
32. Morse S.J. Genetics and criminal responsibility. *Trends in Cognitive Sciences*, 2011, vol. 15, iss. 9, pp. 378–380. (In English)

ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ БОЛЕЕ МЯГКОГО НАКАЗАНИЯ, ЧЕМ ПРЕДУСМОТРЕНО ЗА ДАННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Саргсян Аделина Арменовна

Цель: проанализировать проблемы конструирования уголовно-правовой нормы, предусматривающей назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление, и возникающие в связи с этим вопросы в судебной практике Республики Армения и Российской Федерации.

Методология: дедукция, индукция, формально-юридический, сравнительно-правовой методы.

Выводы. Учитывая ориентированность уголовного законодательства на концепцию личности, необходимость реализации международных стандартов, общепризнанных принципов и норм международного сообщества, принципов справедливости, гуманизма, важность достижения целей наказания, особое значение приобретает институт назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление, как важнейший инструмент индивидуализации наказания. В связи с отмеченным представляется необходимым совершенствование рассматриваемой уголовно-правовой нормы с целью наиболее эффективного и единообразного ее применения на практике. В статье даются научно обоснованные рекомендации, направленные на совершенствование действующего законодательства и практики применения института назначения более мягкого наказания, в частности, приводятся предложения, направленные на некоторое ограничение судебного усмотрения при одновременной констатации его важности.

Научная и практическая значимость. Полученные в результате проведенного исследования выводы могут способствовать совершенствованию пробелов в законодательном регулировании назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление, и практики его применения.

Ключевые слова: наказание, более мягкое наказание, цели наказания, справедливость, гуманизм, ниже низшего, исключительные обстоятельства, смягчающие обстоятельства, совокупность обстоятельств, судебское усмотрение.

Одной из важнейших проблем теории и практики уголовного права является надлежащий учет и реализация при назначении наказания принципов уголовного законодательства. Анализ правоприменительной практики свидетельствует о многочисленных трудностях, возникающих при назначении наказания, в частности, связанных с его индивидуализацией и широкими предположениями судебного усмотрения.

Законодатель предусмотрел возможность индивидуализации наказания посредством применения ст. 64 УК РФ (ст. 64 действующего УК РА) – назначение более мягкого наказания, чем

предусмотрено законом, как специальное правило смягчения наказания и реализации принципа гуманизма, справедливости. Так, в Определении Конституционного Суда РФ от 17 ноября 2009 г. № 1532-О-О констатируется: «Установление такого регулирования воплощает конкретизированные в уголовном законе конституционные начала справедливости и гуманности и направлено на уменьшение уголовной репрессии до необходимого минимума принудительных мер, обеспечивающих достижение целей наказания».

Как видим, именно посредством применения ст. 64 УК РА (РФ) отчасти и реализуется прояв-

ление принципов гуманизма и справедливости в отношении лица, совершившего преступление.

Надлежащее исследование института назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено законом, обуславливается многочисленными ошибками, возникающими при назначении наказания, являющимися следствием отсутствия единообразия в правоприменительной практике при толковании анализируемой уголовно-правовой нормы, что, в свою очередь, зачастую приводит к необоснованному ее применению, а следовательно, недостижению целей уголовного наказания.

Статья 64 Уголовного кодекса РФ (РА) содержит ряд спорных, на наш взгляд, аспектов, нуждающихся в дальнейшей детализации и совершенствовании.

Одним из вопросов, требующих отдельного обсуждения, является возможность применения правил о назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление, при наличии отягчающих уголовную ответственность обстоятельств. Казалось бы, данный вопрос четко урегулирован, поскольку в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» прямо указано, что «ст. 64 УК РФ может применяться и при наличии обстоятельств, отягчающих наказание». Отсутствие в УК РФ прямого запрета на возможность применения ст. 64 при наличии отягчающих обстоятельств также указывает на положительный ответ. В то же время, если мы обратимся, например, к регламентации данного вопроса в уголовном законодательстве Республики Латвия, то увидим, что согласно ч. 3 ст. 49 УК Латвии «части первая и вторая настоящей статьи не применяются, если суд признал, что преступное деяние совершено при отягчающих ответственность обстоятельствах». Как видим, позиции законодателей различаются, хотя, как показывает сравнительно-правовой анализ, в большинстве стран, включая Республику Армения, провозглашен подход в поддержку применения ст. 64 вне зависимости от наличия отягчающих обстоятельств.

Тем не менее мнения ученых по данному вопросу различны. Так, например, ряд авторов отмечает, что «наличие отягчающих наказание обстоятельств противоречит требованию закона об «исключительности обстоятельств дела» смягчающего характера. Уже сам по себе учет судом отягчающих обстоятельств свидетельствует о повышенной общественной опасности содеянного и виновного, а следовательно, о невозможности назначения наказания ниже низшего предела»

[1, с. 29]. Другие также указывают, что «в случаях, предусмотренных ст. 64 УК РФ, отягчающие обстоятельства должны отсутствовать по смыслу закона» [2, с. 65]. Т.В. Николаева в своей диссертационной работе высказывает позицию, согласно которой «Применение ст. 64 УК РФ возможно при существенном уменьшении степени общественной опасности совершенного преступления. В этом случае отягчающие обстоятельства, характеризующие содеянное виновным, должны отсутствовать» [3, с. 11]. По нашему мнению, непринятие во внимание отягчающих обстоятельств опирается на следующий постулат: исключительные обстоятельства настолько значимы и существенны в каждом конкретном случае, что сами по себе «нейтрализуют» тем самым имеющиеся отягчающие обстоятельства. Так, С.С. Аветисян по этому поводу отмечает, что «однако характер обстоятельств, смягчающих ответственность и наказание по конкретному делу, может быть таковым, что наличие отягчающих обстоятельств (например, совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения) не станет препятствием для того, чтобы считать их исключительными и применить ст. 64 УК» [4, с. 5]. Однако, как видим, судебная практика в этом вопросе противоречива, и не во всех случаях наличие того или иного обстоятельства следует признавать «исключительным» и тем более нейтрализующим отягчающие обстоятельства. Таким образом, мнения некоторых ученых относительно установления запрета на применение ст. 64 УК при наличии отягчающих обстоятельств полагаем нецелесообразным, поскольку тем самым, на наш взгляд, искажается социальная составляющая анализируемой нормы и сужается круг ее применения.

Необходимо также затронуть вопрос об ограничениях применения ст. 64 УК РФ (РА). В первую очередь следует отметить, что армянский законодатель не предусматривает каких-либо ограничений при применении ст. 64 УК РА. Как ни странно, в новом УК РА (принят 05.05.2021 г., вступает в силу 01.07.2022 г.) относительно данного вопроса также нет изменений. Остается лишь предполагать, что подобный подход обоснован взятием вектора на либерализацию уголовной политики, что мы, однако, не совсем поддерживаем в данном контексте. Российский же законодатель, в отличие от армянского, предусмотрел некоторые изъятия из применения ст. 64 УК РФ.

Однако в науке уголовного права существует и противоположная точка зрения, согласно которой «нельзя учесть абсолютно все уголовно-правовые показатели преступлений и преступника

в санкции. Точнее – теоретически можно, но с практической точки зрения – нецелесообразно. Санкция нормы есть не абсолютно емкое отражение многообразия характеристик определенного вида преступления и совершающих его лиц. Вне ее рамок остаются экстраординарные ситуации, когда одно или несколько обстоятельств, достаточно редкие, чтобы быть типичными, существенным образом снижают общую оценку содеянного и настолько, что «выводят» его наказуемость за регламентированный законом нижний предел» [5, с. 86]. Безусловно, за основу нужно брать как «концепцию деяния», так и «концепцию личности». Положения ст. 64 УК РФ (РА) мы применяем, опираясь на обстоятельства, которые в подавляющем большинстве случаев существенным образом уменьшают степень общественной опасности именно лица, совершившего преступление (несмотря на то, что в законе говорится об уменьшении степени общественной опасности только лишь преступления), однако, нельзя забывать, что реализуя личностный подход при назначении наказания с учетом наличия исключительных обстоятельств необходимо также учитывать тяжесть совершенного преступления.

Согласно ст. 79 УК Республики Молдова, положения части (1) не применяются к совершеннолетним лицам в случае назначения наказания в виде пожизненного заключения, в случае рецидива преступлений или в случае совершения преступлений, предусмотренных ч. (2)–(4) ст. 166–1 (пытки, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение).

В ст. 69 УК Украины отмечается, что «при наличии нескольких обстоятельств, смягчающих наказание и существенным образом снижающих степень тяжести совершенного уголовного преступления, с учетом личности виновного суд, мотивируя свое решение, может, кроме случаев осуждения за коррупционное уголовное преступление, уголовное правонарушение, связанное с коррупцией, назначить основное наказание ниже низшего предела, установленного в санкции статьи (санкции части статьи) Особенной части настоящего Кодекса, или перейти к другому, более мягкому виду основного наказания, не указанного в санкции статьи (санкции части статьи) Особенной части настоящего Кодекса за это уголовное преступление». Таким образом, как видим, законодатели различных стран пытаются внести определенным образом ограничения, связанные с применением положений о назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление.

Не имеет единства в теории и практике также вопрос относительно понятия «*исключительно-сти*» того или иного обстоятельства, а также необходимого их количества для принятия решения о применении ст. 64 УК РФ.

Кассационный суд РА в ряде своих прецедентных решений отмечает, что «употребляемое в законе слово «*исключительное*» предполагает, что смягчающее обстоятельство, являющееся основанием для применения указанной статьи, или сочетание смягчающих обстоятельств выходят за рамки обычного и настолько специфичны, что превращаются в исключение». В решении № АВД/0104/01/19 от 09 марта 2021 г. по делу Гамлета Казаряна обсуждался вопрос относительно целесообразности назначения в отношении последнего более мягкого наказания, чем предусмотрено законом, а точнее, неприменения дополнительного наказания. Кассационный суд указал, что совокупность смягчающих по данному делу обстоятельств: содействие подсудимым в раскрытии преступлений, добровольная компенсация вреда, причиненного преступлением, положительная характеристика, признание вины, отсутствие судимости, искреннее раскаяние и т. д. не выходят за рамки обычного и не столь специфичны, чтобы они превратились в исключительные, и существенно не снижают опасность для общества совершенных им деяний (растраты имущества) до такой степени, чтобы дать суду возможность заключить, что в данном случае цели наказания могут быть реализованы без применения дополнительного наказания.

М.Д. Шаргородский считал, что для назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено законом, не требуется установления особых смягчающих обстоятельств, то есть любое из них при назначении наказания суд может признать исключительным, но при этом важно установить, что смягчающие обстоятельства придают делу особенности, свидетельствующие о том, что данное преступление выходит из ряда типичных преступлений этого вида [6, с.170]. Я.М. Брагинин полагал, что в роли исключительных обстоятельств могут выступать, во-первых, совокупность из числа перечисленных в уголовном законе смягчающих обстоятельств, во-вторых, отдельные обстоятельства, не названные в уголовном законе в качестве смягчающих [7, с. 202].

В действующих уголовных кодексах Республики Армения и Российской Федерации, равно как и в новом уголовном кодексе Республики Армения, возможно применение положений о более мягком наказании при наличии как одного,

так и нескольких смягчающих обстоятельств. В ч. 1 ст. 49 Уголовного кодекса Латвийской Республики «Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено законом» указано: «Если суд, принимая во внимание ряд смягчающих ответственность виновного обстоятельств и личность виновного, признает необходимым назначить ему наказание ниже низшего предела, предусмотренного законом за совершение данного преступного деяния, или признает необходимым назначить другой, более мягкий вид наказания, он может наказание соответственно смягчить, обязательно указав в приговоре мотивы такого решения».

В ч. 1 ст. 69 УК Украины также указывается на возможность назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено законом только лишь при наличии нескольких смягчающих обстоятельств.

В ст. 64 УК РФ (РА) нет упоминания об учете обстоятельств, существенным образом снижающих степень общественной опасности лица, совершившего преступление. Однако необходимо отметить, что в первую очередь процесс индивидуализации наказания базируется на учете обстоятельств, характеризующих именно личность преступника. В связи с этим следует обратить внимание на подход, закрепленный в новом уголовном кодексе Республики Армения, согласно которому «при наличии исключительных обстоятельств, связанных с мотивами и целями преступления, ролью виновного, его поведением при совершении преступления и после него и другими обстоятельствами, которые до такой степени *снизили степень общественной опасности лица или совершенного им деяния...*».

Необходимо также обратиться к вопросу о назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление, в отношении несовершеннолетних.

Так, по приговору Прохладненского районного суда Кабардино-Балкарской Республики № 1-18/2015 1-316/2014 от 20 января 2015 г. суд при назначении наказания по ч. 2 ст. 228 УК РФ с применением ст. 64 УК РФ (несовершеннолетнему О. и ранее привлекавшемуся к уголовной ответственности И., находясь на участке на расстоянии 1 километра от животноводческой фермы, действуя согласованно, незаконно приобрели, собрав верхушечные части дикорастущей конопли, наркотическое средство марихуану весом 262,9 г в крупном размере без цели сбыта, поместив его в полимерный пакет) в отношении подсудимого О., наряду с совершением преступления в **несовершеннолетнем** возрасте, признал в качестве исключительных обстоятельств его

раскаяние и полное признание им своей вины в содеянном, а также активное содействие расследованию преступления. Однако рассмотрев несовершеннолетие виновного в качестве исключительного обстоятельства, суд никоим образом не мотивировал свое решение.

При этом суд, признавая несовершеннолетие подсудимого исключительным обстоятельством, никак не обосновал эту исключительность, например, влиянием более старшего участника преступной группы, наличием непреодолимой силы, способствовавшей совершению преступления, воспитанием и другими обстоятельствами [8, с. 80].

Так, например, в решении № ЕАНД/0094/01/13 от 28 мая 2015 г. по делу Арамаиса Нунушяна, в отношении которого было назначено наказание по правилам ст. 64 УК РА (назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление) Кассационный суд отмечает, что «...норма о назначении более мягкого наказания в области уголовной ответственности несовершеннолетних имеет определенные особенности применения и приобретает особую важность. Так, при назначении наказания суд должен не только руководствоваться общими принципами назначения наказания, но и учитывать обстоятельства, перечисленные в ст. 90 Уголовного кодекса РА, совокупность которых может свидетельствовать о наличии «исключительных» обстоятельств в деле и служить основанием для назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено законом».

К таким обстоятельствам Кассационный суд относит:

- 1) условия жизни и воспитания несовершеннолетнего;
- 2) степень развития психики;
- 3) состояние здоровья (имеющиеся данные об умственном и физическом здоровье);
- 4) другие особенности личности (круг интересов, отношение к труду, образованию, правовым и моральным нормам и т. д.);
- 5) влияние на него других лиц.

Кассационный суд констатирует, что во всех тех случаях, когда за инкриминируемое несовершеннолетнему деяние по соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса РА предусматривается только наказание в виде лишения свободы, суд должен рассмотреть возможность выбора более мягкого наказания с применением ст. 64 Уголовного кодекса РА или назначения более низкой меры наказания с учетом совокупности, которые могут признаваться достаточными для назначения наказания по правилам ст. 64 УК РА или применения условного осуждения в случае несовершеннолетия виновного. В частности,

Арамаис Нунушян совершил тяжкое преступление (сбыт наркотических средств) в несовершеннолетнем возрасте (в совершение этого преступления его вовлек отец, отбывающий наказание). В силу отношений между родителем и ребенком подсудимый почувствовал себя обязанным по отношению к отцу, а последний, используя это, склонил его к тяжкому преступлению, указав способ сбыта наркотических средств. Это дает основания полагать, что преступление было совершено под влиянием зависимости, поскольку оно было совершено по мотивам предотвращения опасности, угрожающей отцу и другим членам семьи.

Сопоставление приговоров по различным делам позволяет сделать вывод о значительных затруднениях судов при установлении в каждом конкретном случае действительных «исключительных» обстоятельств из всей совокупности имеющихся смягчающих обстоятельств и, как следствие этого, ошибках при назначении наказания.

Кассационный суд Республики Армения в решении № КД3/0059/01/15 от 22 июня 2017 г. по делу Левона Ваняна отметил: «Только тот факт, что виновный в момент совершения преступления был несовершеннолетним, не может автоматически влечь за собой применение ст. 64 УК РА, и в таком случае возможность применения настоящей статьи подлежит обсуждению в контексте сочетания смягчающих вину обстоятельств по делу, характера преступления, характера и степени общественной опасности и иных обстоятельств».

В ст. 79 УК Республики Молдова отмечается, что «несовершеннолетие лица, совершившего преступление, признается исключительным обстоятельством». Достаточно спорное, на наш взгляд, положение. В связи с этим следует отметить, что в новом УК РА законодатель и вовсе исключил из перечня смягчающих обстоятельств несовершеннолетие виновного.

Анализ судебной практики показывает, что в качестве исключительных обстоятельств признается также совершение преступления вследствие случайного стечения обстоятельств, второстепенная роль виновного в совершении преступления. Так, например, в решении по делу Ануш Минасян в основу назначенного ей наказания по правилам ст. 64 УК РА были положены такие обстоятельства, как случайное вовлечение в совершение преступления (ст. 266 УК РА «Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров в целях сбыта или изготовления либо их незаконный сбыт»), участие лишь в одном эпизоде преступления, второстепенная роль

в преступлении, наличие тяжелого заболевания, наличие детей. То есть ее роль была настолько незначительна и несущественна, что не возникало сомнений относительно того, что данный случай совершенно не типичен и свидетельствует о незначительной степени общественной опасности содеянного.

Анализ судебной практики как Российской Федерации, так и Республики Армения в целом свидетельствует о том, что, несмотря на наличие законодательного положения (вызывающего многочисленные дискуссии) относительно возможности применения ст. 64 при наличии как одного, так и нескольких исключительных обстоятельств, тем не менее, как правило, принимается во внимание совокупность таковых. Вопрос возникает с широкими рамками судейского усмотрения при переводе смягчающих обстоятельств в статус исключительных, когда зачастую таковыми признаются обстоятельства, вовсе не соответствующие устоявшимся критериям исключительности. Проблема усугубляется и правом суда применить положения ст. 64, что, на наш взгляд, нуждается в изменении. Необходимо законодательно закрепить обязанность суда назначить наказание по правилам ст. 64 при констатации некоторых обстоятельств в качестве исключительных.

В каждом конкретном случае необходимо устанавливать взаимосвязь имеющихся смягчающих обстоятельств в совершенном преступлении. Это еще раз подтверждает необходимость проявления индивидуального подхода с учетом всей совокупности обстоятельств содеянного. То или иное смягчающее обстоятельство может приобретать разную окраску при различных ситуациях.

Таким образом, еще раз подтверждается то обстоятельство, что зачастую те или иные обстоятельства сами по себе, взятые по отдельности, не могут признаваться исключительными, в то время как при их взаимосвязанном рассмотрении в общей совокупности иных обстоятельств они приобретают таковой характер.

Согласно ст. 62 УК РФ сроки или размер определяемого виновному наказания при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктами «и» и (или) «к» ч. 1 ст. 61 (и отсутствия отягчающих обстоятельств), не может превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания. Эти обстоятельства являются особо смягчающими, характеризующими постпреступное поведение виновного. Данная норма позволяет индивидуализировать наказание. Вместе с тем наличие отмеченных смягчающих обстоятельств не являет-

ся препятствием для применения ст. 64 УК или условного осуждения. Законодатель наличием данных смягчающих обстоятельств ограничил верхний предел санкции.

Пленум Верховного Суда РФ, давая разъяснения относительно ст. 62 УК РФ, указывает, что «в случае установления исключительных обстоятельств, а равно при активном содействии подсудимого раскрытию группового преступления суд вправе применить положения ст. 64 УК РФ, в том числе при наличии отягчающих обстоятельств».

Кроме того, о гуманизации УК РФ свидетельствуют также изменения, связанные с исключением нижних пределов санкций преступлений, связанных с лишением свободы. Эти изменения позволили судам РФ во многих случаях не обращаться к ст. 64 УК.

Системный анализ ст. 60, 62 и 64 УК РФ позволяет констатировать, что предусмотренные в законе смягчающие обстоятельства при назначении наказания могут учитываться в разных плоскостях: а) в рамках санкции статьи применяемой нормы; б) при применении пунктов «и» и (или) «к» ст. 61; в) применении ст. 64 УК; г) при применении условного осуждения (ст. 73 УК РФ).

Например, деятельное раскаяние виновного (явка с повинной, возмещение материального ущерба и др.) суд может учитывать при применении как ст. 62, так и ст. 64 УК, а также в рамках санкции статьи УК при назначении минимального размера наказания или же условного осуждения. Активное содействие раскрытию преступления как смягчающее обстоятельство, с одной стороны, законодатель учел в ст. 62, и то же обстоятельство – в ст. 64. По сути одни и те же смягчающие обстоятельства, которые существенно снижают степень общественной опасности совершенного преступления и личности виновного, могут быть учтены судом при применении как ст. 62, так и ст. 64. Такой законодательный подход, как свидетельствует судебная практика наших стран, не дает возможности суду в точности определить, какая из этих норм подлежит применению по конкретному делу. Сопоставление отмеченных уголовно-правовых норм показывает, что положенные в основу дифференциации и индивидуализации наказания смягчающие обстоятельства имеют различное значение при назначении наказания, в одних случаях ограничивают законодателем верхний предел санкции, а в других случаях дают право суду назначить наказание ниже низшего предела. На наш взгляд,

подобная законодательная регламентация особых правил назначения наказания, связанных со смягчающими обстоятельствами (в том числе особыми и исключительными по своему характеру), не способствует единообразному пониманию, толкованию и применению отмеченных норм. Мы считаем, что одни и те же смягчающие обстоятельства, существенным образом снижающие степень общественной опасности преступления и лица, его совершившего, должны иметь одинаковое значение. В связи с рассматриваемым вопросом высказал свою точку зрения А.С. Жумаев, согласно которой «при установлении смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, возможна конкуренция между нормами ст. 62 и 64 УК РФ, содержащими специальные правила назначения наказания. Вместе с тем при конкуренции данных специальных правил применяется правило, предусмотренное ст. 64 УК РФ, в силу имеющейся в нем большей привилегии» [9, с. 455].

Как следует из разъяснений Постановления Пленума Верховного Суда: «По смыслу закона, правила, изложенные в ч. 1 ст. 62 УК РФ, могут применяться судами при наличии хотя бы одного из перечисленных в пунктах «и» и (или) «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ смягчающих обстоятельств, если при этом отсутствуют отягчающие наказание обстоятельства». В связи с отмеченной проблемой, в целях внесения некоторых конкретных правил назначения наказания полагаем возможным закрепить обязанность судов назначать наказание по правилам ст. 64 УК РФ в тех случаях, когда в действиях лица одновременно присутствуют все смягчающие обстоятельства, предусмотренные или пунктом «и» или пунктом «к» ст. 61 УК РФ.

К вопросу о том, что одни и те же смягчающие обстоятельства в различных ситуациях в одном случае учитываются судом в качестве простого смягчающего обстоятельства как основания для назначения минимального размера наказания, в других случаях признаются исключительными и влекут за собой применение правил ст. 64 УК РФ (РА), а в третьих – служат основанием для применения условного осуждения, обращается С.С. Аветисян: «Проблема заключается в том, что когда по конкретному уголовному делу есть основания для условного неприменения наказания или для назначения более мягкого наказания, предусмотренного законом, перед судом возникает дилемма: 1. В случае применения ст. 64 суд должен обосновать, что обстоятельства, смягчающие уголовную ответственность и наказание подсу-

димого, исключительны. 2. В случае применения института условного осуждения необходимо обосновать, что данные, характеризующие личность преступника, то есть те же обстоятельства, смягчающие ответственность и наказание, будут достаточны для заключения о том, что исправление подсудимого возможно без отбывания наказания. При принятии решения о применении ст. 70 УК РФ (ст. 73 УК РФ) не обязательно, чтобы смягчающие обстоятельства существенным образом снижали характер и степень общественной опасности преступления и лица, его совершившего. Получается, что при наличии обычных обстоятельств, смягчающих ответственность и наказание, суд может применить условное осуждение, а когда такие обстоятельства исключительны, то есть существенно уменьшают степень опасности лица и совершенного деяния, — ст. 64. Сказанное абсурдно и порождает правовую неопределенность» [4, с. 32–38].

В целях некоторого ограничения судейского усмотрения при применении ст. 64 УК РФ (РФ) и внесения ясности и правовых гарантий для лица, совершившего преступление, представляется целесообразным на основе обобщения имеющихся научных разработок по данному вопросу, положительного зарубежного опыта вывести на законодательном уровне определенные случаи, при установлении которых назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление, будет обязанностью судов.

Предлагаем в случае отсутствияотягчающих обстоятельств и наличия особо смягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктами «и» или «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, закрепить обязанность судов о применении ст. 64 УК РФ (РФ). При этом предполагается наличие двух или более особо смягчающих обстоятельств, предусмотренных в пункте «и» или в пункте «к» ч. 1 ст. 61 УК.

Данный подход может быть использован и при применении условного осуждения. Иначе говоря, имеется объективная потребность в установлении законодателем случаев обязательного применения судами нормы об условном осуждении.

Таким образом, при принятии решения о возможности назначения наказания по правилам ст. 64 исключительные обстоятельства должны находиться во внутренней взаимосвязи с совершенным преступлением и обуславливать уменьшение характера и степени общественной опасности преступления и лица, его совершившего, в то время как при применении условного осуждения необходимо рассматривать их в контексте

установления возможности исправления лица без реального отбывания наказания.

Далее, говоря об «исключительности» тех или иных смягчающих обстоятельств, представляется, что их необходимо рассматривать в увязке с конкретным совершенным преступлением. То есть в качестве исключительных следует признавать те обстоятельства, которые непосредственно связаны с конкретным совершенным преступлением, а не как таковые в отдельности. В качестве таковых можем рассматривать, в частности, противоправное поведение потерпевшего, приобретающее статус «исключительного» смягчающего обстоятельства (например, издевательства, насилие и т. д.) и явившееся поводом для совершения преступления. То есть мы должны обратить внимание на механизм формирования преступного поведения, выразившегося в совершении конкретного преступления. Так, например, в решении по делу Кульпиной указано, что ее муж злоупотреблял спиртным, избивал ее, противоправное поведение его вызвало ответную реакцию — в ходе очередного скандала она совершила убийство своего мужа. Или же, например, вынужденное совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств — то есть вынужденность в данном случае спровоцировала лицо на совершение преступления. Или же в качестве исключительного обстоятельства мы можем признать беременность виновной, однако, опять-таки, в определенном контексте, учитывая характер совершенного преступления, обстоятельства его совершения, мотивы и т. д.

Применительно к этому вопросу следует отметить также имеющуюся в литературе точку зрения относительно рассмотрения состояния беременности в качестве смягчающего обстоятельства. Так, например, М.И. Качан, Л.А. Долиненко, Л.Л. Кругликов и другие полагают, «что состояние беременности включено законодателем в перечень обстоятельств, смягчающих наказание, исходя лишь из принципа гуманности уголовного права, проявляя заботу о здоровье матери, о физической и психической полноценности потомства и, следовательно, состояние беременности влияет на смягчение наказания при совершении любого преступления безотносительно к тому, находится или не находится это преступление в причинной зависимости от состояния беременности» [10, с. 47]. М.И. Качан считает, что УК РФ не связывает состояние беременности именно с моментом совершения преступления, главное, чтобы виновная находилась в положении на момент вынесения приговора [11, с. 15]. Как видим, данные

авторы отстаивают позицию относительно того, что для признания состояния беременности исключительным смягчающим обстоятельством не требуется установления обусловленности совершения преступления данным состоянием, с чем мы, однако, не согласны.

Так, руководитель Самарского подразделения страховой компании «Оранта» Ю. Круглова из капитала фирмы похитила 16 миллионов рублей, то есть совершила хищение в особо крупном размере, причинив своими действиями ущерб работникам данной фирмы. Ю. Кругловой совершено преступление, относящееся к категории тяжких, ее преступные деяния судом были квалифицированы по ч. 4 ст. 159 УК РФ. Санкция данного состава преступления предусматривает только лишение свободы на срок от пяти до десяти лет. Суд же, учитывая, что Ю. Круглова находилась в состоянии

беременности, учел данное состояние и с применением ст. 64 УК РФ назначил ей наказание в виде трех лет лишения свободы, то есть ниже нижшего предела, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ (*Зарипова А. Круглова-сирота // Российская газета. 2010. 23 августа*). Не совсем понятно, в какой причинной связи находятся состояние беременности и совершенное преступление.

Подводя итоги проведенного исследования, еще раз следует подчеркнуть важную роль института назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление, как воплощения принципов справедливости, гуманизма, проявления в каждом конкретном случае индивидуального подхода при назначении наказания. Одновременно следует отметить необходимость дальнейшего совершенствования законодательной регламентации и практики применения данного института.

Литература

1. *Флоря К.Н.* Назначение наказания с учетом причин совершенного преступления. Кишинев: Штиинца, 1980. 135 с.
2. *Бунин О.Ю.* Реализация принципа справедливости при установлении санкций уголовно-правовых норм: монография. М.: Проспект, 2006. — 128 с.
3. *Николаева Т.В.* Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление. Вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Уфа, 2005. 190 с.
4. *Аветисян С.С.* Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено законом: теория и практика // Судебная власть. 2008. № 9/110. С. 32–38.
5. *Буранов Г.К.* Ограничение исключительного смягчения наказания (ст. 64 УК РФ): оправданно или нет? // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 4 (18). С. 85–88.
6. *Шаргородский М.Д.* Вопросы Общей части уголовного права. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. 256 с.
7. *Брайнин Я.М.* Уголовный закон и его применение. М.: Юрид. лит., 1967. 240 с.
8. *Куковякин А.Е.* Исключительные обстоятельства как основание смягчения наказания: монография / под ред. А.А. Нечепуренко. М.: Юрлитинформ, 2018. 143 с.
9. *Жумаев А.С.* Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено законом за данное преступление (ст. 64 УК РФ) // Актуальные проблемы российского права. 2007. № 1. С. 452–455.
10. *Кругликов Л.Л.* Смягчающие и отягчающие обстоятельства в советском уголовном праве. Ярославль: Яросл. ун-т, 1979. 82 с.
11. *Качан М.И.* Обстоятельства, смягчающие наказание, в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Ростов-на-Дону, 2005. 25 с.

References

1. *Florya K.N.* Naznachenie nakazaniya s uchetom prichin sovershennogo prestupleniya [Assignment of punishment taking into account the causes of the crime committed]. Kishinev: Shtiintsya Publ., 1980. 135 p. (In Russian)
2. *Bunin O.Yu.* Realizatsiya printsipa spravedlivosti pri ustanovlenii sanktsii ugovovno-pravovykh norm: monografiya [Implementation of the principle of justice in the establishment of sanctions of criminal law: monograph]. Moscow, Prospekt Publ., 2006. 128 p. (In Russian)
3. *Nikolaeva T.V.* Naznachenie bolee myagkogo nakazaniya, chem predusmotreno za dannoe prestuplenie. Voprosy teorii i praktiki [The imposition of a more lenient punishment than provided for this crime. Questions of theory and practice]. Diss. ... kand. jurid. nauk. 12.00.08. Ufa, 2005. 190 p. (In Russian)

4. *Avetisyan S.S.* Naznachenie bolee myagkogo nakazaniya, chem predusmotreno zakonom: teoriya i praktika [The appointment of a more lenient punishment than provided for by law: theory and practice]. *Sudebnaya vlast' [Judicial power]*, 2008, no. 9/110, pp. 32–38. (In Russian)

5. *Buranov G.K.* Ogranichenie isklyuchitel'nogo smyagcheniya nakazaniya (st. 64 UK RF): opravnanno ili net? [Limitation of exceptional mitigation of punishment (Article 64 of the Criminal Code of the Russian Federation): justified or not?] *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2014, no. 4 (18), pp. 85–88. (In Russian)

6. *Shargorodskii M.D.* Voprosy Obshchei chasti ugovnogo prava [Issues of the General Part of Criminal Law]. Leningrad, Leningr. un-ta Publ., 1955. 256 p. (In Russian)

7. *Brainin Ya.M.* Ugolovnyi zakon i ego primenenie [Criminal law and its application]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1967. 240 p. (In Russian)

8. *Kukovyakin A.E.* Isklyuchitel'nye obstoyatel'stva kak osnovanie smyagcheniya nakazaniya: monografiya [Exceptional circumstances as a basis for mitigation of punishment: monograph]. Ed. A.A. Nechepurenko. Moscow, Yurlitinform Publ., 2018. 143 p. (In Russian)

9. *Zhumaev A.S.* Naznachenie bolee myagkogo nakazaniya, chem predusmotreno zakonom za dannoe prestuplenie (st. 64 UK RF) [Appointment of a more lenient punishment than provided for by law for a given crime (Article 64 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava [Actual problems of Russian law]*, 2007, no. 1, pp. 452–455. (In Russian)

10. *Kruglikov L.L.* Smyagchayushchie i otyagchayushchie obstoyatel'stva v sovetskom ugovnom prave [Mitigating and aggravating circumstances in Soviet criminal law]. Yaroslavl': Yarosl. un-t Publ., 1979. 82 p. (In Russian)

11. *Kachan M.I.* Obstoyatel'stva, smyagchayushchie nakazanie, v rossiiskom ugovnom prave [Circumstances mitigating punishment in Russian criminal law]. Avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk. 12.00.08. Rostov-na-Donu, 2005. 25 p. (In Russian)

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ ПО НОВОМУ УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

Рашидян Андраник Арменович

Цель: проанализировать некоторые вопросы нового Уголовного кодекса Республики Армения в части регламентации института соучастия в преступлении.

Методология: дедукция, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод.

Выводы. Автор приходит к выводу, что использование в законодательном определении соучастия формулировки «двух или более подлежащих уголовной ответственности лиц» вместо формулировки «двух или более лиц» является обоснованным и вытекает из современной доктрины уголовного права по данному вопросу. Законодательное расширение форм пособничества, в частности рассмотрение в качестве пособничества действий лица, подстраховывающего других соучастников от возможного обнаружения (обеспечивающего безопасность) в процессе совершения хищения, не совершающего никаких действий по изъятию и (или) обращению имущества, соответствует сущности групповых преступлений. Такая формулировка проводит четкую грань между исполнителем и пособником.

Закрепление в законе понятия специального субъекта имеет важное практическое и теоретическое значение. Однако данная формулировка нуждается в уточнении и дополнении. Автор обосновывает необходимость выделения неосторожного сопричинения и неосторожного соисполнения.

Научная и практическая значимость. В связи с принятием нового уголовного закона уголовно-правовые нормы, регулирующие отношения, связанные с соучастием в преступлении, нуждаются в дополнительном переосмыслении и анализе. Помимо этого, изучение опыта Республики Армения, в том числе законодательного регулирования соучастия в преступлении, позволит российскому законодателю решить ряд проблем, связанных с совершенствованием соответствующих правовых норм в УК РФ.

Ключевые слова: Республика Армения, соучастие, уголовный закон, преступление, специальный субъект, исполнитель, пособник, уголовная ответственность, невменяемость, субъект преступления, Кассационный суд.

Процесс стремительного развития общественных отношений обусловил необходимость принятия нового уголовного законодательства. В течение семи последних лет шла разработка, и в настоящее время принят новый Уголовный кодекс Республики Армения (далее – новый УК РА), который вступил в законную силу с 1 июля 2022 г.

В условиях экономических, политико-правовых, идеологических, социально-политических, духовных, правовых и других качественно новых кризисных явлений основной акцент в новом УК РА ставится на стабильность правовой системы страны, на усиление режима законности, отвеча-

ющей интересам обеспечения надежной защиты прав и свобод человека и гражданина, интересам общества и государства. Наряду с этим, в нем использованы достижения современной уголовно-правовой науки, передовой опыт зарубежных стран.

Значительное количество теоретических разработок и институтов наконец-то получили в новом УК РА свое законодательное закрепление. Не стал исключением в этом плане и институт соучастия, который по своей сути представляется чрезвычайно многогранным в понимании, а потому весьма противоречивым и интересным для изучения.

Следует заметить, что в утратившем силу Уголовном кодексе Республики Армения 2003 г. многие вопросы, связанные с уголовной ответственностью за совместное совершение преступлений, а также вопросы уголовно-правовой оценки за групповые преступления или не были решены, или получили частичное решение, вследствие чего в правоприменительной практике возникали трудности, часто допускались ошибки при квалификации преступлений.

В рамках данной научной статьи нами сделана попытка анализа некоторых новелл нового УК РА в части регламентации института соучастия в преступлении.

Утративший силу Уголовный кодекс РА 2003 г. в ст. 37 определял соучастие как умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. Аналогичная нормативная дефиниция соучастия закреплена в ст. 32 УК РФ. Таким образом, уголовный закон, определяя понятие соучастия, говорил о «двух или более лицах», однако содержание данного признака не раскрывал.

Проблема заключается в том, что если один из двух участников общественно опасного деяния не достиг возраста наступления уголовной ответственности либо был признан невменяемым, то отсутствует количественный признак соучастия — участие в преступлении не менее двух лиц. Поэтому для привлечения к ответственности за соучастие в совершении преступления необходимым является не просто наличие двух или более лиц, но также вменяемость и достижение возраста уголовной ответственности каждого из соучастников вне зависимости от того, какую он роль выполнял в соучастии.

Новый УК РА в ч. 1 ст. 45 определяет соучастие как умышленное совместное участие двух или более подлежащих уголовной ответственности лиц в совершении умышленного преступления. Таким образом, новый уголовный закон, определяя понятие соучастия, говорит о «двух или более подлежащих уголовной ответственности лицах». Это означает, что в совершении преступления участвуют два или более лица, которые наделены признаками субъекта преступления. Следовательно, если один из двух участников преступления не достиг возраста наступления уголовной ответственности либо был признан невменяемым, то соучастие отсутствует. Представляется, что такая законодательная формулировка обоснована и вытекает из современной доктрины уголовного права по данному вопросу.

Судебная практика также подтверждает состоятельность такого подхода. Например, в по-

становлении по уголовному делу А. Матевосяна и Р. Арутюняна Кассационный суд РА разъяснил: «Соучастником преступления может быть физическое вменяемое лицо, достигшее возраста, с которого наступает уголовная ответственность. Для образования соучастия необходимо наличие не менее двух лиц, обладающих всеми признаками субъекта преступления» (постановление Кассационного суда РА от 25 июля 2008 г., № ЧР-48/08, п. 28). Аналогичная позиция содержится в постановлении Кассационного суда РА по уголовному делу Р. Папяна (постановление Кассационного суда РА от 18 апреля 2013 г., № SГ/0053/01/12, п. 19).

Таким образом, возможность образования соучастия при наличии по меньше мере двух лиц, обладающих признаками субъекта преступления, непосредственно вытекает как из законодательного определения понятия соучастия, так и из судебной практики. Отсюда следует, что если при фактическом совершении преступного деяния какой-либо признаков, как в данном случае множественность субъектов, будет отсутствовать, то говорить о соучастии нельзя. Как справедливо отмечает С.С. Аветисян, «в деяниях одного субъекта, совершаемого с лицами, не подлежащими уголовной ответственности, не наблюдается согласованного виновного посягательства двух или более лиц, о которых говорится в законе. Поэтому в подобных случаях имеет место так называемое посредственное причинение вреда» [1, с. 58].

Примечательно, что в ч. 2 ст. 45 УК РА закреплена положение, в соответствии с которым соучастие отсутствует, когда исполнитель преступления использует такое лицо, которое в силу закона не подлежит уголовной ответственности или не подлежит уголовной ответственности за данное преступление в качестве исполнителя. Таким образом, в данной норме речь идет о посредственном причинении вреда. Ранее в наших научных трудах мы предлагали данный фактор законодательно закрепить в определении понятия соучастия, что разрешит встречающиеся в теории уголовного права и на практике споры относительно вопроса, правильно ли деяние квалифицировать в качестве преступления, совершаемого группой лиц, если один из двух соисполнителей преступления не подлежит уголовной ответственности [2, с. 32–35].

Новый УК РА сохранил исчерпывающий перечень видов соучастников. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 47 соучастниками признаются исполнитель, подстрекатель, организатор и пособник.

Согласно ч. 2 ст. 46 исполнителем признается лицо, непосредственно совершившее преступле-

ние либо непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами (соисполнителями), а также лицо, совершившее преступление посредством использования лица, не подлежащего уголовной ответственности в силу закона, *либо не подлежащего уголовной ответственности за данное преступление в качестве исполнителя* либо совершившего преступление по неосторожности. Такая законодательная формулировка является итогом предшествовавших научных дискуссий и отражает накопленный к сегодняшнему дню опыт противодействия групповым преступлениям.

Таким образом, армянский законодатель в качестве самостоятельной формы исполнительской деятельности выделяет посредственное исполнительство.

Из анализа ч. 2 ст. 46 следует, что посредственное исполнительство имеет место в случаях, когда преступление совершается посредством использования лица, которое в силу закона не подлежит уголовной ответственности за данное преступление в качестве исполнителя. Данная норма распространяется на случаи:

1) когда специальный субъект подстрекает лицо, не наделенное признаками специального субъекта, совершить объективную сторону состава преступления, субъектом которого оно не является. В таких случаях имеет место так называемое посредственное причинение вреда специальным отношениям;

2) когда общий субъект совместно со специальным субъектом выполняют объективную сторону преступления со специальным составом. По смыслу данной статьи исполнителем преступления в таких случаях должен признаваться специальный субъект, а неспециальный субъект должен нести ответственность за пособничество в данном преступлении, и, следовательно, здесь нет группы лиц.

Одним из достоинств нового УК РА, несомненно, является ст. 48, посвященная вопросам соучастия в преступлениях, совершаемых специальным субъектом.

В соответствии с ч. 1 ст. 20 УК РА, «специальным субъектом преступления признается совершившее преступление лицо, которое, кроме признаков, присущих общему субъекту, наделено также дополнительными признаками, предусмотренными Особенной частью настоящего кодекса, которые дают основание привлечь его к уголовной ответственности за соответствующее преступление, предусмотренное Особенной частью настоящего кодекса».

Закрепление в законе понятия специального субъекта, безусловно, имеет важное практическое и теоретическое значение. Однако, на наш взгляд, данная формулировка нуждается в уточнении и дополнении.

Представляется, что предложенное определение должно исходить из концепции С.С. Аветисяна, который утверждает, что «нет понятия специального субъекта самого по себе. Говорить о специальном субъекте преступления в отрыве от других элементов состава неверно. На самом деле речь должна идти о субъекте преступления со специальным составом, в котором не только субъект, но и остальные элементы имеют специальный характер» [1, с. 207].

Действительно, в Особенной части нового УК РА содержится немало норм, устанавливающих ответственность субъектов за посяательства на общие объекты.

Субъекты этих преступлений наделены определенными качествами (это субъекты заражения венерической болезнью или незаконного производства аборта). Дополнительные признаки субъектов этих преступлений не обусловлены особенностями общественных отношений, обеспечивающих функционирование соответствующих объектов.

Это – преступления с общим составом. В таких составах только субъект имеет определенные особенности. Объективная сторона таких деяний (полностью или частично) может быть выполнена и общими субъектами, поскольку нарушения какого-либо специального порядка не требуется.

Таким образом, в ст. 20 нового УК РА речь должна идти не только о преступлениях со специальным субъектом, но и о преступлениях со специальным составом, что имеет принципиальное значение для обоснования ответственности специальных субъектов и соучастников с новых позиций, имеющих универсальный характер и позволяющих устанавливать единые основания ответственности этих лиц.

Недостатком формулировки, приведенной в ст. 20, на наш взгляд, является также игнорирование существующей в научной литературе позиции о том, что «состав преступления и его признаки нельзя сводить лишь к признакам, указанным в диспозиции статей Особенной части УК. Ни одна диспозиция не содержит описания всех признаков конкретного состава преступления. Раскрытие (описание) содержания признака состава, как правило, производится с учетом норм Общей и Особенной части УК и других нормативно-правовых актов (в случае бланкетных диспозиций) с использованием систематического

толкования, разъяснения закона, данного в постановлениях пленумов Верховных судов, судебных решениях, научных источниках» [3, с. 108]. Все специальные составы преступлений носят бланкетный характер.

Так, например, субъектом преступления, предусмотренного в ст. 542 нового УК РА (нарушение уставных правил караульной или гарнизонной службы), может быть признан лишь тот военнослужащий, который входит в состав караула или гарнизона. Категория таких военнослужащих определяется в Уставе гарнизонной и караульной служб ВС РА.

При решении вопроса о надлежащем субъекте указанного преступления и привлечении лица к уголовной ответственности по данной статье принципиально важное значение имеет ст. 10 Закона РА «Об утверждении устава внутренней службы Вооруженных сил РА», запрещающая назначать в караул, на боевое дежурство военнослужащих, не принявших военной присяги.

Приговором суда первой инстанции Лорийской области Г. Саакян был признан невиновным по ч. 1 ст. 315 УК РА на основании отсутствия в его деянии соответствующего состава преступления.

Своим решением апелляционный уголовный суд РА отклонил апелляционный протест прокурора, оставив приговор суда первой инстанции без изменения.

Кассационный суд РА удовлетворил кассационный протест прокурора, отменив приговор суда первой инстанции и оставившее его в законной силе решение апелляционного суда, направил дело на повторное рассмотрение в суд первой инстанции Лорийской области.

В своем постановлении Кассационный суд разъяснил, что «в рассматриваемом составе преступления субъект – специальный. Объективная сторона состава служебной халатности, как правило, выражается в бездействии, неисполнении или ненадлежащем исполнении должностным лицом своих обязанностей. Следовательно, должностное лицо подлежит ответственности по ч. 1 ст. 315, если оно не выполнило или выполнило не в полном объеме те действия, которые входят в его обязанности. Именно по этой причине, чтобы удостовериться в наличии данного состава преступления, прежде всего следует установить, какие предусмотренные законом или подзаконными актами обязанности возложены на должностное лицо» (п. 15, 16. 19 постановления Кассационного суда РА от 18 октября 2013 г. № ЛГ/0207/01/12).

Не соглашаясь с доводами суда первой инстанции и апелляционного суда о том, что должност-

ные обязанности подсудимого Г. Саакяна не были предусмотрены каким-либо правовым актом, Кассационный суд констатировал, что данные обязанности предусмотрены как Лесным кодексом Республики Армения, так и ведомственным приказом о назначении Г. Саакяна инженером по охране леса, в чьи обязанности временно входили полномочия административно-распорядительного характера, поэтому на основании ст. 308 УК РА он мог быть признан специальным субъектом преступления.

Таким образом, из постановления Кассационного суда следует, что часто с целью выявления всех признаков субъекта преступления, условий привлечения лица к уголовной ответственности, а также правильной квалификации содеянного, возникает необходимость обращаться к различным положениям соответствующих правовых актов, которые имеют значение для применения уголовного закона.

В связи с этим корректным считаем положение ч. 1 ст. 1 нового УК РА, в соответствии с которым «уголовное законодательство Республики Армения состоит из настоящего кодекса, международных договоров Республики Армения и тех правовых актов, которые содержат уголовно-правовые нормы или имеют значение для применения уголовного закона».

Особого внимания заслуживают ч. 6 и ч. 7 ст. 46, посвященные понятию пособника и видам пособничества. Анализ названных норм свидетельствует о существенном расширении видов пособничества.

Так, в соответствии с п. 2 ч. 7 ст. 46 «пособником признается лицо, которое заранее дало согласие на участие в преступлении в качестве соисполнителя, однако в процессе совершения преступления другими соисполнителями, непосредственно не принимая участия в совершении преступления, своим присутствием укрепляло решимость исполнителя в совершении преступления».

На наш взгляд, такая законодательная формулировка соответствует как самой сущности хищения, так и нормам о групповом преступлении. Рассматриваемой нормой проводится четкая грань между исполнительством и пособничеством. Общеизвестно, что роль соисполнителей может различаться в зависимости от сложности и характера объективной стороны конкретного преступления. Она может выражаться в том, что, во-первых, каждый соисполнитель полностью выполняет объективную сторону кражи; во-вторых, один соисполнитель выполняет одну часть дей-

ствий, описанных в диспозиции ч. 1 ст. 254 нового УК РФ, а другой – другую (например, при карманной краже один разрезает лезвием бритвы дамскую сумочку, а другой извлекает из нее деньги) [4, с. 389]. Отличие между исполнителем и пособником состоит в том, что последний не выполняет действий, образующих объективную сторону преступления, следовательно, соисполнительство отсутствует в тех случаях, когда лицо, участвовавшее в совершении преступления, только содействует другому лицу реализовывать преступный умысел, непосредственно не выполняя действий, входящих в объективную сторону преступления. Помимо этого, лицо, которое подстраховывает другого соучастника от возможного обнаружения (обеспечивает безопасность) в процессе совершения хищения, не совершает никаких действий по изъятию и (или) обращению имущества. Такие действия не являются необходимым элементом изъятия имущества и, следовательно, не входят в объективную сторону хищения. Таким образом, совершение подобных действий армянский законодатель обоснованно признал пособничеством.

В последние годы в силу увеличения технической оснащенности человеческой деятельности, появления новой техники и технологий, когда в сфере взаимодействия человека и техники возникают ситуации наступления значительно более тяжелых общественно опасных последствий в результате недобросовестного или легкомысленного отношения к своим служебным обязанностям нескольких лиц (например, как это было при черномыльской аварии), проблема ответственности за неосторожное сопричинение становится все более актуальной [5, с. 39–42]. В этом аспекте важное значение имеет проблема всестороннего уяснения сущности неосторожного сопричинения как самостоятельной формы совместной преступной деятельности. В уголовно-правовой литературе в качестве специфических черт неосторожного сопричинения выделяют следующие: а) неосторожное сопричинение – это единое преступление; б) в таком преступлении участвуют несколько субъектов ответственности (множественность субъектов); в) характер поведения, обусловившего наступление результата, взаимосвязанный и взаимообусловленный; г) создается угроза наступления или наступает единое для всех субъектов преступное последствие, предусмотренное конкретным составом; д) имеется причинная связь между допреступным поведением и наступившим последствием; е) посягательство совершается с неосторожной формой вины [6, с. 75]. Очевидно, что неосторожному сопричинению присуща более

высокая степень общественной опасности, чем деянию индивидуально действовавшего лица, и рассматриваемая форма преступного поведения отличается от соучастия тем, что она не соответствует его концепции как совместного умышленного участия двух или более подлежащих уголовной ответственности лиц в совершении умышленного преступления. В наших научных трудах мы неоднократно высказывались за необходимость законодательного закрепления института неосторожного сопричинения последствий [7, с. 79]. Примечательно, что идея выделения неосторожного сопричинения как самостоятельного института получила свое развитие в проекте нового УК РФ. Так, ст. 54 проекта нового УК РФ содержала положение следующего содержания: «Если два или более лица совместно совершают деяние, в результате которого по неосторожности возникают последствия, предусмотренные в качестве признака неосторожного преступления, предусмотренного Особенной частью настоящего кодекса, то данные лица подлежат уголовной ответственности в качестве исполнителей данного преступления, вне зависимости от конкретно чьего деяния возникли данные последствия». Несмотря на это, в окончательной редакции нового УК РФ законодатель так и не воспринял идею выделения наряду с институтом соучастия неосторожного сопричинения общественно опасных последствий как самостоятельного института, что может создать определенные сложности для дифференциации ответственности и индивидуализации наказания сопричинителей вреда.

На наш взгляд, было бы правильным на законодательном уровне закрепить ситуации неосторожного соисполнения и неосторожного сопричинения.

В случае неосторожного сопричинения не обязательно выполнение объективной стороны данного состава преступления, достаточно, чтобы лицо своими противоправными, противоморальными, несоответствующими правилам безопасности деяниями содействовало совершению преступления по неосторожности другим лицом и наступлению общественно опасных последствий. Например, лицо подстрекает другого к нарушению правил безопасности, а последний выполняет данное деяние, и наступают общественно опасные последствия. В данном случае за наступление общественно опасных последствий должен отвечать и подстрекатель к нарушению соответствующих правил.

Приведем другой пример: двое водителей устраивают гонку, и один из них совершает на-

езд, в результате чего погибает человек. В данном случае отвечать за последствия должен и другой водитель.

На основании вышеизложенного можно заключить, что новый УК РА по сравнению УК РА 2003 г. сделал большой скачок вперед в своем развитии, в том числе в сфере регламентирования института соучастия: уточнил законодательное определение соучастия, подробно регламентировал вопросы соучастия в преступлениях, совершаемых специальным субъектом, провел четкую грань между исполнительской и пособнической

деятельностью, на законодательном уровне выделил посредственное причинение вреда в качестве отдельного института. Новый УК РА коснулся и ряда других вопросов института соучастия, которые будут рассмотрены в рамках наших дальнейших исследований.

Полагаем, что проведенный в рамках данной научной статьи анализ некоторых аспектов законодательного регулирования института соучастия в новом УК РА может быть полезным для российского законодателя при совершенствовании соответствующих правовых норм в УК РФ.

Литература

1. *Аветисян С.С.* Соучастие в преступлениях со специальным составом: монография. М.: Юнити, Закон и право, 2004. 463 с.
2. *Аветисян С.С., Рашидян А.А.* Участие двух или более лиц как признак соучастия // Научно-методический журнал «Судебная власть». 2012. № 1/150. С. 32–35.
3. *Аветисян С.С.* Актуальные проблемы теории уголовного законодательства и практики его применения: сборник научных статей. Ереван: Гитутюн, 2004. 119 с.
4. *Гаухман Л.Д.* Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 4-е изд., перераб. и дополн. М.: Центр ЮрИнфоР, 2010. 557 с.
5. *Галиакбаров Р.Р.* Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. Краснодар: КГАУ, 2000. 200 с.
6. *Рарог А.И., Нерсисян В.А.* Неосторожное сопричинение и его уголовно-правовое значение // Законодательство. 1999. № 12. С. 71–77.
7. *Рашидян А.А.* Соучастие в преступлении (проблемы теории и правоприменительной практики): монография. Ереван: Эдит Принт, 2017. 200 с.

References

1. *Avetisyan S.S.* Souchastie v prestupleniyakh so spetsial'nym sostavom. Monografiya [Complicity in crimes with a special composition]. Moscow, Yuniti Publ., Zakon i parvo Publ., 2004. 463 p. (In Russian)
2. *Avetisyan S.S., Rashidyan A.A.* Uchastie dvukh ili bolee lits kak priznak souchastiya [Participation of two or more persons as a sign of complicity]. *Nauchno-metodicheskii zhurnal "Sudebnaya vlast"* [Scientific and methodological journal "Judicial power"], 2012, no. 1/150, pp. 32–35. (In Russian)
3. *Avetisyan S.S.* Aktual'nye problemy teorii ugolovnogo zakonodatel'stva i praktiki ego primeneniya: sbornik nauchnykh statei [Actual problems of the theory of criminal legislation and the practice of its application: Collection of scientific articles]. Erevan, Gitutyun Publ., 2004. 119 p. (In Russian)
4. *Gaukhan L.D.* Kvalifikatsiya prestuplenii: zakon, teoriya, praktika. 4-e izd., pererab. i dopoln [Qualification of crimes: law, theory, practice. 4th ed., revised. and additional]. Moscow, Tsentr YurInfoR Publ., 2010. 557 p. (In Russian)
5. *Galiakbarov R.R.* Bor'ba s gruppovymi prestupleniyami. Voprosy kvalifikatsii [Fight against gang crimes. Questions of qualification]. Krasnodar, KGAU Publ., 2000. 200 p. (In Russian)
6. *Rarog A.I., Nersesyan V.A.* Neostorozhnoe soprichinenie i ego ugolovno-pravovoe znachenie [Careless co-causation and its criminal law significance]. *Zakonodatel'stvo [Legislation]*, 1999, no. 12, pp. 71–77. (In Russian)
7. *Rashidyan A.A.* Souchastie v prestuplenii (problemy teorii i pravoprimenitel'noi praktiki) [Complicity in a crime (problems of theory and law enforcement practice)]. Erevan: Edit Print Publ., 2017. 200 p. (In Russian)

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТРАН СНГ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕГО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОБМАН В СФЕРЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО РЫНКА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Жилкин Максим Геннадьевич,
Доценко Елена Андреевна

Цель: выявление проблем уголовной ответственности за обман в сфере потребительского рынка в Российской Федерации и странах СНГ.

Методология: дедукция, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод.

Выводы. Сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и стран СНГ позволил выявить проблемные вопросы ответственности за обман в сфере потребительского рынка и наметить пути для их разрешения, а именно: возможность выделения отдельной группы преступлений в сфере потребительского рынка; необходимость криминализации деяний, связанных с обманом на потребительском рынке, в том числе при «обмане в цене» либо незаконном повышении цен; криминологическая обоснованность широкого применения нормы об ответственности за оборот товаров и оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности; потребность в разрешении спорных вопросов уголовно-правовой оценки деяний, общественная опасность которых вызвана цифровой трансформацией общественных отношений и иными объективными условиями функционирования социума в условиях усиления государственного контроля над рыночными отношениями.

Научная и практическая значимость заключается в том, что результаты сравнительно-правового анализа обмана в сфере потребительского рынка и полученные в связи с этим дополнительные знания в указанной сфере позволят устранить существующие противоречия и восполнить пробелы в уголовном законодательстве и сформировать предложения по совершенствованию действующего российского уголовного законодательства, а также разработать рекомендации по преодолению проблем, возникающих при уголовно-правовой оценке деяний, связанных с обманом в сфере потребительского рынка. Реализация данных предложений и рекомендаций сможет способствовать повышению эффективности уголовного законодательства об ответственности за преступления в сфере потребительского рынка, а также совершенствованию складывающейся в этой сфере правоприменительной практики.

Ключевые слова: уголовная ответственность, потребительский рынок, обман потребителя, страны СНГ, сравнительно-правовой анализ, предпринимательская деятельность.

1. Приоритетным направлением в области уголовной политики является поиск новых и реформирование уже существующих институтов, которые позволили бы не только эффективно сдерживать и контролировать преступность, но и свести к минимуму общественно-опасные последствия отдельных преступных деяний. Каче-

ство законодательства, регламентирующего основания и порядок ответственности, эффективность его реализации на различных стадиях уголовного процесса влияют на состояние преступности, на решение уголовно-правовых и уголовно-процессуальных задач. Одним из приоритетных вопросов реализации современной уголовной политики

является уголовно-правовое обеспечение экономической безопасности как одного из элементов национальной безопасности Российской Федерации [2, с. 18–22].

Быстрое развитие информационно-коммуникационных технологий сопровождается трансформацией механизмов производства и потребления, появлением новых рынков товаров и услуг, изменением облика существующих отраслей экономики, что может привести к повышению вероятности возникновения угроз безопасности граждан, общества и государства. Вопросы ответственности за криминальные проявления в сфере потребительского рынка в современных условиях представляют повышенный интерес для власти, общественности и исследователей. С проблемами уголовной оценки таких деяний сталкиваются правоприменители.

Эффективность работы рынка товаров, работ и услуг имеет важное значение, так как именно по этому показателю можно оценить уровень социально-экономического развития общества. Престиж государства и доход его бюджета напрямую зависят от экономической стабильности, на которую негативно влияет уровень преступности в сфере потребительского рынка. Рыночная экономика, сопряженная с постоянной конкуренцией, нацеленностью на систематическое получение прибыли, функционирующая в условиях административного и санкционного давления на предпринимательский сектор, ограничений, связанных с пандемией новой **коронавирусной** инфекции, зачастую сталкивается с нарушениями административного и уголовного законодательства в указанной сфере [6, с. 50–57]. Появляются новые виды криминальных проявлений на потребительском рынке, связанные с различными формами обмана лиц, вовлеченных в эти отношения.

2. Уголовный закон не содержит в себе самостоятельной группы норм, регулирующих потребительский рынок, но при этом наличествуют нормы, предусматривающие ответственность за нарушения в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности и другие нормы, прямо или косвенно оказывающие воздействие на данную сферу. Постановления Пленумов Верховного Суда Российской Федерации также не содержат в своих разъяснениях положения, раскрывающих специфику этих преступлений. Между тем Министерством юстиции Российской Федерации подготовлен проект Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, в котором выделена глава 12 «Административные

правонарушения, посягающие на права потребителей», содержащая 10 составов административных правонарушений в сфере потребительского рынка, в части, касающейся нарушения прав потребителей [5].

3. Особенностью формирования уголовного законодательства стран СНГ является их ориентированность на российскую правовую систему. В этой связи их уголовное законодательство в целом схоже по содержанию с УК РФ, за исключением внесенных государствами содружества своих изменений и дополнений, которые могут представлять определённый интерес для развития уголовного законодательства Российской Федерации. Вместе с тем для выработки механизмов уголовно-правового воздействия на криминальные проявления в сфере потребительского рынка в отдельных государствах уже эффективно внедряются некоторые правовые инструменты. Имеющиеся сегодня сравнительно-правовые исследования уголовного законодательства стран СНГ [9] не ставят специальной задачи выявления позитивных или негативных тенденций в сфере уголовно-правового регулирования потребительского рынка, хотя такая потребность объективно имеется. Так, например, в Республике Беларусь, в отличие от других государств, предусмотрена уголовная ответственность за «обман потребителя» в отношении лиц, которые ранее были подвергнуты административному наказанию за нарушения в указанной сфере. С учетом активного сближения экономической и правовой сферы стран СНГ как в рамках единого таможенного пространства, так и в условиях интеграционных процессов между Российской Федерацией и Республикой Беларусь представляет значительный интерес и практическую значимость проведение сравнительно-правового анализа уголовного законодательства России и стран СНГ, предусматривающего ответственность за обман в сфере потребительского рынка.

4. Рост интереса к цифровым активам (криптовалютам, виртуальным вещам и т. д.), которые все чаще используются в качестве инструментов платежа и объектов оборота товаров и услуг на потребительском рынке, требует законодательного регулирования этих новых экономических отношений, но сами эти отношения еще мало изучены с криминологических позиций. С развитием информационных технологий и в условиях цифровой трансформации государственного управления и экономики, рынок товаров, работ и услуг все чаще находит свое место в интернет-ресурсах. Объем товарооборота в виртуальной среде уже превышает привычную

нам торговлю в магазинах, а рынок услуг прирастает ранее неизвестными обществу формами [7, с. 179–181]. В связи с этим наблюдается и рост обмана в данной сфере. Например, интернет-пространство наполнено рекламой суперручных, в народе называемых «инфоцыгане», которые могут научить всему и сразу и даже выдать соответствующий сертификат. Но все ли деяния в сфере потребительского рынка в глобальной сети можно отнести к известному нам мошенничеству? Как эти деяния могут влиять на потребительский рынок и насколько криминальным может быть их оборот и влияние на экономику страны в целом? Мы предполагаем найти ответы на данные вопросы.

Так, в частности, при квалификации преступлений, совершаемых на потребительском рынке, возникает вопрос об отнесении отдельных деяний в сфере ценообразования к мошенническим действиям, которые подразумевают в себе «обман в цене». По нашему мнению, говорить в данном случае о мошенничестве можно только в том случае, если есть непосредственный обман человеческого сознания (введение в заблуждение о качестве товара, его изготовлении и т. д.) при продаже товара (услуги), а обман в цене не может являться деянием по своей сути, потому что даже при завышении цены и предложении ее потребителю у последнего есть право выбора – приобретать указанный товар (услугу) или найти иной, если только на потребителя не будет оказано психологическое воздействие, связанное с введением его в заблуждение, но тогда в этом случае мы можем говорить либо о мошенничестве, либо о возвращении в уголовный кодекс нормы, предусматривающей ответственность за обман потребителя [5, с. 32].

5. В настоящее время существуют и другие проблемы уголовно-правовой оценки деяний при отнесении их к категории совершенных в сфере потребительского рынка. Так, одной из наиболее эффективно действующих норм, оказывающих уголовно-правовое воздействие на потребительский рынок, является сегодня ст. 238 УК РФ, предусматривающая ответственность за преступления, в том числе сопряженные с обманом на потребительском рынке, когда под видом качественных и соответствующих установленным требованиям товаров предлагаются опасные суррогаты и небезопасные услуги. Как известно, до 2016 года эта норма в основном составе имела материальную конструкцию, а после ее изменения, когда общественно-опасные последствия стали признаком квалифицированных и особо квалифицированных

составов, основной состав приобрёл формальную конструкцию «состава опасности». Примечательно, что в 1997 г. по этой статье было осуждено 37 лиц, в 1998 г. – 9, а в 2016 и 2017 гг. – 4370 и 4500 человек соответственно. При этом порядка 80% лиц осуждается по ч. 1 ст. 238 УК РФ – за деяния, не повлекшие тяжких последствий. Но оправдана ли такая репрессия, ведь имеются и другие механизмы воздействия, например возможность привлечения лиц за подобные деяния не к уголовной, а к административной ответственности? С другой стороны, в последнее время можно наблюдать ситуации, когда деяния, квалифицируемые ст. 238 УК РФ, влекут за собой тяжкие последствия, такие как смертельные отравления продуктами питания, алкогольными напитками, лекарствами и т. д. Но всегда ли дается правильная уголовно-правовая оценка таких ситуаций? Думается, что нет.

6. Декриминализация такого традиционно для российского права правонарушения, как обман потребителей, ответственность за совершение которого предусматривалась ранее ст. 200 УК РФ, не только не устранила существовавшие противоречия в уголовно-правовой оценке деяний, направленных на обман потребителей при продаже им товаров [3, с. 4], выполнении работ и оказании услуг, но породила новые проблемы правильной уголовно-правовой оценки деяний, совершаемых подобным образом, в том числе связанные с определением критериев их ограничения от административного правонарушения, предусмотренного ст. 14.7 КоАП РФ, и от гражданско-правовых деликтов. Одним из оснований декриминализации обмана потребителей в 2003 г. являлся низкий уровень общественной опасности указанного деяния, но уже спустя 10 лет в 2013 г. была выдвинута инициатива криминализации обмана потребителей, которая, однако, не нашла поддержки ни в Государственной Думе Российской Федерации, ни в Верховном Суде Российской Федерации [1, с. 11–20]. Вместе с тем реалии сегодняшнего дня требуют вновь обратиться к данному вопросу. Так, сегодня наиболее злободневными видами обмана потребителя являются необычные условия покупок, когда продавцы объявляют акции, пытаются оптимизировать процесс торговли: устанавливают минимальную сумму покупки; удерживают завышенную стоимость платной доставки с покупателя; не устанавливают ценники на товар, либо устанавливают ценники с цифровым кодом вместо цен; обещают потребителю бесплатную установку при покупке товара

с включением ее стоимости в кассовый чек; отказывают в гарантийном ремонте со ссылкой на особые условия в договоре и т. п.

По данным судебной статистики в период с 2017 по 2019 гг. в судах рассмотрено дел за обман потребителей (ст. 14.7 КоАП РФ) – 341, наказано – 203 лица, из которых подвергнуто административному штрафу – 200; рассмотрено дел за нарушение порядка ценообразования (по ст. 14.6 КоАП РФ) – 1949, наказано – 1041 лицо, из которых 837 подвергнуто административному штрафу. Анализ показывает, что количество дел, рассмотренных судами за нарушения порядка ценообразования (ст. 14.6 КоАП РФ) и за обман потребителей (ст. 14.7 КоАП РФ), ежегодно растет, несмотря на высокий процент наказания в форме штрафа.

Как видится, такая ситуация содержит в себе потенциал криминализации подобных деяний при установлении в качестве одного из оснований уголовной ответственности наличия у субъекта, повторно совершающего аналогичное правонарушение, ранее административного наказания. В то же время анализ уголовно-правых норм о преступлениях в сфере потребительского рынка показывает, что только ст. 171⁴ и 180 УК РФ предусматривают в основных составах «неоднократность» совершения деяния, под которой понимается, что лицо, его совершившее, считается подвергнутым административному наказанию. Таким образом, имеются предпосылки правового мониторинга и в этом направлении. В случае же принятия проекта Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, который включает в себя отдельную главу о правонарушениях, посягающих на права потребителей, для создания межотраслевой взаимосвязи будет востребовано перенесение такого законодательного решения и в уголовно-правовую сферу.

7. В соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации введен постоянный мониторинг цен на отдельные виды потребительских товаров и услуг, согласно которому органы исполнительной власти должны осуществлять мониторинг цен на товары и услуги и предоставлять данные в Министерство экономического развития, которое, в свою очередь, будет их анализировать с дальнейшей передачей данных в Правительство Российской Федерации и предоставлением предложений по мерам их регулирования (*Распоряжение Правительства РФ от 27 февраля 2021 г. № 497-р «Об утверждении перечня групп потребительских товаров и услуг, относящихся к сфере ведения федеральных органов*

исполнительной власти для целей анализа причин роста потребительских цен и выработки мер экономического регулирования, направленных на обеспечение сбалансированности рынков потребительских товаров и услуг» // СЗ РФ. 2021. № 11. Ст. 1840). Из этого следует, что на протяжении длительного времени государственные органы должны будут заниматься сбором и анализом информации без конкретного реагирования на нарушения в данном направлении, что позволит недобросовестным участникам экономических отношений пользоваться возможностями такого законодательного пробела. Таким образом, государственный контроль цен на рынке товаров, работ и услуг нормативно установлен, а дифференцированная ответственность за нарушения в указанном направлении в настоящее время отсутствует. Данный вопрос стал одним из предметов парламентских слушаний на тему: «Совершенствование правового механизма государственного регулирования ценообразования на продовольственные товары первой необходимости», которые проходили в Комитете Государственной Думы по аграрным вопросам 10 марта 2021 г. (*Материалы парламентских слушаний на тему «Совершенствование правового механизма государственного регулирования ценообразования на продовольственные товары первой необходимости» // [Электронный ресурс]: URL: http://komitet2-20.km.duma.gov.ru/upload/site2/document_news/025/562/635/Materialy_Parlament_slushaniya_10_marta_Chast1.pdf (дата обращения: 10.12.2021)*). Представляется, что есть потребность исследования этого вопроса и с уголовно-правовых позиций.

Уголовный Кодекс Российской Федерации предусматривает ответственность за деяния в области антимонопольного законодательства, заключающиеся в ограничении конкуренции (ст. 178 УК РФ). Вместе с тем данная норма имеет узкий спектр действия, так как распространяется только на участников картелей, «ограничивающих конкуренцию соглашений между хозяйствующими субъектами-конкурентами». При этом исследование практики в области ценового регулирования показывает, что решения антимонопольных органов не реализуются, несмотря на то, что нарушения в данной сфере являются распространенными, потому что дают возможность хозяйствующему субъекту получить сверхприбыль с наименьшими затратами, необходимыми для анализа цен потребителей. В связи с этим в России фактически отсутствуют институциональные условия для регулирования ценовой дискриминации на рынках [8, с. 855].

Вместе с тем, по сообщениям средств массовой информации, в 2021 г. Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации предложила ужесточить законодательство для бизнеса за ряд нарушений, в том числе за игнорирование требований о прекращении злоупотребления доминирующим положением, удвоив суммы штрафов за неисполнение в указанный срок ее решений и предписаний, а в случае неисполнения ее предписаний дважды и более раз усилить административную ответственность (*Перцева Е., Кодачигов В. Пакетное продолжение: в России снова ужесточают антимонопольное законодательство // [Электронный ресурс]: URL: <https://iz.ru/1235628/evgeniia-pertceva-valerii-kodachigov/paketnoe-prodolzhenie-v-rossii-snova-uzhestochaiut-antimonopolnoe-zakonodatelstvo> (дата обращения: 10.12.2021)*). Кроме того, в целях недопущения роста цен на отдельные продукты питания в 2021 г. регулятор неоднократно вмешивался в процесс ценообразования на потребительском рынке, что, как мы полагаем, является сигналом для криминологической оценки подобных явлений (*ФАС: «Магниту» и «Пятерочке» выданы предупреждения снизить цены на продукты в Подмоскowie // [Электронный ресурс]: URL: <https://fas.gov.ru/news/31498> (дата обращения: 10.12.2021)*). Это свидетельствует о том, что государство стремится закрепить свое влияние в области ценообразования на потребительском рынке, но достаточно ли у него рычагов? Возможно, потенциал уголовно-правового воздействия используется недостаточно.

Трагические события начала 2022 г. в Республике Казахстан, потребовавшие для их нормализации ввода объединенных вооруженных сил ОДКБ, как мы знаем, начались на фоне протестов части населения республики по поводу двукратного повышения розничных цен на сжиженный газ. В России мы также наблюдаем значительный рост цен в первую очередь на продукты питания, а сельхозпроизводители продолжают грозить новыми повышениями. Вслед за этим увеличивается тревожность населения, которая может привести к всплеску недовольства и за которым могут последовать более опасные события. Обеспокоенность вызывает и спекулятивный рост стоимости лекарств, необходимых для лечения COVID-19, а стоимость теста на наличие вируса в разных аптеках варьируется от 600 до 3000 рублей. В связи с этим полагаем, что в Российской Федерации существуют определенные предпосылки для установления уголовной ответственности за нарушения в области ценообразования. При этом

необходимо рассматривать ужесточение ответственности в указанной области целесообразно только в отношении товаров и услуг, социально значимых для населения, список которых необходимо закрепить в законодательстве. Вместе с тем, учитывая, что уровень общественной опасности деяний, связанных с нарушением порядка ценообразования на социально значимые товары и услуги, возможно, и не является достаточно высоким (в силу наличия соответствующей нормы об административных правонарушениях), но при этом указанные деяния могут совершаться одним и тем же хозяйствующим субъектом неоднократно, то мы полагаем бы возможным установление за подобные повторные правонарушения уголовной ответственности при наличии у лица административной наказуемости за аналогичные деяния. В перспективе, такие деяния можно будет отнести к категории уголовного проступка, если законопроект о его введении будет все-таки принят. Обращаем внимание, что вопросы криминологического обеспечения продовольственной безопасности волнуют наших коллег-ученых из стран СНГ [3].

8. Обман в сфере потребительского рынка также стал актуальным криминальным явлением в период распространения новой коронавирусной инфекции и с последующим введением на уровне государственного управления различных видов ограничений, в том числе так называемых QR-кодов. Известны случаи возбуждения уголовных дел по фактам предъявления поддельных QR-кодов и других документов, дающих права или освобождающих от обязанностей (сертификатов о вакцинации, справок о медицинском отводе от вакцинации и пр.). При этом введение обязательной вакцинации для определенных категорий граждан, как обнаружилось, создает условия криминализации этой сферы, когда сотрудники организации или работодатели совершают противоправные деяния для получения QR-кодов с целью обеспечения возможности продолжать осуществлять свою законную деятельность. Однако, чем с правовой точки зрения на самом деле является QR-код и документ, на котором он проставлен, и есть ли основания привлекать к уголовной ответственности лиц, их фальсифицирующих, сбывающих или использующих? Эти вопросы также требуют разрешения, причем безотлагательно.

Таким образом, мы полагаем, что изучение обмана в сфере потребительского рынка и его уголовно-правовая оценка представляет сегодня актуальную и практически значимую задачу.

При этом для снижения негативных эффектов от борьбы с обманом в сфере потребительского рынка необходимо рассмотреть вопросы межотраслевой дифференциации ответственности за преступления указанной категории, в том числе определить место нормы о малозначительности деяния в системе дифференциации уголовной ответственности за обман в сфере потребительского рынка, исследовать возможности установления ответственности за подобные деяния в форме предполагаемых к введению в законодательство уголовных проступков, а также рассмотреть вопросы рассогласованности норм уголовного закона с уголовно-процессуальными нормами.

Потребность в разработке заявленной темы обусловлена необходимостью комплексного межотраслевого изучения преступлений, связанных с обманом в сфере потребительского рынка, необходимостью рассмотрения перспективы дифференциации данной категории преступлений, выраженной в криминализации или декриминализации деяний, и иных альтернативных форм уголовно-правового воздействия с целью обеспечения безопасности развития национальной экономики и общества. Сравнительный анализ законодательного и правоприменительного опыта стран СНГ в указанной сфере позволит использовать его позитивные результаты в процессе совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации.

Литература

1. Борзиков А.А., Ефремова М.А. Обман потребителей в современном уголовном праве: перспективы и проблемы криминализации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2 (20). С. 116–120.
2. Гравина А.А., Зайцев О.А., Жилкин М.Г. и др. Научно-практический комментарий к главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» Уголовного кодекса Российской Федерации: в 2 т. Т. 1. М.: Юридическая фирма «Контракт», 2020. 400 с.
3. Гринеvский Р.Г. Уголовно-правовая оценка обмана в сфере продажи товаров, выполнения работ и оказания услуг: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. М., 2010. 26 с.
4. Гюльалиева Р.А. Криминологические аспекты обеспечения продовольственной безопасности в Азербайджане // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 3. С. 56–61.
5. Жилкин М.Г. Дифференциация уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.08. М., 2019. 402 с.
6. Жилкин М.Г., Доценко Е.А. Криминальные проявления на потребительском рынке: проблемы определения и учета // Сибирский юридический вестник. 2021. № 1. С. 50–57.
7. Кривчун А.А. Интернет-услуги и их классификация // Молодой ученый. 2020. № 25 (315). С. 179–181.
8. Смирнова О.О., Елагина Е.А. Антимонопольное регулирование продовольственных рынков: сопоставление опыта России и ЕС // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9. № 1В. С. 849–856.
9. Уголовное законодательство государств, граничащих с Республикой Беларусь (сравнительный контент-анализ) / под ред. В.В. Марчука, В.Н. Хомича. Минск: Амалфея, 2019. 444 с.

References

1. Borzikov A.A., Efremova M.A. Obman potrebitelei v sovremennom ugovnom prave: perspektivy i problemy kriminalizatsii [Consumer fraud in modern criminal law: prospects and problems of criminalization]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2015, no. 2 (20), pp. 116–120. (In Russian)
2. Gravina A.A., Zaitsev O.A., Zhilkin M.G. and etc. Nauchno-prakticheskii kommentarii k glave 22 «Prestupleniya v sfere ekonomicheskoi deyatelnosti» Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: v 2 t. T. 1. [Scientific and practical commentary to chapter 22 “Crimes in the field of economic activity” of the Criminal Code of the Russian Federation. In 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Yuridicheskaya firma “Kontrakt” Publ., 2020. 400 p. (In Russian, abstract in English)
3. Grinevskii R.G. Uголовно-правовая otsenka obmana v sfere prodazhi tovarov, vypolneniya rabot i okazaniya uslug [Criminal legal assessment of fraud in the sphere of sale of goods, performance of work and provision of services]. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Moscow, 2010. 27 p. (In Russian)

4. *Gyul'alieva R.A.* Kriminologicheskie aspekty obespecheniya prodovol'stvennoi bezopasnosti v Azerbaidzhane [Criminological aspects of ensuring food security in Azerbaijan]. *Soyuz kriminalistov i kriminologov [Union of Criminalists and Criminologists]*, 2020, no. 3, pp. 56–61. (In Russian, abstract in English and German)
5. *Zhilkin M.G.* Differentsiatsiya ugolovnoi otvetstvennosti za prestupleniya v sfere predprinimatel'skoi deyatel'nosti: problemy teorii i praktiki [Differentiation of criminal liability for crimes in the field of entrepreneurial activity: problems of theory and practice]. Avtoref. diss. ... d-ra yurid nauk. Moscow, 2019. 402 p. (In Russian)
6. *Zhilkin M.G., Dotsenko E.A.* Kriminal'nye proyavleniya na potrebitel'skom rynke: problemy opredeleniya i ucheta [Criminal Manifestations in the Consumer Market: Problems of Definition and Accounting]. *Sibirskii yuridicheskii vestnik [Siberian Law Bulletin]*, 2021, no. 1, pp. 50–57. (In Russian, abstract in English)
7. *Kryvchun A.A.* Internet-uslugi i ikh klassifikatsiya [Internet services and their classification]. *Molodoi uchenyi [Young Scientist]*, 2020, no. 25 (315), pp. 179–181. (In Russian)
8. *Smirnova O.O., Elagina E.A.* Antimonopol'noe regulirovanie prodovol'stvennykh rynkov: sopostavlenie opyta Rossii i ES [Antitrust regulation of food markets: a comparison of EU and Russian experience]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow]*, 2019, vol. 9, no. 1B, pp. 849–856. (In Russian, abstract in English)
9. Ugolovnoe zakonodatel'stvo gosudarstv, granichashchikh s Respublikoi Belarus' (sravnitel'nyi kontent-analiz) [Criminal legislation of the states bordering the Republic of Belarus (comparative content analysis)]. Eds. V.V. Marchuk, V.N. Khomich. Minsk, Amalfeya Publ., 2019. 444 p. (in Russian)

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ О ЗАЩИТЕ ГЕНОМА ЧЕЛОВЕКА, ЭМБРИОНА, ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В РОССИЙСКОЕ УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Галюкова Мария Игоревна

***Цель:** международно-правовые принципы правового регулирования охраны генетических данных, регламентации исследований генома человека, запрета на клонирование человека постоянно находятся в центре внимания общественности, политиков, ученых-генетиков и юристов. Вместе с тем интеграция международных норм в области биоэтики и биогенетики в правовое пространство Российской Федерации сопровождается высоким уровнем настороженности и немотивированной инертности. Цель данной статьи – анализ содержания международно-правовых актов и выявление наиболее значимых идей в сфере биобезопасности и биополитики, дальнейшее аргументирование которых приведет научное сообщество к формированию полноценной концепции уголовно-правовой защиты биогенетических прав человека.*

***Методология:** в качестве основных использовались следующие общенаучные методы познания: восхождение от абстрактного к конкретному, моделирование, сравнение, анализ и синтез, индукция и дедукция.*

***Выводы.** На базе анализа международно-правовых актов и существующих подходов к интерпретации международных предписаний представлена авторская классификация международных актов в сфере био-права и биоэтики. Проводится анализ основных международно-правовых актов в сфере биополитики, значения актов «мягкого права» для развития отечественной уголовно-правовой науки в области биобанкинга, биоинформатики, репродуктивного права. На основании международных норм обосновывается авторская позиция относительно усиления уголовной ответственности за клонирование человека, незаконный сбор, хранение и распространение генетической информации, за изменение генома человека.*

***Научная и практическая значимость** заключается в предлагаемой автором модели реформирования отдельных статей Особенной части Уголовного кодекса РФ, а также конструирования новых составов преступлений против личности: клонирование человека, изменение генома человека. Предложенная модель вносит вклад в теорию уголовного права, в том числе в систематизацию Особенной части уголовного закона, и может служить поводом для научной дискуссии.*

***Ключевые слова:** геном человека, генетические данные, эмбрион, биоэтика, права человека, международное право, биобезопасность, медицина высоких технологий, биополитика, клонирование, биобанк, генетическая паспортизация, уголовный закон, преступления против биогенетических прав человека, законодатель, инновационные технологии.*

Тайны природы и человека надежно скрывает генетический код. Самый масштабный и амбициозный международный проект в истории науки «Геном человека» стартовал в 1990 г. За десятилетие детальных исследований ученым удалось прочитать геном человека и представить почти полные нуклеотидные последовательно-

сти ДНК человека. Вслед за генетиками вопросы биотехнологий заинтересовали российского законодателя и научное сообщество. В настоящее время мы имеем фрагментарное позитивное законодательство и достойную базу работ ученых в области гражданского и международного законодательства по проблемам биобезопасности

и биополитики. К сожалению, уголовно-правовая теория не содержит эффективного механизма защиты биогенетических прав человека. Отсутствие уголовно-правовой ответственности за причинение вреда жизни и здоровью человека путем воздействия на геном либо за хищение генетической информации влечет безнаказанность преступников. История человечества уже сталкивалась с кровавыми экспериментами над людьми, Нюрнбергский процесс по делу врачей 1947 г. не только поставил точку в деле врачей-нацистов, но и послужил импульсом к развитию современной биоэтики и медицинского права. Уроки прошлого обязывают мировые державы иметь качественное законодательство, каждая отрасль которого складывалась бы в общий «щит безопасности» человека и человечества.

Уголовный закон РФ не предусматривает возможности прямого использования международных норм в российском судопроизводстве, поэтому в данной статье в рамках сравнительно-правового подхода мы исследуем международное законодательство о биобезопасности и определяем базовые подходы и положения, подлежащие прямой интеграции в уголовное законодательство РФ.

Общие принципы биоэтической защиты прав человека неоднократно являлись предметом исследований, в том числе и на диссертационном уровне [12].

Концентрированными усилиями ученых разработана современная система принципов правового регулирования генетических исследований. Наиболее эффективными стандартами (принципами) являются:

- уважение прав, основных свобод и неприкосновенности человека;
- полный анализ рисков и преимуществ генетических исследований;
- законность и обоснованность целей и задач генетического исследования;
- добровольное и информированное согласие человека на проведение генетического исследования;
- предоставление открытого доступа к инновационным разработкам и научным открытиям в сфере биоправа.

Кроме того, цивилистами проведены подробные исследования по частным вопросам международного права [1], [7].

Однако в правовом пространстве отсутствуют полноценные монографические исследования по вопросам биобезопасности в международном праве. Исследователи ограничиваются небольшими работами, содержание которых, несомненно,

представляет огромный научный интерес, но формат научной статьи не позволяет нам в полной мере углубиться в данную проблематику.

Проведя анализ 42 публикаций в сфере аналитики биомедицинских исследований, мы выявили следующие общие аспекты, которые попали в фокус юристов-правоведов. Это вопросы:

- международных стандартов этики в биомедицине, этико-правовые коллизии [8];
- защиты прав детей [10];
- международно-правового регулирования в сфере генетических исследований [3];
- защиты генетических данных [11];
- международно-правового исследования в сфере биобанкинга, биоинформатики и репродукции человека [5];
- технологии блокчейна в геномных исследованиях [6].

В настоящее время количество международных актов, прямо или косвенно связанных с вопросами биобезопасности, значительно, но большинство из них носит формально-декларативный характер. Нашей задачей является обозначить и исследовать те международно-нормативные акты, которые позволят максимально эффективно развиваться российскому уголовному законодательству в области биополитики.

Круг вопросов, который освещается в «мягком праве», довольно широк, мы обратимся к уже состоявшимся попыткам классификации актуальных международных предписаний.

А.В. Троицкий, Т.Г. Суранова, Г.Г. Суворов, С.С. Зенин, Е.И. Суворова в своем коллективном исследовании выделяют только универсальные базовые документы, которые являются прочным фундаментом для развития принципов биоправа и биоэтики [11].

А.В. Кубышкин и С.В. Косилкин все международные акты, регламентирующие правоотношения, непосредственно связанные с генетическими исследованиями и внедрением их результатов, разделяют на две группы. Первая сфокусирована на развитии и формировании регуляторной правовой среды для общественных отношений в области создания, исследования, применения и распространения генетически модифицированных организмов (за исключением человека). Вторая группа международных актов направлена на формирование и трансформирование регуляторной среды для государственных и общественных отношений, отвечающих за геномные исследования, касающиеся человека, репродукции человека, на обеспечение безопасности соответствующего генетического материала, обработки генетических

данных, возможности некоммерческого и коммерческого использования результатов геномных исследований в указанных сферах и других общественных отношений [6].

Интересно, что те же авторы, но в исследовании, изданном ранее, выделяют четыре вида международно-правовых актов. Во-первых, так называемые акты «мягкого права», находящиеся у истоков формирования парадигмы геномного инжиниринга, биобанкинга и биоинформатики. Вторая категория — это международные договоры, которые заключены в рамках деятельности Совета Европы. Третья группа — рекомендации, принятые ВОЗ. Четвертая — практика ЕСПЧ [5]. Данная работа нам кажется более интересной для изучения с точки зрения анализа норм международного права.

П.А. Калиниченко и Е.К. Нечаева также выделяют два подхода. Первый акцент авторы ставят, обобщая международный опыт регулирования базовых гарантий прав личности в сфере геномики и геномной инженерии. В основе указанного подхода лежат основополагающие международные конвенции о правах и иные международные документы о защите прав человека в рамках биомедицины. Второй подход можно назвать узконаправленным, он связан с обеспечением биобезопасности. При этом ученые полагают, что он слабее представлен на международном уровне [4].

На наш взгляд, классификация международных актов в сфере биобезопасности должна быть представлена следующими группами:

1. *Универсальные международные акты, регламентирующие вопросы биоэтики и защиты прав человека на жизнь и здоровье.*

К числу таковых относятся:

— Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.);

— Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной ассамблеи ООН);

— Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной ассамблеи ООН);

— Декларация прав ребенка (принята 20 ноября 1959 г. Резолюцией 1386 (XIV) на 841-м пленарном заседании Генеральной ассамблеи ООН);

— Международный кодекс медицинской этики (принят 3-й Генеральной ассамблеей Всемирной медицинской ассоциации. Женева, Швейцария, октябрь 1949 г.);

— Оттавская хартия укрепления здоровья (принята на Первой международной конференции по развитию здоровья. Оттава, Канада, 1986 г.).

2. *Международные акты, посвященные вопросам правового регулирования геномных исследований и правового статуса эмбриона.*

В качестве примера можно привести следующие документы:

— Международная декларация о генетических данных человека (принята резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО по докладу Комиссии III на 20-м пленарном заседании 16 октября 2003 г.);

— Резолюция № 59/280 Генеральной ассамблеи ООН «Декларация ООН о клонировании человека» (принята в Нью-Йорке 8 марта 2005 г. на 82-м пленарном заседании 50-й Генеральной ассамблеи ООН);

— Декларация о проекте «Геном человека» (принята 44-й Всемирной медицинской ассамблеей. Марбелла, Испания, сентябрь 1992 г.);

— Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (ETS № 164) (Овьедо, Испания, 4 апреля 1997 г.);

— Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека (принята 11 ноября 1997 г. на 29-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО).

3. *Международные акты, регулирующие вопросы деятельности биобанков и защиты генетической информации.*

К их числу относятся:

— Конвенция о биологическом разнообразии (Рио-де-Жанейро, Бразилия, 5 июня 1992 г.) и Картахенский протокол по биобезопасности (Монреаль, Канада, 29 января 2000 г.);

— Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (Страсбург, Франция, 28 января 1981 г.) (вместе с Поправками к Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (СДСЕ № 108), позволяющими присоединение европейских сообществ, принятыми Комитетом Министров в Страсбурге 15 июня 1999 г.);

— Рекомендация Комитета министров Совета Европы Res (2006) 4 государствам-участникам «Об исследованиях биологических материалов человеческого происхождения» (принята Комитетом министров 15 марта 2006 г. на 958-м заседании постоянных представителей министров).

4. *Международные акты, посвященные вопросам проведения медицинских экспериментов и исследований с участием человека, донорства:*

– Резолюция Комитета министров Совета Европы № (78) 29 «Об упорядочении законодательства стран-членов в отношении изъятия и трансплантации человеческих субстанций» (принята Комитетом министров 11 мая 1978 г. на 287-м совещании заместителей министров);

– Венецианская декларация о терминальном состоянии (принята 35-й Всемирной медицинской ассамблеей. Венеция, Италия, октябрь 1983 г.);

– Заявление Всемирной медицинской ассамблеи о торговле живыми органами (принято 37-й Ассамблеей ВМА, Брюссель, Бельгия, октябрь 1985 г.);

– Декларация об эвтаназии (принята 39-й Всемирной медицинской ассамблеей. Мадрид, Испания, октябрь 1987 г.);

– Декларация о трансплантации человеческих органов (принята 39-й Всемирной медицинской ассамблеей. Мадрид, Испания, октябрь 1987 г.);

– Заявление Всемирной медицинской ассамблеи о трансплантации эмбриональных тканей (принято 41-й Всемирной медицинской ассамблеей, Гонконг, сентябрь 1989 г.);

– Резолюция Всемирной медицинской ассамблеи по вопросам поведения врачей при осуществлении трансплантации человеческих органов (принята 46-й ВМА, Стокгольм, Швеция, сентябрь 1994 г.);

– Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (ETS № 164) с дополнительными протоколами (Овьедо, Испания, 4 апреля 1997 г.).

5. Судебная практика ЕСПЧ.

Наиболее значимыми для развития российского уголовного законодательства, на наш взгляд, являются:

– Постановление Европейского суда по правам человека от 3 апреля 2012 г. Дело «Йильберг против Швеции» (жалоба № 41723/06);

– Постановление Европейского суда по правам человека от 3 мая 2007 г. Дело «Бончковский и другие против Польши» (жалоба № 1543/06) (IV Секция);

– Дело Greenberg v. Miami Childrens Hospital res. Inst. Inc. No 02-22244-CIV-MORENO;

– Постановление Европейского суда по правам человека от 10 апреля 2007 г. по делу «Эванс (Evans) против Соединенного Королевства» (жалоба № 6339/05);

– Постановление Европейского суда по правам человека от 4 декабря 2007 г. по делу «Диксон (Dickson) против Соединенного Королевства» (жалоба № 44362/04);

– Постановление Европейского суда по правам человека от 4 декабря 2008 г. по делу «S. и Марпер (Magper) против Соединенного Королевства» (жалобы № 30562/04 и 30566/04);

– Постановление Европейского суда по правам человека от 26 мая 2011 г. «Дело R.R. против Польши» (жалоба № 27617/04).

Разумеется, представленная классификация носит обобщенный характер, и часть международных актов, касающихся общего раздела, может успешно использоваться при разрешении коллизий, связанных с узкими правовыми вопросами. К числу универсальных международно-правовых документов следует отнести Конвенцию о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (ETS № 164) (заключена в г. Овьедо 4 апреля 1997 г.). Она регулирует социально значимые правоотношения в нескольких сферах биомедицинской деятельности.

Наиболее часто используемые в правовом пространстве понятия – геном человека, генетическая информация, эмбрион человека и клонирование. Российский законодатель очень осторожно подходит к толкованию обозначенных правовых явлений. Фактически мы можем говорить о скудности российской правовой базы в области биогенетики и репродуктологии, что блокирует развитие уголовного права и уголовного законодательства страны. Правоприменители для разрешения правовых коллизий обращаются напрямую к нормам международного права. Но, если в гражданском судопроизводстве допустимо использование духа и смысла международного закона, то уголовное судопроизводство разрешает использование только норм Уголовного кодекса РФ. В связи с чем встает вопрос: существуют ли нормы международного права, которые уже сейчас можно прямо интегрировать в Уголовный кодекс РФ?

Итак, геном человека лежит в основе изначальной общности всех представителей человеческого рода, а также признания их неотъемлемого достоинства и разнообразия. Он знаменует собой достояние человечества (ст. 1 Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека (принята 11 ноября 1997 г. на 29-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО)).

Конвенция о правах человека и биомедицине (Овьедо, 1997 г.) в IV, V главах закрепляет базо-

вые положения относительно экспериментов над геномом человека и трансляции научных достижений в общество. К числу таковых относятся:

- запрет на дискриминацию по признаку генетического наследия;
- запрет на создание эмбрионов в исследовательских целях;
- прогностическое генетическое тестирование только в медицинских или научных целях;
- вмешательство в геном человека только в профилактических, диагностических или терапевтических целях и только при условии, что оно не направлено на изменение генома наследников данного человека;
- частичный запрет на выбор пола (родителям разрешено менять пол ребенка только в случаях предотвращения наследования заболевания, связанного с полом).

А.А. Мохов, Д.В. Бутнару и А.Н. Яворский отмечают, что ввиду «генетического разнообразия человека и различий биологического жизненного пути каждого из нас, расшифровка генетической информации может иметь непредсказуемые последствия для социальной жизни человека, так как содержит данные об этносе и генетическом происхождении, девиантных наклонностях, врожденных заболеваниях, сексуальной ориентации» [9, с. 228].

Полностью разделяем мнение исследователей, утверждающих, что неправомерное владение информацией о геноме человека, окрашенное геноцидным мотивом, при наличии террористических идей позволит создать биологическое оружие, которое не только причинит значительный вред здоровью конкретного человека, но и может привести к уничтожению народностей, этнических общностей, наций [2]. Продолжая эту мысль, отметим, что расшифровка генома, равно как и любой несанкционированный и неконтролируемый эксперимент над геномом человека, может привести к фатальным для человечества последствиям. Предполагается, что через охрану генома и генетических данных государство реализует политику биобезопасности.

В ст. 3 Международной декларации Организации Объединенных Наций о генетических данных человека (принята Резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО по докладу Комиссии III на 20-м пленарном заседании 16 октября 2003 г.) подчеркивается особый статус генетических данных человека по нескольким причинам. Они могут:

- указывать на проявления генетической предрасположенности соответствующего лица;
- оказывать на протяжении нескольких поколений значительное воздействие на семью,

включая потомков, а в некоторых случаях — и на целую группу, к которой относится соответствующее лицо;

- содержать информацию, о значении которой может быть неизвестно во время сбора биологических образцов;
- иметь культурное значение для отдельных лиц или групп лиц.

Статья 5 указанной Международной декларации четко определяет цели, в соответствии с которыми генетические и протеомные данные человека могут собираться, обрабатываться, использоваться и храниться только в целях:

- диагностики и оказания медико-санитарной помощи, включая проведение обследований и прогностическое тестирование;
- проведения медицинских, включая эпидемиологические, и других научных исследований, в особенности генетических исследований популяций, а также антропологических и археологических исследований, далее именуемых «медицинские и научные исследования»;
- не противоречащих Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека и международному праву в области прав человека.

Действительно, генетическая информация — уникальное сочетание данных, взятых из ДНК человека и путем аналитической обработки трансформированных в конфиденциальные данные, составляющие медицинскую тайну. Иными словами, генетической информацией выступает разновидность медицинской (врачебной) тайны, а не только персональные данные человека.

В Генеральном регламенте о защите персональных данных от 27 апреля 2016 г. персональные данные о здоровье определяются как любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу («субъекту данных»). При этом идентифицируемое физическое лицо — это лицо, которое может быть идентифицировано прямо или косвенно, в частности, посредством таких идентификаторов, как имя, идентификационный номер, сведения о местоположении, идентификатор в режиме онлайн, а также через один или несколько признаков, характерных для физической, психологической, генетической, умственной, экономической, культурной или социальной идентичности указанного физического лица (ст. 4 GDPR).

Оценивая законодательные перспективы запрета клонирования человека, мы согласны с позицией, изложенной в Дополнительном протоколе Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии

и медицины, касающейся запрещения клонирования человеческих существ (принят в Париже 12 декабря 1998 г.), о том, что инструментальный подход к человеческому существу в форме преднамеренного создания генетически идентичных человеческих существ противоречит представлениям о человеческом достоинстве, в силу чего представляет собой недобросовестное применение достижений биологии и медицины. При этом в ст. 1 Дополнительного протокола особо подчеркивается, что любое вмешательство, нацеленное на создание человеческого существа, генетически идентичного другому человеческому существу, живому или умершему, запрещено.

Однако Хартия Европейского Союза об основных правах (Страсбург, 12 декабря 2007 г.) (2016/С 202/02) хотя и декларирует запрет на занятия евгеникой, особенно тех моментов, которые нацелены на отбор между людьми, запрет на превращение человеческого тела и его частей как таковых в источник прибыли, но по факту запрещает только репродуктивное клонирование человека.

В связи с изложенными тезисами возникает вопрос: какое приоритетное направление уголовной охраны должно выбрать государство?

Варианты могут быть следующие:

- 1) охрана генома;
- 2) охрана генетических данных;
- 3) охрана персональных данных;
- 4) охрана человека от клонирования;
- 5) иное направление.

Ответ на этот вопрос содержится во Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека. Декларация подчеркивает, что интересы и благополучие отдельного человека превалируют над правами и интересами общества и научными исследованиями.

Следовательно, Уголовный закон РФ уже сейчас под угрозой наступления уголовной ответственности должен содержать запрет на клонирование человека; незаконный сбор, хранение и распространение, приобретение генетической информации; изменение генома человека. Иными словами, вектор уголовно-правовой охраны должен быть направлен на абсолютную защиту человека и его будущих детей.

Цель современных генетических исследований сводится к улучшению качества жизни человека (предупреждение онкологических и наследственных заболеваний, борьба со старостью, повышение рождаемости и т. д.). Принимая во внимание спектр возможностей ученых-генетиков и скорость внедрения инновационных открытий в по-

вседневное пространство, полагаем, необходимо усилить защиту прав человека в плоскости запрета произвольного использования его генетической информации.

Как правило, генетической паспортизацией занимаются частные лаборатории и репродуктивные клиники. Это означает, что на полученную генетическую информацию распространяется только режим медицинской тайны. Генетический паспорт пока приравнен к обычной истории болезни пациента, а не к паспорту гражданина РФ, имеющего статус официального документа. Потенциально данный факт может породить правовые проблемы, связанные с несанкционированным доступом к генетической информации, (генетическую кражу). Генетический паспорт содержит сведения о риске многофакторных заболеваний, о генетических особенностях и особенностях темперамента, а также другие индивидуальные характеристики человека. Указанная информация может интересовать работодателя, страховые компании, полицию, хейтеров. Например, сведения о наличии у лица «плохих» генов, например, «гена воина» MAOA (люди, склонные к конфликтам и насилию) или гена DAT1 (люди, склонные к нарушению запретов социальной группы), повлекут запрет на работу в крупных промышленных корпорациях, а люди с мутацией гена COMT не смогут устроиться в правоохранительные органы и суды, так как этот ген вызывает повышенную реакцию на стресс.

Соответственно, необходимо исключить возможность дискриминации человека по генетическому признаку. Наличие у человека того или иного гена — не приговор, это возможность целенаправленно изменять личностные характеристики и максимально результативно использовать врожденные данные в социальной и профессиональной жизни.

Отметим, что диспозиция ст. 136 УК РФ не содержит возможности привлечения лица к уголовной ответственности в случае осуществления им преследования (нарушения прав) иного лица по генетическим признакам. Полагаем, что названный недостаток следует устранить, дополнив диспозицию фразой: «...в зависимости от его пола, расы, национальности, генетических данных...».

Обращает на себя внимание, что ранее мы рассматривали только понятие «генетическая информация», а редакцию статьи предлагаем дополнить указанием на «генетические данные». На наш взгляд, генетические данные и генетическая информация являются синонимичными поняти-

ями, а потому допустима их взаимозаменяемость, в зависимости от функционального стиля речи.

Теоретически имеется возможность привлечь лицо к уголовной ответственности за незаконный сбор генетической информации по ч. 1 ст. 137 УК РФ. Генетическая информация является разновидностью медицинской тайны, которая считается составляющей личной тайны человека. В этом случае возникает другая проблема. По нашему мнению, значимость генетической информации намного больше, чем значимость иных сведений о личной и семейной жизни (семейное положение, интимные связи, наличие детей, заработок и т. д.). Следовательно, деяние в виде незаконного сбора и распространения генетической информации без согласия лица должно найти отражение не в основном, а в квалифицированном составе ст. 137 УК РФ.

Еще один аспект, на который необходимо обратить внимание исследователей и законодателя, – полный запрет на коммерческое использование генетической информации и совершение каких-либо сделок с генетической информацией, а также с носителями генетической информации (биологическим материалом, человеком). Нарушение данного запрета должно влечь наступление уголовной ответственности по следующим обстоятельствам.

Уголовный кодекс РФ уже содержит запрет на торговлю и сделки с людьми и органами (ст. 127¹ УК РФ), но вот уголовного запрета на сделки с генетической информацией нет.

Генетическая информация может быть зафиксирована на бумажном и/или электронном носителе. В качестве источника генетической информации выступает биологический материал человека (клетки, ткани, биологические жидкости), а также сам человек (живой или труп). Если носитель генетической информации – неодушевленный материальный предмет, то вопросы ответственности за хищение, незаконное приобретение, передачу (вне исследовательских и научных целей), сбыт, хранение (вне биобанков, имеющих лицензию), пересылку и перевозку, нарушение правил оборота генетической информации и ее материальных носителей должны разрабатываться по аналогии с уголовной ответственностью за незаконный оборот оружия и наркотических средств. Данная правовая модель, на наш взгляд, является оптимальной, поскольку, во-первых, поможет указать правовые основы государственной политики в области оборота генетической информации, а также в области противодействия незаконному обороту генетической информа-

ции в целях охраны жизни и здоровья граждан, общественной безопасности. Во-вторых, позволит обозначить общественную опасность деяний, связанных с незаконным оборотом генетической информации, сконструировать отдельные составы преступлений. Разумеется, будут нюансы при формировании уголовно-правовых запретов в области оборота генетической информации. Так, если в РФ полностью запрещены любые сделки с наркотическими средствами, то ряд действий с генетической информацией не должен быть ограничен. Например, отец решил сделать сыну подарок на день рождения и подарить свой генетический паспорт. В данном случае деяние не несет общественной опасности и не должно подлежать запрету.

Относительно введения уголовной ответственности за клонирование человека и опыты с человеческим геномом мы придерживаемся введения полного запрета на клонирование человека (как репродуктивного, так и терапевтического) и на любое возможное изменение генома человека. Эволюция человека (антропогенез) насчитывает около 40 тысяч лет. И все это время человечество развивалось естественным путем без вмешательства в геном человека. Необходимость вмешательства в геном человека обусловлена амбициями исследователей в последние 20 лет, а не реальными потребностями человека и общества на протяжении тысячелетий. При этом риск вмешательства в геном человека и его последствия не сможет просчитать ни одна, даже самая совершенная программа искусственного интеллекта. Исследовать геном и наблюдать за развитием человечества – это один аспект, а вмешательство в эволюцию человека – совсем другой. Именно поэтому составы преступлений, связанных с клонированием человека и изменением генома человека, должны быть помещены в гл. 34 УК РФ «Преступления против мира и безопасности человечества», а при отсутствии квалифицирующих признаков должны относиться к категории тяжкого преступления. Основная проблема для законодателя будет заключаться в определении диспозиции данных статей, так как необходимо четкое понимание на законодательном уровне: что такое клонирование человека и что такое редактирование генома человека. Не должно быть противоречий в понимании рассматриваемых правовых явлений в уголовном и в гражданском законодательстве РФ. Мы допускаем возможность того, что с развитием права и биогенетики новые составы в дальнейшем будут подвергнуты редакционным изменениям и помещены в главу УК РФ «Преступления против

личности», но на текущем этапе правовой реальности говорить об этом преждевременно.

Подводя итог, отметим, что в предложенном нами выборочном обзоре международного законодательства в сфере обеспечения биобезопасности человека ясно прослеживается вектор сохранения человека как биологического вида, а также повторения ошибок прошлого и исключение каких-либо медицинских экспериментов над человеком и его геномом. Биосоциальный охранительный подход признается всеми государствами в качестве единственного приемлемого для реализации защиты прав человека в части защиты права человека на жизнь и здоровье. В настоящее время политика Российской Федерации в области биобезопасности весьма консервативна. Наша страна не приемлет агрессивный биохакинг и не допускает распространения идей трансгуманизма и национал-социализма на своей территории. Вместе с тем научные исследования ведущих ученых страны в области права и биогенетики пока не нашли своего отражения в законодательстве РФ, в том числе и в Уголовном законе РФ.

Совместный анализ норм международного права и российского права показывает более глубокую проработку отечественным законодателем норм о биомедицинских клеточных продуктах, вспомогательных репродуктивных технологиях, трансплантологии и донорстве. Недостаточно урегулированными остаются вопросы охраны генетической информации, биобанкинга, клонирования человека, охраны эмбриона человека.

Складывается впечатление, что российский законодатель «присматривается» к законодательству зарубежных стран и не спешит интегрировать нормы о биоэтике и биомедицине в российскую правовую доктрину и закон.

Примечательно, что судебная система уже рассматривает дела, связанные с высокими медицинскими и биогенетическими технологиями. Например, Вторым кассационным судом общей

юрисдикции в определении от 6 июля 2021 г. дана оценка факту утраты эмбрионов медицинской организацией. Вопросы использования биоматериала рассмотрены в апелляционном определении Московского городского суда от 8 июля 2021 г. по делу № 33-27798/2021, определении Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. по делу № 46-КГ19-24, определении Верховного Суда РФ от 2 июля 2019 г. по делу № 64-КГ19-6.

Согласно п. 1 ч. 7 ст. 2 ФКЗ от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» Верховный Суд Российской Федерации в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации дает судам разъяснения по вопросам судебной практики на основе ее изучения и обобщения. Развитие медицины, генетики и высоких инновационных технологий неизбежно приведет к росту судебных дел и возникновению новой категории гражданских споров – биомедицинских дел. Логичным шагом Верховного Суда РФ будет обобщение и анализ сложившейся практики. При безмолвии законодателя может возникнуть парадоксальная ситуация – судебная власть будет создавать не только практику, но и нормы права. Есть и другой аспект: то же безмолвие законодателя может повлечь рост преступлений против биогенетических прав человека. Биогенетические преступления – это преступления против соматических, репродуктивных прав человека и права человека на информацию. Полагаем, что настало время говорить о новом институте уголовного права и приступить к формированию полноценной уголовно-правовой доктрины в данном направлении. При ином подходе правоохранительная и судебная система, не имея эффективного уголовно-правового механизма защиты прав человека и человечества, окажется бессильна против нового вида преступности, поскольку существующего ресурса уголовного закона не хватит.

Литература

1. *Бартенев Д.Г.* Право на охрану здоровья в международном праве: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.10. СПб., 2006. 193 с.
2. *Владимиров В.Ю., Горбулинская И.Н., Кубитович С.Н.* К вопросу о безопасности геномной информации // Междисциплинарный научный и прикладной журнал «Биосфера». 2018. Т. 10. № 1. С. 42–47.
3. *Дубов А.Б., Дьяков В.Г.* Безопасность геномной информации: правовые аспекты международного и национального регулирования // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 4. С. 127–137.
4. *Калиниченко П.А., Нечаева Е.К.* Правовое регулирование исследований и разработок в области человеческого генома и их практического использования: опыт России на основе международных стандартов // Международный правовой курьер. 2019. № 2–3 (31–32). С. 25–28.

5. *Кубышкин А.В., Косилкин С.В., Астрелина Т.А.* Международно-правовое регулирование генетических исследований, биобанкинга, биоинформатики и репродукции человека: анализ основных международно-правовых актов // *Международный правовой курьер*. 2019. № 2–3 (31–32). С. 29–34.
6. *Кубышкин А.В., Косилкин С.В.* Международно-правовое регулирование генетических исследований и его имплементация в российское законодательство // *Вестник РУДН. Серия: юридические науки*. 2021. Т. 25. № 1. С. 107–125.
7. *Маличенко В.С.* Международно-правовые механизмы обеспечения безопасности обращения лекарственных средств: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.10. М., 2015. 196 с.
8. *Михайлова С.А., Гольшева П.Д.* Нужен ли России этический кодекс в сфере геномных исследований на основе международных стандартов? // *Международный правовой курьер*. 2019. № 2–3 (31–32). С. 5–9.
9. *Мохов А.А., Бутнару Д.В., Яворский А.Н.* Редактирование генома эмбриона человека: правовой аспект // *Образование и право*. 2019. № 1. С. 227–234.
10. *Сорокина Е.М., Московкина Е.К.* Защита прав ребенка в спорах, касающихся проведения геномных исследований, на примере дела Гринберг против Научно-исследовательского института детской больницы Майами // *Международный правовой курьер*. 2019. № 2–3 (31–32). С. 15–19.
11. *Троицкий А.В., Суранова Т.Г., Суворов Г.Н., Зенин С.С., Суворова Е.И.* Анализ международных правил хранения, доступа и защиты данных полигеномного секвенирования // *Проблемы права*. 2019. № 3 (72). С. 55–63.
12. *Юсунов Р.М.* Общечеловеческие ценности и права человека: международно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.10. М., 2019. – 184 с.

References

1. *Bartenev D.G.* Pravo na okhranu zdorov'ya v mezhdunarodnom prave [The right to health care in international law: A thesis for the degree of Candidate of Legal Sciences]. Dis. ... kand. yurid. nauk. 12.00.10. St. Petersburg, 2006, 193 p. (In Russian)
2. *Vladimirov V.Yu., Gorbulinskaya I.N., Kubitovich S.N.* K voprosu o bezopasnosti genomnoi informatsii [On the issue of genomic data security]. *Mezhdistsiplinarnyi nauchnyi i prikladnoi zhurnal "Biosfera" [Biosfera, interdisciplinary scientific and applied journal]*, 2018, v. 10, no. 1, pp. 42–47. (In Russian, abstract in English)
3. *Dubov A.B., D'yakov V.G.* Bezopasnost' genomnoi informatsii: pravovye aspekty mezhdunarodnogo i natsional'nogo regulirovaniya [Genomic data security: Legal aspects of international and national regulation]. *Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) [Bulletin of Kutafin University]*, 2019, no. 4, pp. 127–137. (In Russian, abstract in English)
4. *Kalinichenko P.A., Nechaeva E.K.* Pravovoe regulirovanie issledovaniy i razrabotok v oblasti chelovecheskogo genoma i ikh prakticheskogo ispol'zovaniya: opyt Rossii na osnove mezhdunarodnykh standartov [Legal regulation of research and development of human genome and their practical use: Russian experience based on international standards]. *Mezhdunarodnyi pravovoi kur'er [International Legal Courier]*, 2019, no. 2–3 (31–32), pp. 25–28. (In Russian, abstract in English)
5. *Kubyshkin A.V., Kosilkin S.V., Astrelina T.A.* Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie geneticheskikh issledovaniy, biobankinga, bioinformatiki i reproduksii cheloveka: analiz osnovnykh mezhdunarodno-pravovykh aktov [International legal regulation of genetic research, bio-banking, bio-informatics and human reproduction: Analysis of the main international legal acts]. *Mezhdunarodnyi pravovoi kur'er [International Legal Courier]*, 2019, no. 2–3 (31–32), pp. 29–34. (In Russian, abstract in English)
6. *Kubyshkin A.V., Kosilkin S.V.* Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie geneticheskikh issledovaniy i ego implementatsiya v rossiiskoe zakonodatel'stvo [International legal regulation of genetic research and its implementation in Russian legislation]. *Vestnik RUDN. Seriya: yuridicheskie nauki [Bulletin of the Russian University of Peoples' Friendship. Series: legal sciences]*, 2021, v. 25, no. 1, pp. 107–125. (In Russian, abstract in English)
7. *Malichenko V.S.* Mezhdunarodno-pravovye mekhanizmy obespecheniya bezopasnosti obrashcheniya lekarstvennykh sredstv [International legal mechanisms for ensuring the safety of medicines circulation]. Diss. ... kand. yurid. nauk. 12.00.10. Moscow, 2015. 196 p. (In Russian)
8. *Mikhailova S.A., Golyшева P.D.* Nuzhen li Rossii eticheskii kodeks v sfere genomnykh issledovaniy na osnove mezhdunarodnykh standartov? [Does Russia need an ethics code in the field of genomic research based

on international standards?] *Mezhdunarodnyi pravovoi kur'er [International Legal Courier]*, 2019, no. 2–3 (31–32), pp. 5–9. (In Russian, abstract in English)

9. *Mokhov A.A., Butnaru D.V., Yavorskii A.N.* Redaktirovanie genoma embriona cheloveka: pravovoi aspekt [Editing the human embryo genome: A legal aspect]. *Obrazovanie i parvo [Education and law]*, 2019, no. 1, pp. 227–234. (In Russian, abstract in English)

10. *Sorokina E.M., Moskovkina E.K.* Zashchita prav rebenka v sporakh, kasayushchikhsya provedeniya genomnykh issledovaniy, na primere dela Grinberg protiv Nauchno-issledovatel'skogo instituta detskoj bol'nitsy Maiami [Protection of children's rights in legal disputes, concerning genomic research, in Greenberg v. Miami Children's Hospital Research Institute case]. *Mezhdunarodnyi pravovoi kur'er [International Legal Courier]*, 2019, no. 2–3 (31–32), pp. 15–19. (In Russian, abstract in English)

11. *Troitskii A.V., Suranova T.G., Suvorov G.N., Zenin S.S., Suvorova E.I.* Analiz mezhdunarodnykh pravil khraneniya, dostupa i zashchity dannykh poligenomnogo sekvenirovaniya [Analysis of international rules for storage, access and protection of polygenome sequencing data]. *Problemy prava [Concerns of law]*, 2019, no. 3 (72), pp. 55–63. (In Russian, abstract in English)

12. *Yusupov R.M.* Obshechelovecheskie tsennosti i prava cheloveka: mezhdunarodno-pravovoi aspekt [Universal human values and human rights: An international legal aspect]. Dis. ... kand. jurid. nauk. 12.00.10. Moscow, 2019, 184 p. (In Russian, abstract in English)

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПОСРЕДСТВОМ КОНСТРУИРОВАНИЯ НОВОГО ПРИВИЛЕГИРОВАННОГО СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

Штанькова Анастасия Петровна

Цель: выявить возможность и определить необходимость в дифференциации уголовной ответственности посредством конструирования нового привилегированного состава преступления против собственности.

Методология: дедукция, анализ, описание, системно-структурный метод.

Выводы. Уголовный закон должен учитывать изменяющуюся криминальную ситуацию, разную степень общественной опасности преступления. В современных непростых условиях российская статистика свидетельствует о росте числа граждан, проживающих на доходы ниже прожиточного минимума. В результате появляется новый вид преступлений — хищения «от нужды», хищения, совершенные лицами, оказавшимися в тяжелом, иногда безвыходном материальном положении. Рассматриваемые в статье признаки, раскрывающие элементы предлагаемого состава преступления, могут выступать обстоятельствами, продуцирующими пониженную уголовную ответственность за хищение чужого имущества, значительно при этом трансформируя степень общественной опасности в сравнении с основными составами хищений и, как следствие, дифференцируя уголовную ответственность и наказание.

По мнению автора статьи, назрела необходимость с учетом изменений социально-экономической жизни общества ввести такой состав преступления в РФ, который позволит справедливо привлекать к ответственности лиц за преступление со смягчающими обстоятельствами.

Научная и практическая значимость. Влияние подобных смягчающих обстоятельств на дифференциацию уголовной ответственности может способствовать реализации справедливой уголовной ответственности за совершение преступных деяний с пониженной общественной опасностью и отражаться на развитии института привилегированных составов преступлений в целом.

Ключевые слова: хищение, уголовная ответственность, дифференциация, общественная опасность, смягчающие обстоятельства.

Н.А. Колоколов отмечает: «Общество без преступности — такая же утопия, как и рай на земле» [14, с. 3]. Статистические данные в полной мере подтверждают данное высказывание. Современное состояние преступности в России в своей недавней работе очень хорошо продемонстрировал А.И. Коробеев. Он пишет, что в 2000–2018 гг. криминальная ситуация в стране складывалась неоднозначно. Это выражалось и в уменьшении числа преступлений в определенные периоды, и в зафиксированных скачках (взлетах) преступ-

ного поведения. Но главное, что отметил автор: криминологические исследования, проведенные в Академии Генеральной прокуратуры РФ, показали, что видимое улучшение криминальной ситуации за последний период в стране только кажущееся [15, с. 225]. Несмотря на то, что якобы уменьшилось число убийств и покушений на убийство, умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, увеличилось количество преступлений экономической и коррупционной направленности, а также деяний с использованием

компьютерных и телекоммуникационных технологий, и по-прежнему основную массу составляют преступления против собственности (55,1%) (*Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2017 г. и ожидаемые тенденции ее развития: аналитический обзор. М., 2018*).

Все чаще ученые высказывают предложения о послаблении карательных мер за преступления против собственности. Полагаем, это вызвано достаточно сложной социально-экономической ситуацией в стране, которая во многом позволяет изменить в этом направлении законодательно урегулированную градацию ответственности за указанные преступления.

С.И. Буз пишет, что экономическая преступность генетически связана с определенной системой отношений собственности [3, с. 160]. Любое преступное поведение всегда чем-то обусловлено, а преступления против собственности всегда отражают социально-экономическую ситуацию в стране. Социальное неблагополучие граждан, безработица, снижение уровня жизни, – одни из основных социально-экономических причин преступных проявлений против собственности, отмечает Е.Л. Козина [13, с. 25]. С.И. Буз также обращает внимание, что в настоящее время достаточно большое количество людей живет за чертой бедности, постоянно увеличивается число подростков, которые остались без попечения родителей, то есть безнадзорных, растет число малообеспеченных семей и безработных [3, с. 161]. В целом человечество разделено на постоянно уменьшающееся меньшинство «включенных» (included) в активную экономическую, политическую, культурную жизнь и постоянно увеличивающееся большинство «исключенных» (excluded) из нее [7, с. 7].

Все это, подчеркивал Г.И. Забрянский, влечет явное противоречие между потребностями населения и легальными возможностями их удовлетворения [11, с. 77]. Я.И. Гилинский придерживается очень четкой позиции: «Наравне с ростом социально-экономического неравенства, растет и криминальное (ретретистское, девиантное) поведение» [5, с. 32].

Пандемия коронавируса COVID-19 явилась неожиданным и серьезным шоком как для России, так и для большинства мировых стран. Стали важными мнения и прогнозы экономистов относительно экономических аспектов текущего кризиса. Так, Р. Ениколопов отмечает, что одной из важнейших особенностей текущего экономического кризиса является крайне неравномерное

распределение экономических издержек, связанных с мерами по замедлению распространения вируса. В разрезе индустрий от вводимых мер в первую очередь страдают транспорт, туристическая отрасль, сфера обслуживания, требующая физического взаимодействия с клиентами (рестораны, парикмахерские и т. п.). С точки зрения отдельных работников, в наиболее выгодном положении оказываются те, кто может полноценно продолжить работу в дистанционном режиме. Проблема заключается в том, что количество таких работ весьма ограничено. При этом доля тех, кто не прекращает свою деятельность в онлайн-формате, существенно больше среди высококвалифицированных работников, которые изначально имеют более высокий уровень заработной платы. Таким образом, экономические издержки от ограничительных мер будут непропорционально бить по наиболее бедным и уязвимым слоям населения [10, с. 7].

Представляется, что совокупность социально-негативных экономических явлений должна стать основным продуцирующим элементом в вопросе возврата в уголовный закон хищения чужого имущества при смягчающих признаках и регулирования такого преступного поведения менее репрессивными методами. И, как следствие, необходимо определиться с тем, какая именно форма хищения должна учитываться при возможном конструировании подобного привилегированного состава преступления в настоящем уголовном законе.

В доктрине уголовного права высказываются разные мнения относительно такой дифференциации уголовной ответственности [4, с. 363]. К примеру, О.А. Адоевская, предлагая ввести привилегированный состав кражи, определяет, что она должна совершаться в силу стечения тяжелых личных, семейных или иных жизненных обстоятельств [1, с. 126]. В отдельной статье привилегированный состав только уже не кражи, а грабежа инициирует И.Ю. Малькова, включая в предложенную редакцию признак нужды при отсутствии квалифицирующих обстоятельств [18, с. 11]. С.М. Мкртчян пишет о том, что необходимо ввести состав хищения, которое совершается вследствие затруднительного материального положения, вызванного стечением тяжелых жизненных обстоятельств [19, с. 9].

Таким образом, в основном авторы используют почти идентичный признак смягчения уголовной ответственности для дифференциации двух форм хищения – кражи и грабежа, и только С.М. Мкртчян предусматривает общую норму об ответственности за хищение. В этой части кон-

струкции предлагаемого нами привилегированного состава преступления следует согласиться с С.М. Мкртчян. Однако представляется, что, помимо этого, смягчающая норма об ответственности за хищение чужого имущества должна содержать уточняющий элемент – «без признаков насилия», так как насилие само по себе при наличии его в действиях лица свидетельствует о более опасном преступлении, не заслуживающем смягчения ответственности.

По нашему мнению, новая привилегированная норма в преступлениях против собственности с учетом сказанного должна выглядеть следующим образом: **хищение чужого имущества, совершенное без признаков насилия в результате крайней личной и (или) семейной нужды.**

Необходимо выделить основания дифференциации уголовной ответственности в сторону ее смягчения в отношении представленного деяния. Так как уголовная ответственность понижается в результате трансформации степени общественной опасности, то полагаем, что на этот процесс в указанном составе влияют: неблагоприятная обстановка, сложившаяся в результате тяжелой жизненной материальной ситуации не по воле или вине лица, совершающего хищение; корыстный мотив, вызванный особым обстоятельством его формирования – крайней личной или семейной нуждой, характеризующийся непреодолимой и острой личной жизненно важной потребностью и (или) жизненно важной потребностью семьи и близких лиц; совершение хищения чужого имущества без признаков насилия; цель преступления – удовлетворение жизненно важных потребностей; субъект преступления – лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, находящееся в ситуации, близкой к безвыходной.

УПК РФ содержит норму, регламентирующую обстоятельства, подлежащие доказыванию при производстве по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ), в перечень которых входит такое обстоятельство, как виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы. Отсюда следует, что при назначении наказания суд всегда учитывает то, почему человек совершил общественно опасное деяние, что его к этому сподвигло, на это спровоцировало. Ответы на эти вопросы имеют важное значение.

Конечным моментом преступления является окончание преступных действий (бездействий) в формальных составах или наступление преступных последствий в материальных [16, с. 7]. Но для того, чтобы преступление реализовалось, оно должно пройти несколько этапов: от возник-

новения умысла до конечного результата (в рассматриваемом случае – хищения чужого имущества). Чтобы запустить этот преступный процесс, должен произойти толчок, возникнуть импульс. Таким побуждающим фактором в нашем случае служит неблагоприятная обстановка, сложившаяся в результате тяжелой жизненной материальной ситуации не по воле или вине лица, совершающего хищение, провоцирующая лицо на совершение преступления.

Указанное хорошо демонстрирует опубликованная судебная практика, которая, отметим, показывает не единичные случаи совершения подобных преступлений. Приведем несколько примеров.

П. совершил два эпизода краж, то есть тайного хищения чужого имущества с незаконным проникновением в жилище, при следующих обстоятельствах: 1. П. находился возле земельного участка, который принадлежал его знакомой. Перебравшись через забор, П. подошел к дому, разбил окно и проник внутрь. Из дома он похитил электрический триммер, а также продукты питания. В доме он сразу же сварил пачку лапши, открыл банку зеленого горошка и все это съел. Оставшиеся продукты и триммер он сложил в пакет и ушел из дома. Триммер он позже продал, продукты питания съел. 2. Находясь в квартире своей сестры, при отсутствии в доме посторонних лиц П. тайно похитил вещи и скрылся с места преступления.

При рассмотрении уголовного дела вину подсудимый признал полностью, указав, что был вынужден пойти на подобные преступные действия в связи с трудным материальным положением и отсутствием денежных средств на еду. Именно поэтому он решил совершить кражи, чтобы впоследствии похищенное продать и на эти деньги купить продукты питания. Показания подсудимого подтверждаются показаниями потерпевшей, свидетеля и материалами дела (*приговор по делу № 1-44/2019 от 27 мая 2019 г. Волжского районного суда Самарской области. Обзор судебной практики // [Электронный ресурс]: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 14.05.2020)*).

Чертоковским районным судом Ростовской области 20 сентября 2019 г. Е.С. Стояненко была осуждена за кражу чужого имущества с незаконным проникновением в жилище. Обвиняемая рассказала, что собирала по дворам металлолом, чтобы его продать и получить деньги. Зайдя во двор одного из домов, она постучала в дверь, но ей никто не открыл. Она увидела, что форточка в доме была приоткрыта, и проникла в дом, где

в спальне в тумбочке нашла кошелек с деньгами. Денежные средства в размере 37 000 руб. она забрала. На следующий день Е.С. Стояненко в первую очередь поехала в магазин за продуктами, затем отдала имевшийся у нее долг в размере 3 000 руб. В суде Стояненко пояснила, что проживает с мамой, которая серьезно больна и постоянно нуждается в лекарственных средствах. Существуют финансово они только за счет пенсии мамы и подсобного хозяйства. В связи с тяжелым материальным положением она и решила на кражу (*приговор по делу № 1-72/2019 от 20 сентября 2019 г. Чертовского районного суда Ростовской области. Обзор судебной практики // [Электронный ресурс]: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 14.05.2020)*).

Приведенные примеры судебной практики демонстрируют:

1) лицо и в первом, и во втором случае совершает хищение чужого имущества;

2) эти преступления были совершены в результате неблагоприятной обстановки, вызванной тяжелой жизненной материальной ситуацией, в которой находилось лицо в момент совершения преступления, а именно нехваткой денежных средств и потребностью в пище. Особое внимание здесь следует обратить на возникновение трудных материальных обстоятельств не по воле или вине лиц, совершающих хищение, так как именно для подобных категорий лиц будет оправдано снижение уголовной ответственности.

Таким образом, соглашаясь с В.Н. Кудрявцевым в том, что преступное поведение, по сути, начинается, когда еще только появляются потребности, порождающие намерение разрешить их преступным путем, и только затем формируется мотив будущего преступления [16, с. 7], полагаем, что первым условием, смягчающим уголовную ответственность и наказание, является предшествующая появлению мотива преступления обстановка, в которой находится человек, неразрывно с ним (мотивом) связанная, но при этом имеющая свою характеристику и особенности воздействия на поведение человека. После того, как лицо попало в неблагоприятную материальную ситуацию, возникает следующий элемент преступного поведения – корыстный мотив, который в данном случае вызывается и формируется особым обстоятельством – крайней личной или семейной нуждой. Как абсолютно точно замечает в этой связи Б.Я. Петелин, в ситуации преступного поведения мотив возникает как ответная реакция лица на неблагоприятную сложившуюся для него конкретную обстановку [21, с. 94].

В переводе с латинского мотив означает дословно «двигатель», то есть то, что дает человеку движущую силу, энергию (*Словари и энциклопедии // [Электронный ресурс]: URL: <https://translate.academic.ru/> (дата обращения: 31.03.2020)*).

С.В. Горностаев мотивацию в целом раскрывает как механизм психики, задающий направление активности человека [8, с. 3]. К.К. Станкевич под мотивом преступления понимает устойчивое внутреннее побуждение лица к удовлетворению своих потребностей и интересов посредством совершения им общественно опасного деяния [22, с. 11].

В данном преступлении главное, что побуждает лицо совершить деяние, – это, прежде всего, корысть, так как лицо стремится путем хищения к обогащению и извлечению материальной выгоды для себя или близких лиц в силу сложившегося тяжелого материального положения. Это также отмечают некоторые авторы [4, с. 363]. Однако смягчающим ответственность элементом является не сам корыстный мотив, а то, что его формирует, его основа и источник – крайняя личная и (или) семейная нужда.

А так как нужда – это и есть потребность человека, ощущение недостаточности чего-либо (*Свободная энциклопедия // [Электронный ресурс]: URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 16.06.2020)*), то полагаем, необходимо уточнить, что крайняя личная и (или) семейная нужда должна характеризоваться не любой потребностью человека, а жизненно важной. Так, для наглядной иллюстрации и понимания необходимости учитывать смягчающим признаком в преступлениях против собственности крайнюю личную или семейную нужду важно вспомнить иерархию, классификацию потребностей человека. В.Н. Кудрявцев описывал ее следующим образом: нижний уровень – базовые (биологические или органические) потребности, средний уровень – социально-психологические потребности, и самый высокий – идеологический уровень и соответствующие потребности [16, с. 10]. Как правило, при совершении преступления (хищения) человеком движут именно базовые потребности, что отражается в судебной практике и объясняется тем, что в эти потребности входит самое важное для человека – пища, одежда, жилье, условия труда, необходимость в знаниях и информации, родительские чувства, забота о близких (семье). Поэтому А.В. Гурницкий обращает внимание, что годы, которые человек проводит в нужде, заставляют его думать только о разрешении таких первичных базовых потребностей, как пища, одежда, кров, не вдаваясь в перспективы [9, с. 174–181].

Исходя из этого, считаем, что крайняя личная или семейная нужда должна быть также разделена на: 1) потребности непосредственно субъекта преступления и 2) потребности его семьи и близких лиц. Под близкими лицами, на основании Постановления Пленума ВС РФ от 27 января 1999 г. № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», следует понимать, наряду с близкими родственниками, состоящих в родстве, свойстве лиц (родственники супруга), а также лиц, жизнь, здоровье и благополучие которых заведомо для виновного дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений. Порой ответственность перед людьми, которые дороги человеку, их нужды становятся приоритетнее и важнее, чем свои личные интересы. А так как невозможность удовлетворения потребностей (своих или близких лиц) легальным путем часто стимулирует желание это сделать любым способом, то, как отмечает К.К. Станкевич, это приводит к совершению человеком общественно опасного деяния [22, с. 38].

Еще одно важное условие, которое должно учитываться при анализе смягчающего признака личной и (или) семейной нужды — она должна характеризоваться как крайняя. Несмотря на то, что это оценочное понятие, а многие авторы негативно относятся к подобного рода определениям [12, с. 3], считаем, что для отражения типичных признаков, а также стабильного и индивидуально-применения нормы к конкретным ситуациям, **крайняя** личная и (или) семейная нужда должна быть непреодолимой, острой и отражать практически безвыходную ситуацию.

Таким образом, вторым смягчающим признаком, изменяющим степень общественной опасности при хищении чужого имущества, следует признать корыстный мотив, вызванный особым обстоятельством его формирования — крайней личной или семейной нуждой, характеризующейся непреодолимой, острой личной жизненно важной потребностью и (или) жизненно важной потребностью семьи и близких лиц.

Следующим звеном в преступном поведении человека является совершение самого преступления. В данном случае лицо должно совершить хищение без признаков насилия — важное условие, которое должно соблюдаться для привилегии, выраженной в явном понижении наказания субъекту. Так как понятие насильственных действий законодательно не определено, обратимся к его доктринальному толкованию. Возьмем за основу понятие насилия в преступлениях против собственности, сформулированное З.М. Челябинской,

в котором основным выступает принудительное физическое и (или) психическое воздействие на человека, посягающее на охраняемые уголовным законом права [24, с. 11]. Как следует из изложенного, хищение чужого имущества не должно быть сопряжено ни с физическим, ни с психическим воздействием на человека, не должно нарушать личную неприкосновенность лица и не должно подавлять волю человека. Только при соблюдении перечисленных условий, общественно опасное деяние, выраженное в хищении чужого имущества, можно будет признать привилегированным.

Следующий признак, который был нами выделен в качестве смягчающего уголовную ответственность, — цель преступления, направленная на удовлетворение необходимых жизненно важных потребностей. Так как цель преступления — это последствие, к которому стремится виновный, совершая преступление [2, с. 22], то в данном случае лицо посредством общественно опасного деяния хочет удовлетворить не просто любую потребность, связанную с недостатком того, чего хочется, а именно жизненно важную, витальную потребность, от которой, возможно, будет зависеть жизнь человека. О потребностях речь уже шла, когда мы анализировали мотив преступления, и в связи с этим следует обозначить, что по степени осознанности побуждений, ставших двигателем поведения, различают мотив-влечение, мотив-желание и мотив-цель [23, с. 78]. И только в последнем случае, как указывает А.И. Рарог, может наблюдаться определенное совпадение мотива и цели [25, с. 179]. Что и происходит в предлагаемом нами привилегированном составе преступления, где мотив в виде крайней личной или семейной нужды почти идентичен с целью — удовлетворением необходимых жизненно важных потребностей.

Определяя цель, важно помнить, что квалификация преступления обуславливается не реализацией и (или) ее достижением, а постановкой цели. Наличие цели в составе преступления говорит об изменении общественной опасности, поэтому в одном случае цель влияет только на признание деяния общественно опасным и уголовно наказуемым, а в другом присутствие цели определяет усиление или, как в нашем случае, смягчение уголовной ответственности за деяние, которое и без этой цели было бы преступным [25, с. 180].

И, наконец, субъектом предложенного нами состава хищения при смягчающих обстоятельствах следует признать вменяемое лицо, которое к моменту совершения преступления достигло возраста 14 лет. Установление такого низкого воз-

растного ограничения должно быть обусловлено тем, что в большинстве случаев именно подростки совершают хищения по определенному нами мотиву в связи с отсутствием возможности легального заработка. Внимание на это обращает, к примеру, Я.И. Гилинский, отмечая, что чаще всего кражи совершают подростки из-за ограничения законного пути зарабатывания денежных средств [6, с. 519].

Помимо основных признаков состава преступления (14-летний возраст и вменяемость), субъект должен находиться в практически безвыходной ситуации при совершении преступления. Несмотря на то, что описанное условие – это не признак субъекта, все-таки необходимо оговориться, что безвыходная ситуация является условием – предпосылкой, которая предшествует совершению преступления и становится фактором, обуславливающим психофизиологические особенности лица, совершающего преступление.

Таким образом, вышеуказанные признаки, раскрывающие элементы предлагаемого состава преступления, могут быть обстоятельствами, регламентирующими пониженную уголовную ответственность за хищение чужого имущества, значительно при этом изменяя степень общественной опасности в сравнении с основными составами хищений и, как следствие, дифференцируя уголовную ответственность и наказание.

Объектом хищения чужого имущества без признаков насилия, совершенного в результате крайней личной и (или) семейной нужды, выступает собственность лица, которому был причинен имущественный вред [17, с. 12]. Предметом преступления должно быть чужое имущество, необходимое для удовлетворения жизненно важных потребностей виновного. Таковыми могут являться готовые к употреблению продукты питания, домашние животные, денежные средства или иное имущество, которое путем его продажи либо иных сделок с ним будет способствовать удовлетворению крайних личных и (или) семейных нужд. Потерпевшими от преступления для основания смягчения уголовной ответственности следует признавать лиц, не обладающих такими свойствами, которые создают благоприятные условия для совершения хищения. К таким потерпевшим можно отнести женщин с малолетними детьми, престарелых, больных, которые в силу преклонного возраста или состояния здоровья не могут оказать преступникам активного сопротивления [20, с. 522]. Данное условие для правоприменителя носит рекомендательный характер.

Объективная сторона деяния должна выражаться в хищении чужого имущества, совершенном **без признаков насилия**. В случае, если хищение чужого имущества сопровождалось каким-либо воздействием на человека – физическим и (или) психическим, квалификация по привилегированному составу хищения, который мы предлагаем ввести, исключается. При таких обстоятельствах деяние квалифицируется по основной статье соответствующей формы хищения с учетом квалифицирующих признаков при их наличии и с учетом положений Общей части, предусматривающих смягчающие признаки.

Субъективная сторона характеризуется, как и всякое хищение, только прямым умыслом, что подтверждается еще наличием в составе корыстной цели преступления, обусловленной удовлетворением жизненно важных потребностей. Лицо осознает общественную опасность своих действий, выраженную в причинении имущественного ущерба, предвидит неизбежность наступления последствий в виде такого ущерба собственнику или иному владельцу имущества и желает его наступления. Обязательным признаком, влияющим на квалификацию преступления, является мотив – крайняя личная и (или) семейная нужда. При отсутствии в действиях лица названного мотива и цели квалификация хищения чужого имущества по предлагаемой статье должна будет исключаться.

Субъектом привилегированного вида хищения должно быть вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 14 лет, находящееся при совершении преступления в практически безвыходной ситуации, вызванной мотивом преступления.

На основании изложенного следует предложить редакцию анализируемого нами привилегированного состава преступления с раскрытием основного смягчающего признака в примечании к статье.

Статья 158². Хищение, совершенное в результате крайней личной и (или) семейной нужды.

Хищение чужого имущества, совершенное без признаков насилия, в состоянии крайней личной и (или) семейной нужды с целью удовлетворения необходимых жизненно важных потребностей называется...

Примечание. Под крайней личной и (или) семейной нуждой следует понимать непреодолимую личную жизненно важную потребность и (или) жизненно важную потребность семьи или близких лиц, возникшую при стечении тяжелых материальных обстоятельств не по воле или вине лица, совершившего хищение.

Литература

1. *Адоевская О.А.* Дифференциация ответственности за кражу по уголовному праву России: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Самара, 2007. 253 с.
2. *Бородин С.В.* Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. М.: Юрист, 1994. 204 с.
3. *Буз С.И.* Кража: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дисс. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Краснодар, 2002. 202 с.
4. *Верина Г.В.* Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.08. Саратов, 2003. 510 с.
5. *Гилинский Я.И.* Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 4-е изд. СПб.: Алеф-Пресс, 2018. 573 с.
6. *Гилинский Я.И.* Преступления против собственности: криминологический анализ // Уголовно-правовая политика и проблемы противодействия современной преступности / под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов: Сателлит, 2006. С. 518–526.
7. *Гилинский Я.И.* Социальные процессы и тенденции преступности в современной России // Криминология в условиях трансформационных процессов: национальный и международный аспекты: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию Полоцкого государственного университета. Редколлегия: И.В. Вегера и др. Новополоцк, 2018. С. 6–28.
8. *Горностаев С.В.* Диагностика мотивации профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы. Рязань: Академия ФСИН России, 2014. 57 с.
9. *Гурницкий А.В.* Бедность с позиций криминологии // Общество и право. Краснодар. 2015. № 1 (51). С. 174–181.
10. *Ениколопов Р.С.* Введение. Борьба с коронавирусом – медицинская и экономическая проблема // Экономическая политика во времена COVID-19. М.: Российская экономическая школа, 2020. С. 3–10.
11. *Забрянский Г.И.* Социология преступности несовершеннолетних. Минск: Минсктиппроект, 1997. 174 с.
12. *Кобзева Е.В.* Оценочные признаки в уголовном праве. Саратов: Изд-во СГАП, 2004. 226 с.
13. *Козина Е.Л.* Преступления против собственности, совершаемые несовершеннолетними, их причины и предупреждение: региональный аспект: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Нижний Новгород, 2008. 201 с.
14. *Колоколов Н.А.* Уголовная политика: загадочная очевидность: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 206 с.
15. *Коробеев А.И.* Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 352 с.
16. *Кудрявцев В.Н.* Борьба мотивов в преступном поведении. М.: Норма, 2019. 210 с.
17. *Лопашенко Н.А.* Преступления против собственности. Авторский курс в 4 кн. Кн. 2. Общая теория хищений. Виды хищения. М.: Юрлитинформ, 2019. 178 с.
18. *Малькова И.Ю.* Грабеж: вопросы квалификации, дифференциации ответственности и индивидуализации наказания: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Саратов, 2009. 186 с.
19. *Мкртчян С.М.* Мошенничество в сфере кредитования: вопросы обоснованности состава преступления и уголовно-правового поощрения за позитивное посткриминальное поведение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Волгоград, 2017. 23 с.
20. *Ошкина Н.П., Энтю В.А.* Особенности изучения проблем виктимологии личности преступника и потерпевшего в условиях реиндустриализации и изменений правовой политики России при совершении преступлений против собственности // Россия: от стагнации к развитию (региональные, федеральные, международные проблемы): сборник материалов XII Международной научно-практической конференции. Ставрополь, 2017. С. 521–526.
21. *Петелин Б.Я.* Психологическая структура мотивов преступления // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1978. № 1. С. 94–100.
22. *Станкевич К.К.* Мотивы и цели убийства: доктрина, закон, применение: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Екатеринбург, 2019. 199 с.
23. *Уледов А.К.* Теоретическая и прикладная социальная психология. М.: Мысль, 1988. 333 с.

24. *Челябова З.М.* Насилие в посягательствах на собственность: понятие, виды, проблемы законодательной регламентации, квалификации и наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Саратов, 2019. 33 с.

25. *Парог А.И.* Мотив и цель преступления // Уголовное право. Общая часть. Преступление. В 10 т. Т. 7. Субъект преступления. Субъективная сторона преступления. Кн. 2 / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 163–198.

References

1. *Adoevskaya O.A.* Differentiatsiya otvetstvennosti za krazhu po ugovnomu pravu Rossii [Differentiation of responsibility for theft under the criminal law of Russia]. Diss. ... kand. jurid. nauk. 12.00.08. Samara, 2007. 253 p. (In Russian)

2. *Borodin S.V.* Otvetstvennost' za ubiistvo: kvalifikatsiya i nakazanie po rossiiskomu pravu [Responsibility for murder: qualification and punishment under Russian law]. Moscow, Yurist Publ., 1994. 204 p. (In Russian)

3. *Buz S.I.* Krazha: ugovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty [Theft: criminal-legal and criminological aspects]. Diss. ... kand. jurid. nauk. 12.00.08. Krasnodar, 2002. 202 p. (In Russian)

4. *Verina G.V.* Differentiatsiya ugovnoi otvetstvennosti za prestupleniya protiv sobstvennosti: problemy teorii i praktiki [Differentiation of criminal liability for crimes against property: problems of theory and practice]. Diss. ... d-ra jurid. nauk. 12.00.08. Saratov, 2003. 510 p. (In Russian)

5. *Gilinskii Ya.I.* Kriminologiya: teoriya, istoriya, empiricheskaya baza, sotsial'nyi kontrol'. 4-e izd. [Criminology: theory, history, empirical base, social control. 4th ed.]. Sankt-Peterburg, Alef-Press Publ., 2018. 573 p. (In Russian)

6. *Gilinskii Ya.I.* Prestupleniya protiv sobstvennosti: kriminologicheskii analiz [Crimes against property: criminological analysis]. In *Ugovno-pravovaya politika i problemy protivodeistviya sovremennoi prestupnosti* [Criminal law policy and problems of countering modern crime]. Ed. N.A. Lopashenko. Saratov, Satellit Publ., 2006, pp. 518–526. (In Russian)

7. *Gilinskii Ya.I.* Sotsial'nye protsessy i tendentsii prestupnosti v sovremennoi Rossii [Social processes and crime trends in modern Russia]. In *Kriminologiya v usloviyakh transformatsionnykh protsessov: natsional'nyi i mezhdunarodnyi aspekty. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 50-letiyu Polotskogo gosudarstvennogo universiteta* [Criminology in the conditions of transformational processes: national and international aspects. Materials of the International Scientific and Practical conference dedicated to the 50th anniversary of Polotsk State University]. Eds. I.V. Vegeera etc. Novopolotsk, 2018, pp. 6–28. (In Russian)

8. *Gornostaev S.V.* Diagnostika motivatsii professional'noi deyatel'nosti sotrudnikov ugovno-ispolnitel'noi sistemy [Diagnostics of motivation of professional activity of employees of the penal enforcement system]. Ryazan', Akademiya FSIN Rossii Publ., 2014. 57 p. (In Russian)

9. *Gurnitskii A.V.* Bednost' s pozitsii kriminologii. *Obshchestvo i parvo* [Poverty from the standpoint of criminology. Society and law]. Krasnodar, 2015, no. 1 (51), pp. 174–181. (In Russian)

10. *Enikolopov R.S.* Vvedenie. Bor'ba s koronavirusom – meditsinskaya i ekonomicheskaya problema [Introduction. The fight against coronavirus is a medical and economic problem]. In *Ekonomicheskaya politika vo vremena COVID-19* [Economic policy at the time of COVID-19]. Moscow, Rossiiskaya ekonomicheskaya shkola Publ., 2020, pp. 3–10. (In Russian)

11. *Zabryanskii G.I.* Sotsiologiya prestupnosti nesovershennoletnikh [Sociology of juvenile delinquency]. Minsk, Minsktipproekt Publ., 1997. 174 p. (In Russian)

12. *Kobzeva E.V.* Otsenochnye priznaki v ugovnom prave [Evaluation features in criminal law]. Saratov, SGAP Publ., 2004. 226 p. (In Russian)

13. *Kozina E.L.* Prestupleniya protiv sobstvennosti, sovershaemye nesovershennoletnimi, ikh prichiny i preduprezhdenie: regional'nyi aspekt [Crimes against property committed by minors, their causes and prevention: regional aspect]. Diss. ... kand. jurid. nauk. 12.00.08. Nizhnii Novgorod, 2008. 201 p. (In Russian)

14. *Kolokolov N.A.* Ugovlnaya politika: zagadochnaya ochevidnost': monografiya [Criminal policy: mysterious evidence: monograph]. Moscow, Yurлитinform Publ., 2014. 206 p. (In Russian)

15. *Korobeev A.I.* Ugovno-pravovaya politika Rossii: ot genezisa do krizisa: monografiya [Criminal law policy of Russia: from genesis to crisis: monograph]. Moscow, Yurлитinform Publ., 2019. 352 p. (In Russian)

16. *Kudryavtsev V.N.* Bor'ba motivov v prestupnom povedenii [The struggle of motives in criminal behavior]. Moscow, Norma Publ., 2019. 210 p. (In Russian)
17. *Lopashenko N.A.* Prestupleniya protiv sobstvennosti. Avtorskii kurs v 4 kn. Kn. 2. Obshchaya teoriya khishchenii. Vidy khishcheniya [Crimes against property. Author's course. In 4 books. Book 2. The general theory of theft. Types of theft]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2019. 178 p. (In Russian)
18. *Mal'kova I.Yu.* Grabezh: voprosy kvalifikatsii, differentsiatsii otvetstvennosti i individualizatsii nakazaniya [Robbery: issues of qualification, differentiation of responsibility and individualization of punishment]. Diss. ... kand. yurid. nauk. 12.00.08. Saratov, 2009. 186 p. (In Russian)
19. *Mkrtychyan S.M.* Moshennichestvo v sfere kreditovaniya: voprosy obosnovannosti sostava prestupleniya i ugovolno-pravovogo pooshchreniya za pozitivnoe postkriminal'noe povedenie [Fraud in the field of crediting: issues of the validity of the corpus delicti and criminal legal encouragement for positive post-criminal behavior]. Avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk. 12.00.08. Volgograd, 2017. 23 p. (In Russian, abstract in English)
20. *Oshkina N.P., Entyu V.A.* Osobennosti izucheniya problem viktimologii lichnosti prestupnika i poterpevshego v usloviyakh reindustrializatsii i izmenenii pravovoi politiki Rossii pri sovershenii prestuplenii protiv sobstvennosti [Peculiarities of studying the problems of victimology of the personality of the criminal and the victim in the conditions of reindustrialization and changes in the legal policy of Russia in the commission of crimes against property]. In *Rossiya: ot stagnatsii k razvitiyu (regional'nye, federal'nye, mezhdunarodnye problemy). Sbornik materialov XII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Russia: from stagnation to development (regional, federal, international problems). Collection of materials of the XII International Scientific and Practical Conference]*. Stavropol', 2017, pp. 521–526. (In Russian)
21. *Petelin B.Ya.* Psikhologicheskaya struktura motivov prestupleniya [Psychological structure of crime motives]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie [News of higher educational institutions. Jurisprudence]*, 1978, no. 1, pp. 94–100. (In Russian)
22. *Stankevich K.K.* Motivy i tseli ubiistva: doktrina, zakon, primenenie [Motives and goals of murder: doctrine, law, application]. Diss. ... kand. yurid. nauk. 12.00.08. Ekaterinburg, 2019. 199 p. (In Russian, abstract in English)
23. *Uledov A.K.* Teoreticheskaya i prikladnaya sotsial'naya psikhologiya [Theoretical and applied social psychology]. Moscow, Mysl' Publ., 1988. 333 p. (In Russian)
24. *Chelyabova Z.M.* Nasilie v posyagatel'stvakh na sobstvennost': ponyatie, vidy, problemy zakonodatel'noi reglamentatsii, kvalifikatsii i nakazaniya [Violence in encroachments on property: concept, types, problems of legislative regulation, qualification and punishment]. Avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk. 12.00.08. Saratov, 2019. 33 p. (In Russian, abstract in English)
25. *Rarog A.I.* Motiv i tsel' prestupleniya [Motive and purpose of the crime]. In *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'. Prestuplenie. V 10 t. T. 7. Sub'ekt prestupleniya. Sub'ektivnaya storona prestupleniya. Kn. 2 [Criminal law. A common part. A crime. In 10 vols. V. 7. The subject of the crime. The subjective side of the crime. Book 2]*. Ed. N.A. Lopashenko. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016, pp. 163–198. (In Russian)

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПЕРИОД ДО 2030 ГОДА В КОНТЕКСТЕ ПРАВИЛ НЕЛЬСОНА МАНДЕЛЫ

Тепляшин Павел Владимирович

***Цель:** определить роль Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) в реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года.*

***Методология:** в работе использованы формально-юридический и системно-структурный методы, метод сравнительного правоведения.*

***Выводы.** Приведены аргументы общепризнанности норм и стандартов, содержащихся в Правилах Нельсона Манделы. На примере соотношения категорий «реинтеграция», «ресоциализация», «социальная адаптация» и «исправление» продемонстрировано расхождение отдельных положений отечественного уголовно-исполнительного законодательства и положений Правил Нельсона Манделы. Выявлена недостаточно высокая активность реализации положений данного международного правового акта в модернизации российской практики исполнения уголовных наказаний.*

***Научная и практическая значимость.** Обоснование конкретных направлений оптимальной реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, а также международной правовой основы обращения с осужденными.*

***Ключевые слова:** международные обязательства, нормы международного права, обеспечение законных интересов, уголовно-исполнительная политика, универсальный характер принципов, учреждение объединенного типа.*

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года (далее – Концепция) утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р. В качестве одной из целей Концепции закреплено совершенствование правового регулирования в сфере реализации мер пресечения и исполнения уголовных наказаний с учетом международных обязательств Российской Федерации и общепризнанных норм международного права. Следовательно, российская уголовно-исполнительная политика достаточно четко обозначает важность воплощения в жизнь общепризнанных норм международного права, признает целесообразность такой работы и считает эту деятельность неотъемлемой частью концеп-

туальных решений, отражающих приоритетные направления развития отечественной уголовно-исполнительной системы.

В Концепции фактически указывается на социальную обусловленность и ценность реализации международных норм в области обращения с осужденными, а также подспудно закрепляется необходимость использования соответствующего механизма и порядка реализации данных норм в отечественной правоприменительной практике. Относительно ответов на поставленные вопросы уже существует достаточно существенный сегмент научных исследований [1; 2; 3; 4], но в разрезе Концепции еще только предстоит дать аргументированные разъяснения и обобщить предстоящие результаты реализации уголовно-исполнительной

политики через призму учета общепризнанных норм международного права.

Особый научный интерес представляют перспективы развития Концепции в свете Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы). Нельзя не согласиться с А.Б. Скаковым в том, что «Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключенными, именуемые Правилами Нельсона Манделы, являются результатом развития правовой системы обеспечения прав и законных интересов человека в условиях изоляции от общества» [5, с. 61].

Данный международный правовой акт выступает источником соответствующего национального законодательства значительного числа стран. Содержащиеся в нем принципы (например, касательно институционального равенства осужденных) и правила рекомендательного характера (в частности, рекомендация отказаться от интрузивных обысков осужденных) являются как раз теми нормами и стандартами международного права, которым обязуется соответствовать Российская Федерация в части исполнения уголовных наказаний и содержания под стражей.

Потребность исполнения уголовных наказаний с учетом международных обязательств Российской Федерации и общепризнанных норм международного права носит, на первый взгляд, естественный характер. Так, в ст. 3 УИК РФ закреплено, что практика применения уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации основывается на общепризнанных принципах и нормах международного права, следовательно, уголовно-исполнительная политика также обязана учитывать данное установление. Однако соблюдение такого установления не может быть абсолютным и однозначным, о чем свидетельствует складывающаяся в этой области непростая правоприменительная практика. Соответственно, фактически невозможно определить действительную потребность и ценность общепризнанных международных норм в области обращения с осужденными применительно, например, к функционированию учреждений объединенного типа, если только к 2024 г. планируется разработка и реализация соответствующего проекта!

Обращает на себя внимание указание в Концепции на общепризнанные нормы международного права, с учетом которых планируется совершенствование правового регулирования в сфере реализации мер пресечения и исполнения уголовных наказаний. При этом примечательно,

что в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. такой признак принципов и норм международного права, как «общепризнанные», отсутствовал. Как представляется, это не случайность, а закономерное движение современной уголовно-исполнительной политики в сторону соблюдения широко апробированных и добровольно принимаемых многими государствами международных пенитенциарных стандартов (норм), а также актуализация положений ч. 1 ст. 3 УИК РФ, в которой закреплено, что уголовно-исполнительное законодательство и практика его применения основываются на «общепризнанных принципах и нормах международного права». Ведь истоками формирования международных стандартов в области исполнения уголовных наказаний являлся обмен соответствующим опытом между государствами. В сущности, такие стандарты во многом выступают «выкристаллизованными» взаимно принимаемыми достижениями и эталонами государств в области обращения с осужденными. Как справедливо отмечает В.А. Уткин, это «достигается путем установления единых стандартов и норм, разработки и принятия международных документов» [6, с. 66–67]. Общеизвестность отражает особые качества международных пенитенциарных стандартов (норм) – признание, как правило, большинством стран, общеобязательность (желательно на добровольной основе) и универсальность, основополагающая роль в формировании общемировой идеологии обращения с осужденными. Как результат можно предвидеть значительную осмотрительность Российской Федерации при учете норм международного пенитенциарного права в процессе оптимизации правового регулирования уголовно-исполнительных отношений. В этом проявляется важный тренд развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в свете общепризнанных норм международного права. Однако заметим, что данная «осмотрительность» не касается Правил Нельсона Манделы, которые по своему цивилизационному назначению, широте действия и долговременной практике реализации доказали статус общепризнанности. Ведь важнейшим критерием «отнесения принципов к группе основных общепризнанных выступает их универсальный характер и признание большинством государств (нациями) международного сообщества» [7, с. 74].

Применительно к Правилам Нельсона Манделы заметим, что содержащиеся в них установления в части обеспечения правового статуса личности осужденного по своему содержанию и форму-

лировкам не вносят содержательный диссонанс при толковании руководящих идей и ведущего замысла развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. В этом контексте согласимся с А.А. Павленко, который справедливо указывает, что Правила Нельсона Манделы «прежде всего ориентированы на защиту прав заключенных» [8, с. 54].

Вызывает научный интерес содержание четвертого правила, которое отражает один из принципов Правил Нельсона Манделы: целями приговора к тюремному заключению или к аналогичному лишению свободы являются главным образом защита общества от преступников и сокращение случаев рецидивизма. Эти цели могут быть достигнуты только в том случае, если срок заключения используется, насколько это возможно, для обеспечения реинтеграции таких лиц в общество после их освобождения, с тем чтобы они могли вести законопослушный и самостоятельный образ жизни. Итак, упоминается категория «реинтеграция», тогда как в Концепции о ней ни слова не сказано, но задействованы такие категории как «исправление», «ресоциализация» и «социальная адаптация». Не вдаваясь в подробный сопоставительный анализ указанных категорий, что фактически выступает предметом иного самостоятельно исследования, отметим, что, во-первых, соотношение таких категорий как «реинтеграция», с одной стороны, а «ресоциализация» и «социальная адаптация», с другой, не приведет исследователей к полному консенсусу (например, на предмет того, охватывает ли категория «реинтеграция» своим содержанием категории «ресоциализация» и «социальная адаптация»); во-вторых, Концепция принята после принятия Правил Нельсона Манделы, следовательно, категория «реинтеграция» сознательно не использовалась. Более того, категории «ресоциализация» и «социальная адаптация» в Концепции более предметно используются в разделе XVI «Создание и развитие системы пробации», то есть преимущественно они связаны с постпенитенциарным этапом, тогда как основной фарватер Правил Нельсона Манделы лежит в области тюремного заключения, то есть относительно изоляции осужденного от общества. В этих моментах видится расхождение отдельных положений Концепцией с Правилами Нельсона Манделы.

В продолжение вышеизложенной дискуссии можно вспомнить и критику категории «исправление» с позиций реализации Правил Нельсона Манделы. Так, Н.Б. Хуторская отмечает, что «исправление осужденных как цель законодательства

и цель деятельности по исполнению наказаний по содержанию никоим образом не отвечает требованию принципа Правил Манделы... Вместо неточного, расплывчатого исправления, не имеющего объективных параметров оценки конечного результата, России не просто рекомендовано, а вменяется в обязанность пересмотреть одно из основных положений уголовно-исполнительного законодательства и мотивировать сотрудников уголовно-исполнительной системы работать исходя из предложенного Правилами Манделы принципа» [9, с. 186]. Согласиться с данным утверждением можно отчасти, поскольку при всей явной неопределенности параметров категории «исправление» все же она символизирует своеобразный уголовно-исполнительный мейнстрим и подчеркивает не столько практико-ориентированный аспект исполнения и отбывания уголовного наказания, сколько отождествляется с краеугольным камнем морально-нравственной, воспитательной и педагогической работы с осужденным. Однако в створе исследовательского внимания продолжает находиться достаточно «избитая», но еще «живая» проблема степеней исправления осужденных, новый уровень разработки которой как раз и позволит снизить эфемерные свойства категории «исправление».

Отметим еще некоторые ремарки. Так, представляется, что учет положений Правил Нельсона Манделы в развитии отечественной уголовно-исполнительной системы должен быть подчинен достижению не только всех целей Концепции, но и некоторых национальных целевых показателей. Например, согласно указу Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», одной из национальных целей к 2030 г. выступает повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет. Соответственно, крайне важно, чтобы сфера исполнения уголовных наказаний находилась в гармоничной связи с реализацией социальных потребностей и достижением приоритетных национальных целей. Не случайно В.И. Селиверстов указывает на то обстоятельство, что целесообразно «создание условий содержания осужденных, приближенных к европейским стандартам и правилам, с учетом имеющихся у государства ресурсов и иных национальных интересов России» [10, с. 295].

В преамбуле Концепции закрепляется, что цели и приоритетные направления развития уголовно-исполнительной системы определяются с учетом международных норм и стандартов. Следовательно, Правила Нельсона Манделы

необходимо более информативно использовать в отечественной правоприменительной практике. Так, приблизительно в 80% всех решений Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам содержания под стражей подозреваемых, обвиняемых или подсудимых, исполнения и отбывания уголовных наказаний, применения иных мер уголовно-правового характера упоминаются Правила Нельсона Манделы, но детального анализа либо правовой интерпретации практически не осуществляется. Например, в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 8 июня 2021 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности частей первой и восьмой статьи 74, части второй статьи 101 и пункта «в» части первой статьи 115 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.В. Яковлева» лишь постулируются (фактически только упоминаются) правила 27, 37, 43, 46 Правил Нельсона Манделы, но не комментируются и не разъясняется их действительное значение для принятия судом итогового решения. Думается, что если бы Конституционный Суд Российской Федерации в соответствующих решениях интерпретировал и толковал Правила Нельсона Манделы, то это способствовало бы лучшему пониманию рассматриваемого документа.

Также полагаем, что учет Правил Нельсона Манделы в оптимизации отечественной уголовно-исполнительной системы может быть сопряжен с уголовно-исполнительным экспериментированием. Ведь правовой эксперимент выступает важнейшим средством повышения результативности правового регулирования общественных отношений путем минимизации правотворческих и организационно-правовых ошибок. Такие ошибки, связанные в том числе с реализацией механизма учета международных стандартов в области обращения с осужденными, способны привести к крайне нежелательным и масштабным социально-экономическим и репутационным для уголовно-исполнительной политики последствиям. Успешно проведенный эксперимент обеспе-

чит выбор наиболее перспективного варианта развития того или иного сегмента уголовно-исполнительной системы. Имеющийся багаж специальных исследований и практических результатов экспериментирования в уголовно-исполнительной системе позволяет при реализации Концепции использовать следующие основные критерии выделения отдельных видов экспериментов по внедрению международного пенитенциарного опыта в российскую действительность: 1) по видам уголовных наказаний; 2) по отдельным средствам (способам, подходам) исправления и (или) ресоциализации осужденных; 3) в зависимости от категории осужденных; 4) в зависимости от задействования отдельных субъектов (операторов) исполнения (их участия в исполнении) уголовных наказаний; 5) особенностей организационно-режимных форм функционирования исправительных учреждений; 6) форм и мер повышения адаптивных способностей освобождающихся; 7) внедрения различных технических средств и методов контроля и надзора; 8) применения инновационных профессионально-кадровых нововведений для сотрудников и работников уголовно-исполнительной системы; 9) в зависимости от источника происхождения какой-либо идеи, проверяемой на предмет ее искомой эффективности и социальной репрезентативности (в частности, оценка приемлемости для отечественной уголовно-исполнительной системы индивидуальной программы обращения с осужденным).

Таким образом, можно констатировать наличие твердых перспектив реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года в контексте дальнейшего учета Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы). Реализация положений Концепции должна отражать не простое декларирование соблюдения положений Правил Нельсона Манделы, а реальные потребности в модернизации отечественной практики исполнения уголовных наказаний.

Литература

1. Коробова И.Н. К вопросу о реализации принципа гуманизма в уголовно-исполнительном праве Российской Федерации с учетом требований международных правовых стандартов // Юридическая мысль. 2019. № 1 (111). С. 95–100.
2. Новиков Е.Е. Исполнение и отбывание наказания в виде лишения свободы в Республике Индия: общеправовой аспект // Профессиональное образование и наука. 2019. № 3 (8). С. 80–86.
3. Скиба А.П., Мяханова А.Н., Пахоруков А.А. Некоторые проблемы исполнения наказаний в отношении осужденных с расстройством половой идентификации: российские, международные и за-

рубежные аспекты // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2020. № 6. С. 9–13.

4. Слабкая Д.Н., Новиков А.В. Актуальные проблемы имплементации общепринятых международных стандартов по обращению с осужденными в Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 12–1. С. 173–179.

5. Скаков А.Б. Роль Правил Нельсона Манделы для дальнейшего развития уголовно-исполнительного законодательства Казахстана // Уголовно-исполнительное право. 2020. Т. 15. № 1. С. 56–62.

6. Уткин В.А. Вклад отечественной уголовно-исполнительной практики в международное сотрудничество и развитие пенитенциарных систем зарубежных стран // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2020. № 2 (4). С. 65–74.

7. Лебедева Н.В. Теоретические подходы к определению общепризнанных принципов и норм международного права // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 23 (378). Право. Вып. 44. С. 72–77.

8. Павленко А.А. Систематизация сферы охраны здоровья в международных стандартах обращения с осужденными // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2021. № 1. С. 61–60.

9. Хуторская Н.Б. Реализация принципов Правил Манделы в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2017. № 3 (774). С. 181–188.

10. Селиверстов В.И. Европейские пенитенциарные стандарты: проблемы их соблюдения в России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2020. № 4 (837). С. 287–296.

References

1. Korobova I.N. K voprosu o realizatsii printsipa gumanizma v ugovovno-ispolnitel'nom prave Rossiiskoi Federatsii s uchetom trebovaniy mezhdunarodnykh pravovykh standartov [On the implementation of the principle of humanism in the penal law of the Russian Federation taking into account the requirements of international legal standards]. *Yuridicheskaya mysl' [Juridical thought]*, 2019, no. 1 (111), pp. 95–100. (In Russian, abstract in English)

2. Novikov E.E. Ispolnenie i otbyvanie nakazaniya v vide lisheniya svobody v Respublike Indiya: obshchepravovoi aspekt [Execution and serving of punishment in the form of imprisonment in the Republic of India: general legal aspect]. *Professional'noe obrazovanie i nauka [Vocational Education and Science]*, 2019, no. 3 (8), pp. 80–86. (In Russian, abstract in English)

3. Skiba A.P., Myakhanova A.N., Pakhorukov A.A. Nekotorye problemy ispolneniya nakazanii v otnoshenii osuzhdennykh s rasstroistvom polovoi identifikatsii: rossiiskie, mezhdunarodnye i zarubezhnye aspekty [Some problems of execution of punishments in relation to convicts with gender identity disorder: Russian, international and foreign aspects]. *Ugovovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie [Criminal Enforcement System: Law, Economics, Management]*, 2020, no. 6, pp. 9–13. (In Russian, abstract in English)

4. Slabkaya D.N., Novikov A.V. Aktual'nye problemy implementatsii obshchepriyatykh mezhdunarodnykh standartov po obrashcheniyu s osuzhdennymi v Rossiiskoi Federatsii [Topical problems of implementation of generally accepted international standards for the treatment of prisoners in the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava [Russian and international law issues]*, 2019, v. 9, no. 12–1, pp. 173–179. (In Russian, abstract in English)

5. Skakov A.B. Rol' Pravil Nel'sona Mandely dlya dal'neishego razvitiya ugovovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva Kazakhstana [The Role of the Nelson Mandela Rule for Further Development of the Criminal Execution Legislation of Kazakhstan]. *Ugovovno-ispolnitel'noe pravo [Criminal Enforcement Law]*, 2020, v. 15, no. 1, pp. 56–62. (In Russian, abstract in English)

6. Utkin V.A. Vklad otechestvennoi ugovovno-ispolnitel'noi praktiki v mezhdunarodnoe sotrudnichestvo i razvitie penitentsiarnykh sistem zarubezhnykh stran [Contribution of domestic penitentiary practice to international cooperation and development of penitentiary systems of foreign countries]. *Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikatsii rabotnikov FSIN Rossii [Bulletin of Tomsk Institute of Advanced Training of the Federal Penitentiary Service of Russia]*, 2020, no. 2 (4), pp. 65–74. (In Russian, abstract in English)

7. *Lebedeva N.V.* Teoreticheskie podkhody k opredeleniyu obshchepriznannykh printsipov i norm mezhdunarodnogo prava [Theoretical approaches to the definition of universally recognized principles and norms of international law]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University. Law]*, 2015, no. 23 (378), v. 44, pp. 72–77. (In Russian, abstract in English)

8. *Pavlenko A.A.* Sistematizatsiya sfery okhrany zdorov'ya v mezhdunarodnykh standartakh obrashcheniya s osuzhdennymi [Systematization of the sphere of health protection in international standards of treatment of convicts]. *Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikatsii rabotnikov FSIN Rossii [Bulletin of Tomsk Institute of Advanced Training of the Federal Penitentiary Service of Russia]*, 2021, no. 1, pp. 61–60. (In Russian, abstract in English)

9. *Khutorskaya N.B.* Realizatsiya printsipov Pravil Mandely v ugovolno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve Rossiiskoi Federatsii [Implementation of the Mandela Rule principles in the penal legislation of the Russian Federation]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Education and Pedagogical Sciences]*, 2017, no. 3 (774), pp. 181–188. (In Russian, abstract in English)

10. *Seliverstov V.I.* Evropeiskie penitentsiarnye standarty: problemy ikh soblyudeniya v Rossii [European penitentiary standards: problems of their observance in Russia]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Education and Pedagogical Sciences]*, 2020, no. 4 (837), pp. 287–296. (In Russian, abstract in English)

СТРУКТУРА ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И МЕРЫ ЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Хохрин Сергей Александрович

Цель: реформирование уголовно-исполнительной системы и реализация дополнительных видов наказаний позволили в течение последних лет снизить общее количество осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях. Однако в последнее время значительно возрастает уровень криминогенности в исправительных учреждениях и, как следствие, отмечается рост количества преступлений, совершаемых осужденными на территории пенитенциарных учреждений. Научкой отмечалось, что пенитенциарная преступность связана с видом исправительного учреждения, а вопросы влияния сотрудников и состояния объектов на пенитенциарную преступность носят дискуссионный характер. Принятие Правительством Российской Федерации ряда документов: во-первых, Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 года, утвержденной распоряжением от 29 апреля 2021 года № 1138-р; во-вторых, Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 годы) в части разработки альтернативных в рамках пенитенциарной системе систем социального реагирования, направленных на профилактику и пресечение преступного поведения в обществе, позволяет сформулировать актуальность изучения криминологической характеристики и определение детерминант пенитенциарной преступности.

Методология: при проведении исследования активно использовался метод статистического наблюдения при изучении документов (организационно-распорядительных документов уголовно-исполнительной системы, уголовных дел, донесений дежурной службы, приговоров и т. д.), проводилась сводка и группировка материалов статистического наблюдения, определялись абсолютные и относительные статистические величины, проводилась выборка данных и их анализ, проводился анализ динамики показателей.

Выводы. Результаты анализа статистических отчетов позволяет сделать вывод о неблагоприятной обстановке на территории исправительных учреждений. А проведение криминологического анализа позволит более тщательно изучить детерминанты.

Научная и практическая значимость. Криминологическая характеристика пенитенциарной преступности и формирование ее детерминант позволяет использовать их для дальнейшей разработки теоретических проблем преступности, ее разновидностей, для выработки мер предупреждения, совершенствования уголовного законодательства, а также деятельности уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: пенитенциарная преступность, исправительные учреждения, осужденные, детерминанты, запрещенные предметы, сотрудники, факторы преступности, латентность преступности, режим содержания.

Пенитенциарная преступность в силу особенностей представляет собой сложный механизм, связанный с исполнением наказания в виде лишения свободы. При общей тенденции снижения численности спецконтингента отбывающих наказание в пенитенциарных учреждениях за последние 10 лет на 78% и проведения оптимизации

численности сотрудников уголовно-исполнительной системы на 25% отметим ухудшение криминологической характеристики спецконтингента. В местах лишения свободы повышается удельный вес лиц, отбывающих наказание за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, например, в 2010 г. количество осужденных к лишению

свободы на срок до 5 лет преобладало над осужденными, отбывающими наказание более 5 лет, а к 2021 г. ситуация поменялась кардинально, и количество осужденных «большесрочников» превышает в 1,5 раза количество заключенных с незначительными сроками. (*Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых. Статистические данные ФСИН России // [Электронный ресурс]: URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xarka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/> (дата обращения: 18.03.2022)*). Дополнительно, как показывает анализ основных тенденций, необходимо учитывать:

- увеличение в 5 раз количества лиц, изучающих, пропагандирующих, исповедующих либо распространяющих экстремистскую идеологию;

- увеличение в 2 раза количества осужденных, склонных к систематическому нарушению правил внутреннего распорядка;

- увеличение в 8 раз количества преступлений, совершенных лицами, стоящими на профилактическом учете;

- увеличение количества спецконтингента с повышенной агрессивностью и возбудимостью, психическими отклонениями, склонных к различным формам деструктивного поведения – агрессии, конфликтам, членовредительству, суициду, непредсказуемым действиям, нападениям на сотрудников, других осужденных.

Большинство осужденных, указанной категории состоят на диспансерном учете по поводу различных социально значимых заболеваний: психических расстройств, активного туберкулеза, ВИЧ-инфекций, наркомании, алкоголизма, вирусного гепатита. Более 80% осужденных при поступлении в исправительные учреждения не имели профессиональных и трудовых навыков либо их утратили; возросла активность криминальных лидеров, пытающихся координировать противоправные действия осужденных, и т. п. Экономические реформы существенно обогатили элиту криминального мира, способствовали ее продвижению в органы власти и управления, в легальный бизнес. Это значительно расширило их возможности воздействовать на обстановку в местах лишения свободы.

Рассматривая количественные показатели совершенных преступлений по видам пенитенциарных учреждений, необходимо отметить, что максимальное количество противоправных деяний совершается в исправительных колониях и составляет более 88% от общего количества, следующим видом учреждений являются следственные изоляторы, где совершается порядка 10% всех за-

регистрированных преступлений, на последнем месте стоят воспитательные колонии и тюрьмы, где совершается не более чем по 1% преступлений.

Изучение криминологических показателей пенитенциарной преступности будет неполной без анализа коэффициента преступности. В криминологии принято рассчитывать коэффициент преступности по количеству преступлений на 100 тыс. населения. В среднем в исправительном учреждении ФСИН России содержится порядка 1000 осужденных. Количество осужденных, отбывающих наказание, и лиц, содержащихся под стражей в ИУ и СИЗО субъектов Российской Федерации, различно и может колебаться от 3 до 10 000. Поэтому для удобства сопоставления данных о пенитенциарной преступности по регионам и видам исправительных учреждений будем оценивать этот показатель на указанную численность.

При рассмотрении коэффициентов пенитенциарной преступности можно отметить отсутствие единой тенденции ее изменений в различных видах исправительных учреждений. Наиболее высокие показатели криминогенной активности наблюдаются среди осужденных, содержащихся в колониях-поселениях, что во многом обусловлено их большей свободой содержания (в том числе, возможностью выхода за пределы исправительного учреждения) и более слабым контролем со стороны администрации ИУ. Средний общероссийский коэффициент за рассматриваемый период в данных видах ИУ составил 55,5 преступлений на 10 000 осужденных, что почти в 8 раз превосходит коэффициент преступности, рассчитанный для лиц, содержащихся в следственных изоляторах (8,8). Учитывая, что в данных учреждениях содержатся лица, осужденные за преступления, совершенные по неосторожности, либо переведенные в порядке поощрения из учреждений закрытого типа, это достаточно высокий показатель. На высокую криминальную активность в рассматриваемых учреждениях указывали и авторы монографии «Пенитенциарная преступность: сущность и актуальные проблемы предупреждения» [2, с. 122].

Несмотря на сохраняющиеся проблемы, отмечается положительная тенденция снижения коэффициента преступности в колониях-поселениях: если в 2010 г. он составлял 61,4, то к 2021 г. он снизился до 56,6. В исправительных учреждениях других видов ситуация складывается следующим образом: в воспитательных колониях он упал с 18,4 в 2010 г. до 0 в 2020 г. (средний коэффициент за 14 лет – 22,6), однако в 2021 г. в воспитательных колониях было совершено 3 преступления, и коэффициент вырос до

36,1, в тюрьмах – в 5 раз с 15,2 до 60,8 (средний показатель 22,5), в исправительных колониях – в 2 раза, с 13,1 до 27,6 (средний показатель 16,6), в следственных изоляторах – более чем в 3 раза, с 4,7 до 16,2 (средний показатель 8,8). При этом в тюрьмах и СИЗО с 2012 г. наблюдается и рост абсолютных показателей преступности.

Повышение криминогенной активности в воспитательных колониях (2-е место среди исправительных учреждений по среднему коэффициенту преступности) на фоне снижения численности воспитанников вызывает вполне обоснованную тревогу, поскольку в данных колониях пенитенциарные преступления совершают несовершеннолетние, а это свидетельствует о дальнейшей криминализации личности молодого человека.

Далее по степени криминогенности следуют тюрьмы. Причем мы отмечаем нарастание криминальной пораженности спецконтингента, а также абсолютных показателей пенитенциарной преступности в этих учреждениях. Специфика и криминологические особенности спецконтингента, длительность содержания в камерных условиях, постоянное присутствие в камерах одних и тех же сокамерников, строгое следование традициям уголовно-преступной среды, наличие групп осужденных отрицательной направленности порождает психологическую напряженность лиц, отбывающих наказание, нередко является основой возникающих конфликтных ситуаций, разрешение которых иногда связано с совершением преступлений в период отбывания наказания. Следование традициям субкультуры, а также наличие дефицита материальных благ заставляет осужденных тюрем, в особенности отрицательно настроенных к администрации исправительных учреждений, устанавливать каналы поступления запрещенных предметов (спиртных напитков, наркотических веществ, сильнодействующих медицинских препаратов и др.), склонять сотрудников и вольнонаемных работников к установлению взаимоотношений, не вызванных интересами службы (работы).

Третьими по степени криминогенности следуют исправительные колонии общего, строгого и особого режимов. В данных учреждениях в совокупности содержится максимальное количество осужденных. Отсутствует или минимизирована оплачиваемая трудовая занятость осужденных, отмечается износ технических средств охраны и надзора, прослеживается высокая текучесть кадров, нехватка личного состава.

На последнем месте находятся следственные изоляторы. Однако, как мы уже отмечали, в них

наблюдается устойчивая тенденция роста уровня преступности (причем в условиях снижения общих показателей пенитенциарной преступности). Данное обстоятельство не может не вызывать опасения, поскольку свидетельствует о более интенсивных процессах криминальной деформации личности в условиях пребывания в СИЗО, несмотря на сравнительно непродолжительное время нахождения в данных учреждениях осужденных или подозреваемых.

Рассматривая структуру пенитенциарной преступности, необходимо обратить внимание на причины ее возникновения. Для простоты рассмотрения причинного комплекса пенитенциарной преступности целесообразно, по нашему мнению, разделить его на факторы правового характера, организационные и личностные.

Активную помощь в формировании групп может контент-анализ докладов прокуратур 79 субъектов Российской Федерации, в которых из года в год на территории всей страны, во всех субъектах систематически фиксируются одни и те же факторы, способствующие совершению преступлений в пенитенциарных учреждениях.

В первую группу факторов правового характера можно отнести ухудшение криминогенных характеристик осужденных; недостатки в правовом регулировании постановки осужденных на профилактический учет, в определении форм профилактического воздействия; значительное количество норм, которые применяются на усмотрение администрации исправительного учреждения.

С тем, что одной из причин совершения пенитенциарных преступлений является ухудшение криминогенной характеристики осужденных, мы согласны. Наличие и количество судимостей спецконтингента позволяет судить, что в последнее время в исправительных учреждениях сохраняется тенденция увеличения доли неоднократно судимых и снижается количество впервые осужденных, отбывающих наказание в пенитенциарных учреждениях. Количество судимостей сказывается на характере поведения осужденных, их отношении к основным средствам исправления. По данным исследования В.В. Меркурьева и В.А. Ильина, 44% осужденных, имеющих пять и более судимостей, безразлично относятся к воспитательным мероприятиям, в то время как среди впервые судимых доля таких лиц составляет 5% [2, с. 242]. Это подтверждалось и в проведенных нами ранее исследованиях, где мы отмечали, что «чем больше судимостей имеют осужденные, тем отрицательнее они относятся к воспитательным мероприятиям» [4, с. 136]. Например, если доля

впервые осужденных, попавших в учреждение в 2010 г., составляла 48,4%, а доля лиц, имеющих 3 и более судимости, в это время составляла 27,2%, то уже в 2021 г. доля впервые осужденных составляла 39,0%, а доля лиц, имеющих 3 и более судимости, — 39,9%. С ухудшением криминогенных характеристик осужденных необходимо отметить увеличение количества осужденных, стоящих на профилактическом учете как изучающих, пропагандирующих, исповедующих либо распространяющие экстремистскую идеологию. Данную категорию осужденных принято учитывать недавно — с 2013 г., но по итогам 2021 г. указанная категория увеличилась более чем в 3 раза. Эти осужденные формируют костяк групп экстремистской направленности. В местах лишения свободы религиозные убеждения имеют двойное значение: как позитивное, так и негативное. В работах А.Г. Емельяновой указано, что «осужденные, верующие в Бога, независимо от вида религии в большинстве своем отличаются правомерным поведением. Однако отдельная категория верующих осужденных отличается крайним радикализмом. Это касается прежде всего лиц, осужденных за преступления террористического и экстремистского характера» [1, с. 24]. На фоне увеличения этой группы необходимо отметить динамику численности лидеров и активных участников групп отрицательной направленности. Если с 2010 по 2018 гг. отмечается снижение их количества на 31,7%, то начиная с 2019 г. данная категория увеличилась на 26,4%. «Лидеры таких группировок стараются постоянно контролировать обстановку в исправительном учреждении. Даже сам факт пребывания их в местах лишения свободы способствует повышению их авторитета, усилению влияния на других осужденных» [3, с. 77].

Рассматривая организационные факторы, мы можем указать на неудовлетворительное состояние инженерно-технических средств охраны и средств охранного телевидения на объектах пенитенциарной системы, отсутствие трудовой занятости осужденных, наделение отдельных осужденных административными функциями, высокий уровень латентной преступности в пенитенциарных учреждениях. Мы считаем, что указанные детерминанты тесно взаимосвязаны с экономической ситуацией в стране. При их определении необходимо включать уровень инфляции, уровень заработной платы осужденных, возможность профессионального обучения осужденных. Трудоустройство осужденных в исправительных учреждениях чревато многими трудностями. Это и низкая квалификация осуж-

денного, устаревшее оборудование, постоянное соблюдение режимных требований — все это негативно сказывается на трудовой адаптации в исправительных колониях.

Например, анализ практик прокурорского надзора показывает, что значительной проблемой, способствующей в том числе повторному совершению преступлений, остается низкая заработная плата у работающих осужденных.

В большинстве случаев оплата труда осужденных, задействованных на сдельных работах, выполнивших установленную норму выработки и рабочего времени, привязана к минимальному размеру оплаты труда в соответствии с ч. 2 ст. 105 УИК РФ и ч. 3 ст. 133 ТК РФ и не превышает его. (*Доклад прокуратуры Брянской области за 2019 г. // [Электронный ресурс]: URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_32/activity/statistics (дата обращения 23.02.2022)*).

К сожалению, хроническое недофинансирование ФСИН России негативно сказывается на оснащенности охраняемых объектов, например, если в 2015 г. оснащенность охраняемых объектов техническими средствами охраны была 83,7%, то к 2020 г. оснащенность составила 82,7%. Интересно, по нашему мнению, и динамика износа основных видов ограждений, применяемых в пенитенциарных учреждениях. Износ ограждений снижает сдерживающие свойства, создает вероятность их обрушений в результате погодных аномалий, снижает время их преодоления, создает невозможность выдвижения группы преследования к месту срабатывания рубежа обнаружения и, как следствие, вероятность совершения побега осужденного.

Необходимо учитывать, что к 2021 г. процент износа ограждений составил от 20 до 30%. Добавим сюда неудовлетворительные показатели освещенности охраняемых объектов, зафиксированные в 52 (62,4%) территориальных органах ФСИН России, это подтверждается формами статистической отчетности. Указанные проблемы приводят к тому, что в ночное время дежурная служба не в состоянии контролировать учреждение в силу плохого освещения. Следовательно, можно сделать вывод о неудовлетворительном состоянии инженерных средств охраны.

Снижение сдерживающих свойств ИТСОН приводит к повышению вероятности совершения побега осужденных из мест лишения свободы при неспособности караулов предупредить противоправные действия. Так, в период 2010 по 2021 гг. количество покушений на побег и побегов осужденных, при совершении которых не происходило

срабатывание рубежей обнаружения, увеличилось в 5 раз — с 10 до 55 случаев.

Неудовлетворительное состояние технических средств охраны и надзора приводит к невозможности реагирования сотрудников на систематические нарушения режима содержания со стороны осужденных, а также их противоправное поведение и совершение преступлений.

Следующей группой факторов являются факторы личности субъекта пенитенциарного приключения, к которым можно отнести недооценку роли личности пенитенциарного преступника в позитивном разрешении вопросов и конфликтных ситуаций.

Одной из причин совершения пенитенциарного преступления является низкий профессионализм и неподготовленность сотрудников. Проведенная оптимизация численности сотрудников привела не только к сокращению сотрудников охраны и безопасности, но и к потере до 48% сотрудников иных служб. Уменьшение личного состава привело к увеличению случаев применения физической силы и специальных средств в отношении осужденных, так как сотрудники пытаются решить вопросы и конфликтные ситуации путем их применения, что позволяет говорить об актуализации данных вопросов.

Например, в 2021 г. было зарегистрировано 14 002 факта применения физической силы и специальных средств. В указанный период также зарегистрировано 47 сообщений о неправомерном их применении (*письмо ФСИН России от 21 февраля 2021 г. № 03-22260 «О состоянии режима и надзора в исправительных учреждениях и следственных изоляторах территориальных органов ФСИН России в 2021 году»*). При этом следует отметить высокий уровень латентности применения физической силы и специальных средств. Свидетельством тому является множество фактов неиспользования сотрудниками исправительных учреждений переносных видеорегистраторов. По данным фактам только в 2021 г. 2132 сотрудника уголовно-исполнительной системы были привлечены к дисциплинарной ответственности, в отношении 12 сотрудников возбуждены уголовные дела по фактам совершения насилия в отношении осужденных и лиц, содержащихся под стражей.

До недавнего времени оставался неурегулированным вопрос о применении сотрудниками уголовно-исполнительной системы электрошоковых устройств, имеющихся в наличии в территориальных органах ФСИН России. Закон РФ от 21 июня 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения

свободы» не включал электрошоковые устройства в перечень специальных средств, разрешенных для применения сотрудниками УИС. Федеральным законом от 28 декабря 2016 г. № 503-ФЗ данный вопрос получил законодательное разрешение. В новой редакции ст. 30 ФЗ «Об учреждениях и органах, исполняющие уголовные наказания в виде лишения свободы» регламентировано, в каких случаях сотрудник уголовно-исполнительной системы имеет право применять электрошоковые устройства.

Учитывая эти показатели, необходимо отметить снижение на 63% количества лиц, признанных злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, что является положительным моментом. Но если в 2010 г. количество осужденных, признанных злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, и количество лиц, стоящих на профилактическом учете, не превышало 3% и 7,3% от общей численности осужденных в исправительных учреждениях, то в 2021 г. их количество составляет 3,5% и 20,1%, что свидетельствует об их относительном росте.

В соответствии со ст. 82 УИК РФ регламентировано, что под «режимом в исправительных учреждениях понимается установленный законом и соответствующими закону нормативными правовыми актами порядок исполнения и отбывания лишения свободы, обеспечивающий охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию их прав и законных интересов, личную безопасность осужденных и персонала, раздельное содержание разных категорий осужденных, различные условия содержания в зависимости от вида исправительного учреждения, назначенного судом, изменение условий отбывания наказания» (*ст. 82 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ «Режим в исправительных учреждениях и его основные требования» (в ред. от 21.12.2021)*). В соответствии с законодательством реализация постоянного надзора за осужденными возможна только в двух вариантах: во-первых, постоянный контроль со стороны сотрудников; во-вторых, осуществление надзора средствами охранного телевидения. При проведенной оптимизации численности осужденных и уходе от понятия плотности надзора это остается единственным выходом. Внедрение охранного телевидения для обеспечения надзора позволило получить первые результаты в форме статистической отчетности о результатах оперативно-служебной деятельности отделов безопасности (режима

и надзора) исправительных колоний, лечебных исправительных учреждений, лечебно-профилактических учреждений, воспитательных колоний, тюрем, следственных изоляторов, отделов (отделений, групп) режима и надзора территориальных органов ФСИН России за четвертый квартал 2020 г. Впервые появилась графа «количество нарушений, выявленных операторами видеоконтроля СОТ», где впервые указаны нарушения, допущенные со стороны осужденных, количество которых составило 1 159 894, а в 2021 г. указанных нарушений было выделено уже 1 961 186.

Подведение итогов. Причины совершения преступлений в исправительных учреждениях условно можно разделить на несколько факторов.

Факторы правового характера: ухудшение криминальных характеристик осужденных; недостатки в правовом регулировании постановки осужденных на профилактический учет, в определении форм профилактического воздействия; значительное количество норм, которые применяются на усмотрение администрации исправительного учреждения.

Организационные факторы: неудовлетворительное состояние инженерно-технических средств охраны и средств охранного телевидения на объектах пенитенциарной системы, отсутствие трудовой занятости осужденных, наделение отдельных осужденных административными функциями.

Литература

1. Емельянова А.Г. К вопросу о совершенствовании профилактики преступлений в местах лишения свободы // Вестник Кузбасского института. 2018. № 3 (36). С. 22–28.
2. Аладьина Л.С., Емельянов С.Н., Жеребин В.С., Житников Б.Ю. и др. Пенитенциарная преступность: сущность и актуальные проблемы предупреждения: монография. Владимир: ВЮИ Минюста России, 2005. 420 с.
3. Иванцов С.В. Криминологические аспекты предупреждения организованной преступности в местах лишения свободы // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы междунар. научн.-практ. конф. (21 сентября 2018 г.): в 2 т. Т. 1. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018. С. 76–81.
4. Хохрин С.А. Пенитенциарная преступность как предмет правового и криминологического исследования: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 173 с.

References

1. *Emel'yanova A.G.* K voprosu o sovershenstvovanii profilaktiki prestuplenii v mestakh lisheniya svobody [On the issue of improving the prevention of crimes in places of deprivation of liberty]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta [Bulletin of the Kuzbass Institute]*, 2018, no. 3 (36), pp. 22–28. (In Russian, abstract in English)
2. *Alad'ina L.S., Emel'yanov S.N., Zherebin V.S., Zhitnikov B.Yu. and etc.* Penitentsiarnaya prestupnost': sushchnost' i aktual'nye problemy preduprezhdeniya: monografiya [Penitentiary crime: the essence and actual problems of prevention: monograph]. Vladimir: VYUI Minyusta Rossii Publ., 2005. 420 p. (In Russian)
3. *Ivantsov S.V.* Kriminologicheskie aspekty preduprezhdeniya organizovannoi prestupnosti v mestakh lisheniya svobody [Criminological aspects of the prevention of organized crime in places of deprivation of liberty]. In *Ugolovnaya politika i kul'tura protivodeistviya prestupnosti. Materialy mezhdunar. nauchn.-prakt. konf. (21 sentyabrya 2018 g.) v 2-kh t. [Criminal policy and culture of combating crime: materials of the international scientific-practical Conf. (September 21, 2018) in 2 vol.]*. V. 1. Krasnodar: Krasnodarskii universitet MVD Rossii Publ., 2018, pp. 76–81. (In Russian)
4. *Khokhrin S.A.* Penitentsiarnaya prestupnost' kak predmet pravovogo i kriminologicheskogo issledovaniya [Penitentiary crime as a subject of legal and criminological research]. Moscow, YurLitinform Publ., 2015. 173 p. (In Russian)

Трибуна ВУЗА ВОЛОГОДСКИЙ ИНСТИТУТ ПРАВА И ЭКОНОМИКИ ФСИН РОССИИ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЧЕРЕЗ ФОРМИРОВАНИЕ ПРИМЕРНОГО ПЕРЕЧНЯ МАРКЕРОВ (КРИТЕРИЕВ) ДЛЯ ОЦЕНКИ ВОЗМОЖНОСТЕЙ вовлеченности НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В КРИМИНАЛЬНУЮ СУБКУЛЬТУРУ, В ТОМ ЧИСЛЕ ЗАПРЕЩЕННОГО В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ДВИЖЕНИЯ «АУЕ»

Морозов Роман Михайлович,
Волков Дмитрий Юрьевич

Цель: проанализировать имеющуюся научную литературу и опыт сотрудников правоохранительных органов и определить группу маркеров (критериев), выявление которых позволит осуществлять более своевременную и адресную профилактику девиантного поведения несовершеннолетних. Авторами в статье рассматриваются проблемы профилактики девиантного поведения среди несовершеннолетних через определение маркеров (критериев), позволяющих выявить возможность вовлеченности несовершеннолетнего в криминальную субкультуру, в том числе в запрещенное в Российской Федерации движение «АУЕ». Кроме того, в работе рассматриваются индикаторы, маркеры, позволяющие отличить приверженца движения АУЕ от иных движений, таких как футбольные фанаты («хулиганы») и скинхеды (ультраправые группировки). В работе дается краткий анализ истории и современного состояния субкультуры «АУЕ» в России, а также раскрываются индикаторы, которые могут говорить о приверженности подростков к криминальной идеологии: внешние атрибуты, образ жизни и поведения, речевые особенности.

Методология: диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, системный метод, анкетирование, метод межотраслевых юридических исследований.

Выводы. Распространенность криминальной субкультуры АУЕ, в частности ее доступность, негативно влияет на несовершеннолетних лиц, дает им неправильные жизненные установки, увеличивает количество противоправных деяний. Своевременное определение сотрудниками правоохранительных органов в своей повседневной деятельности не единичного критерия (маркера), указывающего на приверженность лица к криминальной субкультуре, а нескольких критериев (маркеров) позволит выявлять лиц с девиантными установками и осуществлять в отношении них индивидуальную профилактическую деятельность.

Научная и практическая значимость. На сегодняшний день в научной литературе не получили должного рассмотрения вопросы изучения отдельных критериев (маркеров) криминальной субкультуры. Представляется, что без системного анализа и понимания этих критериев (маркеров) сотрудникам правоохранительных органов будет затруднительно своевременно выявлять субъектов, которые ее придерживаются, что может привести к росту правонарушений со стороны этих лиц и сказаться на эффективности работы сотрудников правоохранительных органов.

Ключевые слова: АУЕ, арестантское уркаганское единство, арестантский уклад един, криминальная субкультура, криминальная идеология, профилактика девиантного поведения, маркеры, профилактика преступлений, правоохранительные органы.

В настоящее время мы можем отмечать относительную социальную стабильность в современном российском обществе и, как следствие, стабильность в криминогенной обстановке в стране. Имеющийся уровень преступности в России был достигнут, в том числе, и за счет работы с подрастающим поколением, изменений в области пропагандистской работы в средствах массовой информации, сети Интернет и т. д. Указанные обстоятельства, имеющие положительные тенденции, не всеми расцениваются как благо, так как преступная среда заинтересована в обратном — в постоянном пополнении своих рядов новыми членами, распространении норм криминальной субкультуры, что в совокупности способствует приросту так называемого «воровского общака».

Для противодействия государственной политике в данной сфере в начале 1990-х гг. начала формироваться новая молодежная субкультура, целью которой являлось вовлечение несовершеннолетних в преступную среду — она получила наименование АУЕ («Арестантское уркаганское единство» и «Арестантский уклад един») [1, с. 135]. Такая работа осуществляется за счет романтизации и пропаганды преступного образа жизни, девиантного поведения. Особо широкое распространение данная субкультура получила в Забайкалье, на Урале. В считанные годы криминальная субкультура распространилась по территории большей части России — от отдельных инцидентов в Подмоскowie до тотального контроля молодежи в Забайкалье [2, с. 108].

Из-за социальной опасности данного явления на государственном уровне решением Верховного суда Российской Федерации от 17 августа 2020 г. общественное движение «АУЕ» было признано экстремистским, его деятельность на территории России запрещена (*Решение Судебной коллегии по административным делам ВС РФ от 17 августа 2020 г. по делу № АКПИ20-514С* // [Электронный ресурс]: URL: <https://vsrf.ru/lk/practice/cases/10796840> (дата обращения: 08.12.2021)).

Также были введены соответствующие нормы, предусматривающие административную и уголовную ответственность. За распространение информации о данном движении без указания на то, что его деятельность запрещена, виновное лицо подлежит привлечению к административной ответственности по ч. 2 ст. 13.15 «Злоупотребление свободой массовой информации» КоАП РФ. Стоит отметить, что указанный состав админи-

стративного правонарушения относится сугубо к средствам массовой информации.

Каким образом могут быть выявлены данные факты? Например, сотрудник прокуратуры в рамках осуществления надзора ввел запрос в поисковом ресурсе в сети Интернет, далее отобразилась страница интернет-сайта, на которой был выявлен факт размещения информации, пропагандирующей противоправное поведение, распространяющееся в молодежной субкультуре, которая ориентирована на внедрение в повседневную жизнь стиля общения и «законов» криминального мира. Данный ресурс распространяет идеологию неформального молодежного криминализованного движения АУЕ («Арестантское уркаганское единство», «Арестантское уголовное единство», либо «Арестантский уклад един») (*Решение Моршанского районного суда Тамбовской области № 2А-1170/2020 2А-1170/2020-М-1175/2020 М-1175/2020 от 19 октября 2020 г. по делу № 2А-1170/2020* // [Электронный ресурс]: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ANjy4QoeTJbp> (дата обращения: 08.12.2021)).

За пропаганду либо публичное демонстрирование, а также изготовление или сбыт в целях пропаганды либо приобретение в целях сбыта атрибутики или символики движения АУЕ ответственность наступает по ч. 1 и ч. 2 ст. 20³ КоАП РФ и распространяется на физических лиц. Так, например, гражданин У. признал вину в совершенном административном правонарушении по ст. 20³ «Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами» КоАП РФ. Он пояснил, что в сентябре 2016 г. на своей странице в социальной сети «ВКонтакте» выложил фото и символику АУЕ, не зная, что данные действия являются противоправными (*Постановление Яшкульского районного суда Республики Калмыкия № 5-34/2021 от 21 июня 2021 г. по делу № 5-34/2021* // [Электронный ресурс]: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xstoLDTXGk5Z> (дата обращения: 08.12.2021)).

Организация деятельности указанного криминального объединения, склонение, вербовка, иное вовлечение лица в его деятельность, участие в нем, предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для обеспечения деятельности движения, образуют

признаки составов преступлений, предусмотренных ч. 1, ч. 1.1, ч. 2 ст. 282² «Организация деятельности экстремистской организации», ч. 1 ст. 282³ «Финансирование экстремистской деятельности», ст. 210¹ «Занятие высшего положения в преступной иерархии». Стоит отметить, что судебная практика по привлечению к уголовной ответственности по рассматриваемым нами статьям УК РФ в целом сформировалась, однако, например, фактов привлечения к ответственности с учетом специфики рассматриваемого движения АУЕ выявлено не было.

Вероятно, это обусловлено тем, что лица, поддерживающие криминальную субкультуру и АУЕ, в частности, перешли на общение в закрытых чатах мессенджеров WhatsApp, Telegram, в телефонных онлайн-играх, ограничили либо усложнили прием новых членов сообщества и др. Также с целью исключить блокирование банковских счетов лица, организующие финансирование экстремистского сообщества, используют возможности перечисления финансовых средств, например, через криптовалютные кошельки. Это противодействует затрудняет выявление и профилактику преступлений, квалифицируемых по указанным нами статьям УК РФ должностными лицами правоохранительных органов РФ.

Таким образом, стоит констатировать, что сами запреты не искоренили данное явление, которое и до этого отличалось определенной латентностью, так как не всегда в асоциальном и противоправном поведении подростков явно прослеживается приверженность к криминальной субкультуре и АУЕ, в частности. По данной причине не во всех случаях сотрудники правоохранительных органов и социальных служб вовремя могут начать индивидуальную профилактическую работу с трудными подростками.

При этом необходимо отметить, что вовлечение в криминальную субкультуру в силу специфики может действовать в форме привлечения в конкретную организацию со своими правилами поведения, структурой и т. д., в движения, в которых могут быть как реальные, так и формальные лидеры. Поскольку криминальная субкультура имеет определенную идеологию, а ее воплощение невозможно без новых членов, которыми становятся в основном несовершеннолетние по причине несформированности у них адекватных социальных установок в силу возраста, воспитания, социального положения, правовой неграмотности. Также для несовершеннолетних свойственно занятие низших позиций в сообществе или движении, они используются в качестве исполнителей. Несовершеннолетние лица в рассматриваемом сообществе или

движении занимают в основном роли организаторов, руководителей [3, с. 251–252].

При определении индикаторов (маркеров) криминальной субкультуры авторами в 2021 г. было проведено анкетирование более 30 сотрудников полиции и исправительных учреждений ФСИН России ряда регионов (Вологодской, Ярославской, Архангельской областей). В анкете был поставлен открытый вопрос о том, какие, по мнению респондентов, индикаторы/маркеры криминальной субкультуры у осужденных они наблюдают в процессе своей служебной деятельности. Результаты анкетирования показали, что все перечисленные индикаторы можно объединить в следующие группы: материальные атрибуты, образ жизни и поведения, речевые особенности.

Для своевременной профилактической работы с нарушителем специальным субъектам, ответственным за данную работу, необходимо знать, как можно определить подростка, поддерживающего асоциальный и противоправный образ жизни, подверженного влиянию движения АУЕ, как отличить его от приверженцев других молодежных субкультур (футбольных фанатов («хулиганов»), скинхедов (ультраправых группировок) и т. д.).

В качестве таких индикаторов, маркеров можно отметить внешние атрибуты (материальные), образ жизни и поведение, речевые особенности. Остановимся на отдельных маркерах подробнее.

К материальным объектам/маркерам можно отнести элементы одежды, аксессуары, носимые членами криминальной субкультуры. Зачастую эти атрибуты содержат антисоциальные надписи, заявления, призывы на основе норм, выражений, символов данной криминальной субкультуры. Как правило, придерживающиеся ее подростки отдают предпочтение спортивному стилю в одежде, например, с полосками на рукавах и штанинах, кепкам и т. д. (изделия фирмы Adidas, их копии и аналоги). Возможно смешение стилей, в частности элементов спортивной одежды с классической обувью. По причине того, что большая часть приверженцев криминальной субкультуры является выходцами из маргинализированных слоев общества, одежда, как правило, не фирменная, может быть получена криминальным путем. Стоит отметить, что ряд социально обеспеченных лиц, придерживающихся движения АУЕ, приобретают футболки, куртки, кепки, шапки, на которых размещается символика АУЕ (например, воровские звезды, церкви), отдельные фразы (либо комбинация фраз и символики): А.У.Е.; Фарту, масти, А.У.Е; А.У.Е. Жизнь ворам и др.

Говоря, в свою очередь, о внешних атрибутах футбольных фанатов и скинхедов, стоит отметить,

что они сформировались давно и во многом являются подражанием их западным вариантам. Кроме того, необходимо отметить меньшую маргинализацию участников данных субкультур (особенно среди футбольных фанатов), вследствие чего их одежда, обувь и аксессуары могут находиться в ценовой категории выше средней. Многие участники этих течений отдают предпочтение футболкам-поло, курткам-бомберам, кроссовкам, кедам, ботинкам, берцам конкретных фирм (например, Fred Perry, Lacoste, Lonsdale, Doberman Aggressive, Thor Steinar, Dr. Martens, Camelot). Приверженность к фирменным вещам более характерна для футбольных фанатов и менее для скинхедов. Последние зачастую выделяются закатанными джинсами, Y-образными опущенными подтяжками, тяжелыми ботинками (в том числе со стальными носками), армейскими берцами, также допускается ношение перстней, колец с тематической символикой. Зачастую этот стиль можно охарактеризовать как милитари.

У футбольных фанатов характерными изображениями на одежде и аксессуарах могут быть спортивная символика, символика с «неспортивным поведением», ножи, кастеты, надписи – A.C.A.V. («All Cops Are Bastards»). В свою очередь, у скинхедов – скандинавские и славянские руны (одал, тюр, зиг, хайльсцайхен, тотен, лебен, коловрат), стилизованные под символы третьего рейха орлы, «мертвая голова», кельтский крест, цифровые обозначения (например, 14/88), надписи «Gott mit uns», «Meine Ehre heißt Treue», «White Power».

Ряд подростков, приверженцев криминальной субкультуры, имеют татуировки, отражающие их положение в преступном мире или позицию в обществе и в конкретных социальных группах. При этом татуировки могут иметь как словесное выражение, например «АУЕ», «СЛОН», так и образное – изображений, например, воровских звезд и перстней. Зачастую они выполнены в «кустарных» условиях и не отличаются качеством.

Для футбольных фанатов и скинхедов характерны татуировки более высокого качества. Изображаемая символика схожа с той, которая присутствует на их одежде – спортивная, мифологизированная, стилизованная.

Стоит отметить, что на материальных носителях (компьютерах, ноутбуках, телефонах и прочих гаджетах), принадлежащих подросткам, придерживающимся криминальных движений, можно обнаружить материалы о субкультуре, противоправных деяниях, в том числе фото-, видеоматериалы, тексты. Указанные материалы пересылаются подростками либо скачиваются ими с информационных ресурсов. В ряде случаев дети имеют специализированную или

художественную литературу, которая посвящена татуировкам, социальной стратификации в исправительных учреждениях, руководителям преступного мира, историям, связанным с отбыванием наказаний в закрытых исправительных учреждениях.

Подростки, участники фанатского движения, могут хранить информацию с так называемых «выездов» и кулачных поединков с фанатами других «фирм» (фанатских группировок). Что же касается специализированной литературы, то у данной субкультуры ее практически нет, наиболее известными специалистами и авторами, рассказывающими о фанатском движении, являются Дуги Бримсон (автор более десятка книг о фанатском движении за рубежом) и Дмитрий Лекух (книги посвящены отечественной фанатской культуре).

Лица, придерживающиеся нацистских взглядов, как правило, могут хранить на компьютерах информацию, связанную с идеологией (картинки, фото, тексты, видеозаписи с «акциями» против лиц определенных национальностей, погромов). Наиболее известными идеологами, чьи работы можно найти на компьютерах и печатных изданиях, являются Адольф Гитлер, Альфред Розенберг, Дэвид Лейн.

К значимым маркерам АУЕ следует отнести и коммуникативную составляющую. Так, специфической межличностного общения подростков, последователей движения АУЕ, будут являться попытки подражания «старшим товарищам» и соответствующее широкое использование в речи уголовного жаргона. Свой лексикон они также пополняют за счет общения со сверстниками-единомышленниками, ранее судимыми лицами, из средств массовой информации и сетевого пространства. При этом, в своей речи они широко используют нецензурную лексику. Зачастую активное употребление жаргона выступает в качестве вызова окружающим и сотрудникам правоохранительных органов.

Субкультура скинхедов и футбольных фанатов также отличается наличием «своего» лексикона, который тем не менее гораздо беднее уголовного, что объясняется менее продолжительным временем существования этих движений и другими целями. Так, первоначальная цель уголовного жаргона – создание своего «закрытого» языка, позволяющего маскировать как повседневное общение, так и преступную деятельность.

В связи с более продолжительным временем своего существования уголовный жаргон получил и более широкое распространение, чему в нашей стране способствовала «культурная революция» в СМИ в 90-е гг. прошлого столетия, когда практически каждый житель России приобщился к данному лексикону.

В качестве следующего важного индикатора, маркера можно отметить образ жизни и поведения. В отличие от профессиональных преступников, для которых приверженность криминальной идеологии является образом жизни, для подростков более характерно подражание, то есть попытка копировать образ жизни ранее судимых лиц и иных криминальных элементов.

Зачастую такое копирование может быть основано и на информации, полученной из СМИ, сети Интернет, и сильно отличаться от реально существующих понятий преступного мира. С учетом юношеского возраста, максимализма, психологической и социальной неразвитости приверженность криминальному образу жизни может принимать извращенные и гипертрофированные формы, которые могут выражаться в совершении жестоких, групповых преступлений, в том числе тяжких и особо тяжких, которые зачастую снимаются на камеры телефонов с целью последующей демонстрации, устрашения, попыток «заработать авторитет».

В ряде случаев такие действия могут выступать в качестве инициации принятия в ряды движения АУЕ. Как правило, указанные задания поступают от руководителей (авторитетов) криминального движения.

В качестве данного обряда могут выступать также следующие противоправные действия: избияния одноклассников, не разделяющих нормы АУЕ, оскорбления сотрудников правоохранительных органов, совершения перебросов запрещенных предметов и веществ в исправительные учреждения. В таких случаях дополнительно ведется видеозапись, которая выступает в качестве доказательства выполненного действия, а также в случае необходимости может быть использована в качестве компромата на лицо, выполнившее указанное задание. Так, полученные данным образом материалы позволяют в дальнейшем оказывать давление на конкретного члена преступного движения под угрозой их обнародования в случае невыполнения каких-либо указаний со стороны лидеров движения или сообщества.

Для вовлеченных в АУЕ подростков характерно систематическое употребление алкоголя, наркотических средств или психотропных веществ, токсикомания, а также осуществление сопутствующих действий, связанных с поиском денежных средств для приобретения указанных веществ, установление связей с лицами, которые осуществляют распространение и продажу запрещенных препаратов. В отдельных случаях допускается и непосредственное участие в распространении запрещенных веществ путем производства «закладок».

Как следствие, многие из подростков состоят на учете в органах внутренних дел в связи с систематическим нарушением административного и уголовного законодательства, в том числе по составам, связанным с хулиганством, хищением, причинением вреда здоровью, доставлением запрещенных предметов в учреждения, исполняющие наказания в виде лишения свободы (так называемые перебросы).

Для консолидации своей деятельности подростки создают или вступают в неформальные организации, поддерживающие и популяризирующие криминальную субкультуру. У них формируется закрытый круг общения, при этом он поддерживается постоянно как с помощью непосредственного межличностного общения, так и дистанционно, путем общения в социальных сетях и мессенджерах. Поскольку общение в дистанционном формате усиливается, соответственно, усиливается и частота общения, и его контроль со стороны руководителей, лидеров организации или движения. В указанной среде подростки занимаются совместным распитием алкоголя, употреблением запрещенных веществ, обменом «криминальным опытом», в том числе пропагандой норм криминальной субкультуры. Зачастую этому способствуют «старшие товарищи» – лица, ранее отбывавшие наказание в исправительных учреждениях [3, с. 250]. Ранее судимые лица осуществляют манипуляцию подростками, втягивают их в противоправную деятельность с целью подтверждения их лояльности преступному сообществу, завоевания «авторитета» у сверстников и их запугивания. Кроме того, дети могут выполнять задания, в том числе некриминальные, но нацеленные на последующее совершение преступлений. Например, наблюдение за конкретными людьми, квартирами, транспортными средствами.

Противоправная деятельность, в которую вовлекаются подростки, зачастую направлена на перечисление денежных средств на так называемый «общак». Это финансирование неформальных организаций, материальная поддержка лиц, находящихся в СИЗО и местах лишения свободы, переводы денежных средств на поддержание сообществ и групп, аккаунтов в социальных сетях, мессенджерах, куда данное движение тоже распространило свое влияние.

Так, последователи данного движения размещают в социальных сетях, мессенджерах ролики, снятые самостоятельно с их участием, но с действиями третьих лиц, на тематику связанную с криминальной субкультурой с вызывающим, демонстративным антисоциальным поведением. Также создаются

ролики, на которых участвующие лица совершают противоправные действия вплоть до подпадающих под сферу регулирования уголовного законодательства. Подростки занимаются продвижением аналогичных роликов путем репостов и лайков.

Говоря об образе жизни и поведении футбольных фанатов, следует отметить, что они сильно отличаются от аналогичных аспектов последователей движения АУЕ — не носят столь выраженного антиобщественного характера и не оказывают такого же значительного эффекта на повседневную жизнь фанатов. Участники фанатского движения в обычной жизни не отличаются от большинства обычных подростков, они могут также учиться в школах, училищах и институтах, работать и никаким образом не проявлять себя в качестве приверженца анализируемой субкультуры. Они не направляют свою энергию против обычных граждан, а сотрудники правоохранительных органов для них являются третьей противоборствующей стороной (после футбольных фанатов других футбольных клубов), но которой они не противодействуют вне «околофутбольного» времени. Идеология и образ жизни футбольных фанатов не носят столь антисоциального и нигилистического содержания и направлены на поддержку своего футбольного клуба и противодействие футбольным фанатам других команд, в том числе путем непосредственных конфликтов и драк (как кулачных, так и с применением подручных средств и, в редких случаях, предметов, используемых в качестве оружия (ножи, кастеты, дубинки, биты, травматическое оружие и т. д.).

Следует отметить, что в фанатской среде тоже есть своеобразная инициация, которая проходит в рамках драк с другими «фирмами». Другими словами, как человек себя проявит «в бою», такие у него и будут перспективы в фанатском движении.

Последователи ультраправых идей (скинхеды) также отличаются своим образом жизни и поведением. Так, в повседневности они не всегда скрывают свою приверженность к субкультуре, что может проявляться во внешнем виде, агрессивном поведении в отношении лиц других национальностей, вероисповеданий, также это может проявляться в немотивированных конфликтах. В то же время сотрудники правоохранительных органов для них не выступают в качестве активных врагов и у них отсутствует открытая конфликтность по отношению к ним. Кроме того, в период 90-х гг. ряд сотрудников правоохранительных органов можно было отнести к так называемым сочувствующим, то есть лицам, которые негласно поддерживают или соглашались с основными идеями ультраправых группировок.

Противоправная деятельность скинхедов отличалась агрессией и жестокостью, как правило, она проявлялась в виде побоев, причинения вреда здоровью и убийств. Вследствие этого значительная часть участников данных группировок была привлечена к уголовной ответственности.

В настоящий момент в связи с проводимой социально-экономической, правоохранительной политикой государства распространение данных субкультур в молодежной среде значительно уменьшилось. Их идеи в крайнем проявлении не находят широкой поддержки у молодежи, и ряды данного движения практически не пополняются.

В качестве вывода стоит отметить, что криминальная субкультура АУЕ получила относительно широкое распространение на территории всей Российской Федерации. Ее приверженцами становятся подростки из наиболее маргинализованных слоев населения. Данная идеология отличается ложной романтизацией преступного образа жизни, извращенными представлениями о поддержке, справедливости, братстве, возможности быстрого обогащения без необходимости работать, чем и вызывает симпатии у подростков. Культ силы, запугивания и безнаказанности приводит к совершению противоправных деяний, влекущих за собой привлечение к уголовной ответственности и зачастую к наказанию в виде лишения свободы. В ряде случаев в местах лишения свободы подростки не только не отказываются от своих идей, а наоборот, убеждаются в правильности выбранного пути.

Данные обстоятельства указывают на важность профилактической работы с лицами, попавшими под влияние движения АУЕ. Чтобы своевременно выявить такое лицо, необходимо определить, что именно свидетельствует о вовлечении человека в субкультуру. Помочь с этим призваны определенные нами маркеры для отделения приверженца других антисоциальных субкультур, таких как футбольные фанаты («хулиганы») и скинхеды (ультраправые группировки). Таким образом, в качестве основных индикаторов, маркеров можно отметить: внешние атрибуты (материальные), образ жизни и поведение, речевые особенности.

В повседневной жизни подростки, поддерживающие нормы движения АУЕ, предпочитают спортивный стиль одежды, при этом вещи редко бывают фирменными по причине их высокой цены. В отдельных случаях вещи могут быть краденными. Одежда и атрибутика могут быть украшены тематическими надписями, символами, связанными с местами лишения свободы (они могут наноситься в качестве татуировок, которые

набиваются, как правило, в кустарных условиях и не отличаются высоким качеством исполнения).

Будучи заинтересованными в получении новых знаний, совершенствовании своих навыков, а также в развлекательных целях подростки зачастую хранят на компьютерах, телефонах и прочих гаджетах контент, связанный с преступными традициями, «понятиями», противоправными деяниями как своими, так и иных приверженцев движения.

Подражая «старшим товарищам», в своем лексиконе дети широко используют уголовный жаргон, а также нецензурные слова, чем отличаются от ранее судимых лиц, для которых эта лексика является недопустимой.

Вовлечение в преступное сообщество зачастую осуществляется через инициацию, которая может проходить в виде совершения противоправного деяния с его видеofиксацией, которая одновременно служит доказательством участия подростка и компроматом на него. В последующем вовлечение в криминальную субкультуру осуществляется в рамках закрытого общения, в том числе под ру-

ководством ранее судимых лиц. В этот момент подростки зачастую приобщаются к азартным играм, употреблению алкоголя, наркотиков и иных запрещенных веществ, привлекаются к совершению противоправных деяний по заданию преступных авторитетов. Эти противоправные действия могут совершаться как по заданию, так и ситуационно, спонтанно и осуществляться единолично или группой лиц. Совершенные преступления зачастую отличаются дерзостью и чрезмерной жестокостью. Параллельно с совершением противоправных деяний осуществляется сбор денег для «воровского общака» с целью поддержки лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы.

При этом необходимо отметить, что ни один из перечисленных маркеров (критериев) однозначно не указывает на вовлеченность несовершеннолетнего в криминальную субкультуру АУЕ. Полагаем, что однозначный ответ может быть дан только в случае соответствия несовершеннолетнего ряду перечисленных нами маркеров (критериев) и доказательства этого процессуальными средствами.

Литература

1. Дзьоник Д.В., Рожков А.А. Социально-психологические особенности сообществ, разделяющих идеологию «АУЕ» // Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики: материалы всероссийской научно-практической конференции (30 октября 2020 г.). СПб.: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. С. 135–139.

2. Меняйло Д.В., Иванова Ю.А., Меняйло Л.Н. АУЕ – криминальное молодежное движение: сущность и способы распространения // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 107–111.

3. Польшиков, А.В., Буданова Е.А. Основные направления противодействия распространению криминальной субкультуры несовершеннолетних в современных условиях // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 2. С. 249–255.

References

1. Dz'onik D.V., Rozhkov A.A. Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti soobshchesty, razdelyayushchikh ideologiyu "AUE" [Socio-psychological features of communities sharing the ideology of AUE]. In *Pedagogika i psikhologiya v deyatel'nosti sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov: integratsiya teorii i praktiki: materialy vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 30 oktyabrya 2020 goda.* [Pedagogy and psychology in the activities of law enforcement officers: integration of theory and practice: materials of the All-Russian Scientific and practical conference, St. Petersburg, October 30, 2020]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2020, pp. 135–139. (In Russian)

2. Menyailo D.V., Ivanova Yu.A., Menyailo L.N. AUE – kriminal'noe molodezhnoe dvizhenie: sushchnost' i sposoby rasprostraneniya [AUE – criminal youth movement: the essence and methods of dissemination]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2019, no. 3, pp. 107–111. (In Russian)

3. Pol'shikov, A.V., Budanova E.A. Osnovnye napravleniya protivodeistviya rasprostranenyu kriminal'noi subkul'tury nesovershennoletnikh v sovremennykh usloviyakh [The main directions of countering the spread of the criminal subculture of minors in modern conditions]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2019, no. 2, pp. 249–255. (In Russian)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ К ПОЖИЗНЕННОМУ ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Зеленская Ольга Олеговна

***Цель:** рассмотреть некоторые особенности условно-досрочного освобождения осужденных к пожизненному лишению свободы, в том числе и мнения различных ученых по вопросам условно-досрочного освобождения осужденных.*

***Методология:** диалектический метод, анализ, дедукция, сравнительно-правовой метод.*

***Выводы.** Уголовно-правовые нормы об освобождении от наказания основаны на положениях ст. 50 Конституции Российской Федерации о том, что каждый осужденный имеет право просить о смягчении наказания. Освобождение называется досрочным, так как происходит до истечения срока назначенного приговором суда. Что касается условно-досрочного освобождения, то оно ставит перед осужденным определенные условия (требования, обременения), связанные с его поведением после освобождения. Условия определяются судом в соответствии с ч. 2 ст. 79 УК РФ и заключаются в возложении определенных обязанностей на осужденного. Важным является то обстоятельство, что при невыполнении возложенных судом обязанностей в соответствии с нормами действующего законодательства РФ условно-досрочное освобождение может быть отменено, что отражено в ч. 7 ст. 79 УК РФ. Следует также отметить, что цели наказания в соответствии с ч. 2 ст. 43 УК РФ состоят в восстановлении социальной справедливости, исправлении осужденного и предупреждении им совершения новых преступлений. Суд, рассматривая ходатайство осужденного об условно-досрочном освобождении, при вынесении решения прежде всего руководствуется тем, достигло ли наказание необходимых целей. Большую роль здесь играет мнение суда о возможности совершения осужденным нового преступления. Для суда должны быть очевидны предпосылки исключения рецидива после условно-досрочного освобождения. Таким образом, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания может быть применено только к тем осужденным, которые по признанию суда для своего исправления не нуждаются в полном отбывании назначенного судом наказания и отбыли предусмотренную законодательством РФ его часть. Кроме того, применение испытательного срока в случае условно-досрочного освобождения осужденного должно осуществляться с учетом личности, тяжести совершенного преступления, характеристик, возраста, имеющихся заболеваний и других персональных качеств.*

***Научная и практическая значимость.** Выводы и предложения статьи могут быть использованы в законодательной деятельности, научно-исследовательской работе и в правоприменительной практике.*

***Ключевые слова:** осужденные, условно-досрочное освобождение, пожизненное лишение свободы, установленный порядок отбывания наказания, ходатайства, потерпевший, законный представитель.*

Условно-досрочное освобождение (УДО) является одним из законных и часто встречающихся путей освобождения из мест лишения свободы.

Конституционно-правовым основанием УДО от отбывания наказания является ч. 3 ст. 50 Консти-

туции РФ, согласно которой каждый осужденный имеет право просить о смягчении наказания, что является непосредственным выражением конституционных принципов уважения достоинства личности, гуманизма, справедливости и законности.

Необходимо отметить, что действующий Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) позволяет любому осужденному к лишению свободы ходатайствовать об УДО, в том числе и осужденному к пожизненному лишению свободы.

Вопрос применения УДО к лицам, отбывающим пожизненное заключение, устанавливается, в частности, ч. 5 ст. 79 УК РФ, в которой, помимо требований об отбытии осужденным к пожизненному лишению свободы 25-летнего срока лишения свободы для УДО, указано о необходимости отсутствия у осужденных нарушений установленного порядка отбывания наказания в течение предшествующих трех лет. Важным обстоятельством является тот факт, что если в период отбывания пожизненного лишения свободы осужденный совершит новое тяжкое или особо тяжкое преступление, то он не подлежит УДО.

Рассмотрим более подробно каждое из выше-названных оснований для возможности применения УДО к рассматриваемой в статье категории осужденных.

Во-первых, осужденный фактически должен отбыть не менее двадцати пяти лет лишения свободы. С одной стороны, бессрочность приговора влияет на формирование у осужденного представлений об отсутствии перспективы в будущем выйти на свободу и приводит к размышлениям о бессмысленности своего существования в настоящем. С другой стороны, законодательно закрепленная возможность УДО оставляет надежду на освобождение через 25 лет [1, с. 127–133]. Некоторые исследователи считают, что данный срок необходимо сократить. Например, С.Я. Улицкий высказывал следующее мнение: «Бесспорно, что пожизненники совершили особо тяжкое преступление. Их личность при осуждении, мягко говоря, не вызвала симпатий. Но если мы решили сохранить таким людям жизнь и если они, находясь в колонии, показали, что не нуждаются в дальнейшем отбывании наказания, то обязательное отбытие ими 20 лет лишения свободы вместо 25 лет можно считать достаточным» [2, с. 8]. На наш взгляд, такая позиция не является верной и сокращение 25-летнего срока не представляется справедливым.

Во-вторых, суд должен признать, что лицо не нуждается в дальнейшем отбывании наказания. К тому же суд должен быть убежден в том, что осужденный доказал свое исправление.

В-третьих, у осужденного должны отсутствовать злостные нарушения установленного порядка отбывания наказания в течение предшествующих трех лет. Режим в специализированных учреждениях для рассматриваемой категории осужденных построен таким образом, что исключает воз-

можность случайного совершения ими злостного нарушения. С учетом этого мы не можем согласиться с мнением Д.В. Горбача, что осужденным к пожизненному лишению свободы невозможно выдержать все требования и условия уголовного и уголовно-исполнительного законодательства 25 лет и не допустить ни единого злостного нарушения установленного порядка отбывания наказания за три предшествующих года [3, с. 147]. Необходимо отметить, что осужденные находятся в специализированных учреждениях под усиленным постоянным контролем и сотрудниками, как правило, своевременно предотвращаются нарушения со стороны осужденных.

В-четвертых, если в период отбывания пожизненного лишения свободы осужденный совершит новое тяжкое или особо тяжкое преступление, то он не подлежит УДО. Из смысла сказанного следует, что совершение тяжкого либо особо тяжкого преступления в специализированном учреждении для пожизненно осужденных, на наш взгляд, может быть совершено только при наличии подготовки, с определенной долей цинизма, а в случае доведения преступного умысла до конца свидетельствует о том, что осужденный никаким образом не встал на путь исправления, а, следовательно, одна из целей его заключения (исправление) не достигнута.

Для решения вопроса об УДО необходимо не только отбытие осужденным предусмотренной законом части срока наказания и признание его судом не нуждающимся для своего исправления в полном отбывании назначенного наказания, но и возмещение вреда (полностью или частично), причиненного преступлением.

Кроме того, в соответствии с ч. 2¹ ст. 399 УПК РФ при рассмотрении вопроса об УДО осужденного от отбывания назначенного судом наказания вправе участвовать потерпевший, его законный представитель, если в материалах имеется постановление или определение суда об уведомлении потерпевшего или его законного представителя, вынесенное в соответствии с ч. 5 ст. 313 УПК РФ. Указанные лица должны быть извещены о дате, времени и месте судебного заседания, а также о возможности их участия в судебном заседании путем использования систем видеоконференцсвязи не позднее 14 суток до дня судебного заседания. На наш взгляд, участие вышеназванных лиц при рассмотрении ходатайства об УДО дает им право довести до суда свою позицию по вопросу об УДО осужденного, в том числе с учетом их личной безопасности, защиты членов их семьи и близких от угроз со стороны лица, совершившего преступле-

ние. Следует дополнить, что это будет способствовать объективному рассмотрению ходатайства, так как по прошествии времени тяжесть совершенного преступления нивелируется.

Согласно данным Центра содействия международной защите, на сегодняшний день освобождено семь осужденных, приговоренных к пожизненному лишению свободы. Однако следует отметить, что это произошло не по ходатайствам осужденных об УДО, а в связи с пересмотром приговоров на основании постановлений Европейского суда по правам человека (*Васильева В. Призрачное УДО. Об осужденных пожизненно // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.mhg.ru/prizrachnoe-udo-ob-osuzhdyonnyhpozhiznennno> (дата обращения: 20.03.2020)*).

Официальных данных о предоставлении УДО рассматриваемой в статье категории осужденных по факту отбытия, установленного в законодательстве РФ срока, в настоящее время отсутствует.

В заключение необходимо отметить, что УДО осужденного к пожизненному лишению свободы предполагает испытательный срок, в течение которого возможна отмена условно-досрочного освобождения. Однако в законе никак не определяется его продолжительность. В случае освобождения осужденного к пожизненному лишению свободы по УДО мы согласны с мнением С.Л. Бабаяна о том, что целесообразно предоставить суду право освобождать условно-досрочно осужденных к пожизненному лишению свободы при условии электронного наблюдения за ними на определенный испытательный срок (например, пять лет) [4, с.168–172]. Следует дополнить, что испытательный срок освобождаемому лицу, по нашему мнению, необходимо устанавливать персонализировано с учетом личности, тяжести совершенного преступления, характеристик, возраста, имеющихся заболеваний и других персональных качеств.

Литература

1. *Штефан Е.Ф.* Смысложизненные ориентации осужденных, отбывающих наказание в виде пожизненного лишения свободы // *Пенитенциарная наука*. 2018. № 44. С. 127–133.
2. *Улицкий С.Я.* Условно-досрочное освобождение осужденных к пожизненному лишению свободы. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. 33 с.
3. *Горбач Д.В.* К проблеме возможности условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в виде пожизненного лишения свободы // *Вестник ТвГУ. Серия «Право»*. 2015. № 3. С. 147.
4. *Бабаян С.Л.* К вопросу о поощрительном воздействии на осужденных к пожизненному лишению свободы // *Пенитенциарная наука*. 2019. № 13 (2). С. 168–172.

References

1. *Shtefan E.F.* Smyslozhiznennyye orientatsii osuzhdennykh, otbyvayushchikh nakazanie v vide pozhiznennogo lisheniya svobody [Life-meaning orientations of convicts serving a sentence of life imprisonment]. *Penitentsiarnaya nauka [Penitentiary Science]*, 2018, no. 44, pp. 127–133. (In Russian, abstract in English)
2. *Ulitskii S.Ya.* Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie osuzhdennykh k pozhiznennomu lisheniyu svobody [Conditional early release of those sentenced to life imprisonment]. Vladivostok: Far Eastern University Publ., 2001. 20 p. (In Russian)
3. *Gorbach D.V.* K probleme vozmozhnosti uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya ot otbyvaniya nakazaniya v vide pozhiznennogo lisheniya svobody [To the problem of the possibility of parole from serving a sentence of life imprisonment]. *Vestnik TvGU. Seriya «Pravo» [Bulletin of TVGU. Law Series]*, 2015, no. 3, p. 147. (In Russian, abstract in English)
4. *Babayan S.L.* K voprosu o pooshchritel'nom vozdeistvii na osuzhdennykh k pozhiznennomu lisheniyu svobody [On the issue of encouraging influence on those sentenced to life imprisonment]. *Penitentsiarnaya nauka [Penitentiary Science]*, 2019, no. 13 (2), pp.168–172 (In Russian, abstract in English)

ПРИМЕНЕНИЕ ОСНОВНЫХ СРЕДСТВ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН ВО ВРЕМЯ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ И В ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ ПЕРИОД

Латышева Людмила Александровна

Цель: проанализировать положительный опыт отдельных женских исправительных учреждений Российской Федерации по применению основных средств исправления (ресоциализации) осужденных, раскрыть содержательный аспект, выделить специфические особенности применения средств ресоциализации к женщинам, отбывающим наказание в виде лишения свободы, предложить ряд рекомендаций по совершенствованию действующего законодательства и практики его применения в данной сфере.

Методология: методологическую основу проведенного исследования составляет совокупность методов познания, среди которых следует выделить методы системного, сравнительного анализа, сопоставления, а также логического сравнения. Применялись частнонаучные методы: формально-юридический, сравнительно-правовой.

Выводы. В настоящее время применяемые к осужденным средства исправления отвечают целям и задачам ресоциализации, при этом, помимо традиционного толкования, наполняются иным смыслом, что обусловлено индивидуальными особенностями и специфическими потребностями и проблемами осужденных женского пола. В этой связи целесообразно внести ряд изменений в действующее российское уголовно-исполнительное законодательство, а также практику его применения в сфере применения основных средств исправления (ресоциализации) в отношении женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Так, предлагается дополнить ч. 2 ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации таким средством исправления, как социально полезная и общественно значимая деятельность. Под «социально полезной и общественно значимой деятельностью» подразумевается целенаправленная добровольная деятельность осужденных, направленная на развитие у них социально ценных качеств, творческих способностей личности, приобретение жизненно необходимых навыков посредством создания общественно полезных продуктов. Наряду с этим с учетом индивидуальных характеристик осужденных женского пола целесообразно предусмотреть в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации специальную главу, регламентирующую вопросы исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера в отношении женщин. Отдельно акцентируется внимание на ресоциализации женщин, имеющих малолетних детей в рамках исправительного учреждения. Основным направлением ресоциализации данной категории осужденных должна стать реанимация материнских чувств и качеств.

Научная и практическая значимость. Проведенный анализ основных средств исправления / ресоциализации осужденных к лишению свободы женщин, выводы, разработанные рекомендации по совершенствованию действующего уголовно-исполнительного законодательства и практики его применения могут быть использованы для дальнейших исследований в данной сфере, в правоприменительной практике, а также в законотворческой деятельности при внесении изменений в законодательство.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, исправительные учреждения, средства исправления осужденных, средства ресоциализации осужденных, осужденные к лишению свободы женщины, отбываю-

щие наказание в виде лишения свободы, ресоциализация осужденных, постепенитенциарное сопровождение лиц, освободившихся из мест лишения свободы, воспитательная работа, общественное воздействие.

Женщины, осужденные к лишению свободы, отбывают наказание, как правило, в воспитательных колониях, колониях-поселениях и исправительных колониях общего режима. При этом к категории «осужденная женщина» относятся беременные женщины, женщины, имеющие малолетних, взрослых детей. Таким образом, модель пенитенциарной ресоциализации у каждой из них будет различной. Следует отметить, что ресоциализация не должна сводиться только к мерам воздействия на осужденных женщин, необходимо помнить о восстановлении женщины как индивида в обществе, как полноценного и самостоятельного члена социума [1, с. 12].

Известно, что исправление осужденных реализуется с помощью основных средств, перечисленных в ч. 2 ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ). Данные средства отвечают целям и задачам ресоциализации осужденных, при этом, помимо традиционного толкования, наполняются несколько иным смыслом.

Так, соблюдение установленного порядка исполнения и отбывания наказания (режима) (ст. 82 УИК РФ) наряду с репрессивной функцией выполняет воспитательные задачи, является фактором дисциплинированности, содержит мотивационную составляющую. Например, положительно характеризующимся осужденным может быть предоставлено право на смягчение режима отбывания наказания (замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания, условно-досрочное освобождение и т. д.). Проиллюстрируем на конкретном примере. Для осужденных, находящихся в колонии-поселении, в соответствии со ст. 129 УИК РФ важными стимулами является получение разрешения на проживание со своими семьями на арендованной или собственной жилой площади, находящейся в пределах колонии-поселения или муниципального образования, на территории которого расположена колония-поселение.

Согласно ст. 109 УИК РФ, воспитательная работа с осужденными направлена на их исправление, формирование уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, на повышение их образовательного и культурного уровня. В этой связи воспитательным отделом женских исправительных учреждений оказывается содействие и помощь осужденным в социальном, культурном развитии, формировании жизненной по-

зиции, гражданской и правовой направленности, творческого мышления. В женских пенитенциарных учреждениях создаются условия для полезного времяпрепровождения (социально-культурная и спортивно-оздоровительная деятельность), вместе с тем организуются и проводятся мероприятия по формированию установок на здоровый образ жизни, в которых каждая осужденная является полноценным субъектом воспитательной работы. В этом плане интересен опыт ВК 2 УФСИН России по Томской области. Так, сборная команда колонии «Амазонки» участвует в городских соревнованиях по зимнему футболу. Ежегодно проводится спартакиада «Звезда надежды», представляющая собой соревнования между командами отрядов по бегу, прыжкам в длину, силовым упражнениям, волейболу, шашкам [2, с. 24]. Уместно обратить внимание на организацию досугово-творческой деятельности осужденных женщин и включение их в позитивно-ориентированные виды деятельности, под которыми понимаем благотворительную, творческую, трудовую, материально-преобразовательную, социальную и другие виды деятельности. В результате изучения различных источников мы пришли к выводу, что в исправительных учреждениях созданы и функционируют театральные, поэтические, музыкальные студии, клубы бардовской песни, танцевальные ансамбли и пр. Нельзя не заметить, что эффективность воспитательной работы зависит от ее качества. Данные мероприятия должны в первую очередь формировать социально значимые и жизненно необходимые знания, умения и навыки, способствовать становлению активной позиции женщины-осужденной. Необходимо подготовить ее самостоятельно применять навыки и умения, которые она получила во время отбывания наказания, и в постепенитенциарный период. А.С. Макаренко отмечал, что каждый человек должен входить в жизнь, умея сопротивляться вредному влиянию. Нужно не оберегать человека от вредного влияния, а учить его сопротивляться [3, с. 457]. Руководство ВК 2 устраивает экскурсии по историческим местам Томска, областной театр выделяет билеты для воспитанниц на постановки, в колонии функционируют кружки «Культура здоровья», «Вязание», «Мягкая игрушка», «Хозяюшка», «Сад и огород» и др. В классе «Юного корреспондента» учат писать материалы и брать интервью.

Важным антикриминогенным фактором для осужденных женщин является семья. В этой свя-

зи в рамках воспитательной работы в условиях пенитенциарных учреждений организуются мероприятия с привлечением родных и близких осужденных. Так, в ИК-2 УФСИН России по Вологодской области регулярно проводятся Дни открытых дверей, в рамках которых осужденных посещают родственники.

В исправительных учреждениях организуется единый учебно-воспитательный процесс на базе вечерней общеобразовательной школы, профессионально-технического училища, учебно-консультационного пункта и учебно-производственных (трудовых) мастерских. В некоторых исправительных учреждениях создаются малокомплектные учебные центры – пункты дистанционного обучения. Целесообразным представляется расширение диапазона образовательных возможностей для осужденных, создание равных условий для прохождения дистанционного обучения, содействие им в продолжении обучения после выхода из мест лишения свободы. В этом отношении для ФСИН России особое значение имеет сеть филиалов СГА, которая позволяет освобожденным из исправительного учреждения без перерыва продолжить обучение по месту жительства. Продолжительное образование снижает и рецидив. Осужденные-студенты и выпускники в 5–6 раз реже совершают повторные преступления после выхода на свободу [4, с. 55].

При этом профессиональное обучение тесно связано с трудовой деятельностью осужденного.

Тема трудовой занятости и профессионального обучения осужденных является одной из ключевых. Среди опрошенных сотрудников на вопрос «что наиболее эффективно влияет на процесс исправления осужденных» 93,2% сотрудников отвечают, что это профессиональное обучение (повышение квалификации) и общественно полезный труд [5, с. 115]. В этой связи интересен проект, реализуемый ГУФСИН России по Красноярскому краю. На базе крупнейшего в крае агрохолдинга «Сибирская губерния» в г. Сосновоборске открыт участок КП № 39, в котором отбывают наказание осужденные женщины. Осужденные заняты на различных видах производств агрохолдинга: убойном заводе, птичниках, ремонтно-маточном отделении, хлебозаводе, а также кондитерском производстве, что позволяет не только по максимуму их трудоустроить, но и обеспечить достойную заработную плату. Некоторым осужденным после освобождения будет предложено продолжить трудовую деятельность на предприятиях агрохолдинга. Осужденные, работающие на птицефабрике, проживают в специально оборудованном здании

«Дом птицевода» [6, с. 32]. Таким образом, труд и профессиональная подготовка должны рассматриваться как единый процесс, позволяющий осужденной получить необходимые знания и опыт и приобщиться к общественно полезной трудовой деятельности после освобождения.

Для решения проблем социальной и профессиональной адаптации граждан, освободившихся из мест лишения свободы, в отдельных областях принимаются целевые программы социальной реабилитации граждан, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы. Интересен в этом плане опыт Свердловской области. В целях повышения эффективности процесса социальной адаптации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, была разработана информационная система «Карта социальной реабилитации осужденного».

Одним из средств исправления, регламентированных УИК РФ, является общественное воздействие. Наибольшую помощь в оказании содействия в проведении воспитательной работы с осужденными оказывают религиозные (общественные) организации. Примечателен в этом плане опыт бывшей Рязанской ВК в форме функционирования воскресной школы, работа которой строилась по программе, состоящей из трех разделов: «Нравственность христианина», «Азбука благочестия» и «История христианства». Помимо занятий в школе, привлекались гимназисты из духовного училища г. Рязани для проведения бесед и духовных песнопений. Так же в ВК проводилось дистанционное обучение воспитанниц по курсу «Основы православного вероучения» на базе Центра православной педагогической культуры Рязанского государственного педагогического университета им. С. А. Есенина.

Монастыри и церковь продолжают оказывать помощь и содействие женщинам в постпенитенциарный период. Таким образом, наблюдается преемственная связь. Например, в Воронежской области освобождающиеся из пенитенциарных учреждений направляются в социальное бюро при Благотворительном фонде святителя Антония Смирницкого, в котором могут получить консультации юриста, психолога, социального работника, священника. На базе храма святой великомученицы Анастасии Узорешительницы создана база для ресоциализации освободившихся из мест лишения свободы, не имеющих ограничений по здоровью. Центр ресоциализации включает в себя небольшой дом, производственную базу, а также небольшую птицеферму. Основная задача Центра заключается в социальной адаптации освободившихся. В этой связи проводится ряд мероприятий

по развитию трудовых навыков и навыков коммуникаций [7, с. 44–45].

Отдельные некоммерческие организации оказывают осужденным женщинам помощь в преодолении наркотической и алкогольной зависимости. Обратимся к опыту УФСИН России по Вологодской области. В течение нескольких лет ИК-2 УФСИН России по Вологодской области сотрудничает с Центром по реабилитации лиц, злоупотребляющих спиртными напитками и наркотическими средствами «Палинар». Представители некоммерческой организации проводят для осужденных лекции, практические занятия, тренинги, направленные на борьбу с наркотической и алкогольной зависимостями, призывают к ведению здорового образа жизни. Программа реабилитации направлена на коррекцию личности, восстановление психического, духовно-нравственного здоровья, отработку моделей законопослушного поведения и оказывает значительную поддержку осужденным в их борьбе с зависимостью (*Осужденные женщины исправительной колонии № 2 прошли очередной курс программы реабилитации наркозависимых // [Электронный ресурс]: URL: https://35.fsin.gov.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=607235 (дата обращения: 31.01.2022)*).

В условиях исправительного учреждения существенное влияние на ресоциализацию осужденных женщин имеет общественно значимая, социально полезная деятельность осужденных. В связи с этим в работе с осужденными широко используются психосоциальные методы работы (арт-терапии, зоо-терапия, песочная терапия и т. д.). Полагаем целесообразным дополнить ч. 2 ст. 9 УИК РФ таким средством исправления, как социально полезная и общественно значимая деятельность. Под «социально полезной и общественно значимой деятельностью» подразумевается целенаправленная добровольная деятельность осужденных, направленная на развитие у них социально ценных качеств, творческих способностей личности, приобретение жизненно необходимых навыков посредством создания общественно полезных продуктов.

К социально полезной и общественно значимой деятельности целесообразно отнести и благотворительную деятельность.

Таким образом, объектом профилактического воздействия на женщин-осужденных всех категорий должны стать основные, наиболее значимые в социальном отношении сферы их жизнедеятельности:

Создание рекреационной среды с целью приближения условий отбывания наказания к услови-

ям жизни на свободе посредством использования возможностей окружающей среды (природной, экологической, региональной, и т. п.). Например, благоустройством ИК 1 УФСИН России по Смоленской области занимаются осужденные под контролем сотрудников. Территория благоустроена клумбами, фонтанами, уютными беседками, стенгазетами с пожеланиями [8, с. 46–47].

Модернизация образовательного процесса: использование современных методов и технологий социально-педагогической работы, учитывающих тенденции развития общества, интересы осужденных.

Развитие новых форм участия осужденных в общественной и социально полезной деятельности (благотворительные акции). Так, в ИК 1 УФСИН России по Вологодской области осужденные вяжут теплые вещи для детей Дома малютки г. Вологды.

Организация системной работы по формированию здорового образа жизни (проведение мероприятий, в основе которых здоровое соперничество).

Формирование системы профессионально-полезных связей сотрудников исправительного учреждения и осужденных. Законодательно закрепить перечень субъектов по ресоциализации осужденных, их права, обязанности и ответственность. Создать систему стимулов. Например, принятие законопроектов, направленных на создание и совершенствование системы помощи, льготного налогообложения участников благотворительной деятельности.

Создание комплексной системы подготовки к выходу из исправительного учреждения и постпенитенциарного сопровождения.

Наряду с указанными направлениями важно способствовать реанимации материнских чувств женщин. Родив ребенка, осужденная женщина обретает новую цель в жизни, у нее появляется сильнейшая мотивация изменить судьбу, снижается количество дисциплинарных нарушений, сохраняются и укрепляются социальные связи, появляется уверенность в себе и своем будущем [9, с. 14]. Отметим, что проблема оставления детей матерями является актуальной как для России, так и для других государств [10, с. 155–160]. Таким образом, основными направлениями работы по повышению эффективности ресоциализации осужденных женщин, прежде всего, имеющих детей, являются:

– во-первых, формирование и реанимация мотивов материнства посредством формирования постоянных социальных контактов осужденной

с ребенком, с членами семьи. Организация обучения осужденных, имеющих детей, основам материнства путем создания «Центра материнства», в котором осужденные-матери совместно проживают с детьми в отдельных благоустроенных комнатах. Обязательным условием является создание домашней обстановки с элементами природы («модель отсутствующего дома»). Также центр должен располагать специальными помещениями, в которых проводились бы занятия с осужденными женщинами («Мамина школа»). Подобный центр совместного проживания матерей с детьми существует в ИК 1 УФСИН России по Владимирской области. Осужденные ходят на работу, учебу, участвуют в мероприятиях. В это время с детьми занимаются сотрудники. Вечером все обязанности по уходу за ребенком переходят матерям [11, с. 41];

– во-вторых, развитие специальных программ, создание и привлечение фондов, женских организаций, оказывающих помощь осужденной и ее

семье (финансовая и материальная помощь, помощь по уходу за детьми, социальная помощь и поддержка матерей-одиночек и т. д.).

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что применяемые к осужденным женщинам средства исправления имеют свои особенности, что обусловлено специфическими чертами и проблемами данной категории осужденных. В этой связи также предлагается с учетом индивидуальных характеристик осужденных женского пола предусмотреть в УИК РФ специальную главу, регламентирующую вопросы исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера в отношении женщин. Отметим, что по результатам социологического опроса руководителей учреждений, в которых содержатся осужденные к лишению свободы женщины, 43% опрошенных указывают на необходимость выделения в УИК РФ самостоятельной главы, регламентирующей указанные вопросы [12, с. 33].

Литература

1. *Ситникова А.А.* Проблемы исполнения наказания и реабилитации женщин // *Полицейская и следственная деятельность*. 2016. № 4. С. 9–14.
2. УФСИН России по Томской области // *Преступление и наказание*. 2010. № 8. С. 24.
3. *Макаренко А.С.* Педагогические сочинения: в 8 т. Т. 5. / сост. Л.Ю. Гордин, А.А. Фролов. М.: Педагогика, 1985. – 457 с.
4. *Васильева А.* Информационные образовательные технологии – осужденным // *Преступление и наказание*. 2008. № 9. С. 54–56.
5. *Латышева Л.А.* Проблемы ресоциализации осужденных к лишению свободы: уголовно-исполнительный и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Екатеринбург, 2015. – 115 с.
6. «Сибирская губерния» трудоустраивает подопечных ГУФСИН // *Преступление и наказание*. 2010. № 38. С. 32.
7. *Зражевская Т.Д., Антонян Е.А.* Проблемы ресоциализации осужденных и лиц, освободившихся из мест лишения свободы, и пути их решения // *Бюллетень Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации*. 2020. № 8. С. 38–47.
8. *Павлова И.* Мне нравится моя работа // *Преступление и наказание*. 2011. № 11. С. 46–47.
9. *Территория детства* // *Преступление и наказание*. 2012. № 3. С. 14.
10. *Мергембаев Д.А.* Уголовно-правовые средства обеспечения безопасности детей: зарубежный и отечественный опыт // *Наука*. 2019. № 1 (60). С. 155–160.
11. *Шишигин В.* Главное в работе – слышать друг друга // *Преступление и наказание*. 2013. № 3. С. 41.
12. *Голодов П.В.* Исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении женщин: результаты эмпирического исследования // *Вестник Кузбасского института*. 2016. № 3 (28). С. 29–34.

References

1. *Sitnikova A.A.* Problemy ispolneniya nakazaniya i reabilitatsii zhenshchin [Problems of execution of punishment and rehabilitation of women]. *Politseiskaya i sledstvennaya deyatel'nost' [Police and investigative activity]*, 2016, no. 4, pp. 9–14. (In Russian, abstract in English)
2. UFSIN Rossii po Tomskoi oblasti [Federal Penitentiary Service of Russia in the Tomsk Region]. *Prestuplenie i nakazanie [Crime and Punishment]*, 2010, no. 8, p. 24. (In Russian)

3. *Makarenko A.S.* Pedagogicheskie sochineniya: v 8-i t. T. 5. [Pedagogical essays: in 8 vols. V. 5]. Eds. L.Yu. Gordin, A.A. Frolov. Moscow: Pedagogika Publ., 1985. 457 p. (In Russian)
4. *Vasil'eva A.* Informatsionnye obrazovatel'nye tekhnologii – osuzhdennym [Information educational technologies – to convicts]. *Prestuplenie i nakazanie [Crime and Punishment]*, 2008, no. 9, pp. 54–56. (In Russian)
5. *Latysheva L.A.* Problemy resotsializatsii osuzhdennykh k lisheniyu svobody: ugovolno-ispolnitel'nyi i kriminologicheskii aspekty [Problems of resocialization of convicts sentenced to deprivation of liberty: penitentiary and criminological aspects]. Dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. Ekaterinburg, 2015. 115 p. (In Russian)
6. «Sibirskaya guberniya» trudoustraivaet podopechnykh GUFSIN [Siberian province employs the wards of the GUFSIN]. *Prestuplenie i nakazanie [Crime and Punishment]*, 2010, no. 38, p. 32. (In Russian)
7. *Zrazhevskaya T.D., Antonyan E.A.* Problemy resotsializatsii osuzhdennykh i lits, osvobodivshikhsya iz mest lisheniya svobody, i puti ikh resheniya [Problems of re-socialization of convicts and persons released from prison, and ways to solve them]. *Byulleten' Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiiskoi Federatsii [Bulletin of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation]*, 2020, no. 8, pp. 38–47. (In Russian)
8. *Pavlova I.* Mne nravitsya moya rabota [I like my job]. *Prestuplenie i nakazanie [Crime and Punishment]*, 2011, no. 11, pp. 46–47. (In Russian)
9. Territoriya detstva [Territory of childhood]. *Prestuplenie i nakazanie [Crime and Punishment]*, 2012, no. 3, p. 14. (In Russian)
10. *Mergembaev D.A.* Ugolovno-pravovye sredstva obespecheniya bezopasnosti detei: zarubezhnyi i otechestvennyi opyt [Criminal legal means of ensuring the safety of children: foreign and domestic experience]. *Nauka [Science]*, 2019, no. № 1 (60), pp. 155–160. (In Russian)
11. *Shishigin V.* Glavnoe v rabote – slyshat' drug druga [The main thing in work is to hear each other]. *Prestuplenie i nakazanie [Crime and Punishment]*, 2013, no. 3, p. 41. (In Russian)
12. *Golodov P.V.* Ispolnenie nakazaniya v vide lisheniya svobody v otnoshenii zhenshchin: rezul'taty empiricheskogo issledovaniya [Execution of a custodial sentence against women: results of an empirical study]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta [Bulletin of the Kuzbass Institute]*, 2016, no. 3 (28), pp. 29–34. (In Russian, abstract in English)

ОБЩЕСТВЕННАЯ НАБЛЮДАТЕЛЬНАЯ КОМИССИЯ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Павлушков Александр Рудольфович

Цель: развитие современной правоохранительной системы в целом и уголовно-исполнительной системы в частности происходит при тесном взаимодействии с гражданским обществом. Институт общественного контроля — относительно новое образование, которое направлено на обеспечение прав лиц, находящихся в местах принудительного содержания. Целесообразность такой деятельности не вызывает сомнений, поскольку отражает обоюдные интересы государства, общества и личности. Статья посвящена особенностям работы общественных наблюдательных комиссий субъектов Российской Федерации. Раскрывается роль, функции общественных наблюдательных комиссий, дается краткий анализ отдельных существующих проблем в их деятельности за последние годы.

Любая деятельность требует анализа для дальнейшего совершенствования. Главная цель статьи — проанализировать существующие проблемы в деятельности общественных наблюдательных комиссий.

Первая часть статьи посвящена изучению правового статуса общественной наблюдательной комиссии. Конкретизируются ее задачи, направления деятельности. Законодательство достаточно четко отражает роль данного общественного формирования в системе общественного контроля. Однако на текущий момент отсутствует понятие «общественная наблюдательная комиссия», что препятствует его осознанию. Отсутствие формальной определенности правового статуса общественной наблюдательной комиссии создает трудности при взаимодействии с органами государственной власти, подведомственными учреждениями. Частично эти трудности разрешил Федеральный закон «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания», определив общественную наблюдательную комиссию субъектом общественного контроля и содействия лицам, содержащимся в местах принудительного содержания.

Вторая часть статьи посвящена анализу отдельных проблем в деятельности общественных наблюдательных комиссий. Они включают в себя противоречия организационного и законодательного характера. К числу таких проблем можно отнести слабый уровень профессиональных компетенций отдельных членов общественных наблюдательных комиссий, что ведет к снижению эффективности работы. Раскрыты причины сложившейся ситуации (короткий срок исполнения полномочий, формальный отбор кандидатов) и предложения субъектов по ее исправлению. Серьезными проблемами являются: недостаточная прозрачность формирования состава членов общественной наблюдательной комиссии, отсутствие полного взаимопонимания между данным формированием и руководством мест принудительного заключения, а также дефицит финансирования. Раскрыто содержание каждой проблемы, причины их появления и конкретные проявления.

Методология: при подготовке статьи использовались различные научные методы: анализ, систематизация информации, формально-юридический и диалектический методы, метод межотраслевых юридических исследований.

Выводы. Анализ действующего законодательства и практической деятельности общественных наблюдательных комиссий субъектов Российской Федерации говорит о том, что большая часть поставленных

проблем сводится к недостаткам существующего механизма общественного контроля и требует как законодательного, так и организационного разрешения.

Научная и практическая значимость. Изучение деятельности общественных наблюдательных комиссий расширяет представление о роли гражданского общества в системе организации общественного контроля за местами принудительного содержания. Выявление проблемных моментов в деятельности и последующее их устранение позволит обеспечить реализацию прав лиц, находящихся в местах принудительного содержания.

Ключевые слова: общественная наблюдательная комиссия, общественный контроль, общественная палата, гражданское общество, места принудительного содержания, член общественной наблюдательной комиссии.

Изменение социально-экономических ориентиров государства и переход на международные стандарты обращения с осужденными повышают актуальность изучения деятельности организаций, осуществляющих контроль в сфере соблюдения прав осужденных. С учетом указанного положения особый научный интерес вызывают вопросы, связанные с организацией деятельности общественных наблюдательных комиссий (далее – ОНК), осуществляющих контроль за соблюдением прав человека в местах принудительного содержания, что подтверждается и большим вниманием к этим вопросам научного сообщества [1, 2, 3, 4, 5].

Основой для нормативного регулирования деятельности ОНК является Федеральный закон от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» (Федеральный закон от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» // СЗ РФ. 2008. № 24. Ст. 2789), Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900) и Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 30 (часть I). Ст. 4213).

Кроме того, в 2021 г. решением Общественной палаты РФ от 14 апреля 2021 г. № 43-П был принят «Кодекс этики членов общественных наблюдательных комиссий по общественному контролю за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания» («Кодекс этики членов общественных наблюдательных комиссий по общественному контролю за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания» (утв. решением Общественной палаты РФ 14 апреля 2021 г.

№ 43-П)), который, не являясь нормативным актом, тем не менее играет важную регулирующую роль, так как включает в себя перечень правил (требований) к деятельности членов ОНК. Появление Кодекса этики членов ОНК было определено поправкой к ст. 7 Федерального закона от 6 декабря 2011 г. № 411-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания»» (Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. № 411-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7353), согласно которой устанавливался общий порядок его принятия: Кодекс утверждался Общественной палатой Российской Федерации по представлению совета Общественной палаты. Это принципиальная особенность первого этапа организации работы ОНК, которая подчеркивает усиление роли гражданского общества в формировании данного общественного института. Для сравнения, в европейских странах список лиц, осуществляющих общественный контроль за местами принудительного содержания, утверждается органами исполнительной власти.

В соответствии с вышеназванным Федеральным законом 2008 г. в каждом субъекте формируется одна общественно-наблюдательная комиссия, деятельность которой ограничивается территорией данного субъекта (ст. 6.1). Общей целью работы ОНК является содействие реализации государственной политики в области обеспечения прав человека в местах принудительного содержания. В свою очередь, деятельность ОНК включает реализацию нескольких задач:

– осуществление общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания;

– подготовка предложений и обращений по результатам общественного контроля;

– оказание содействия по взаимодействию органов власти, местного самоуправления и общественных объединений по обеспечению законных прав и условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания.

За относительно непродолжительный период своего существования общественно-наблюдательные комиссии доказали свою состоятельность и полезность для общества. Неслучайно секретарь Общественной палаты Российской Федерации В.А. Фадеев подчеркнул, что «ОНК является важнейшим приобретением гражданского общества не только в российском, но и международном масштабе» [6, с. 6]. В итоговом отчете Общественной палаты РФ за 2021 г. также подчеркнуто, что диалог между государством и гражданским обществом будет продолжаться, а деятельность ОНК будет направлена на «продвижение общественно значимых инициатив» [7, с. 119].

Вместе с тем в организации деятельности ОНК существует достаточно вопросов, которые мешают эффективно решать поставленные задачи. Общей проблемой является отсутствие понятия «общественная наблюдательная комиссия» и, как следствие, отсутствие строгости правового статуса. Формально Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» называет четыре субъекта общественного контроля: общественные палаты трех уровней и общественные советы (при федеральных органах исполнительной власти и при законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации) (*Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 30 (часть I). Ст. 9*). Законодатель сделал попытку раскрыть место и роль ОНК, но при этом отсутствует само определение данного образования. По смыслу содержания статьи общественная наблюдательная комиссия является общественным формированием, призванным производить контроль за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания. На этом основании многие исследователи относят ОНК к субъектам общественного контроля, подразумевая возможность расширенного толкования указанной статьи [8, с. 122; 9, с. 61].

Справедливой является критика ограниченности состава субъектов общественного контроля. За его границами остались многочисленные общественные объединения, некоммерческие организа-

ции, «аккумулирующие наиболее активную часть граждан», которые могли бы выступать в качестве контролеров и экспертов [10, с. 150]. Разрешением неопределенности (что стало уже вопросом не только принципа, но практического подхода) стала попытка отдельных регионов на законодательном уровне расширить состав субъектов общественного контроля и обозначить статус новых формирований. Такие попытки сделаны, например, в Нижегородской области, республике Марий Эл. В Нижегородской области в качестве первого субъекта общественного контроля названы граждане, поскольку именно от них исходит инициатива образования общественных формирований [10, с. 150].

Обратим внимание, что исследователи относят общественные наблюдательные комиссии к группе специальных субъектов общественного контроля, обеспечивающих реализацию отдельных форм общественного контроля [11, с. 15]. Специальные субъекты являются производными, создаются из числа основных субъектов общественного контроля или благодаря их непосредственному участию. Так, в соответствии с действующим законодательством важная роль в учреждении ОНК принадлежит Общественной палате Российской Федерации и общественной палате субъекта РФ, которые по отношению к ОНК являются основными. Общественная палата Российской Федерации участвует в формировании и дополнении составов ОНК, устанавливает общее количество членов ОНК по каждому субъекту, приостанавливает и прекращает деятельность ее состава, наделяет полномочиями и прекращает полномочия членов общественной наблюдательной комиссии (*Регламент Общественной палаты РФ (утв. решением Общественной палаты РФ от 21 декабря 2015 г., протокол № 126-П). Ст. 24.35*). Общественная палата субъекта РФ, в свою очередь, дает рекомендации по формированию состава ОНК (ст. 10.6).

Правовой статус специальных субъектов общественного контроля в отличие от общих (основных) определяется на основании специальных нормативных правовых актов, закрепляющих порядок и формы общественного контроля в конкретных направлениях (в данном случае в местах принудительного содержания, относящихся к различным ведомствам). В ст. 5 Федерального закона «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» ОНК относится к субъектам осуществления общественного контроля и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания.

Таким образом, данный закон уточняет правовой статус ОНК, определяя их не только субъектами общественного контроля, но и содействия указанным категориям лиц, что расширяет потенциальные возможности в деятельности ОНК.

Наиболее чувствительными в деятельности ОНК субъектов Российской Федерации остаются следующие проблемы.

1. Формирование компетентного состава ОНК, члены которого могли бы профессионально выполнять задачи, связанные с обеспечением общественного контроля за местами принудительного содержания. Об этом свидетельствуют факты пассивной работы отдельных членов во многих ОНК. Практически в каждой ОНК есть лица, которые крайне редко посещают места принудительного содержания, не участвуют в рабочих совещаниях комиссии, не исполняют принятые решения [8, с. 124]. Как правило, этот недостаток перекрывается высокой общественной позицией других членов комиссии, которые активно участвуют во всех запланированных мероприятиях. Однако такая ситуация ведет к росту рабочей нагрузки на остальных членов ОНК, что в итоге может негативно отразиться на ее работоспособности.

Появление данной проблемы связано не только с недостатками системы отбора кандидатов для участия в ОНК. Существуют причины, обусловленные несовершенством действующего законодательства.

Во-первых, установленный трехлетний срок полномочий общественно-наблюдательной комиссии является явно недостаточным для того, чтобы реализовать задачи, поставленные федеральным законодательством перед ОНК. За установленный период члены ОНК приобретают практический опыт, выстраивают связи с органами государственной власти. В то же время в соответствии с законом одно и то же лицо не может быть назначено членом общественной наблюдательной комиссии одного субъекта Российской Федерации более трех раз подряд. При смене состава складывается ситуация, когда одновременно приходится делать ротацию нескольких членов ОНК, что серьезно подрывает ее работоспособность. Накопленный прежний опыт бывших членов ОНК, конечно, можно передавать, но на формирование индивидуальных компетенций требуется много времени и сил.

Во-вторых, на текущий момент деятельность ОНК регулярно сотрясают скандалы, связанные со злоупотреблением служебным положением отдельных членов ОНК, о чем открыто говорится в публичных отчетах Общественной палаты. Для

решения проблемы кадрового обеспечения Общественная палата еще в 2019 г. предложила увеличить сроки проведения процедуры формирования ОНК с 90 до 120 дней, что позволило бы улучшить отбор кандидатов, более предметно познакомить их с требованиями и особенностями работы данного общественного института, а также «оценить гражданский потенциал» [6, с. 7].

Территориальные ОНК вносят и другие предложения в действующее законодательство по оптимизации своего кадрового состава. В частности, ОНК Ростовской области предлагает расширить количество выдвигаемых кандидатур (более двух) в члены общественной наблюдательной комиссии, исключить норму, ограничивающую выдвижение в члены более трех раз подряд, а также продлить срок полномочий до пяти лет по аналогии с депутатами представительных и законодательных органов власти (*Круглый стол на тему «Общественный контроль в местах принудительного содержания – проблемы и пути их решения, актуальные вопросы обеспечения прав уязвимых групп в местах принудительного содержания» // [Электронный ресурс]: URL: <http://antipytki.ru/2017/06/15/kruglyj-stol-na-temu-obshhestvennyj-kontrol-v-mestah-prinuditelnogo-soderzhaniya-problemy-i-puti-ih-resheniya-aktualnye-voprosy-obespecheniya-prav-uязvimyh-grupp-v-mestah-prinuditelnogo-soderzhaniya/> (дата обращения: 25.11.2021))*).

Второй, по мнению различных источников информации, является проблема недостаточной прозрачности формирования состава членов ОНК: «Члены совета Общественной палаты Российской Федерации при утверждении кандидатов руководствуются лишь поданными кандидатом документами и отзывами от общественных палат в регионах». Получение рекомендаций позволяет регионам «не пропустить» активных граждан [12]. Горный М.Б. отмечает, что «попасть в состав комиссии лицам, имеющим собственную точку зрения, отличную от мнения властей, крайне затруднительно», так как «решение о включении кандидата в состав ОНК принимает совет Общественной палаты Российской Федерации, который подконтролен органам власти» [13, с. 64]. Кроме того, реальная деятельность ОНК осложняется и тем, что согласно п. 3 ч. 1 ст. 16 ФЗ № 76 с осужденными допускается говорить только на темы, связанные с обеспечением их прав и законных интересов, а в случае отступления сотрудник УИС обязан прервать беседу (*Федеральный закон от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам,*

находящимся в местах принудительного содержания» // *СЗ РФ. 2008. № 24. Ст. 16*). Указанные выше проблемы способствуют не осуществлению контроля и выявлению нарушений, а лишь формальному контролю, при котором в отчетах всегда будет значиться «нарушений не выявлено».

Следует обратить внимание, что по-прежнему серьезной является проблема отсутствия полного взаимопонимания между ОНК и руководством мест принудительного заключения, о чем свидетельствует судебная практика. Случаи, когда администрация закрытых учреждений незаконно препятствует членам ОНК посещать данные учреждения для проверки «сигналов» о нарушении прав осужденных (задержанных), нередки (*Решение суда о незаконных действиях сотрудников ИВС, не допустивших членов ОНК в учреждение* // [Электронный ресурс]: URL: http://antipytki.ru/wp-content/uploads/2016/03/Reshenie_Korenkovskogo_suda_o_ne_dopuske_ONK_v_I.pdf (дата обращения: 25.11.2021)). Как правило, подавляющее большинство решений судов принимается в пользу ОНК, при этом другая сторона остается при своем мнении, оправдывая свои шаги жестким распорядком и особым режимом пребывания. Однако вопрос имеет более глубокие корни, связанные прежде всего с сохранением традиционной психологии общего недоверия работников силовых ведомств.

Вместе с тем в появлении конфликтных ситуаций бывают виноваты обе стороны. Примером могут служить случаи «раскрутки популярности» отдельных членов ОНК, когда во время посещения учреждений они уделяют особое внимание лицам, значимых для СМИ. Нередки случаи, когда как сотрудниками, так и представителями ОНК нарушаются нормы действующего законодательства, между ними возникает недопонимание, перерастающее впоследствии в конфликты.

Серьезной проблемой в организации деятельности ОНК является нехватка финансовых и материальных средств на ее осуществление. Установлено пять видов возможной поддержки ОНК: финансовая, имущественная, консультационная, информационная и «иная поддержка» (*Федеральный закон от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания»* // *СЗ РФ. 2008. № 24. Ст. 5*). Специальное указание «иной поддержки» увеличивает потенциальные каналы получения финансирования.

Однако ст. 9 Закона в самом общем виде регулирует финансирование, оставляя после про-

чтения больше вопросов. В частности, не раскрыт механизм финансирования ОНК, способы и объемы оказания финансовой помощи. В данном случае законодатель исходил из общего тезиса об общественной направленности данного формирования, что подразумевает личную инициативу граждан, добровольность и безвозмездность участия для «защиты общих интересов и достижения общих целей» (ст. 2, 3, 5 *Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»* // *СЗ РФ. 1995. № 21. С. 1930*). При этом следует признать, что добросовестное выполнение функций ОНК является крайне сложным в силу специфики данного рода деятельности. Она отражает более сложный процесс делегирования самого государства гражданскому обществу полномочий по контролю за местами принудительного содержания, что априори должно предполагать и финансовую поддержку.

К числу тех, кто оказывает материальную помощь членам ОНК, относятся прежде всего общественные объединения, представители которых работают в составе членов ОНК. Также финансовую поддержку могут оказывать органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления. Позиции каждой стороны строго определены. Если общественная организация принимает на себя все издержки, связанные с осуществлением полномочий своего представителя в ОНК, то органы власти материально помогают ОНК по своему усмотрению. Оказание финансовой помощи с их стороны не предполагает требования ее обязательности. Кроме того, многие общественные организации не обладают финансовыми возможностями для обеспечения деятельности избранных от них членов ОНК.

Нормализации деятельности ОНК способствуют общественные палаты, которые организуют курсы подготовки членов ОНК (консультативная помощь), издают методические рекомендации для работы ОНК (информационная и консультативная помощь). В частности, в докладе Общественной палаты РФ за 2021 г. говорится об организации помощи членам региональных общественных наблюдательных комиссий в обучении практическим навыкам общественного контроля, с целью повышения уровня их медиакомпетентности [7, с. 119]. Однако этого недостаточно. Очевидно, что дальнейшее полноценное функционирование этого общественного института невозможно без всесторонней поддержки со стороны государства. Причем речь идет не только о финансовой стороне, но и о других формах государственной

поддержки: информационной, организационно-правовой, научной, идеологической.

Выходом по преодолению дефицита средств на деятельность ОНК могла бы стать государственная поддержка с помощью выделяемых специальных грантов, проводимых на особых условиях участия в конкурсе. Опыт получения грантов отдельными ОНК уже есть, но такая практика является скорее исключением. В силу разных причин (отсутствия опыта в методической проработке и подготовке необходимой документации, а также из-за большой загруженности) участие в грантах для ОНК является весьма затруднительным. В этих условиях получение финансовых средств во многом зависит от активности руководителя ОНК.

Список обозначенных проблем, с которыми сталкиваются ОНК, не является исчерпывающим.

Вопросов, требующих совместного разрешения, достаточно много, и они требуют постоянного обсуждения.

Таким образом, соглашаясь с тем, что общественно-наблюдательные комиссии представляют крайне важный элемент общественного контроля за соблюдением прав лиц, находящихся в местах принудительного содержания, подчеркнем наличие серьезных проблем, препятствующих эффективной работе ОНК. Анализ действующего законодательства и практической деятельности ОНК субъектов Российской Федерации говорит о том, что большая часть поставленных проблем сводится к недостаткам существующего механизма общественного контроля и требует законодательного и организационного разрешения.

Литература

1. *Евдокимов И.В.* Общественный контроль соблюдения прав «тюремного населения»: возможности и реалии // *Безопасность Евразии.* 2014. № 2. С. 364–382.
2. *Минстер М.В.* Общественный контроль за обеспечением прав лиц, содержащихся в местах лишения свободы: законодательство и практика реализации // *Baikal Research Journal.* 2016. № 6. С. 18.
3. *Соколова О.В.* Принципы осуществления общественного контроля и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания // *Уголовно-исполнительное право.* 2014. № 2 (18). С. 42–47.
4. *Ольховик Н.В.* Взаимодействие общественных наблюдательных комиссий и общественных советов при территориальных органах ФСИН России // *Ведомости уголовно-исполнительной системы.* 2015. № 2. С. 21–26.
5. *Александров А.С.* К вопросу о развитии правозащитного потенциала общественных наблюдательных комиссий в условиях современных законодательных инициатив // *Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России.* 2021. № 1. С. 9–13.
6. Доклад о деятельности Общественной палаты Российской Федерации, посвященный вопросам деятельности общественных наблюдательных комиссий в субъектах Российской Федерации. М.: Общ. палата РФ, 2019. 68 с.
7. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2021 год. М.: Общ. палата РФ, 2021. 128 с.
8. *Ковалева И.В.* Общественные наблюдательные комиссии в системе субъектов общественного контроля за деятельностью полиции в Российской Федерации // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.* 2019. № 5. С. 121–125.
9. *Кийко Н.В.* Общественные наблюдательные комиссии как субъект общественного контроля за обеспечением правового положения осужденных // *Вестник Кузбасского института.* 2017. № 4. С. 59–65.
10. *Ячничкова Ю.С.* К вопросу о субъектах общественного контроля // *Марийский юридический вестник.* 2015. № 1. С. 149–150.
11. *Гриб В.В.* Актуальные проблемы нормативного закрепления системы субъектов общественного контроля в Российской Федерации // *Конституционное и муниципальное право.* 2016. № 1. С. 13–16.
12. *Дербина О.В.* Отдельные организационно-правовые проблемы в деятельности субъектов социальной работы с осужденными к лишению свободы // *Административная деятельность правоохранительных органов Российской Федерации и зарубежных стран: сборник материалов Международной научно-практ. конференции.* Рязань, 2019. С. 68–70.
13. *Горный М.Б.* Взаимодействие некоммерческих организаций с органами власти: общественный контроль и независимая оценка // *Публичная политика.* 2017. № 1. С. 60–65.

References

1. *Evdokimov I.V.* Obshchestvennyi kontrol' soblyudeniya prav «tyuremnogo naseleniya»: vozmozhnosti i realii [Public monitoring of the rights of the «prison population»: opportunities and realities]. In *Bezopasnost' Evrazii [Security of Eurasia]*, 2014, no. 2, pp. 364–382. (In Russian)
2. *Minster M.V.* Obshchestvennyi kontrol' za obespecheniem prav lits, soderzhashchikhsya v mestakh lisheniya svobody: zakonodatel'stvo i praktika realizatsii [Public control over ensuring the rights of persons held in places of deprivation of liberty: legislation and practice of implementation]. *Baikal Research Journal*, 2016, no. 6, p. 18 (In Russian, abstract in English)
3. *Sokolova O.V.* Printsipy osushchestvleniya obshchestvennogo kontrolya i sodeistviya litsam, nakhodyashchimsya v mestakh prinuditel'nogo soderzhaniya [Principles of public control and assistance to persons in places of forced detention]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo [Penal enforcement law]*, 2014, no. 2, pp. 42–47. (In Russian, abstract in English)
4. *Ol'khovik N.V.* Vzaimodeistvie obshchestvennykh nablyudatel'nykh komissii i obshchestvennykh sovetov pri territorial'nykh organakh FSIN Rossii [Interaction of public supervisory commissions and public councils under the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy [Sheets of the penal enforcement system]*, 2015, no. 2, pp. 21–26. (In Russian, abstract in English)
5. *Aleksandrov A.S.* K voprosu o razvitii pravozashchitnogo potentsiala obshchestvennykh nablyudatel'nykh komissii v usloviyakh sovremennykh zakonodatel'nykh initsiativ [On the development of the human rights potential of public monitoring commissions in the context of modern legislative initiatives]. *Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikatsii rabotnikov FSIN Rossii [Bulletin of the Tomsk Institute of Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia]*, 2021, no. 1, pp. 9–13. (In Russian, abstract in English)
6. Doklad o deyatelnosti Obshchestvennoi palaty Rossiiskoi Federatsii, posvyashchennyi voprosam deyatelnosti obshchestvennykh nablyudatel'nykh komissii v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii. [Report on the activities of the Public Chamber of the Russian Federation, dedicated to the activities of public monitoring commissions in the subjects of the Russian Federation]. Moscow, Obshch. palata RF Publ., 2019, 68 p. (In Russian)
7. Doklad o sostoyanii grazhdanskogo obshchestva v Rossiiskoi Federatsii za 2021 god [Report on the state of civil society in the Russian Federation for 2021]. Moscow, Obshch. palata RF Publ., 2021, 128 p. (In Russian)
8. *Kovaleva I.V.* Obshchestvennye nablyudatel'nye komissii v sisteme sub"ektov obshchestvennogo kontrolya za deyatelnost'yu politzii v Rossiiskoi Federatsii [Public monitoring commissions in the system of subjects of public control over the activities of the Police in the Russian Federation]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky]*, 2019, no. 5, pp. 121–125. (In Russian, abstract in English)
9. *Kiiko N.V.* Obshchestvennye nablyudatel'nye komissii kak sub"ekt obshchestvennogo kontrolya za obespecheniem pravovogo polozheniya osuzhdennykh [Public monitoring commissions as a subject of public control over ensuring the legal status of convicts]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta [Bulletin of the Kuzbass Institute]*, 2017, no. 4, pp. 59–65. (In Russian, abstract in English)
10. *Yaichnikova Yu.S.* K voprosu o sub"ektakh obshchestvennogo kontrolya [On the issue of subjects of public control]. *Mariiskii yuridicheskii vestnik [Mari Legal Bulletin]*, 2015, no. 1, pp. 149–150. (In Russian, abstract in English)
11. *Grib V.V.* Aktual'nye problemy normativnogo zakrepleniya sistemy sub"ektov obshchestvennogo kontrolya v Rossiiskoi Federatsii [Actual problems of normative consolidation of the system of subjects of public control in the Russian Federation]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo [Constitutional and municipal law]*, 2016, no. 1, pp. 13–16. (In Russian, abstract in English)
12. *Derbina O.V.* Otdel'nye organizatsionno pravovye problemy v deyatelnosti sub"ektov sotsial'noi raboty s osuzhdennymi k lisheniyu svobody [Separate organizational and legal problems in the activities of subjects of social work with persons sentenced to imprisonment]. In *Administrativnaya deyatelnost' pravookhranitel'nykh organov Rossiiskoi Federatsii i zarubezhnykh stran: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakt. konferentsii [Administrative activity of law enforcement agencies of the Russian Federation and foreign countries: collection of materials of the International Scientific and Practical Conference]*. Ryazan, 2019, pp. 68–70. (In Russian)
13. *Gornyi M.B.* Vzaimodeistvie nekommercheskikh organizatsii s organami vlasti: obshchestvennyi kontrol' i nezavisimaya otsenka [Interaction of non-profit organizations with authorities: public control and independent evaluation]. *Publichnaya politika [Public Policy]*, 2017, no. 1, pp. 60–65. (In Russian, abstract in English)

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЯХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВОЗАЩИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СФЕРЕ

Рудаков Артур Михайлович

Цель: раскрыть исправительный потенциал правозащитных организаций в пенитенциарной сфере, которые, на взгляд автора, действуют односторонне, акцентируя внимание на правах и свободах осужденных, умалчивая об их обязанностях и ответственности перед обществом, нормы которого они нарушили.

Методология: дедукция, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод.

Выводы. Основная цель взаимодействия сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и членов правозащитных организаций, функционирующих в пенитенциарной сфере, на наш взгляд, — это оказание содействия осужденным в ресоциализации, формировании у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения. Акцентирование внимания членами правозащитных организаций, функционирующих в пенитенциарной сфере, исключительно на обеспечении прав и свобод осужденных, очевидно, препятствует реализации целей уголовно-исполнительного законодательства. Подорывает педагогические принципы формирования личности, а также конституционные основы человеческого общежития в Российской Федерации: каждый гражданин Российской Федерации обладает на ее территории всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации (ч. 2 ст. 6 Конституции РФ).

Научная и практическая значимость. Поиск компромиссов между сотрудниками уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и представителями правозащитных организаций в целевом компоненте их взаимодействия позволит обеспечить реализацию основных прав и свобод осужденных, содержащихся в местах лишения свободы, а также организовать выполнение ими обязанностей, установленных уголовно-исполнительным законодательством. Вместе с тем в статье даны рекомендации членам правозащитных организаций для наиболее эффективного взаимодействия с ФСИН России.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, правозащитные организации, международное сотрудничество, осужденные, права и свободы.

Под правозащитной деятельностью принято понимать такую деятельность, которая направлена на защиту прав и свобод человека и гражданина [1, с. 61].

Вместе с тем участие представителей правозащитных организаций (*Правозащитные организации // [Электронный ресурс]: URL: <http://ombudsmanrf.org/russia/content/list> (дата обращения: 04.10.2021)*) в общественных отношениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации воспринимается сотрудниками ФСИН России скорее негативно, чем приветственно [2, с. 14]. Можно предположить, что это связано

с субъективным толкованием принципа справедливости уголовного наказания, регламентированным ст. 6 Уголовного кодекса Российской Федерации. Так, представители правозащитных организаций напористо, а иногда агрессивно выступают в защиту прав и свобод не потерпевших, а осужденных — людей, которые своими действиями нарушали права и свободы других граждан, за что и были направлены по решению суда в места лишения свободы. В этом аспекте следует заметить, что правозащитные организации, ратуя за обеспечение реализации прав и свобод осужденных, игнорируют проблемы невыполнения

последними своих обязанностей, также регламентированных уголовно-исполнительным законодательством.

Когнитивное напряжение между правозащитными организациями и сотрудниками ФСИН России усиливает вмешательство в пенитенциарную сферу России других государств – геополитических оппонентов Российской Федерации. Так, представитель Государственного департамента США Хизер Науэрт призвала российские власти немедленно освободить всех, кого правозащитные организации причисляют к заключенным по политическим и религиозным мотивам. Важно отметить, что в ответ на это заявление в посольстве Российской Федерации в США обратили внимание, что Вашингтон использует понятия борьбы за свободу совести, вероисповедания и демократические ценности, когда надо оправдать структуры, признанные в других странах экстремистскими, занимающимися незаконным предпринимательством, возбуждением ненависти, вражды и организацией экстремистских сообществ (*Посольство России отказало США в праве требовать освободить осужденных* // [Электронный ресурс]: URL: <https://ria.ru/20180619/1522958590.html> (дата обращения: 28.09.2021)).

Кроме того, журналистские расследования в отношении некоторых правозащитных организаций раскрывают политический характер их деятельности (*Правозащитники дали госсекретарю США свою оценку ситуации с НКО в РФ* // [Электронный ресурс]: URL: <https://ria.ru/20130508/936471745.html> (дата обращения: 11.09.2021)). Можно предположить, что отдельные субъекты этих организаций реализуют цели, поставленные перед ними их зарубежными партнерами (*После появления доказательств известная российская правозащитница призналась, что является гражданкой США* // [Электронный ресурс]: URL: <https://topwar.ru/10461-alekseeva-prisyagala-ssha.html> (дата обращения: 10.09.2021)). Так, в Вашингтоне совет директоров американского фонда National Endowment for Democracy («Национальный фонд поддержки демократии». Досье // [Электронный ресурс]: URL: <https://tass.ru/info/2149846> (дата обращения: 13.10.2021); США увеличили финансирование российских НКО // [Электронный ресурс]: URL: <https://iz.ru/news/586299> (дата обращения: 10.09.2021)) вручил награды, Democracy Award, руководителям четырех российских правозащитных организаций: Л.М. Алексеевой (Московская Хельсинкская группа), А.К. Симонову (Фонд Защиты Гласности), А.Б. Рогинскому (Международное общество «Мемориал») и М.А. Поляковой (Не-

зависимый Совет по юридической экспертизе). Как сказано в пресс-релизе, награда была дана за «мужественную и творческую деятельность по развитию демократии и прав человека во всем мире» (*Попов О. Антигосударственная деятельность в правозащитных «одеждах»* // [Электронный ресурс]: URL: <https://www2.pravoslavie.ru/5144.html> (дата обращения: 12.09.2021)).

Возвращаясь к вопросу восстановления социальной справедливости, Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин заметил, что далеко не все правозащитные организации ориентированы на отстаивание реальных интересов людей. «Когда речь идет о нарушениях фундаментальных и основополагающих прав человека, об ущемлении реальных интересов людей – голос подобных организаций, подчас, часто даже не слышен», – заявил президент (*Путин сформулировал главную общенациональную задачу* // [Электронный ресурс]: URL: <https://ria.ru/20040526/598205.html> (дата обращения: 10.09.2021)).

Актуальность поставленной в заглавии статьи проблемы находит отражение и в словах первого заместителя директора ФСИН России генерал-лейтенанта внутренней службы Анатолия Анатольевича Рудого: «Для более эффективной работы в сфере ресоциализации, для улучшения системы ФСИН России в целом посредством общественного контроля необходимо навести порядок внутри самих общественных организаций» (*Правозащитники объединились для защиты прав осужденных и их ресоциализации* // [Электронный ресурс]: URL: <http://onоранации.рф/pravozashhitniki-obedinilis-dlya-zashhity-prav-osuzhdennyh-i-ih-resotsializatsii/> (дата обращения: 10.09.2021)).

Таким образом, мы подошли к необходимости формулирования целей деятельности правозащитных организаций в пенитенциарной сфере, реализация которых, на наш взгляд, позволила бы объединить усилия правозащитных организаций и правоохранительных органов в деле восстановления социальной справедливости, законности и правопорядка.

Во-первых, безусловно, следует согласиться с необходимостью обеспечения наиболее полной реализации прав и свобод осужденных, а также подозреваемых и обвиняемых. Принцип восстановления социальной справедливости, на наш взгляд, наряду с признанием права на оказание помощи и реабилитацию потерпевших призывает обратить внимание на роль социально-экономического фактора в становлении личности преступника. В этом аспекте правозащитным организациям уместно обратить внимание на информационную

политику средств массовой информации, которые зачастую формируют деструктивные, криминальные убеждения у подрастающего поколения, нарушая тем самым их свободу совести, эксплуатируя возрастные особенности психики подросткового периода (*Пропаганда извращений в музыкальных клипах* // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=LLqsc6CLbR0> (дата обращения: 10.09.2020); *Технология продвижения извращений в России* // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dMLox59XqWE> (дата обращения: 10.09.2020); *Пропаганда извращений в западных сериалах* // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jNg8QDOKlf0> (дата обращения: 10.09.2020)).

Вместе с этим, обеспечивая реализацию прав и свобод осужденных, в частности права на свободу убеждений, нарушенного прежде, представителям правозащитных организаций необходимо оказать содействие сотрудникам ФСИН России в развенчании криминальных убеждений осужденных, выявляя источники их формирования и субъектов, ответственных за разращение нравов (*Мнение: США потратят \$4,6 млрд на «психологические операции» против РФ* // [Электронный ресурс]: URL: <https://ria.ru/20171109/1508462324.html> (дата обращения: 10.09.2020); *Немцы о грязных методах ЦРУ по достижению глобального господства США* // [Электронный ресурс]: URL: https://www.youtube.com/watch?v=uGP_0-f16cg&feature=youtu.be (дата обращения: 10.09.2020)).

Во-вторых, нельзя не согласиться с мнением лорда Джона Актона о скрытом разрушительном

потенциале власти: «Власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно» [3, с. 127]. Стэнфордский тюремный эксперимент, который был проведен в 1971 г. американским психологом Филипом Зимбардо, продемонстрировал стремительные деструктивные изменения личности молодых людей, которым выпала роль охранников (*Стэнфордский тюремный эксперимент* // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/stenfordskiy-tyuremnyy-eksperiment> (дата обращения: 13.09.2020)). Иными словами, речь идет о содействии со стороны правозащитных организаций сотрудникам исправительных учреждений в деле предотвращения разрушительного влияния власти одного человека над другим посредством организации работы с осужденными не только по обеспечению реализации ими своих прав и свобод, но и обязанностей, возложенных на осужденных уголовно-исполнительным законодательством. Правозащитным организациям предлагается разделить бремя власти и оказать содействие по стимулированию осужденных к правопослушному поведению, формированию у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития.

В-третьих, правозащитным организациям следует расширить спектр своих интересов: работать за обеспечение реализации прав, свобод осужденных, выполнение ими обязанностей не только в местах лишения свободы, но и в отношении лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы.

Литература

1. *Бутова М.С.* Деятельность неправительственных правозащитных организаций в Российской Федерации // Таврический научный обозреватель. 2016. № 10 (15). С. 61–62.
2. *Збаражский Н.В.* Виды и классификация правозащитных организаций применительно к защите прав человека // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 1. С. 13–15.
3. *Душенко К.* Абсолютная власть развращает абсолютно // Культурология. 2017. № 4 (83). С. 125–128.

References

1. *Butova M.S.* Deyatel'nost' nepravitel'stvennykh pravozashchitnykh organizatsii v Rossiiskoi Federatsii [Activities of non-governmental human rights organizations in the Russian Federation]. *Tavrisheskii nauchnyi obozrevatel'* [Tauride scientific observer], 2016, no. 10 (15), pp. 61–62. (In Russian)
2. *Zbarazhskii N.V.* Vidy i klassifikatsiya pravozashchitnykh organizatsii primenitel'no k zashchite prav cheloveka [Types and classification of human rights organizations in relation to the protection of human rights]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian legislation], 2012, no. 1, pp. 13–15. (In Russian)
3. *Dushenko K.* Absolyutnaya vlast' razvrashchaet absolyutno [Absolute power corrupts absolutely]. *Kul'turologiya* [Culturology], 2017, no. 4 (83), pp. 125–128. (In Russian, abstract in English)

СИСТЕМА УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ

Силкин Вячеслав Петрович

***Цель:** сравнить и проанализировать опыт законодательного регулирования системы наказаний в уголовных кодексах постсоветских государств.*

***Методология:** сравнительно-правовой метод, дедукция, формально-юридический метод.*

***Выводы.** Постоянное совершенствование системы уголовных наказаний и ее структурных элементов – видов наказаний – является важной составляющей борьбы с преступностью, поскольку именно от того, какие наказания входят в эту систему, каковы их размеры, содержание и соотношение друг с другом, эффективность практики их применения, зависит в целом успешность противодействия преступности. Важным инструментом в работе по совершенствованию системы наказаний могут служить сравнительно-правовые исследования, прежде всего уголовных законов, близких к России не только по правовой семье, но и исторически, то есть законов постсоветских государств. Автор приходит к выводам, что российская система уголовных наказаний перегружена видами наказаний, в том числе неработающих. Обосновывает, почему ряд наказаний, таких как арест, смертная казнь, принудительные работы, содержание в дисциплинарной воинской части необходимо исключить из ст. 44 УК РФ, другие – пожизненное лишение свободы, обязательные работы, исправительные работы – преобразовать. В то же время на примере зарубежного законодательного опыта автор обосновывает необходимость включения в российскую систему наказаний новых видов наказаний: конфискации имущества, возложения обязанности загладить причиненный вред, принудительного выдворения за пределы России иностранных граждан и лиц без гражданства.*

***Научная и практическая значимость.** Изучение законодательного опыта зарубежных стран, в том числе правового регулирования системы уголовных наказаний, позволяет решить российскому законодателю ряд проблем, связанных с совершенствованием соответствующих правовых норм в УК РФ.*

***Ключевые слова:** постсоветские государства, уголовное законодательство, система наказаний, виды наказаний.*

Одним из наиболее значимых методов уголовно-правовой науки, по нашему мнению, является метод компаративистских, то есть сравнительно-правовых исследований, поскольку он позволяет выявить положительные законодательные решения в регулировании интересующих институтов уголовного права.

С точки зрения возможного заимствования положительного законодательного опыта, представляется полезным обращаться к уголовным законам иностранных государств, прежде всего имеющих общую с Россией историю и, соответственно, более или менее схожую правовую систему. Профессор В.И. Зубкова отмечает, что

системы наказаний в законодательстве стран Восточной Европы, как правило, не отличаются большим и существенным разнообразием [1, с. 201].

И все же отличия имеются, и в ряде случаев существенные. В связи с этим настоящая статья посвящена сравнительному исследованию уголовных кодексов постсоветских республик в части интересующей нас системы уголовных наказаний.

Напомним, что система наказаний, по определению профессора А.И. Коробеева, «есть строго обязательный для законодателя и суда, установленный уголовным законом целостный и исчерпывающий перечень видов наказаний, расположенных в определенной, иерархически заданной

последовательности в зависимости от их функционального назначения, а также характера и сравнительной тяжести» [2, с. 162].

Обратившись непосредственно к национальному законодательству, увидим, что система наказаний в уголовных законах постсоветских государств выглядит следующим образом.

В Уголовном кодексе Азербайджанской Республики (*Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. Принят Законом Азербайджанской Республики Ks787-IQ от 30 декабря 1999 г. Утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ // [Электронный ресурс]: URL: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 28.01.2022)*) система наказаний включает 12 видов наказаний, перечисленных в следующем порядке (ст. 42): штраф; лишение права управлять транспортным средством; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; общественные работы; лишение специального, воинского или почетного звания и государственных наград; исправительные работы; ограничение по военной службе; принудительное выдворение за пределы Азербайджанской Республики; ограничение свободы; содержание в дисциплинарной воинской части; лишение свободы на определенный срок; пожизненное лишение свободы.

Обращает на себя внимание в УК Азербайджана наказание в виде принудительного выдворения за пределы государства, аналог которого в УК РФ отсутствует, а также отдельно выделенное наказание в виде лишения права управлять транспортным средством, которое в России также отсутствует, однако на практике входит в содержание наказания «лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью».

В ст. 49 Уголовного кодекса Республики Армения (*Уголовный кодекс Республики Армения // Официальные ведомости (вестник) Республики Армения. 2 мая. 2003 г. № 25 (260). Ст. 407*) перечислены 10 видов наказаний в следующей последовательности: штраф; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; общественные работы; лишение специального или воинского звания, разряда, чина или квалификационного класса; конфискация имущества; исправительные работы; арест; содержание в дисциплинарном батальоне; лишение свободы на определенный срок; пожизненное лишение свободы. Кроме наличия в этом перечне наказания в виде конфискации имущества, других

существенных отличий от российской системы наказания нет.

Система наказаний Республики Беларусь, согласно ст. 48 УК РБ (*Уголовный Кодекс Республики Беларусь // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 1999. 15 октября. № 76*), включает 10 основных видов наказаний, изложенных в следующем порядке: общественные работы; штраф; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; исправительные работы; ограничение по военной службе; арест; ограничение свободы; лишение свободы; пожизненное заключение; смертная казнь (до ее отмены). В отдельной части статьи предусмотрено наказание в виде лишения воинского или специального звания, которое может применяться к лицам, совершившим преступления, в качестве дополнительного наказания.

Заметной особенностью белорусской системы наказаний является ее начало не со штрафа, а с общественных работ, которые тем самым признаются наказанием более мягким, чем штраф, что представляется в ряде случаев обоснованным и для России, учитывая существенные размеры штрафа (до 5 миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода за период до пяти лет, а по коррупционным преступлениям – до 500 миллионов рублей). Также более точным, по нашему мнению, является наименование наказания «пожизненное заключение», вместо российского аналога «пожизненное лишение свободы».

В ст. 47 Уголовного кодекса Республики Таджикистан (*Уголовный кодекс Республики Таджикистан // Ахбори Маджлиси оли Республики Таджикистан. 1998. № 9. Ст. 68–70*) перечислены 12 видов наказаний: штраф; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; лишение воинских званий, дипломатических рангов, званий, специальных чинов, государственных наград и почетных званий Таджикистана; обязательные работы; исправительные работы; ограничение по военной службе; ограничение свободы; содержание в дисциплинарной воинской части; конфискация имущества; лишение свободы; пожизненное лишение свободы; смертная казнь. Особенностей в данной системе наказаний не усматривается.

Существенные отличия от уголовных законов других стран на постсоветском пространстве имеет система уголовных наказаний Республики Туркменистан (*Уголовный кодекс Туркмениста-*

на // *Ведомости Меджлиса Туркменистана*. 1997. № 2. Ст. 9).

Согласно ст. 44 УК, она состоит из 11 видов наказаний, 9 из которых являются общими, 2 предназначены для военнослужащих. В частности, это: возложение обязанности загладить причиненный вред; штраф; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; лишение государственных наград, воинских и других званий; исправительные работы; возложение обязанности проживания в определенной местности; конфискация имущества; ограничение свободы; лишение свободы. К военнослужащим может применяться наказание в виде ограничения по военной службе и содержания в военно-исправительной части.

В данном случае заметными особенностями являются: а) наличие в перечне трех видов наказаний, представляющих интерес: возложение обязанности загладить причиненный вред (которое к тому же признается самым мягким), возложение обязанности проживания в определенной местности, конфискация имущества; б) и наоборот, отсутствие не только смертной казни, но и пожизненного лишения свободы, за счет чего туркменская система наказаний выглядит более мягкой, в сравнении с другими.

Уголовный кодекс Республики Узбекистан (*Уголовный кодекс Республики Узбекистан // Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан*. 1995. № 1. Ст. 3) в ст. 43, которая так и называется «Система наказаний», содержит 9 основных видов в следующей последовательности: штраф; лишение определенного права; обязательные общественные работы; исправительные работы; ограничение по службе; ограничение свободы; направление в дисциплинарную часть; лишение свободы; пожизненное лишение свободы. Кроме основных, к осужденным может применяться дополнительное наказание в виде лишения воинского или специального звания. Каких-либо особенностей в системе наказаний Узбекистана не усматривается.

Согласно ст. 51 УК Республики Украина (*Уголовный кодекс Украины // Ведомости Верховной Рады Украины*. 2001. 29 июня. № 25. Ст. 131), система уголовных наказаний состоит из 12 видов, перечисленных следующим образом: штраф; лишение воинского, специального звания, ранга, чина или квалификационного класса; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; общественные работы; исправительные работы; служебные ограничения для военнослужащих;

конфискация имущества; арест; ограничение свободы; содержание в дисциплинарном батальоне военнослужащих; лишение свободы на определенный срок; пожизненное лишение свободы. Отличительной особенностью от российской системы наказаний является только наличие наказания в виде конфискации имущества.

Еще более существенные отличия от российской системы уголовных наказаний обнаруживаются в уголовных законах таких постсоветских государств, как Казахстан, Кыргызская Республика, Молдова, Грузия.

Например, в соответствии со ст. 40 УК Республики Казахстан (*Уголовный кодекс Республики Казахстан // Казахстанская правда*. 2014. 9 июля. № 132 (27753)) все виды уголовных наказаний поделены на несколько групп в зависимости от категории правонарушения. К лицу, совершившему уголовный проступок, могут применяться следующие основные наказания: штраф; исправительные работы; привлечение к общественным работам; арест; выдворение за пределы Республики Казахстан иностранца или лица без гражданства. К лицу, совершившему преступление, могут применяться следующие основные наказания: штраф; исправительные работы; привлечение к общественным работам; ограничение свободы; лишение свободы. В целом Уголовный кодекс Республики Казахстан содержит семь основных видов наказаний и пять дополнительных. Совсем недавно (законом от 29.12.2021 № 89-VII) из перечня основных видов наказаний Республики Казахстан была исключена смертная казнь.

По ст. 64 УК Кыргызской Республики (*Уголовный Кодекс Кыргызской Республики // Эркин Тоо*. 2021. 16 ноября. № 122–123), основные наказания перечислены от менее строгого к более строгому и делятся на две группы: 1) не связанные с изоляцией от общества: общественные работы; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; исправительные работы; штраф. При этом относительная строгость исправительных работ и штрафа определяется их конкретным размером; 2) связанные с изоляцией от общества: содержание в дисциплинарной воинской части; лишение свободы на определенный срок; пожизненное лишение свободы. Кроме семи названных основных видов, здесь предусмотрены и два дополнительных вида наказаний: лишение специального, воинского, почетного звания, дипломатического ранга или классного чина; лишение государственных наград (в УК РФ это один вид наказания).

Система наказаний по УК Республики Молдова (*Уголовный Кодекс Республики Молдова // Официальный монитор Республики Молдова. 2009. 14 апреля. № 72–74. Ст. 195*), согласно ст. 62, содержит семь видов наказаний для физических лиц: штраф; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; лишение или аннулирование права управления транспортными средствами; лишение воинского или специального звания, классного чина и государственных наград; неоплачиваемый труд в пользу общества; лишение свободы на определенный срок; пожизненное заключение. Отдельно в ст. 63 УК Молдовы предусмотрены три вида наказания для юридических лиц: штраф; лишение права заниматься определенной деятельностью; ликвидация.

Не очень последовательно, без соблюдения строгой иерархии, изложен перечень видов наказаний в УК Республики Грузия (*Уголовный Кодекс Грузии // Сакартвелос саканонмдебло мацне. 1999. № 41 (48). Ст. 209*). Так, в ст. 40 УК Грузии наказания для физических лиц (10 видов) перечислены в следующей последовательности: штраф; лишение права занимать должности или заниматься деятельностью; общественно полезный труд; исправительные работы; ограничение лица по военной службе; домашний арест; лишение свободы на определенный срок; бессрочное лишение свободы; изъятие имущества; ограничение прав, связанных с оружием. Как и в УК Молдовы, отдельно (ст. 107³) предусмотрены наказания для юридических лиц, их четыре: ликвидация; лишение права заниматься деятельностью; штраф; лишение имущества.

Что касается самостоятельности наказаний, то в большинстве рассматриваемых стран штраф и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью применяются как в качестве основных, так и дополнительных наказаний. В России к таким видам наказаний добавлено также ограничение свободы, в Беларуси – общественные работы. В Грузии таким статусом обладают четыре вида наказаний: общественно полезный труд, домашний арест, штраф, лишение права занимать должности или заниматься деятельностью. В Туркменистане – возложение обязанности загладить причиненный вред, штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, возложение обязанности проживания в определенной местности, ограничение свободы.

Только в качестве дополнительного наказания может быть назначено в постсоветских ре-

спубликах, как правило, лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград (или его аналог). Однако в некоторых странах перечень дополнительных наказаний расширен.

Так, согласно ст. 50 УК Армении, ст. 48 УК Таджикистана, ст. 45 УК Туркменистана, ст. 52 УК Украины, дополнительным наказанием, кроме названного, является также конфискация имущества. В Грузии (ст. 41 УК Грузии) дополнительными наказаниями являются изъятие имущества и ограничение прав, связанных с оружием; в Молдове (ст. 62 УК Молдовы) – лишение воинского или специального звания, классного чина и государственных наград и лишение или аннулирование права управления транспортными средствами; в Азербайджане (ст. 43 УК Азербайджана) – лишение специального, воинского или почетного звания и государственных наград, лишение права управлять транспортным средством и принудительное выдворение из страны.

В соответствии с ч. 3 ст. 40 УК Казахстана, к лицу, совершившему уголовное правонарушение, наряду с основным наказанием могут применяться следующие дополнительные наказания: конфискация имущества; лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина, дипломатического ранга, квалификационного класса и государственных наград; лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью; лишение гражданства Республики Казахстан; выдворение за пределы Республики Казахстан иностранца или лица без гражданства.

Представляют интерес также некоторые особенности содержания видов наказаний в законодательстве рассматриваемых стран.

Подробно и оригинальным образом регламентированы размеры наказаний в Общей части УК Кыргызской Республики. Например, размеры штрафа и лишения свободы на определенный срок, в зависимости от тяжести преступления, разбиты на 6 категорий с указанием минимального и максимального размера, отдельно для несовершеннолетних и других лиц. Размеры общественных работ, исправительных работ, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью дифференцированы на 4 категории. При этом в санкциях статей Особенной части указано, что преступление наказывается, например, «лишением свободы 3 категории со штрафом 3 категории».

Штраф в одних уголовных законах (Азербайджан, Грузия, Молдова) устанавливается в мест-

ных денежных единицах, либо альтернативно — в размере, кратном размеру причиненного ущерба или полученного дохода (Азербайджан, Казахстан), в большинстве случаев — в определенном количестве минимальных размеров оплаты труда (или их аналогов). Наиболее альтернативное исчисление размера штрафа установлено в УК России — применяется и указание абсолютного размера штрафа в рублях, и размера, кратного размеру заработка или иного дохода за определенный период времени, и размера, кратного размеру преступного дохода (за коррупционные преступления).

Размеры этого наказания установлены, как правило, в диапазоне от и до определенных величин в статьях как Общей, так и Особенной частей уголовных кодексов, однако из этого правила имеются исключения. Так, в Общей части УК Азербайджана не установлен минимальный размер штрафа (только максимальный), в то же время в санкциях статей Особенной части определены и минимальный, и максимальный его размеры. В УК Беларуси размеры штрафа определены только в Общей части, в санкциях статей Особенной части не указаны. Интересная особенность УК Грузии состоит в том, что в Общей части здесь установлен только минимальный размер штрафа, а максимальный его размер не определен ни в Общей, ни в Особенной части. Вместе с тем во всех кодексах даны ориентиры для определения размера штрафа в конкретном случае. Они везде примерно одинаковы — характер и степень тяжести совершенного преступления, а также материальное положение осужденного.

Наказаний, связанных с привлечением к обязательному труду, в уголовных законах постсоветских государств заметно меньше, чем в России. В большинстве стран — это либо общественные работы и исправительные работы (Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Украина), либо только исправительные работы (Туркменистан), либо только неоплачиваемый труд в пользу общества (Молдова). Напомним, что в УК РФ подобных наказаний три: обязательные работы, исправительные работы и принудительные работы. Если к этому добавить то, что по УК РФ исправительные работы отбываются по-разному в двух вариантах — для лиц, имеющих на момент осуждения место работы и не имеющих такового, то актуальным становится вопрос сокращения в российском кодексе подобных видов наказаний до одного или двух.

Такое наказание, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в законодательстве рассматриваемых стран не имеет существенных особенностей ни по его содержанию, ни по срокам, если не учитывать тот факт, что в некоторых уголовных законах (Азербайджан, Молдова) из него выделено в самостоятельный вид наказания лишение права управления транспортным средством. Данный факт, по нашему мнению, не имеет большого практического значения.

Наказание в виде ограничения свободы отсутствует в Армении, Грузии, Кыргызстане, Молдове. В остальных постсоветских государствах оно имеется и состоит, как правило, в наложении судом определенных обязанностей, ограничивающих свободу осужденного, отбывается по месту жительства под надзором органа, исполняющего наказание. Минимальный срок наказания — один месяц (Узбекистан), два месяца (Россия), шесть месяцев (Азербайджан, Беларусь), один год (Таджикистан, Туркменистан, Украина), максимальный — четыре или пять лет.

На Украине (ст. 61 УК Украины) наказание в виде ограничения свободы заключается в содержании лица в уголовно-исполнительных учреждениях открытого типа без изоляции от общества в условиях осуществления за ним надзора с обязательным привлечением осужденного к труду (таким же это наказание предусматривалось первоначально в ст. 53 УК РФ). В Беларуси (ст. 55 УК Беларуси) данное наказание в настоящее время может быть альтернативно назначено в двух вариантах: 1) с направлением в исправительное учреждение открытого типа; 2) без направления в такое учреждение — с учетом личности виновного, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, наличия у него постоянного места жительства.

В Казахстане (ст. 44 УК Казахстана) ограничение свободы отбывается по месту жительства осужденного без изоляции от общества и состоит в установлении пробационного контроля на срок от шести месяцев до семи лет и привлечении осужденного к принудительному труду по сто часов ежегодно в течение всего срока отбывания наказания. То есть наказание в виде ограничения свободы, предусмотренное в УК Казахстана, — это практически совокупность двух российских наказаний — ограничения свободы и обязательных работ с увеличенным сроком.

Отдельные черты ограничения свободы усматриваются в оригинальном для постсоветских республик наказании, существующем в Грузии —

домашнем аресте (ст. 47¹), который назначается лицу, не имеющему судимости, на срок от шести месяцев до двух лет, и представляет из себя возложение на осужденного обязательства по нахождению в собственном жилом помещении на определенный период суток.

Наказание в виде ареста как содержания в условиях строгой изоляции от общества существует только в уголовных законах Казахстана (ст. 45) – на срок от 10 до 50 суток, Армении (ст. 57) – от 15 дней до 3 месяцев, Беларуси (ст. 54) – от 1 до 3 месяцев, России (ст. 54) и Украины (ст. 60) – от 1 до 6 месяцев.

Относительно наказания в виде лишения свободы на определенный срок следует заметить, что в его размерах и содержании также имеются национальные особенности, представляющие интерес.

Так, минимальный срок лишения свободы различается: от 1 месяца (Узбекистан); 2 месяцев (Россия); 3 месяцев (Азербайджан, Армения, Молдова); 6 месяцев (Беларусь, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан); до 1 года (Украина). Максимальный срок лишения свободы установлен в 15 лет (Армения, Кыргызстан, Украина); 20 лет (Азербайджан, Грузия, Казахстан, Молдова, Россия); 25 лет (Беларусь, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан).

По совокупности преступлений указанный максимальный срок повышается не во всех республиках, по совокупности приговоров максимальный срок составляет: 20 лет (Армения, Кыргызстан); 25 лет (Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан, Украина); 30 лет (Беларусь, Казахстан, Молдова, Россия, Таджикистан); либо 35 лет (Грузия).

Для несовершеннолетних максимальный срок лишения свободы установлен: 10 лет (Азербайджан, Армения, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Россия), 12 лет (Беларусь, Казахстан), 15 лет (Молдова, Украина).

Кроме того, в ряде случаев в постсоветских республиках регламентирован максимальный срок лишения свободы в зависимости от категории тяжести преступления и формы вины, а также вида посягательства (например, повышенные размеры наказания в ряде случаев установлены за квалифицированные убийства, преступления в сфере террористической деятельности и незаконного оборота наркотиков), в том числе для несовершеннолетних.

Виды исправительных учреждений уголовным законодательством постсоветских республик также определены по-разному. В некоторых из государств (Узбекистан) виды режимов

ИУ не отличаются от существующих в УК РФ, в других (Беларусь, Таджикистан) количество видов режимов ИУ для взрослых увеличено – добавлен усиленный режим, когда-то упраздненный в России, в третьих (Азербайджан, Таджикистан) для несовершеннолетних установлено два вида воспитательных колоний – общего и усиленного режима. В Казахстане учреждения уголовно-исполнительной системы делятся на учреждения: минимальной безопасности, средней безопасности, максимальной безопасности, чрезвычайной безопасности, полной безопасности, в Молдове – на пенитенциарные учреждения открытого, полузакрытого и закрытого типа. В уголовных законах других республик для определения вида исправительного учреждения следует обращаться к уголовно-исполнительному законодательству.

Итак, проанализировав в общих чертах системы наказаний в уголовном праве постсоветских республик, при общей схожести данных систем нетрудно заметить в них и отличия, в ряде случаев существенные. Проведенный анализ позволяет прийти к следующим выводам:

1. Системы наказаний, схожие с российской и вместе с тем нередко имеющие отличительные особенности, имеются в Уголовных кодексах Республик Азербайджан, Армения, Беларусь, Украина, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан. В то же время системы наказаний в уголовном праве Республик Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова имеют еще более существенные отличия.

2. Перечень видов наказаний во всех изученных уголовных законах в целом построен по принципу от менее сурового вида наказания к более суровому. Соответственно, самым мягким видом наказания в большинстве кодексов признается штраф, в УК Беларуси – общественные работы, в УК Туркменистана – возложение обязанности загладить причиненный вред. Представляется, что по примеру УК Беларуси российскому законодателю также следует пересмотреть перечень наказаний, поставив на первое место обязательные работы, которые во многих случаях являются более мягким наказанием, чем штраф.

3. Система наказаний в УК России является самой громоздкой из всех постсоветских республик. В ст. 44 УК РФ закреплено 13 видов наказаний, при том что в Уголовных кодексах Азербайджана, Таджикистана, Украины и Казахстана – по 12; Беларуси и Туркменистана – по 11; Армении и Узбекистана – по 10; Грузии – 10 (для физических лиц); Кыргызстана – 9; Молдовы – 7 (для физических лиц).

Отсюда, на наш взгляд, вытекает необходимость сокращения числа видов наказаний в российской системе наказаний. Прежде всего, представляется необходимым исключить из УК РФ неработающие виды наказаний, такие как арест (поскольку для строительства арестных домов, по всей видимости, государство так и не найдет денежных средств, как не нашло их за 25 лет, прошедших с момента вступления в силу УК РФ) и смертная казнь, что требуется не только для приведения системы наказаний в рабочее состояние, но и для ее гуманизации. Наказание в виде смертной казни, кроме УК РФ, остается только в Уголовных кодексах Беларуси и Таджикистана, а на практике, как отмечают исследователи, из всех государств не только СНГ, но и европейских применяется лишь в Беларуси [3, с. 58].

В УК Туркменистана отсутствует не только смертная казнь, но и пожизненное лишение свободы. Вследствие наличия смертной казни, пожизненного лишения свободы и длительного срока обычного лишения свободы (до 30 лет по совокупности приговоров) российскую систему наказаний на сегодняшний день можно назвать одной из самых репрессивных на территории бывшего Советского Союза. Идея исключения из УК РФ наказания в виде смертной казни поддерживается многими учеными, например, профессором Я.И. Гилинским, который приравнивает его к узаконенному убийству [4, с. 74].

Кроме того, в России, как показано выше, слишком много наказаний, связанных с привлечением к труду – больше, чем в любой другой постсоветской республике. В связи с этим, по нашему мнению, могут быть безболезненно исключены из российской системы наказаний принудительные работы (которые, во-первых, уже больше десяти лет вводятся в действие ни шатко ни валко, учитывая необходимость строительства исправительных центров, во-вторых, во многом дублируют лишение свободы с отбыванием в колонии-поселении). Вероятно, два вида наказания – обязательные работы и исправительные работы – также можно преобразовать в один.

По нашему мнению, нет необходимости в наличии в сегодняшних реалиях такого вида наказания, как содержание в дисциплинарной воинской части, которое также вполне может быть исключено из системы. Оно отсутствует, например, в уголовных законах Беларуси, Грузии, Казахстана, Молдовы.

4. Вместе с тем считаем, что ряд наказаний необходимо дополнительно включить в УК РФ. Во-первых, это конфискация имущества. Такой вид наказания присутствует в УК Армении, Тад-

жикистана, Туркменистана и Украины, из УК РФ он исключен в 2003 г., по нашему мнению, необоснованно. Имеющаяся в настоящее время в УК РФ конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера является неэффективной, прежде всего, для борьбы с коррупционными преступлениями.

Во-вторых, представляется необходимым ввести в российскую систему уголовных наказаний «возложение обязанности возместить причиненный вред». Такой вид наказания существовал в УК РСФСР 1960 г., в настоящее время имеется в УК Туркменистана. Подробнее автор настоящей статьи ранее писал о потенциале данного вида наказания [5, с. 167–174].

В-третьих, целесообразно рассмотреть вопрос о включении в систему наказаний, по примеру Азербайджана и Казахстана, такого вида наказания, как принудительное выдворение за пределы государства. Это наказание следует предусмотреть для иностранных граждан и лиц без гражданства, что особенно актуально в настоящее время в связи с преступностью мигрантов.

Профессор С.Ф. Милуков выступает за расширение спектра наказаний за счет ранее применявшихся ссылки, высылки и конфискации имущества [6, с. 48].

5. Представляется целесообразным переименовать в УК РФ, по примеру уголовных законов Беларуси и Молдовы, наказание «пожизненное лишение свободы» в «пожизненное заключение», которое, с одной стороны, по нашему мнению, больше отвечает сущности этого вида наказания, с другой стороны, качественно разделит два вида наказания, связанных с лишением свободы.

6. В уголовных законах ряда постсоветских государств предусмотрены и некоторые иные виды наказаний, отсутствующие в УК России.

Например, лишение права управлять транспортным средством в качестве отдельного наказания выделено в УК Азербайджана и УК Молдовы, в УК РФ лишение права управлять транспортным средством входит в содержание лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. В УК Грузии имеются такие дополнительные наказания, как изъятие имущества и ограничение прав, связанных с оружием. В наличии данных видов наказания какой-либо практической значимости не усматривается.

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о полезности сравнительно-правовых исследований, которые могут дать почву и новые идеи для совершенствования отечественного законодательства.

Литература

1. *Зубкова В.И.* Уголовное наказание по законодательству России и стран Европы: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. 272 с.
2. *Коробеев А.И.* Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 352 с.
3. *Борсученко С.А.* Правовой статус смертной казни в Республике Беларусь // Вестник Российской правовой академии. 2021. № 1. С. 57–63.
4. *Гилинский Я.И.* Немного об уголовной политике государства // Реакция государства на преступное поведение, уголовно-правовое воздействие и уголовная ответственность в системе мер обеспечения национальной безопасности: сборник материалов круглого стола, г. Тольятти, 24 ноября 2020 г. / под ред. В.К. Дуюнова, Р.В. Закомолдина. Самара: Самарама, 2020. С. 71–75.
5. *Силкин В.П.* Уголовно-правовые санкции за преступления против собственности. М.: Юрлитинформ, 2021. 208 с.
6. *Милуков С.Ф.* О проектах нового Уголовного кодекса России // Уголовное право. Стратегия развития в XXI веке: материалы Международной научно-практической конференции. М.: РГ-Пресс, 2020. С. 45–49.

References

1. *Zubkova V.I.* Uголовnoe nakazanie po zakonodatel'stvu Rossii i stran Evropy: monografiya [Criminal punishment under the legislation of Russia and European countries: monograph]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2020. 272 p. (In Russian)
2. *Korobeev A.I.* Uголовno-pravovaya politika Rossii: ot genezisa do krizisa: monografiya [Criminal law policy of Russia: from genesis to crisis: monograph]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2019. 352 p. (In Russian)
3. *Borsuchenko S.A.* Pravovoi status smertnoi kazni v Respublike Belarus' [The legal status of the death penalty in the Republic of Belarus]. *Vestnik Rossiiskoi pravovoi akademii [Bulletin of the Russian Law Academy]*, 2021, no. 1, pp. 57–63. (In Russian, abstract in English)
4. *Gilinskii Ya.I.* Nemnogo ob uголовnoi politike gosudarstva [A little bit about the criminal policy of the state]. In *Reaktsiya gosudarstva na prestupnoe povedenie, uголовno-pravovoe vozdeistvie i uголовnaya otvetstvennost' v sisteme mer obespecheniya natsional'noi bezopasnosti: sbornik materialov kruglogo stola, g. Tol'yatti, 24 noyabrya 2020 g. [The reaction of the state to criminal behavior, criminal legal impact and criminal responsibility in the system of measures to ensure national security: a collection of materials of the round table, Togliatti, November 24, 2020]*. Eds. V.K. Duyunov, R.V. Zakomoldin. Samara, Samarama Publ., 2020, pp. 71–75. (In Russian)
5. *Silkin V.P.* Uголовno-pravovye sanktsii za prestupleniya protiv sobstvennosti [Criminal law sanctions for crimes against property]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2021. 208 p. (In Russian)
6. *Milyukov S.F.* O proektakh novogo Uголовnogo kodeksa Rossii [On the drafts of the new Criminal Code of Russia]. In *Uголовnoe pravo. Strategiya razvitiya v XXI veke: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [In the collection: Criminal Law. Development strategy in the XXI century: materials of the International Scientific and Practical Conference]*. Moscow, RG-Press Publ., 2020, pp. 45–49. (In Russian)

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ПОСЯГАТЕЛЬСТВОМ НА СОТРУДНИКА УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Житков Алексей Анатольевич

***Цель:** рассмотреть вопросы, касающиеся системы черт и свойств, характеризующих лиц, совершающих преступления, связанные с посягательством на сотрудников уголовно-исполнительной системы. Провести анализ статистических данных, характеризующих личность указанной категории лиц, с целью выявления личностных особенностей лица, совершающего посягательство на сотрудника уголовно-исполнительной системы.*

***Методология:** наряду с общенаучными применялись криминологические методы исследования, в частности при сборе эмпирического материала, проанализирована информация официального характера, размещенная в сети Интернет, в том числе статистические данные. Проведены интервьюирование и опрос сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы с использованием метода анонимного анкетирования.*

***Выводы.** Выявлены особенности, присущие пенитенциарному преступнику, совершающему деяния, связанные с посягательством на сотрудника уголовно-исполнительной системы, и сформулированы общие выводы по поводу характеристики указанной категории лиц.*

***Научная и практическая значимость.** Представленная информация может быть использована в рамках учебного процесса при изучении дисциплин «Уголовное право», «Криминология», «Пенитенциарная криминология», а также при разработке мер, направленных на профилактику посягательств в отношении персонала уголовно-исполнительной системы.*

***Ключевые слова:** уголовно-исполнительная система, сотрудник, пенитенциарная преступность, преступность, правонарушение, посягательство, преступление, личность, криминологическая характеристика, особенности.*

Лица, совершающие преступления в местах лишения свободы, относятся к криминогенному типу, которому свойственны, с одной стороны, социально значимые признаки человека, а с другой – система отрицательных качеств, которые образуются под влиянием конкретных обстоятельств, предопределивших его неправомерные действия (бездействие) за пределами исправительных учреждений определенной криминогенной направленности, а потом и пенитенциарный рецидив.

Вопрос юридической ответственности осужденных является предметом различных научных исследований и заслуживает особого внимания

[1, с. 152–156], в том числе с точки зрения обеспечения безопасности в местах лишения свободы [2, с. 36].

Одним из важных аспектов является криминологическая характеристика личности пенитенциарного преступника, в частности, совершающего посягательство на сотрудников уголовно-исполнительной системы. Так, структура личности осужденных, совершающих преступления в местах лишения свободы, как и структура личности любого преступника, представляет собой определенную систему признаков.

В группу социально-демографических характеристик включают: 1) половую принадлежность;

2) возрастную категорию осужденного гражданина; 3) семейный статус; 4) трудоспособность; 5) состояние здоровья; 6) социальный статус и др.

По состоянию на 1 февраля 2022 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 464 183 чел. (–1 713 чел. к 01.01.2022) (*Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы // [Электронный ресурс]: URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 05.02.2022)*).

В рамках половой характеристики рассматриваемой категории осужденных стоит отметить, что если в условиях свободы женщины совершают преступления гораздо реже мужчин, то в пенитенциарных учреждениях женщины в этом контексте почти уравниваются с мужчинами: женщин, совершивших пенитенциарные преступления, – около 45%; мужчин – 55% (*Как тюрьма уравнивает женщин и мужчин // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/03/07/795879-zhenschin-muzhchin> (дата обращения: 05.02.2022)*).

Анализ возрастных категорий лиц, пребывающих в местах лишения свободы, позволил сделать вывод о том, что преобладающей возрастной группой в данном случае являются граждане от 25 до 55 лет включительно (их численность на 2021 г. составила приблизительно 375 тыс. человек). На последнем месте осужденные лица, входящие в возрастную группу старше 60 (их количество на 2021 г. – примерно 9 тыс. человек).

В отечественной литературе также подчеркивается, что «в сфере пенитенциарных учреждений преобладают граждане молодого возраста» [3, с. 25]. При этом та или иная возрастная группа, как правило, тесно связана с количеством судимостей у конкретных лиц.

Следует иметь в виду, что в местах лишения свободы в большинстве своем находятся граждане, осужденные к лишению свободы за совершение преступлений, отнесенные к категории тяжких и особо тяжких, рецидивисты, а также злостные нарушители порядка отбывания уголовного наказания, переведенные в более строгие условия содержания (ст. 75 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198). Некоторыми авторами, исследовавшими характеристики российских осужденных, был сделан следующий вывод: «40% осужденных граждан были переведены из исправительных учреждений строгого режима, 30% – общего режима; 10% – особого режима, а 20% были доставлены в тюрьму прямо из зала судебного заседания по уголовному делу» [4, с. 58].

Раскроем возрастные особенности осужденных граждан, которые осуществили преступные деяния на территории исправительных учреждений. Так, «около 50% осужденных совершали противоправные действия в исправительном учреждении в возрасте от 18 до 27 лет. Численность пенитенциарных преступников, отнесенных к категории граждан от 28 до 40 лет, составила приблизительно 35%. Осужденные лица старше 40, совершавшие преступления в местах лишения свободы, составили самую малочисленную группу – около 15%» (*Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы // [Электронный ресурс]: URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 05.02.2022)*).

Структура совершаемых пенитенциарных преступлений в период с 2014 по 2021 г. лицами, осужденными в возрасте от 18 до 25 лет, включает:

Преступления против жизни и здоровья – 15%.

Преступления, направленные на дезорганизацию работы тюремных учреждений – 5%.

Побеги, в том числе с захватом заложников – 10%.

Хулиганство – 20%.

Преступления против собственности – 18%.

Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ – 7%.

Среди неправомερных действий также можно назвать неслужебные связи с должностными лицами тюремных учреждений, в которые вступают осужденные граждане данной возрастной группы (15%), а также распитие алкоголя (30%), наркомания (40%) (*Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы // [Электронный ресурс]: URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 05.02.2022)*).

Криминальная активность среди осужденных граждан более «зрелых» возрастных групп сокращается. Наиболее часто встречающимися преступными деяниями среди осужденных граждан в возрасте от 28 лет и старше являются неслужебные связи с должностными лицами тюремных учреждений с целью дачи взятки, склонения к должностному преступлению (их численность составляет приблизительно 30% от общего количества пенитенциарных преступлений).

Нужно понимать, что на мировоззрение, морально-этические и нравственные принципы всех людей, в том числе осужденных граждан, огромное влияние оказывает семейное положение. Исследователями отмечается, что среди пенитенциарных преступников большинство составляют лица, не

имеющие брачных отношений [5, с. 100–110]. Не сложно догадаться, что наибольшее количество несемейных пенитенциарных преступников сосредоточено в возрастной группе от 18 до 25 лет. Так, данное обстоятельство объясняется тем, что ввиду молодого возраста они еще не успели заключить брак до того, как оказались в пенитенциарном учреждении.

Помимо семейного статуса, одной из значимых социальных характеристик личности пенитенциарных преступников выступает социальный статус, характеризующий уровень образования. Так, лишь 1% от всего количества осужденных, осуществивших преступные деяния на территории исправительных учреждений, имеют высшее образование. Неполное среднее образование и среднее общее образование получили большинство таких лиц (30 и 25% соответственно).

Проведенное исследование показывает, что пенитенциарными преступниками являются: «1) трудоспособные осужденные, которые до осуждения не имели постоянного источника дохода (75%); 2) осужденные, которые до отбывания наказания учились в вузах и школах (15%); 3) осужденные, являющиеся пенсионерами или инвалидами (2%); 4) осужденные, занимавшие должность служащих или рабочих предприятий (4%); 5) осужденные, имевшие статус индивидуальных предпринимателей (3%); 6) осужденные, имевшие статус государственных и муниципальных служащих (1%)».

Труд пенитенциарных преступников непосредственно на территории пенитенциарного учреждения также влияет на совершение преступления, поскольку в пенитенциарных учреждениях нередко наблюдаются ситуации, когда осужденные вынуждены незаконно выполнять сверхурочную работу, что, очевидно, дестабилизирует их психологическое состояние. Например, в Мордовии начальник исправительной колонии № 14 не позднее октября-декабря 2018 г. незаконно заставлял заключенных выполнять сверхурочные работы на швейном производстве без их добровольного согласия (*Следственный комитет по Мордовии возбудил дело против врио начальника колонии // [Электронный ресурс]: URL: <https://novayagazeta.ru/news/2018/12/28/148016-sk-po-mordovii-vozbudilo-delo-protiv-vrio-nachalnika-kolonii-gde-otbyvala-srokolokonnikova> (дата обращения: 05.02.2022)*).

Состояние здоровья является важнейшей характеристикой пенитенциарных преступников, поскольку здоровье – это состояние полного физического, психического и социального благополучия.

Среди пенитенциарных преступников преобладают осужденные к наказанию в виде лишения

свободы на срок от 4 до 7 лет (примерно 45%). В науке отмечается, что «по количеству судимостей пенитенциарные преступники имеют следующие статистические показатели: 1) 42% – одна судимость; 2) 30% – две судимости; 3) 20% – три судимости; 4) 5% – четыре; 5) 3% – пять судимостей» [6, с. 10]. Предрасположенность к осуществлению неправомерного деяния на территории учреждений уголовно-исполнительной системы во многом определяется отношением лица, осужденного к лишению свободы, к назначенному уголовному наказанию. Так, некоторые авторы указывают на то, что среди осужденных, являющихся пенитенциарными преступниками, около 12% считают назначенное им наказание не соответствующим положениям российского законодательства, а также основополагающему принципу справедливости; 55% – соответствующим законодательству и принципу справедливости; 33% – носящим индивидуализирующий характер [7, с. 126].

На сегодняшний день можно говорить о следующем.

В пенитенциарных учреждениях Российской Федерации увеличивается количество осужденных с лидирующими качествами, активных членов преступных организаций, сообществ с антисоциальной направленностью, которые были осуждены за совершение преступлений, носящих экстремистский характер.

Достаточно высок показатель осужденных, которые состоят на профилактическом учете (около 10%). В данный перечень осужденных включаются те граждане, которые совершали подготовительные действия для побега из тюрьмы, граждане, имеющие положение «вора в законе», лидеры преступных сообществ, граждане, имеющие наркотическую или алкогольную зависимость, а также другие группы граждан, которые негативно воздействуют на состояние правопорядка в тюремных учреждениях.

Осужденные, совершившие неправомерные действия при отбывании наказания в виде лишения свободы, как правило, выступают злостными нарушителями правил, установленных для учреждений пенитенциарной системы. Совершение большого количества преступных деяний в тюремных учреждениях касается употребления алкогольных и наркотических веществ.

Нравственно-психологическая характеристика лиц, совершивших преступления в местах лишения свободы, сосредотачивает в себе моральные, психологические особенности, которые определяют его поведение в пенитенциарных учреждениях, характеризуют степень культурного развития

и, кроме того, помогают конкретизировать, какие качества должны появляться в процессе исправления во время отбывания наказания в пенитенциарных учреждениях.

Осужденные, придерживающиеся имеющих место «воровских» принципов, как правило, являются меланхоликами, они не способны критически оценивать свои поступки, контролировать себя без посторонней помощи. У них наблюдается склонность к несоблюдению установленных правил внутреннего распорядка тюремного учреждения, нарушению условий отбывания назначенного наказания.

Более того, в психологическую структуру личности включаются индивидуальные признаки определенных психических процессов (например, мыслительные процессы), специфика темперамента, в некоторых ситуациях патология в психическом состоянии конкретного лица. Анализируя психическое состояние осужденных, должностные лица учреждений получают возможность предвидеть его поведенческие реакции на определенные события. Содержание главных психологических свойств осужденного определяет специфику воспитательных методов, используемых в отношении него.

Согласно ч. 2 и 4 ст. 13 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (*Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316*), учреждения, которые занимаются исполнением наказания в виде лишения свободы, обязаны сформировать условия для обеспечения правопорядка, соблюдения принципов законности, безопасности осужденных граждан, а также сотрудников, должностных лиц и физических лиц, пребывающих на территории учреждений, а также гарантировать охрану здоровья граждан, приговоренных к уголовному наказанию в виде лишения свободы.

В рамках анализа психологического портрета личности осужденных, являющихся пенитенциарными преступниками, нужно сказать о том, что «примерно 25% пенитенциарных преступников имеют психические аномалии, которые значительным образом осложняют возможность полноценно осознавать значение своих поступков, а также контролировать их, что, несомненно, способствует совершению преступлений» [8, с. 53].

Литература

1. Мельникова Н.А. Некоторые проблемы юридической ответственности осужденных // Преступление, наказание, исправление: сборник тезисов выступлений и докладов участников IV международ-

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что криминологическими характеристиками личности пенитенциарных преступников выступают:

1) с социально-демографической точки зрения: а) молодость пенитенциарных преступников, совершивших пенитенциарный рецидив (18–27 лет); б) половая принадлежность (женщины – 45%; мужчин – 55%); в) семейный статус (зарегистрированы в браке – 68%; несемейные – 32%); г) трудоспособность (1) трудоспособные осужденные, которые до осуждения не имели постоянного источника дохода – 75%; 2) осужденные, которые до отбывания наказания учились в вузах и школах – 15%; 3) осужденные, являющиеся пенсионерами или инвалидами – 2%; 4) осужденные, занимавшие должность служащих или рабочих предприятий – 4%; 5) осужденные, имевшие статус индивидуальных предпринимателей – 3%; 6) осужденные, имевшие статус государственных и муниципальных служащих – 1%; д) социальный статус (1% от всего количества осужденных, осуществивших преступные деяния на территории исправительных учреждений, имеют высшее образование; неполное среднее образование и среднее общее образование получили большинство таких лиц – 30 и 25% соответственно).

2) с уголовно-правовой точки зрения: а) совершаемые преступления (1) преступления против жизни и здоровья – 15%; 2) преступления, направленные на дезорганизацию работы тюремных учреждений – 5%; 3) побег, в том числе с захватом заложников – 10%; 4) хулиганство – 20%; 5) преступления против собственности – 18%; 6) преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ – 7%); б) совершаемые правонарушения и аморальные поступки (неслужебные связи с должностными лицами тюремных учреждений, в которые вступают осужденные граждане данной возрастной группы – 15%; распитие алкоголя – 30%; наркомания – 40%).

3) с психологической точки зрения: наличие или отсутствие психических расстройств (примерно 25% пенитенциарных преступников имеют психические аномалии, которые значительным образом осложняют возможность полноценно осознавать значение своих поступков, а также контролировать их, что, несомненно, способствует совершению преступлений).

ного пенитенциарного форума: (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России): в 10 т. Т. 2. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний. 2019. С. 152–156.

2. *Нагорных Р.В.* Обеспечение безопасности как функция государственной правоохранительной службы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. № 1 (13). С. 36–39.

3. *Коротких Н.Н.* Вид исправительного учреждения и условия отбывания наказания в виде лишения свободы за множественность преступлений // Lex Russica. 2015. № 9. С. 20–31.

4. *Сергеев Д.Н.* Дифференциация содержания постпенитенциарного воздействия // Российская юстиция. 2018. № 8. С. 57–60.

5. *Шурухнов Н.Г.* Кто он – пенитенциарный преступник: краткая характеристика свойств личности, их источники, роль в расследовании // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2021. № 2 (32). С. 100–110.

6. *Горенкова Е.В.* Профилактика пенитенциарной преступности // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2016. № 1 (26). С. 10–12.

7. *Сучков Р.Н., Горшкова Н.А.* Динамика пенитенциарной преступности на современном этапе: краткий криминологический анализ // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 2 (51). С. 125–127.

8. *Заборовская Ю.М.* Особенности медико-социального и материально-бытового обеспечения осужденных инвалидов // Медицинское право. 2018. № 1. С. 52–55.

References

1. *Melnikova N.A.* Nekotorye problemy yuridicheskoi otvetstvennosti osuzhdennykh [Some problems of the legal liability of convicts]. In *Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie: sbornik tezisov vystuplenii i dokladov uchastnikov IV mezhdunarodnogo penitentsiarnogo foruma: (k 140-letiyu ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossii i 85-letiyu Akademii FSIN Rossii)* [Crime, punishment, correction: a collection of abstracts of speeches and reports of participants in the IV International Penitentiary Forum: (to the 140th anniversary of the penitentiary system of Russia and 85- anniversary of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia)]. In 10 vol. Vol. 2. Ryazan: Academy of Law and Administration of the Federal Penitentiary Service Publ., 2019, pp. 152–156. (In Russian)

2. *Nagornykh R.V.* Obespechenie bezopasnosti kak funktsiya gosudarstvennoi pravookhranitel'noi sluzhby [Ensuring security as a function of the state law enforcement service]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie* [Bulletin of the institute: crime, punishment, correction], 2011, no. 1 (13), pp. 36–39. (In Russian)

3. *Korotkikh N.N.* Vid ispravitel'nogo uchrezhdeniya i usloviya otbyvaniya nakazaniya v vide lisheniya svobody za mnozhestvennost' prestuplenii [Type of correctional institution and conditions for serving a sentence in the form of imprisonment for a plurality of crimes]. *Lex russica*, 2015, no. 9, pp. 20–31. (In Russian)

4. *Sergeev D.N.* Differentsiatsiya soderzhaniya postpenitentsiarnogo vozdeistviya [Differentiation of the content of post-penitentiary influence]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian justice], 2018, no. 8, pp. 57–60. (In Russian, abstract in English)

5. *Shurukhnov N.G.* Kto on – penitentsiarnyi prestupnik: kratkaya kharakteristika svoistv lichnosti, ikh istochniki, rol' v rassledovanii [Who is he – a penitentiary criminal: a brief description of personality traits, their sources, role in the investigation]. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya* [Siberian criminal procedure and forensic readings], 2021, no. 2 (32), pp. 100–110. (In Russian, abstract in English)

6. *Gorenkova E.V.* Profilaktika penitentsiarnoi prestupnosti [Prevention of penitentiary crime]. *Yuridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Legal Bulletin of the Kuban State University], 2016, no. 1 (26), pp. 10–12. (In Russian)

7. *Suchkov R.N., Gorshkova N.A.* Dinamika penitentsiarnoi prestupnosti na sovremennom etape: kratkii kriminologicheskii analiz [The dynamics of penitentiary crime at the present stage: a brief criminological analysis]. *Vestnik Vladimirskego yuridicheskogo instituta* [Bulletin of the Vladimir Law Institute], 2019, no. 2 (51), pp. 125–127. (In Russian, abstract in English)

8. *Zaborovskaya, Yu.M.* Osobennosti mediko-sotsial'nogo i material'no-bytovogo obespecheniya osuzhdennykh invalidov [Osobennosti mediko-sotsial'nogo i material'no-bytovogo obespecheniya osuzhdennykh invalidov]. *Medicinskoe parvo* [Medical Law], 2018, no. 1, pp. 52–55. (In Russian, abstract in English)

ФИЛИАЛ СОЮЗА КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ, СОВЕРШЕННЫХ В РАЗЛИЧНЫЕ ПЕРИОДЫ

Лавринов Вячеслав Викторович

Цель: рассмотреть и проанализировать проблемные вопросы квалификации преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, совершенных в разные периоды времени, в том числе периоды действия УК РСФСР и УК РФ.

Методология: дедукция, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод.

Выводы. В течение длительного периода времени законодателем неоднократно вносились изменения в редакцию диспозиций и санкций норм, предусматривающих уголовную ответственность за половые преступления, что существенно осложняет квалификацию таковых. Следует учитывать как судебную практику, так и положения уголовного законодательства, в том числе связанные с действием уголовного закона во времени. При квалификации в настоящее время преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности, совершенных до вступления в силу УК РФ 1996 г., следует учитывать положения ст. 9 УК РФ, а также возможность и необходимость применения обратной силы уголовного закона.

Научная и практическая значимость. Проведенный анализ позволяет решить ряд проблем, связанных с квалификацией преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности, совершенных до вступления в силу УК РФ 1996 г.

Ключевые слова: половая свобода, половая неприкосновенность, изнасилование, насильственные действия сексуального характера, обратная сила уголовного закона, УК РСФСР 1960 г., УК РФ 1996 г.

Рассматривая вопросы преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, мы сталкиваемся с проблемами квалификации таких преступлений, совершенных в различные периоды, и применения положений действия закона во времени.

Актуален данный вопрос в связи с тем, что законодатель периодически вносит корректировки как в диспозиции, так и санкции норм, предусматривающих ответственность за рассматриваемые деликты, что связано с изменением отношения законодателя к общественной опасности, а также с изменением форм и способов совершения рассматриваемых деяний, в том числе появления таких, о которых ранее не имелось представлений

в обществе. Учитывая, что уголовный закон не всегда успевает отреагировать на такие изменения, в практической деятельности возникает вопрос о том, как квалифицировать действия преступников, совершивших преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности.

Особенно актуальным данным вопрос становится при расследовании преступлений прошлых лет, раскрытие и расследование которых является одним из приоритетных направлений деятельности Следственного комитета Российской Федерации.

Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности (иногда

именуемые «половые преступления»), как и иные преступления против личности, имеют свои особенности, затрудняющие их расследование и раскрытие, в том числе связанные с латентностью. Более того, о происшедшем знают иногда только преступник и его жертва.

Не всегда жертва своевременно сообщает о совершенном в отношении нее половом преступлении, что связано с рядом факторов. Кому-то просто не хочется связываться с государством и его правоохранительными органами, кому-то жалко тратить на это время, кто-то считает, что такое обращение бессмысленно, а кому-то иногда даже стыдно, поскольку считает, что он сам виноват в том, что произошло.

Кроме того, ряд половых преступлений длительное время оставался и остается нераскрытым в связи с отсутствием на момент совершения преступления и в первоначальный период расследования преступления надлежащих криминалистических методов, технических средств и криминалистических экспертиз.

Так, только в последнее время стала широко применяться геномно-дактилоскопическая экспертиза, которая использует метод ДНК-идентификации, основанный на том, что каждый человек имеет строго индивидуальную ДНК, которая содержится в частице кожи, капельке крови и т.п.

В связи с этим длительное время оставался и остается нераскрытым ряд половых преступлений. Однако в результате проведенной следователями, сотрудниками органов дознания, экспертами кропотливой работы, направленной на раскрытие половых преступлений, удается устанавливать лиц, их совершивших, что влечет за собой необходимость надлежащей квалификации их действий для привлечения к уголовной ответственности и назначения справедливого наказания.

Однако, необходимо учитывать, что между совершением половых преступлений, их раскрытием и привлечением к уголовной ответственности проходит иногда не один десяток лет, в течение которых существенно изменяется уголовное законодательство. Такие изменения связаны с определением объективных и субъективных признаков рассматриваемых преступлений полового характера, и с установлением видов и размера наказаний за их совершение.

Несмотря на то, что законодатель как советского, так и постсоветского периода предусматривал уголовную ответственность за совершение преступлений против половой свободы и половой

неприкосновенности, формулировка норм и признание общественно опасными тех или иных деяний изменялись в зависимости от того периода, в который происходили данные преступления, а также моральных и этических норм, преобладавших в государстве. Причем нормы, предусматривавшие ответственность за подобные деликты, подвергались неоднократным изменениям, в том числе мы видим, что законодатель изменяет свое отношение к некоторым из таких деликтов, в первую очередь связанным с совершением таких преступлений в отношении несовершеннолетних при отягчающих обстоятельствах.

Следует отметить, что до настоящего времени остается нераскрытым ряд преступлений рассматриваемого характера, совершенных в период действия УК РСФСР 1960 г.

В соответствии с положениями отечественного законодательства, а именно ст. 9 УК РФ, регламентирующей действие уголовного закона во времени, преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния, а временем совершения преступления признается время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий.

То есть по общим положениям, при квалификации действий лиц, совершивших преступления до 1997 г., то есть до вступления в законную силу УК РФ 1996 г., необходимо применять положения УК РСФСР 1960 г. Но здесь мы сталкиваемся с определенной сложностью.

В настоящее время УК РФ предусматривает несколько составов, связанных с преступлениями против половой неприкосновенности и половой свободы личности, а именно ст. 131 «Изнасилование», ст. 132 «Насильственные действия сексуального характера» (куда включены такие формы, как мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера), ст. 133 «Понуждение к действиям сексуального характера», ст. 134 «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста», ст. 135 «Развратные действия».

Однако в УК РСФСР 1960 г. перечень и понимание половых преступлений были несколько иными.

К таковым законодатель относил деликты, ответственность за совершение которых была предусмотрена ст. 117 «Изнасилование» (понимая под ним половое сношение с применением физического насилия, угроз или с использованием беспомощного состояния потерпевшей), ст. 118

«Понуждение женщины к вступлению в половую связь», ст. 119 «Половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости», ст. 121 «Мужеложство» (в последней редакции – половое сношение мужчины с мужчиной (мужеложство), совершенное с применением физического насилия, угроз, или в отношении несовершеннолетнего, или с использованием зависимого положения либо беспомощного состояния потерпевшего).

При расследовании подобных уголовных дел в настоящее время возникает вопрос в квалификации действий обвиняемого при совершении иных насильственных действий сексуального характера, помимо изнасилования. Фактически в УК РСФСР отсутствовала норма, предусматривающая ответственность за совершение подобных действий.

Возникает вопрос, можем ли мы привлекать к уголовной ответственности лиц, совершивших насильственные действия сексуального характера в отношении лиц женского пола, например, вступивших в половое сношение в оральной или анальной форме.

К сожалению, в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 22 апреля 1992 г. № 4 «О судебной практике по делам об изнасиловании», Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации», Пленума Верховного Суда РФ от 04 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» ничего по этому поводу не сказано, что вызывает определенные сложности у практических работников, осуществляющих квалификацию таких деяний.

Для надлежащей квалификации дел такой категории, совершенных в различные периоды времени, следует учитывать несколько факторов, связанных с понятием «изнасилование» и положениями уголовного законодательства об обратной силе закона.

Статья 117 УК РСФСР 1960 г., устанавливая ответственность за изнасилование, определяла его, как уже было сказано, как половое сношение с применением или угрозой применения насилия. Половое сношение в его стандартном понимании – естественный гетеросексуальный половой акт. Однако легальное определение изнасилования отсутствовало в УК РСФСР 1960 г. и отсутствует в действующем уголовном законе.

Судебная практика, в том числе Верховного Суда СССР и Верховного Суда РСФСР, с середины 60-х гг. прошлого века последователь-

но признавала изнасилованием нестандартные или «извращенные формы» полового сношения [1, с. 153–185] (оральный, анальный секс, использование предметов). Таким образом, судами последовательно осуществлялось расширительное толкование уголовного закона, позволяющее оценить в качестве преступных и те деяния, которые не были прямо указаны в ст. 117 УК РСФСР. Принимая во внимание эти расхождения, Пленум Верховного Суда РСФСР в 1967 г. даже выходил в Президиум Верховного Совета РСФСР с представлением о самостоятельной криминализации «извращенных половых сношений» [2, с. 110–111], что частично нашло свое отражение в ст. 118 УК РСФСР, которая предусматривала ответственность за понуждение женщины к вступлению в половую связь или к удовлетворению половой страсти в иной форме лицом, в отношении которого женщина являлась материально или по службе зависимой, в ст. 119 УК РСФСР, часть 2 которой предусматривала повышенную ответственность за половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости, сопряженное с удовлетворением половой страсти в извращенных формах.

Таким образом, с учетом судебной практики следует признать, что, несмотря на использование в УК РСФСР только понятий «изнасилование» и «мужеложство», в случае совершения до 1997 г. насильственных действий сексуального характера лица, их совершившие, подлежат уголовной ответственности.

Следует также иметь в виду, что при расследовании уголовных дел указанной категории необходимо учитывать положения уголовного законодательства об обратной силе закона, согласно которым уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, то есть распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость. Уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет. Поэтому при рассмотрении дел такой категории следует учитывать как диспозицию соответствующих норм, так и санкции за совершение таких преступлений.

Так, например, ч. 1 ст. 117 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от трех до шести лет, ч. 2 – от четырех до десяти лет, ч. 3 – от восьми до пятнадцати лет,

ч. 4 — от двенадцати до двадцати лет, ч. 5 — от пятнадцати до двадцати лет либо пожизненное лишение свободы.

Преступление, предусмотренное ст. 132 УК РФ, содержит аналогичные санкции.

При этом ч. 1 ст. 117 УК РСФСР предусматривала санкцию в виде лишения свободы на срок от трех до семи лет. Санкции, предусмотренные за совершение изнасилования при отягчающих обстоятельствах, также включали в себя лишение свободы, но несколько в ином размере. Так, изнасилование, сопряженное с угрозой убийства или причинения тяжкого телесного повреждения либо совершенное лицом, ранее совершившим изнасилование, наказывалось лишением свободы на срок от пяти до десяти лет, совершенное группой лиц или изнасилование несовершеннолетней — лишением свободы на срок от пяти до пятнадцати лет, совершенное особо опасным рецидивистом или повлекшее особо тяжкие последствия, а равно изнасилование малолетней — лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет либо смертной казнью.

Таким образом, мы видим, что в ч. 1 ст. 132 и в ч. 1 ст. 131 УК РФ рассматриваемые преступления наказываются более жестоко, чем в УК РСФСР, а вот наказание по ч. 2 ст. 131 и ч. 2 ст. 132 УК РФ менее сурово, чем за аналогичные деяния по УК РСФСР, в связи с чем в этом случае будет иметь место обратная сила закона.

Судебная практика идет по этому же пути. Например, по приговору Курагинского районного суда Красноярского края от 24 апреля 1995 г. А. осужден по ч. 2 ст. 117 УК РСФСР к 7 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии общего режима. Постановлением Абаканского горнарсуда от 1 октября 1997 г. в связи с введением в действие УК РФ при-

говор от 24 апреля 1995 г. изменен, А. считается осужденным по п. «в» ч. 2 ст. 131 УК РФ к 7 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима (*апелляционное постановление Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 3 июня 2014 г. по делу № 22-861*).

Подтверждение данному пути дал и Президиумом Верховного Суда Российской Федерации, который в ответах от 27 июня 2012 г. на вопросы, поступившие из судов по применению Федеральных законов от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный Кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», коснулся указанных проблем, хотя и по иным составам преступлений, в том числе связанным с обратной силой уголовного закона.

Данный вопрос актуален и в настоящее время с учетом последних изменений в уголовно-правовых нормах, связанных с совершением подобных преступлений в отношении несовершеннолетних при отягчающих обстоятельствах.

Подводя итоги, следует сказать, что, несмотря на изменения в уголовном законодательстве, которые и были, и будут, при квалификации преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, совершенных в различные периоды, следует учитывать как положения уголовного законодательства, так и судебную практику. При квалификации в настоящее время преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности, совершенных до вступления в силу УК РФ 1996 г., следует учитывать положения ст. 9 УК РФ, а также возможность и необходимость применения обратной силы уголовного закона.

Литература

1. Пудовочкин Ю.Е., Бабаев М.М. Взаимоотношения судебной и законодательной власти в контексте уголовной политики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 1. С. 153–185.
2. Яковлев Я.М. Половые преступления. Душанбе: Ирфон, 1969. 454 с.

References

1. Pudovochkin Yu.E., Babaev M.M. Vzaimootnosheniya sudebnoi i zakonodatel'noi vlasti v kontekste ugodovnoi politiki [The relationship of judicial and legislative power in the context of criminal policy]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Bulletin of Perm University. Legal sciences], 2021, no. 1, pp. 153–185. (In Russian, abstract in English)
2. Yakovlev Ya.M. Polovye prestupleniya [Sexual crimes]. Dushanbe: Irfon Publ., 1969. 454 p. (In Russian)

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ СЛЕДСТВЕННОГО ОСМОТРА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ РАБОТ

Осяк Валентина Владимировна

Цель: рассмотрение особенностей производства отдельных видов следственного осмотра при расследовании нарушений правил охраны окружающей среды при производстве работ для оптимизации деятельности следователя по уголовным делам рассматриваемого вида.

Методология: общенаучный и специальный методы исследования.

Выводы. Быстрое и непрерывное изменение следственной ситуации по рассматриваемому виду преступлений зачастую приводит к необратимому нарушению обстановки и исчезновению следов. Не будучи зафиксированными, они могут быть утрачены безвозвратно. Получение сведений о них в ходе дальнейшего расследования в результате производства иных следственных действий может дать лишь частичную информацию, несопоставимую с тем объемом непосредственных сведений, которые могли быть получены в ходе своевременного осмотра места происшествия. В статье даны рекомендации по проведению отдельных видов следственного осмотра в условиях следственной ситуации, когда данных об источнике, причине и характере загрязнения у следователя не имеется.

Научная и практическая значимость. Автором сформулированы рекомендации следователю по подготовке к осмотру места происшествия, в том числе по обеспечению безопасности участников осмотра. Обосновывается вывод о необходимости более широкого использования высокотехнологичной криминалистической техники, в том числе обеспечивающей возможность дистанционного наблюдения без непосредственного присутствия на месте осмотра его участников.

Ключевые слова: организация расследования, нарушения правил охраны окружающей среды при производстве работ, следственная ситуация, осмотр места происшествия, использование специальных знаний, технико-криминалистические средства, безопасность.

Одной из важнейших задач, стоящих перед любым государством, является обеспечение безопасности в сфере экологии. Зачастую угроза экологической безопасности возникает вследствие нарушений правил охраны окружающей среды при производстве работ. Несмотря на относительно небольшое количество выявляемых ежегодно преступлений, предусмотренных ст. 246 Уголовного кодекса Российской Федерации (в 2021 г. зарегистрировано 47 преступлений), причиняемый вследствие их совершения вред окружающей среде может быть весьма существенным.

Установление обстоятельств совершенных преступлений, как правило, связано с проведением масштабных комплексов следственных действий, сложных экспертиз, характеризуется значительными временными затратами и во многом определяется сложившейся следственной ситуацией, под которой принято понимать определенное положение в расследовании преступлений, характеризующееся наличием тех или иных доказательств и информационного материала и возникающими в связи с этим конкретными задачами его собирания. Следственная ситуация динамична и находится в прямой зависимости от объема, содержа-

ния и достоверности информации о расследуемом событии, а также от наличия сведений о характере и местах нахождения иных источников доказательств по делу.

Как показывает анализ судебно-следственной практики, заявление или сообщение о вредных экологических последствиях, причиной которых, вероятно, послужило нарушение экологических норм, может поступить в правоохранительные органы от органов государственного экологического контроля, от администраций предприятий, от должностных лиц, отдельных граждан, из публикаций в средствах массовой информации, в том числе посредством сети Интернет, от общественных экологических организаций и т. п. Как правило, в таких случаях сообщается о конкретных последствиях, при этом данных об источнике, причине и характере загрязнения в полученной информации зачастую не содержится. Так, в 2020 г. при проведении технологических работ на выведенном из эксплуатации участке нефтепровода ЦПС «Южная Шапка», расположенном на территории Ненецкого автономного округа, обнаружен прорыв трубопровода и разлив нефтепродуктов. Площадь разлива на почве составила 25 квадратных метров, а также на данном участке обнаружена радужная пленка на реке Колва. По данному факту следственными органами Следственного комитета Российской Федерации по Архангельской области и Ненецкому автономному округу возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ст. 246 УК РФ (нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ) (*В Ненецком автономном округе возбуждено уголовное дело по факту разлива нефтепродуктов // [Электронный ресурс]: URL: <https://arh.sledcom.ru/news/item/1508806/> (дата обращения: 28.02.2022)*). С учетом этих особенностей первоочередной задачей, стоящей перед органом расследования, является необходимость проверки достоверности поступившей информации, установления источника, характера загрязнения и наступивших вредных последствий, истребование дополнительных документов от органа экологического контроля, получение объяснений от должностных лиц и отдельных граждан.

Поэтому безотлагательное проведение осмотра места происшествия имеет существенное значение как для обнаружения и фиксации обстановки, так и для изъятия объектов в целях последующего производства экспертных исследований.

Безусловно, результативность осмотра места происшествия, с точки зрения получения объективных доказательств, зависит от использова-

ния комплексного подхода в вопросах организации данного следственного действия, поскольку именно на этом этапе, как правило, складываются предпосылки успешного раскрытия и расследования рассматриваемого вида экологического преступления.

Специфика расследования данной категории преступления обуславливает необходимость привлечения сведущих лиц, обладающих специальными знаниями в соответствующих областях [1, с. 129–139; 2, с. 101–102; 3, с. 87–88]. Поэтому консультации специалистов и их участие в следственном действии позволят следователю наиболее грамотно принять во внимание особенности обстановки, распространения веществ, должный порядок обращения с обнаруживаемыми и изымаемыми следами, предметами и т. п. [4, с. 38–41].

Важно отметить, что с учетом характера рассматриваемого вида экологического происшествия и его последствий, а также угрозы их наступления вопросы безопасности участвующих в осмотре лиц должны рассматриваться в приоритетном порядке. Эта задача тоже должна решаться следователем во взаимодействии с субъектами, на которые в соответствии с действующим законодательством возложены обязанности по обеспечению экологической безопасности и по ликвидации вреда.

Осмотр больших загрязненных территорий, в том числе, когда источник загрязнения неизвестен, может производиться несколькими следственными группами по секторам. В такой ситуации значительно увеличивается число участников осмотра, а также количество транспортных и технико-криминалистических средств.

Общей задачей осмотра обычно является: установление и фиксация территории загрязнения, его источника и наступивших последствий, а также полное и качественное изъятие необходимых проб воздуха, воды, грунта, отдельных экземпляров погибшей флоры и фауны. В ходе осмотра также должно уделяться внимание обнаружению и фиксации следов и предметов обстановки, подтверждающих развитие и последствия экологического происшествия.

На стадии общего осмотра особое внимание обращается на выходы сточных коллекторов, притоки, впадающие в водоем, подводные и надземные нефтегазопроводы, транспортные средства, перевозящие химически опасные грузы, склады таких веществ и т. п. На этой стадии также устанавливаются признаки экологического преступления, источник загрязнения, границы его распространения. Принимаются меры к охране обстановки на месте происшествия, следов и объ-

ектов, содержащих криминалистически значимую информацию.

С учетом значительных размеров территории места происшествия возможно применение беспилотных летательных аппаратов, оборудованных средствами фото- и видеофиксации, средствами регистрации времени, а также определения расстояний и географических координат по сигналам системы GPS или ГЛОНАСС.

После стадии общего осмотра следует перейти к детальному осмотру, тщательно фиксируя обстановку на месте происшествия, в частности: месторасположение источника загрязнения, его техническое состояние, конструктивные признаки неисправности его составных частей, нарушения целостности корпуса и соединений. Фиксируются направление распространения загрязняющих веществ и негативные последствия. Они могут быть выражены в концентрации отходов производства, в скоплении погибших экземпляров флоры и фауны. В ходе непосредственного осмотра в целях повышения эффективности поиска источника загрязнения необходимо осуществлять экспресс-анализы воды, воздуха или грунта, а также учитывать метеорологические данные, характер рельефа местности и расположение мест предполагаемых источников загрязнения.

При осмотре мест происшествия по фактам загрязнения водных ресурсов веществами, используемыми в промышленном или сельскохозяйственном производстве, необходимо тщательно осматривать места хранения данных веществ, предусмотренные порядком технологического процесса на данных предприятиях, а также средства их транспортирования. При этом следует обращать внимание на наличие должных технических защитных признаков, например, таких, как бетонирование котлованов и ям для хранения веществ, установка навесов над площадками, устройство защитных стен вокруг резервуаров, отстойников и т. п. [5, с. 48–50]. В ходе осмотра важно отразить установленные пути, по которым указанные вещества могли попасть в стоки, коллекторы, канализацию, а также минуя их – в водоем.

При осмотре на местах происшествия обнаруженных транспортных средств, которые могли являться источником загрязнения, необходимо отразить не только регистрационные сведения о данных транспортных средствах, но и состояние наружных поверхностей установленных на них емкостей и резервуаров. При осмотре состояния внутренних полостей следует соблюдать осторожность. Тем не менее важно максимально полно

отразить имеющие значение признаки наличия остатков загрязняющих веществ, зафиксировать их внешне признаки, изъять образцы и пробы.

Особые меры предосторожности следует принять при осмотре места происшествия по фактам нарушениях правил безопасности при обращении с микробиологическими и иными биологическими агентами и токсинами.

Результаты осмотра места происшествия фиксируются в протоколе, на схемах, планах и топографических картах, а также с помощью фотографии и видеозаписи.

В условиях, как правило, значительной площади территории, относящейся к месту экологического преступления, следует составить план либо схему места происшествия. Для фиксации обстановки на отдельном осматриваемом участке или фиксации состояния конкретных сооружений, техники и иных важных узловых частей места происшествия возможно составление их чертежей. В данных документах, являющихся приложениями к протоколу осмотра, может быть отражена обстановка любых размеров и расположения: от открытой местности до ограниченных помещений и их частей. Отображение обстановки в схемах, планах, рисунках, чертежах, фотографиях и видеозаписях должно осуществляться общепринятыми и понятными обозначениями и ракурсами, обеспечивающими в дальнейшем однозначность и ясность восприятия зафиксированной в них информации.

Также осмотр и фиксация обстановки могут осуществляться с использованием технико-криминалистических средств, обеспечивающих возможность дистанционного наблюдения без непосредственного присутствия на месте осмотра его участников. К таким средствам относятся фотовидеокамеры, установленные на беспилотных летательных аппаратах и передающие сигнал изображения на расстояние к оператору. При этом визуальная информация об обстановке на месте происшествия воспроизводится на экране (дисплее, мониторе) устройства, принимающего данный сигнал. Таким образом, участники следственного действия, находясь на безопасном расстоянии, могут в режиме реального времени ознакомиться с обстановкой, произвести ее описание, фотографирование, видеосъемку, составить протокол следственного действия, схемы, фототаблицы и т. п. [6, с. 98–99]. Аналогичный принцип опосредованного осмотра знаком следственным работникам по практике применения эндоскопов, при которой зонд с объективом направляется в недостижимое пространство, скрытое за какими-

либо препятствиями, а осмотр производится по изображениям на мониторе.

Независимо от характера экологического преступления фиксация обстановки на месте происшествия должна носить логический характер, содержать как комплексный, так и индивидуальный подход, отражая общую обстановку во взаимосвязи с отдельными предметами и их значением. Так, важно осуществлять фиксацию орудий и средств совершения преступления, условий их применения, состояния, в котором они обнаружены, последствий преступных действий, признаков их соотносимости с происшествием и т. п.

Одновременно необходимо использовать средства фиксации для визуализации обстановки на месте происшествия, осуществляя фото- и видеосъемку, в том числе современными средствами панорамной (3D) съемки. Это позволит в последующем воссоздать при необходимости объективную визуальную модель места происшествия.

В ходе расследования нарушений правил охраны окружающей среды при производстве работ также может возникнуть необходимость в осмотре документов, фотографий, видеозаписей (в том числе изготовленных очевидцами произошедшего), которые могут подтвердить факт незаконных действий виновных лиц.

Так, по уголовному делу гр. М. в неустановленное время, но не позднее XX.XX.XXXX заключил с ООО «XXX» в лице директора М. договор № X на выполнение комплекса строительных работ от XX.XX.XXXX, по условиям которого ООО «XXX» взяло на себя обязательства по выполнению строительно-монтажных работ по строительству многопливной АЗС № X по адресу: XXX Аксайский район, в придорожной полосе региональной автодороги г. Ростов-на-Дону – г. Ставрополь, в районе XXX км. Далее ООО «XXX» в нарушение ст. 11 Закона Российской Федерации от 21 февраля 1992 г. «О недрах» осуществило работы по устройству насыпи в виде разработки грунта с погрузкой на автомобили-самосвалы экскаваторами с ковшем объемом XXX, что причинило вред недрам,

повлекший утрату запасов полезных ископаемых в размере 10 млн рублей. В ходе производства выемки из различных организаций, учреждений у свидетелей были изъяты: оригинал лицензии на право пользования недрами; копия сведений о выполнении условий пользования недрами ООО «XXX», договоры и приложения к ним, укрупненные сметы на строительство; справки о стоимости выполненных работ; акты приема выполненных работ; акты и иные документы, относящиеся к незаконной добыче полезных ископаемых гр. М.; заключения по результатам оценки соответствия почв показателям качества и безопасности и др.

Помимо вышеперечисленного у свидетелей по уголовному делу были изъяты фотографии и DVD-R накопитель с тремя видеофайлами, на которых зафиксирована незаконная добыча полезных ископаемых, производимая гр. М. в карьере с КН № XXX (*материалы уголовного дела по обвинению гр. М. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 171, ст. 246 УК РФ*).

Таким образом, следует отметить, что осмотр места происшествия и иные виды следственного осмотра при расследовании нарушений правил охраны окружающей среды при производстве работ имеют решающее значение для установления наличия или отсутствия оснований к возбуждению уголовного дела. Однако могут иметь место случаи, когда сообщение об экологическом преступлении поступает по прошествии некоторого периода времени. К этому моменту важные следы, характерные для первоначальной обстановки, утрачены необратимо. Часть следов может сохраниться, однако они будут существенно видоизменены под воздействием естественных факторов окружающей среды.

Тем не менее получение информации об обстановке на месте происшествия, об отдельных объектах и следах из непосредственных источников позволяет сформировать относительно полное представление о преступлении, механизме его совершения, о его последствиях, что положительно повлияет на эффективность расследования.

Литература

1. *Васильева М.А.* Методика расследования преступлений в сфере экологии: монография. М.: Юрлитинформ, 2021. 184 с.
2. *Осяк В.В., Бондарева Г.В.* Современные возможности использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконной добычей (выловом) водных биологических ресурсов // Интеграция и дифференциация знаний в судебно-экспертной деятельности: сборник научных трудов. Симферополь, 2021. С. 101–103.
3. *Петрухина О.А., Черенков А.В.* Особенности участия специалиста в расследовании экологических преступлений // Известия Тульского государственного университета. 2018. № 1–2. С. 86–93.

4. Осяк В.В., Сиротинин Д.А. Тактические особенности осмотра места происшествия по фактам загрязнения морской среды // Правда и закон. 2021. № 4. С. 37–45.
5. Бирюков С.Ю., Шинкарук В.М. Особенности тактики осмотра места происшествия по фактам загрязнения окружающей среды // Правовая парадигма. 2017. Т. 16. № 2. С. 45–50.
6. Осяк В.В. О некоторых аспектах организации расследования экологических преступлений // Материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса» 11 ноября 2021 г. Ростов-на-Дону, 2022.

References

1. Vasil'eva M.A. Metodika rassledovaniya prestuplenii v sfere ekologii. Monografiya [Methodology for investigating crimes in the field of ecology. Monograph]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2021. 184 p. (In Russian)
2. Osyak V.V., Bondareva G.V. Sovremennye vozmozhnosti ispol'zovaniya spetsial'nykh znaniy v raskrytii i rassledovanii prestuplenii, svyazannykh s nezakonnoi dobychei (vylovom) vodnykh biologicheskikh resursov [Modern opportunities for the use of special knowledge in the disclosure and investigation of crimes related to illegal extraction (catch) of aquatic biological resources]. In *Integratsiya i differentsiatsiya znaniy v sudebno-ekspertnoi deyatel'nosti: sbornik nauchnykh trudov [Integration and differentiation of knowledge in forensic activities: a collection of scientific papers]*. Simferopol', 2021, pp. 101–103. (In Russian)
3. Petrukhina O.A., Cherenkov A.V. Osobennosti uchastiya spetsialista v rassledovanii ekologicheskikh prestuplenii [Features of the participation of a specialist in the investigation of environmental crimes]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Tula State University]*, 2018, no. 1–2, pp. 86–93. (In Russian, abstract in English)
4. Osyak V.V., Sirotnin D.A. Takticheskie osobennosti osmotra mesta proisshestiya po faktam zagryazneniya morskoi sredy [Tactical features of the inspection of the scene of the incident on the facts of pollution of the marine environment]. *Pravda i zakon [Truth and Law]*, 2021, no. 4, pp. 37–45. (In Russian, abstract in English)
5. Biryukov S.Yu., Shinkaruk V.M. Osobennosti taktiki osmotra mesta proisshestiya po faktam zagryazneniya okruzhayushchei sredy [Features of the tactics of examining the scene of the incident on the facts of environmental pollution]. *Pravovaya paradigma [Legal Concept]*, 2017, vol. 16, no. 2, pp. 45–50. (In Russian, abstract in English)
6. Osyak V.V. O nekotorykh aspektakh organizatsii rassledovaniya ekologicheskikh prestuplenii [On some aspects of organizing the investigation of environmental crimes]. In *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Aktual'nye problemy teorii i praktiki ugovnogo protsessa» 11 noyabrya 2021 g. [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference “Actual problems of the theory and practice of the criminal process” November 11, 2021]*. Rostov-on-Don, 2022. (In Russian)

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ НАКАЗАНИЯ КАК СРЕДСТВО ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ НАКАЗАНИЯ

Подройкина Инна Андреевна,
Леймоева Залина Беслановна

Цель: в статье отмечается, что вносимые в уголовный закон изменения касаются не только вопросов криминализации-декриминализации, но и пенализации-депенализации. Авторы затрагивают проблему построения системы уголовных наказаний, а именно подсистемы дополнительных наказаний. На основе изучения статистики назначения дополнительных наказаний подчеркивается, что современный правоприменитель использует потенциал дополнительных наказаний недостаточно, а в целом доля использования каждого из них не превышает 2% от общего числа осужденных (исключение составляет только лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью).

Методология: при проведении исследования авторы опирались на такой метод, как системный анализ, который, как правило, используется для подготовки и обоснования решений по сложным проблемам различного уровня. Наряду с указанным, чтобы наиболее полно рассмотреть заявленную проблематику, а также в целях обоснования сделанных выводов были использованы формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический и конкретно-социологический методы.

Выводы. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу о том, что работу над конструированием системы наказаний в целом и ее подсистем следует продолжить. Эта работа должна вестись по двум направлениям: с одной стороны, необходимо провести ревизию действующего законодательства с целью устранения существующих недостатков; а с другой – акцентировать внимание на поиске новых эффективных, соответствующих потребностям современного цифрового общества видов дополнительных наказаний.

Научная и практическая значимость. Теоретическая значимость работы заключается в том, что она может использоваться при дальнейших исследованиях в области построения подсистемы дополнительных наказаний. Практическая значимость состоит в том, что выводы авторов могут быть положены в основу поиска новых видов дополнительных наказаний и наполнения ими действующего Уголовного кодекса РФ.

Ключевые слова: наказание, система, перечень, уголовный закон, дополнительные наказания, цели наказания, индивидуализация наказания, назначение наказания, статистика, динамика.

Любое государство пытается обезопасить свое существование, а также существование своих граждан, используя для этого различные средства, включая правовые. В последнее время мы видим стремление российского законодателя решать значительную часть проблем посредством установления уголовной ответственности. В теории уголовного права неоднократно обращалось внимание на то, что с момента принятия Уголовного кодекса в нем практически не осталось статей, которые бы не были «усовершенствованы», при-

чем речь идет как о формулировании запретов, так и об установлении наказаний за их совершение, при этом, несмотря на заявленную гуманизацию уголовного законодательства, более детальный анализ вносимых изменений позволяет констатировать, что процессы криминализации доминируют над процессами декриминализации [1]. Как отмечает по этому поводу Ю.И. Пудовочкин, в научной и законопроектной практике в настоящее время представлено множество инициатив, предлагающих его изменение [2, с. 584].

Особую озабоченность вызывает тот факт, что нередко соответствующая реакция законодателя обусловлена не ростом правонарушающего поведения в той или иной сфере, не появлением новых форм преступной деятельности, не рекомендациями научного сообщества, а интенсивностью освещения конкретного случая в средствах массовой информации, тем резонансом, который был вызван в обществе благодаря деятельности СМИ при освещении того или иного происшествия. Полагаем, что одни из последних изменений УК РФ, связанные с ответственностью за половые преступления, обусловлены именно этим (*Федеральный закон от 28 января 2022 г. № 3-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»*).

За время существования УК РФ с 1996 г. количество статей, описывающих различные виды уголовно наказуемых деяний, увеличилось почти вдвое, наиболее интенсивному воздействию подверглась гл. 22 УК РФ, на что неоднократно обращалось внимание в теории уголовного права [3]. При этом значительная часть как изначально включенных, так и вновь введенных статей либо не применяется вовсе, либо по ним имеются единичные факты привлечения к уголовной ответственности. Так, например, обращение к отчетам МВД РФ о состоянии преступности за период с 2015 по 2020 г. показало, что доминирующим в числе выявленных преступлений в сфере экономической деятельности является фальшивомонетничество (ст. 186 УК РФ), в отдельные годы его доля в общем числе зарегистрированных преступлений гл. 22 УК РФ превышала 50% и достигала 64,8% в 2016 г., 70,4% – в 2015 г. (*Статистика и аналитика. Официальный сайт МВД РФ // [Электронный ресурс]: URL: <https://мвд.рф/deyatelnost/statistics> (дата обращения: 09.04.2022)*). В целом же менее 10 составов преступлений гл. 22 УК РФ образуют более 50% зарегистрированных преступлений в сфере экономической деятельности, в то время как общее число статей анализируемой главы составляет более 60.

Что касается наказуемости, то и здесь мы видим, что из всего перечня наказаний наиболее часто используются на практике обязательные работы, исправительные работы, штраф и лишение свободы, наличие же остальных наказаний вызывает серьезные вопросы в теории уголовного права [4]. Динамика наказуемости, изменение общественных отношений, статистика повторности совершения преступлений, появление новых технологий, в том числе связанных с воздействием на человека и его сознание, ставят под сомнение эффективность существующей системы наказаний, в связи с чем актуальным видится не только

анализ тех процессов, которые связаны с криминализацией-декриминализацией деяний, но и тех, которые связаны с пенализацией-депенализацией, а также в целом с оценкой эффективности существующей системы уголовных наказаний.

Говоря об уголовных наказаниях, следует указать, что их перечень определен в ст. 44 УК РФ. В ст. 45 УК РФ обозначено, какие наказания могут назначаться только в качестве основных, какие только в качестве дополнительных, а какие и в том, и в другом качестве. Исходя из этого, традиционным в теории уголовного права является деление всех наказаний на основные, дополнительные и смешанные [5]. При этом в качестве критерия подобного деления наиболее часто называют порядок назначения.

Вместе с тем стоит подчеркнуть, что еще в 2001 г. названная классификация была подвергнута обоснованному сомнению. Так, в частности, В.К. Дуюнов обратил внимание в одной из своих работ, что авторы, предлагающие такое деление, не учли тот факт, что на самом деле в ст. 45 УК РФ лежит не одно, а два классификационных основания для деления. По его мнению, первым критерием деления наказания на виды является роль конкретного наказания в достижении целей, указанных в ст. 43 УК РФ. Исходя из этого, наказания следует подразделять на основные и дополнительные. Вторым же критерием является потенциальная возможность быть назначенным в качестве основного или в качестве дополнительного наказания. Учитывая названный критерий, по его мнению, следует выделять наказания, которые могут назначаться только в качестве основных, только в качестве дополнительных, а также и в том, и в другом качестве [6, с. 194].

Действительно, если внимательно проанализировать нормы уголовного закона, то можно увидеть, что какого-то особого порядка для назначения дополнительных наказаний законодатель не устанавливает, поэтому и говорить о том, что основные наказания отличаются от дополнительных порядком назначения, не вполне корректно. Поэтому мы полностью поддерживаем позицию В.К. Дуюнова и, развивая ее, предлагаем в подсистеме основных и в подсистеме дополнительных наказаний выделить еще две подсистемы – постоянных и переменных наказаний. При этом под постоянными понимать те наказания, которые играют только ведущую (основную) или только вспомогательную роль в достижении целей наказания, а под переменными – те, на которые, в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления, правоприменителем

может быть возложена либо ведущая, либо вспомогательная роль в достижении целей наказания [7, с. 225–226].

Итак, с учетом выделенных классификационных критериев можно сказать, что в ст. 44 УК РФ содержится 4 дополнительных наказания: 1) штраф; 2) лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; 3) ограничение свободы; 4) лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград. При этом первые три наказания из перечисленных следует отнести к подсистеме переменных дополнительных наказаний, а четвертое — к подсистеме постоянных дополнительных наказаний.

По нашему мнению, роль дополнительных наказаний в реализации целей наказаний сегодня недооценена. Если обратиться к статистическим данным, то можно увидеть незначительное их использование на практике. Так, за период с 2015 по 2020 г. доля осужденных по большинству из них не превысила 2% от общего числа осужденных. При этом по некоторым из дополнительных наказаний наблюдается постоянное снижение как количества осужденных, так и доли осуждения. Например, за период с 2015 по 2020 г. число лиц, которым в качестве дополнительного наказания был назначен штраф, снизилось с 13 783 до 8 903 человек. Сокращение числа осужденных коррелируется и с данными относительно доли осуждения к исследуемому виду наказания, если в 2015 г. она составляла 2,1%, то в 2020 г. ее показатель опустился до 1,5%.

Сходные тенденции можно увидеть и при анализе динамики назначения ограничения свободы — число осужденных к нему сократилось с 7 808 человек в 2015 г. до 6 919 человек в 2020 г. Но если говорить о доли осужденных к ограничению свободы, то здесь, в отличие от абсолютных показателей, отмечается пусть незначительный, но рост — с 1,2% в 2015 г. до 1,3% в 2020 г. (*Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003–2007 гг. и 2008–2020 гг.* // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 08.04.2022)).

Постоянным дополнительным видом наказания является лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград. В отличие от тех наказаний, о которых говорилось выше, динамика использования его на практике демонстрирует тенденцию роста. Так, если в 2015 г. доля лиц, осужденных к нему, составляла 0,019%, то к 2020 г. она поднялась почти вдвое — до 0,033% (*Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003–*

2007 гг. и 2008–2020 гг. // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 08.04.2022)). Однако в абсолютных показателях использование названного наказания настолько незначительно, что говорить о росте можно с большой долей условности. В частности, в 2015 г. к нему было осуждено 143 человека, в 2020 г. — 176. В отдельные (более ранние) годы наблюдаются единичные факты назначения изучаемого вида наказания, например, в 2011 г. оно было назначено 2 человекам, в 2012 г. — 6 (*Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2011 и 2012 гг.* // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 09.04.2022)).

Действительно высокий уровень применения в качестве дополнительного наказания демонстрирует такой его вид, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Во-первых, с 2015 г. наблюдается неуклонный рост абсолютных показателей его использования. Так, в частности, если в 2015 г. к исследуемому виду наказания было осуждено 19 567 человек, то в 2020 г. эта цифра составила уже 67 749 человек. То есть за чуть более чем пятилетний период количество осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью увеличилось в 3,5 раза. Во-вторых, относительные показатели назначения анализируемого вида наказания также демонстрируют многократный рост. Если в 2015 г. доля осужденных к нему составляла 3,1%, то к 2020 г. она возросла до 12,9% (*Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2015–2020 гг.* // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 08.04.2022)), то есть наблюдается рост более чем в 4 раза. С первого взгляда подобные тенденции следовало бы оценить положительно. Вместе с тем анализ статистических данных в части конкретных составов преступлений, по которым имелись факты назначения лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, показывает, что такая динамика использования изучаемого вида наказания обусловлена теми новеллами, которыми дополнился УК РФ. В частности, Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 528-ФЗ (*Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 528-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения»*) в Уголовный кодекс РФ были внесены изменения,

в соответствии с которыми в нем появилась новая статья — ст. 264¹ «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию» (в настоящее время ее название изменено). Итогом явилось то, что значительную часть осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью стали составлять лица, привлеченные к ответственности по названной статье. Так, например, согласно статистической отчетности, в 2020 г. к анализируемому виду наказания по ст. 264¹ как дополнительному наказанию были осуждены 53 601 человек, что составило 79% от общего числа осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

То есть столь резкое увеличение назначения лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью обусловлено не пересмотром отношения правоприменителя к данному виду наказания и более широкому его использованию как средства индивидуализации наказания, а исключительно объективными причинами — включением в УК РФ нормы о таком преступлении, при совершении которого достижение целей наказания, а именно предупреждение совершения нового преступления, невозможно без назначения исследуемого вида наказания.

Что касается динамики назначения анализируемого наказания по иным составам преступлений, то статистические данные свидетельствуют об увеличении доли его использования на практике. Так, если в 2016 г. она составляла 1,6%, то к 2020 г. увеличилась до 2,6%. Вместе с тем мы видим, что эта доля не является значительной и не сильно отличается от значений, приведенных выше, по другим видам дополнительных наказаний.

Оценивая такое положение дел, мы не можем согласиться с правоприменителем. В какой-то степени приведенная динамика использования дополнительных наказаний обусловлена тем, что и в теории уголовного права, и в разъяснениях высшей судебной инстанции вопрос о потенциале дополнительных наказаний, как правило, обходится стороной. Серьезные работы, посвященные исключительно дополнительным видам наказания, можно обнаружить только в советский период [8]. После принятия УК РФ они рассматриваются скорее попутно в рамках оценки эффективности системы уголовных наказаний в целом, в редких случаях они становятся объектом диссертационных исследований [9]. Что касается постановлений Пленума Верховного Суда РФ, в которых даются разъяснения относительно

вопросов назначения наказания, то только в последнем из них № 58 от 22 декабря 2015 г. «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» особенностям назначения дополнительных наказаний посвящен отдельный раздел, что, конечно, не может не быть оценено нами положительно. Однако все вопросы, связанные с назначением дополнительных наказаний, изложены всего в двух пунктах, и они затрагивают весьма ограниченный круг проблем: во-первых, указывается на необходимость мотивировки принятого решения в случае назначения дополнительного наказания, предусмотренного в санкции статьи Особенной части в качестве факультативного; во-вторых, подчеркивается необходимость обоснования неназначения дополнительного наказания, включенного в санкцию статьи Особенной части УК РФ в качестве обязательного, при применении положений ст. 64 УК РФ; в-третьих, обращается внимание на то, что при назначении наказания по совокупности преступлений следует указывать его вид и размер по каждому из преступлений, а только потом определять итоговое наказание. При этом подчеркивается, что назначить дополнительное наказание по совокупности преступлений можно только в том случае, если хотя бы за одно из них такое наказание было назначено; в-четвертых, описывается порядок определения итогового размера дополнительного наказания при назначении его по совокупности преступлений (*Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (ред. от 18.12.2018)*).

Второй причиной неиспользования на практике дополнительных наказаний, полагаем, является несовершенство законодательных подходов при построении подсистемы дополнительных наказаний и размещении их в санкциях статей Особенной части УК РФ. Так, обращает на себя внимание неравномерность распределения дополнительных видов наказаний по главам УК РФ, нет никакой системы по их расположению в санкциях статей Особенной части УК РФ. Например, в некоторых санкциях основной состав предусматривает возможность назначения дополнительного наказания, а квалифицированный (особо квалифицированный) — нет; в одной санкции более мягкие наказания сочетаются с дополнительным наказанием, а более строгие — нет; ужесточение основного наказания в квалифицированном (особо квалифицированном) составе не всегда влечет усиление дополнительного наказания и т. д. Регламентация отдельных видов дополнительных

наказаний далека от совершенства. Так, по своему содержанию наказание в виде ограничения свободы и условное лишение свободы во многом совпадают, лишение специального воинского, почетного звания, классного чина и государственных наград необоснованно (по нашему мнению) ограничено применением только за тяжкие и особо тяжкие преступления. Вызывает серьезные сомнения наличие в УК РФ такого наказания, как лишение права занимать определенные должности с возможностью назначения только лицам, занимающим должности на государственной службе или в органах местного самоуправления, так как на уровне закона в числе ограничений для замещения должностей гражданской службы и должностей муниципальной службы указано на наличие неснятой или непогашенной судимости и т. д.

В целом, подводя итог исследованию, подчеркнем, что, по нашему мнению, законодателем не случайно все наказания делятся на основные и дополнительные. Дополнительные наказания имеют особое значение, во-первых, при достижении целей наказания, а во-вторых, при индивидуализации наказания. Безусловно, именно на основное наказание возлагается ведущая роль в реализации

целей наказания, но дополнительное наказание, хотя и играет вспомогательную роль, тем не менее способно более точно воздействовать на осужденного, тем самым не только способствуя реализации целей наказания, но и обеспечивая максимальную индивидуализацию итогового наказания. Сложившаяся судебная практика демонстрирует незначительное использование потенциала дополнительных наказаний, что обусловлено целым рядом причин, в том числе и объективного характера — несовершенством как самой подсистемы дополнительных наказаний, так и регламентацией отдельных видов наказаний, ее образующих. Учитывая изложенное, полагаем, что работа над конструированием системы наказаний в целом и ее подсистем должна быть продолжена. Эта работа должна вестись по двум направлениям: во-первых, следует провести ревизию действующего законодательства с целью устранения существующих недостатков; во-вторых, в настоящее время назрела настоятельная потребность поиска новых эффективных, соответствующих потребностям современного цифрового общества средств реагирования на преступное поведение, в том числе новых видов дополнительных наказаний.

Литература

1. *Podroykina I.A., Duyunov V.K.* Criminal law in the national security system of Russia // Proceedings of the XIV European-Asian Law Congress “The Value of Law” (EAC-LAW 2020). Ser. Advances in Social Science, Education and Humanities Research. M., 2020. С. 299–303.
2. *Пудовочкин Ю.Е.* Теоретические вопросы совершенствования законодательства об освобождении от уголовной ответственности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия «Право». 2021. Т. 12. № 4. С. 584–683.
3. *Лопашенко Н.А.* Преступления в сфере экономической деятельности: о руинах уголовного закона // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 2. С. 27–35.
4. *Трунцевский Ю.В.* Уголовное наказание в фокусе трансгуманизма // Международное публичное и частное право. 2021. № 5. С. 43–45.
5. Уголовное право: в 2 т. Т. 1. Общая часть: учебник для бакалавров / отв. ред. И.А. Подройкина, Е.В. Серегина, С.И. Улезько. М.: Юрайт, 2014. 590 с.
6. *Дуюнов В.К.* Механизм уголовно-правового воздействия: дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.08. Тольятти, 2001. — 512 с.
7. *Подройкина И.А.* Концептуальные основы построения системы уголовных наказаний в России. М.: Юрлитинформ, 2018. 384 с.
8. *Цветинович А.Л.* Дополнительные наказания в советском уголовном праве: учебное пособие. Калининград: КГУ, 1980. 67 с.
9. *Аветисян П.А.* Дополнительные наказания и их назначение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Казань, 2003. 25 с.

References

1. *Podroykina I.A., Duyunov V.K.* Criminal law in the national security system of Russia. In *Proceedings of the XIV European-Asian Law Congress “The Value of Law” (EAC-LAW 2020)*. Ser. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. Moscow, 2020, pp. 299–303.

2. *Pudovochkin Yu.E.* Teoreticheskie voprosy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva ob osvobozhdenii ot ugovnoy otvetstvennosti [Theoretical issues of improving legislation on exemption from criminal liability]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya Pravo [Bulletin of St. Petersburg University. Series Right]*, 2021, v. 12, no. 4, pp. 584–683.
3. *Lopashenko N.A.* Prestupleniya v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti: o ruinakh ugovnogo zakona [Crimes in the sphere of economic activity: about the ruins of the criminal law]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika [Laws of Russia: experience, analysis, practice]*, 2018, no. 2, pp. 27–35.
4. *Truntsevskii Yu.V.* Ugolovnoe nakazanie v fokuse transgumanizma [Criminal punishment in the focus of transhumanism]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo [Public and private international law]*, 2021, no. 5, pp. 43–45.
5. Ugolovnoe pravo v 2 t. T. 1. Obshchaya chast': uchebnyk dlya bakalavrov [Criminal law in 2 vols. Vol. 1. General part: a textbook for bachelors]. Eds. I.A. Podroikina, E.V. Seregina, S.I. Ulez'ko. Moscow, Yurait Publ., 2014. 590 p.
6. *Duyunov V.K.* Mekhanizm ugovno-pravovogo vozdeistviya [Mechanism of criminal law influence]. Diss. ... d-ra yurid. nauk. 12.00.08. Tol'yatti, 2001. 512 p.
7. *Podroikina I.A.* Kontseptual'nye osnovy postroeniya sistemy ugovnykh nakazanii v Rossii [Conceptual foundations for building a system of criminal penalties in Russia]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2018. 384 p.
8. *Tsvetnovich A.L.* Dopolnitel'nye nakazaniya v sovetskom ugovnom prave: uchebnoe posobie [Additional punishments in Soviet criminal law: a study guide]. Kaliningrad: KGU Publ., 1980. 67 p.
9. *Avetisyan P.A.* Dopolnitel'nye nakazaniya i ikh naznachenie [Additional punishments and their appointment]. Avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk. 12.00.08. Kazan', 2003. 25 p.

ЦИВИЛИСТИКА, ЭНЕРГЕТИКА И ЭКОЛОГИЯ

К ВОПРОСУ ОБ УГРОЗАХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ

Глушенко Никита Валерьевич

Цель: дать общую характеристику угрозам экономической безопасности, их видам и специфике на предприятиях нефтегазовой отрасли; исследовать существующие классификации угроз экономической безопасности предприятий и выработать собственный подход к их классификации; рассмотреть криминальные угрозы и их место в общей системе угроз экономической безопасности предприятий нефтегазовой отрасли; проанализировать понятие «криминологическая безопасность».

Методология: диалектический метод, анализ, синтез, формально-логический метод, сравнительно-правовой метод, системный метод.

Выводы. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что успешное обеспечение любого вида безопасности, экономической в том числе, во многом зависит от организации противодействия угрозам криминального характера, то есть преступлениям. В современных условиях следует говорить не о криминологической безопасности как отдельном виде безопасности, а о криминологическом аспекте (криминологическом наполнении) обеспечения безопасности любого вида, в том числе и экономической.

Научная и практическая значимость. Автор обращает внимание на существование в правовой литературе различных подходов к классификации угроз экономической безопасности и приводит собственную классификацию угроз данного вида. В настоящее время главные угрозы находятся во внутренней сфере предприятия и определяются как корпоративные. Многие из корпоративных угроз являются либо сами по себе криминальными, либо причинами или условиями для совершения преступлений экономической направленности на предприятиях нефтегазовой отрасли. Автор подчеркивает дискуссионность подходов к сущности понятия «криминологическая безопасность». Дискуссионность обуславливается различным содержанием, которое закладывают авторы в данное понятие.

Ключевые слова: нефтегазовая отрасль, безопасность, экономическая безопасность, угрозы безопасности, преступность, экономическая преступность, криминологическая безопасность, экономические угрозы, виды угроз, импортозамещение.

При исследовании различных проблем безопасности, ее обеспечения с неизбежностью встает вопрос о наличии совокупности условий и обстоятельств, другими словами, деструктивных факторов, создающих опасность для того или иного объекта защиты.

Анализ современной литературы и официальных документов, посвященных данной проблематике, свидетельствует о том, что в них прежде всего используется термин «угроза». Справедливо ли это? В этой связи обратимся к толкованию этого термина. Словарь русского языка С.И. Ожегова определяет угрозу как: а) запугивание, обеща-

ние причинить кому-нибудь неприятность, зло; б) возможную опасность [7, с. 824]. Разумеется, что угроза является деструктивным фактором безопасности, но не единственным. К таким факторам относятся: риски, опасности, вызовы. Но почему же в основном используется термин «угроза»?

Представляется, что это началось с момента определения понятия «угроза безопасности», закрепленного в Законе Российской Федерации «О безопасности» от 5 марта 1992 г. № 2446-1. В ст. 3 Закона «угроза безопасности» трактуется как «совокупность условий и факторов, созда-

ющих опасность жизненно важным интересам личности, общества и государства. Реальная и потенциальная угроза объектам безопасности, исходящая от внутренних и внешних источников опасности, определяет содержание деятельности по обеспечению внутренней и внешней безопасности» (ст. 3 Закона Российской Федерации от 05 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности»).

Для целей данной статьи мы будем понимать термин «угроза безопасности» как совокупность всех деструктивных (разрушительных, негативных факторов), угрожающих безопасности любого объекта. Такой подход экономичен, практичен и удобен.

В литературе, посвященной данной проблематике, отмечается, что в общей системе угроз авторы выделяют, как правило, два аспекта: внутренний и внешний. Аналогичный классификационный признак используется и в официальных документах: Концепции национальной безопасности, Государственной стратегии экономической безопасности РФ, Законе РФ «О безопасности» и др.

Кроме того, некоторые авторы все возможные угрозы подразделяют на две категории: а) естественные (объективные) и б) искусственные (субъективные).

Естественные угрозы — это угрозы, вызываемые стихийными природными явлениями, не зависящими от человека (землетрясения, наводнения, ураганы и пр.) Искусственные угрозы — это угрозы, вызванные деятельностью человека, его халатных, неразумных или преступных деяний, то есть социальные угрозы [1, с. 38; 3, с. 54].

Необходимо отметить, что в исследованиях, посвященных проблемам угроз, их классификации, рассматриваются и вопросы классификации источников их возникновения. Как и угрозы, источники подразделяют на внутренние и внешние, естественные и искусственные (социальные). Внутренние источники находятся на территории объекта безопасности; внешние — за его пределами. Источники естественных угроз определяются стихийными силами природы, искусственные источники — результат проявления социальных отношений, в том числе преступных проявлений людей [9, с. 49]. Вместе с тем следует иметь в виду, что преступные деяния могут не только вызывать негативные социальные последствия, но и привести, как это случилось с аварией на Чернобыльской АЭС, к техногенной и экологической катастрофе.

Любая классификация угроз, в том числе угроз экономической безопасности предприятий нефтегазовой отрасли, в большинстве случаев условна. Как правило, каждая угроза имеет комплексный

характер, в котором задействованы признаки различных классификационных групп. Ниже предлагается общая классификация угроз экономической безопасности предприятий нефтегазовой отрасли (рис. 1).

Анализ представленных в таблице угроз позволяет сделать следующие выводы:

а) угроз и иных деструктивных факторов, которые могут негативно повлиять на экономическую безопасность предприятий отрасли, множество. Это обусловлено прежде всего тем разнообразием связей и отношений, в которые обязательно вступают предприятия в ходе своей хозяйственной, предпринимательской деятельности;

б) они находятся как во внешней, так и во внутренней сфере предприятия.

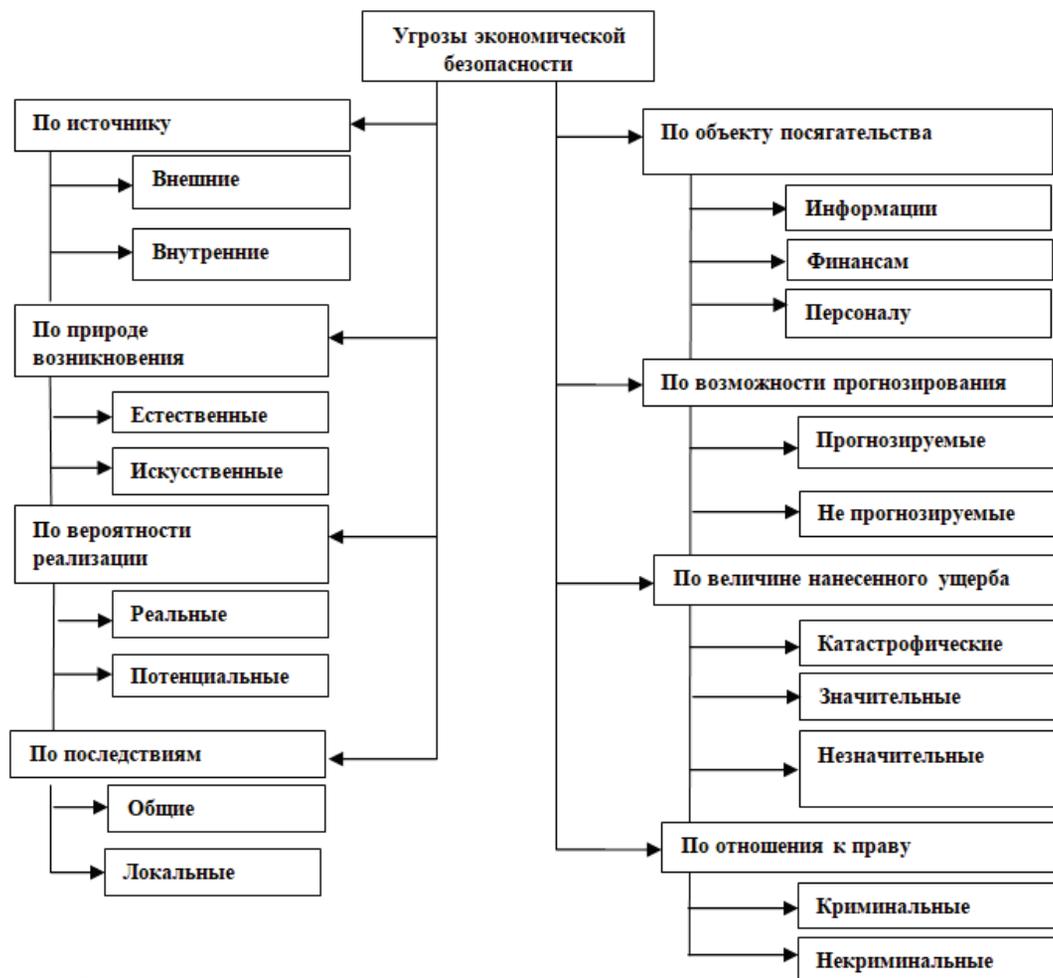
Для дальнейшего более подробного их анализа и исследования они могут быть сгруппированы по различным классификационным признакам.

В качестве одного из таковых определим источники опасностей и угроз, то есть те явления, органы, структуры и т.д., которые сами по себе или своей деятельностью, создавая угрозы, оказывают негативное влияние на обеспечение экономической безопасности предприятия. По своему генезису они имеют естественно-природное, техногенное и социальное происхождение.

Наиболее серьезными в современных условиях источниками угроз экономической безопасности предприятий отрасли, на наш взгляд, являются: стихийные природные процессы, государство, конкуренты, криминальные структуры, персонал предприятия.

Стихийные природные процессы как источник угроз безопасности действуют в отношении всех хозяйственных субъектов, всего народного хозяйства страны. Специфика их влияния на экономическую безопасность предприятий нефтегазовой отрасли определяется техническими и географическими особенностями их производственной деятельности.

Рассмотрение государства в качестве источника угроз экономической безопасности предприятий, на первый взгляд, кажется, по крайней мере, нелогичным, поскольку одной из основных его функций является создание необходимых и достаточных условий для эффективного развития экономики страны в целом и ее отдельных субъектов. Однако практика свидетельствует о том, что деятельность его различных органов и должностных лиц нередко создает угрозы и опасности для успешного функционирования этих субъектов, обеспечения их экономической безопасности, в том числе и предприятий нефтегазовой отрасли.

Источник: составлено автором.

Рис. 1. Общая классификация угроз экономической безопасности предприятий нефтегазовой отрасли

В настоящее время таковых немало количество, наиболее серьезными из них являются:

- недостатки и издержки в выработке и проведении экономической политики государства, лоббизм при принятии экономических решений;
- недостатки и пробелы в правовом регулировании обеспечения экономической безопасности, в том числе наличие в нем коррупционных и криминологических факторов;
- произвол и бесконтрольность действий со стороны властей в отношении субъектов безопасности, например, в виде незаконного захвата материальной и интеллектуальной собственности, осуществления преднамеренных банкротств и т.п.;
- неконтролируемый процесс незаконной миграции в местах дислокации нефтегазовых предприятий;
- сращивание части чиновников государственных органов с организованной преступностью;
- низкий уровень профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов

по выявлению, раскрытию и расследованию экономических преступлений на предприятиях нефтегазовой отрасли;

- наличие криминалитета в структурах власти и органах местного самоуправления.

Криминальные структуры. Помимо проникновения криминалитета во властные структуры, одной из самых серьезных опасностей для экономики, ее безопасности является деятельность организованных групп и преступных сообществ. Нередко возникают крупные преступные группировки, способные контролировать деятельность целых или части отраслей народного хозяйства, отдельных предприятий.

Предприятия нефтегазовой отрасли уже давно являются объектом пристального интереса и внимания со стороны эти группировок. Основной угрозой, исходящей от них, является совершение преступлений экономической направленности на этих предприятиях. Их рассмотрению посвящены другие разделы настоящего исследования. Отме-

тим только, что основным, наиболее важным, на наш взгляд, видом этих преступлений является хищение нефти и нефтепродуктов путем изготовления криминальных врезок в нефтепроводы.

Кроме того, негативное влияние преступных группировок на экономическую безопасность предприятий заключается в том, что они активно стремятся вовлечь в свою преступную деятельность штатных сотрудников (персонал) предприятий, внедрить на предприятия своих членов.

Персонал. Несмотря на то, что успешное выполнение задач по обеспечению экономической безопасности предприятия в основном реализуется его штатными работниками — персоналом, он является и источником немалого числа угроз для безопасности предприятий. Наиболее типичными являются следующие:

- просчеты в кадровой политике предприятия, что ведет к засорению персонала непрофессиональными и даже криминальными лицами;
- низкий квалификационный и образовательный уровень руководителей, порождающий принятие некомпетентных решений, производственные ошибки и управленческие просчеты;
- нарушения установленного режима сохранности сведений, составляющих коммерческую тайну;
- нарушение порядка использования технических средств;
- иные нарушения порядка и правил соблюдения режима безопасности на предприятиях, создающие условия для совершения правонарушений и преступлений;
- совершение преступлений работниками предприятия лично, в составе организованной группы, а также пособничество при совершении преступлений, связанных с экономической деятельностью предприятия;
- правовой нигилизм.

Конкуренты. С переходом к рыночной экономике хозяйствующие субъекты в нашей стране столкнулись с новым для себя явлением — экономической конкуренцией. Эта форма столкновения, соперничества хозяйствующих субъектов в процессе реализации индивидуальных экономических интересов имеет как позитивные, так и негативные свойства.

С одной стороны, она подталкивает субъект к снижению издержек производства, внедрению достижений научно-технического прогресса, рационализации и т.п. В этом случае она классифицируется как добросовестная конкуренция.

При добросовестной конкуренции в хозяйственной деятельности (бизнесе) стороны строго

выполняют требования законов, заключенных между партнерами договоров, контрактов, проектов и т.д., то есть четко следуют нормам и обычаям честного бизнеса. В этом случае конкуренция не становится угрозой для экономической безопасности партнеров.

Иное дело — недобросовестная конкуренция, когда между сторонами ведется борьба, порой ожесточенная, для достижения конкурентных преимуществ. Эта борьба зачастую ведется с использованием незаконных, противоправных действий, средств и методов, которые и являются угрозами экономической безопасности партнера. Практика свидетельствует, что наиболее распространенными видами недобросовестной конкуренции (угрозами) в том числе и в нефтегазовой отрасли являются:

- промышленно-экономический шпионаж;
- мошенничество, клевета, обман;
- срыв договоров, сделок, контрактов и т.п.;
- низкая платежеспособность партнера;
- коррупция;
- подкуп сотрудников партнера с целью завладения инсайдерской информацией.

Не рассматривая подробно названные выше виды недобросовестной конкуренции, отметим тот факт, что слабое знание норм договорного права, недостаточная требовательность при выборе партнеров, отсутствие необходимого контроля за их деятельностью представляют собой серьезную угрозу экономической безопасности предприятий отрасли. Так, по данным компании РБК на конец ноября 2019 г., общая задолженность граждан и юридических лиц за услуги ЖКХ перед ООО «Газпром межрегионгаз» составляла 1,7 трлн руб. (*В «Газпроме» назвали крупнейших должников за газ // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.rbc.ru/business/12/02/2020/5e4423c09a7947db54a642bb> (дата обращения: 02.02.2022)*).

Анализ угроз, классификационным признаком которых были источники их возникновения, позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, такой подход позволяет определить большинство основных угроз экономической безопасности предприятий отрасли. Во-вторых, в настоящее время главные угрозы находятся во внутренней сфере предприятия и определяются как корпоративные. В-третьих, многие из корпоративных угроз являются либо сами по себе криминальными, либо причинами или условиями для совершения преступлений экономической направленности на предприятиях нефтегазовой отрасли.

Кроме того, целесообразно для более глубокого исследования угроз экономической безопасности

предприятий и организации по их противодействию классифицировать их по иным признакам и основаниям, например:

– по вероятности реализации (реальные – могут осуществляться в любой момент, потенциальные – могут реализовываться при наличии определенных условий);

– по отношению к человеческой деятельности (объективные – формируются независимо от целенаправленной деятельности), субъективные – (возникают сознательно, например, в результате разведывательной, подрывной деятельности организованной преступности, теневой экономики);

– по объекту посягательства (информация, имущество, финансы, персонал, деловая репутация);

– по возможности прогнозирования (прогнозируемые для того или иного объекта защиты и не прогнозируемые);

– по величине нанесенного (ожидаемого) ущерба (катастрофические, значительные, вызывающие определенные трудности);

– по отношению к праву (криминального и некриминального характера).

Классификация угроз по различным признакам позволяет выделить определенные приоритеты в обеспечении экономической безопасности, которые не являются постоянными и могут претерпевать значительные изменения в зависимости от конкретной экономической ситуации, характера и степени угроз для того или иного объекта безопасности. Однако, следует иметь в виду, что любая классификация достаточно условна. Так, падение цен на нефть является угрозой как для экономики страны в целом, так и для экономики отрасли, отдельного региона или предприятия.

Как уже отмечалось, угрозы экономической безопасности предприятий отрасли подразделяются на внешние и внутренние. К внешним следует отнести, например, резкое падение цен на нефть, введение экономических санкций в отношении Российской Федерации, возрастание зависимости отечественной экономики от импорта стратегических видов товаров, увеличение имущественной дифференциации населения, несовершенство правовой базы регулирования экономических отношений, правовой нигилизм населения, криминализацию общества и хозяйственной деятельности и др. Так, по мнению И.Н. Марюниной, основной проблемой отечественной промышленности является технологическая отсталость российских производственных площадок, которую отчасти создали сами производители продукции,

используя в своей деятельности высококачественные импортные материалы, оборудование и комплектующие [6, с. 40].

Многие из внешних угроз, которые условно можно определить как угрозы общего порядка, прямо или опосредованно влияют и на экономическую безопасность конкретных предприятий нефтегазовой отрасли. В качестве примера рассмотрим вопрос о зависимости отечественной нефтегазовой промышленности от импортного оборудования.

Так, по данным Минпромторга, доля импортной техники для увеличения нефтеотдачи, в том числе для бурения наклонно-направленных и горизонтальных скважин, в 2020 г. составила 61%, оборудования для нефтепереработки – 49%, оборудования для производства сжиженного природного газа и для реализации шельфовых проектов – 67,8%, геологоразведочного оборудования – 48% (*Возрождение рынка нефтегазового оборудования // [Электронный ресурс]: URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2020/9/804/ (дата обращения: 02.02.2022)*).

Названные обстоятельства позволяют утверждать, что введение международных экономических санкций против России создает определенные угрозы и опасности как для всей отечественной экономики, так и для экономической безопасности предприятий нефтегазовой отрасли.

Среди внутренних (корпоративных), а значит непосредственных угроз экономической безопасности предприятий наибольшую опасность представляют:

– несовершенство системы технической защиты объектов предприятия;

– использование контрафактной и недоброкачественной продукции;

– недобросовестность выполнения контрагентами взятых на себя договорных обязательств, их низкая платежеспособность;

– несовершенство организации взаимодействия субъектов обеспечения экономической безопасности предприятия;

– криминальные проявления, в том числе совершенные работниками предприятия лично, в составе организованной группы или путем посредничества;

– управленческие и производственные ошибки;

– просчеты в кадровой политике, чреватые засорением персонала непрофессионалами и даже нежелательными (криминальными) лицами;

– наличие реальности обострения конфликтов между трудовыми коллективами и администрацией;

– недостатки и пробелы в правовом регулировании обеспечения экономической безопасности предприятий, в том числе наличие в нем коррупционных и криминогенных факторов;

– нарушения установленного режима сохранности сведений, составляющих коммерческую тайну.

Даже краткий анализ современных угроз экономической безопасности страны и отдельного предприятия показывает, что они охватили важнейшие сферы экономики, затронули фундаментальные основы жизнедеятельности человека. Нарастание этих угроз во многом связано с просчетами в выборе политики, стратегии и тактики социальных и экономических преобразований в России, со старением производственной базы, возрастанием зависимости отечественной экономики от импорта.

Практика и материалы различных исследований свидетельствуют о том, что среди множества внешних и внутренних угроз экономической безопасности предприятий отрасли, подрывающих их нормальную жизнедеятельность, наиболее опасной является преступность. По справедливому замечанию С.Я. Лебедева, эта угроза обладает не только повышенной опасностью, «но и некой универсальностью, способной проявлять себя как самостоятельно, так и в ряду других отрицательных факторов. Более того, именно она часто выступает объединяющей силой большинства «частных» угроз» [4, с. 76].

Все это делает необходимым прогнозирование, профилактику и обнаружение различного рода реальных и потенциальных угроз и опасностей, прежде всего, преступлений экономической направленности, препятствующих нормальному функционированию предприятий нефтегазовой отрасли и достижению поставленных перед ними целей и задач.

Сказанное свидетельствует о том, что в настоящее время главные угрозы экономической безопасности Российской Федерации в целом и отдельных предприятий в частности находятся во внутренней сфере и определяются внутренними проблемами социально-экономического, политического, правового, криминального, социально-психологического и иного плана. Такой вывод следует, например, из обстоятельства, что истоки возрастания зависимости отечественной экономики от импорта обусловлены низкой эффективностью отечественной экономики, старением производственной базы, то есть являются внутренними истоками угроз.

В современной теории экономической безопасности вопросы ее обеспечения рассматривают-

ся на единой методологической основе как составная часть многоуровневой системы обеспечения экономической безопасности России. Вследствие этого проблемы противодействия угрозам экономической безопасности страны, региона, предприятия и других объектов – это составные элементы данной системы. Наряду с общими подходами обеспечения безопасности, каждый из них обладает определенной спецификой.

Поэтому каждое предприятие, исходя из конкретной ситуации, в которой реализуется хозяйственная деятельность, должно определить (спрогнозировать) основные для себя угрозы и опасности и выработать систему мер по своевременному их выявлению, предупреждению и минимизации негативных последствий.

При этом необходимо учитывать специфику угроз экономической безопасности предприятий, к которой следует отнести и немалое количество факторов, носящих субъективный характер. Такими, например, являются: низкий квалификационный и образовательный уровень руководителей; производственные ошибки и просчеты в управлении; нарушение порядка и правил соблюдения безопасности на предприятии; нарушение установленного режима сохранности сведений, составляющих коммерческую тайну и др. Особую опасность представляет совершение преступлений работниками предприятия лично, в составе организованной группы, а также пособничество при совершении преступлений, связанных с экономической деятельностью предприятия.

По справедливому мнению А.И. Савельева, наличие криминальных угроз во всех сферах жизнедеятельности личности, общества и государства требует создания соответствующей данным угрозам системы обеспечения криминологической безопасности. В целях более эффективного обеспечения криминологической безопасности необходимо определять действительное состояние преступности и ее проявлений на всех уровнях государственной власти, во всех сферах общественных отношений и для каждого человека в отдельности [10, с. 54].

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что успешное обеспечение любого вида безопасности, экономической в том числе, во многом зависит от организации противодействия угрозам криминального характера, то есть преступлениям. В этой связи в криминологической и иной литературе нередко ставятся и рассматриваются вопросы о криминологической безопасности как самостоятельном виде безопасности, понимаемой как защита от преступности. Таких исследований

немного, и в целом можно констатировать, что эта проблема изучена недостаточно.

Перед тем, как высказать свое отношение к такому подходу, приведем несколько определений понятия «криминологическая безопасность», имеющих в литературе.

По мнению С.Я. Лебедева, под криминологической безопасностью следует понимать «состояние защищенности общественных отношений от преступности, обеспечиваемое совокупностью политических, идеологических, экономических, социально-психологических, правовых и иных мер, разрабатываемых и осуществляемых компетентными государственными и общественными структурами, а также гражданами, по недопущению (предупреждению) преступных посягательств на права личности, общества и государства» [4, с. 72].

В.А. Плешаков полагает, что криминологическая безопасность — «это объективное состояние защищенности жизненно важных и иных существенных интересов личности, общества и государства от преступных посягательств и угроз таких посягательств, порождаемых различного рода криминогенными факторами (явлениями и процессами), а также осознание людьми такой своей защищенности» [8, с. 31].

Оценивая приведенные определения криминологической безопасности, можно сделать вывод, что в них речь идет о криминологических аспектах обеспечения национальной безопасности.

А.Г. Шаваев считает, что криминологическая безопасность негосударственного хозяйствующего субъекта — это состояние его защищенности от внешних и внутренних угроз, позволяющее сохранить и эффективно использовать материальный, финансовый и кадровый потенциал [13, с. 91].

Представляется, что данное определение не отражает специфики криминологического подхода к обеспечению безопасности, не говоря уже о его самостоятельном виде.

Рассматривая цели криминологической безопасности, указанные и иные авторы в своих работах называют главной ее целью обеспечение надежного функционирования и устойчивого развития тех или иных объектов безопасности посредством профилактики, предотвращения и пресечения криминальных угроз, недопущения хищения финансовых и материально-технических средств и т. д. К задачам криминологической безопасности С.Г. Шабанов относит выявление, характеристику и прогнозирование угроз безопасности, связанных с воздействием криминальных факторов, криминальными проявлениями и должностными злоупотреблениями [12, с. 99].

По мнению В.А. Лелекова и Е.Ю. Князевой, криминологическая безопасность объекта гарантируется реализацией определенного комплекса мер:

- превентивных, связанных со своевременным выявлением и предупреждением угроз безопасности;

- мер, связанных с выполнением непосредственных действий, направленных на борьбу с преступными посягательствами;

- мер, направленных на восстановление нарушенного уровня защищенности, а также устранение и нейтрализацию негативных последствий криминальных посягательств [5, с. 175].

А.И. Савельев отмечает, что криминологическая безопасность является не только элементом общественной безопасности, но и важнейшей составляющей государственной безопасности, так как только в правовом демократическом государстве общество в целом и личность в частности могут ощущать свою защищенность от криминальных угроз [11, с. 95].

Как видим, названные меры направлены на выявление, устранение (нейтрализацию, блокирование) криминальных факторов, то есть на предупреждение преступлений и иных правонарушений, что традиционно входит в предмет криминологии.

Таким образом, одна и та же совокупность общественных отношений — предупреждение преступных посягательств — является предметом двух институтов (систем): а) криминологии как науки и б) безопасности объекта — как состояния его защищенности, что, на наш взгляд, не дает достаточных оснований выделять криминологическую безопасность в самостоятельный вид безопасности.

Представляется, что в настоящее время такое выделение нецелесообразно и с практической точки зрения, поскольку организация и функционирование системы обеспечения криминологической безопасности потребует комплекса средств и способов ее обеспечения, решения таких вопросов, как ее организационное, финансовое, кадровое, научно-методическое и иное ресурсное обеспечение.

Поэтому в современных условиях следует говорить не о криминологической безопасности как отдельном виде безопасности, а о криминологическом аспекте (криминологическом наполнении) обеспечения безопасности любого вида, в том числе и экономической. Однако наличие многообразия угроз, препятствующих нормальному функционированию предприятий нефтегазовой отрасли и обеспечению их экономической без-

опасности, не дает основания эффективно обеспечивать защиту предприятий только мерами криминологического характера.

Для этого необходимо создание собственной интегральной системы обеспечения экономиче-

ской безопасности каждого предприятия с использованием комплекса мер, форм и средств организационного, правового, управленческого, воспитательного, технологического, технического и иного характера.

Литература

1. *Алексеев В.И., Древис Ю.Г.* Основы построения системы защиты производственных предприятий и банков. М.: МИФИ, 1996. 67 с.
2. *Горшенков Г.Н.* Защита от преступности (виктимологический аспект) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 17. С. 106–110.
3. *Гусев В.С.* О некоторых подходах к обеспечению комплексной безопасности хозяйствующих субъектов. СПб.: ООО ВИФ «Балт-Норд», 1999. 79 с.
4. *Лебедев С.Я.* Развитие криминологических начал в Концепции безопасности Союза Беларуси и России // Унификация законодательства, борьба с преступностью в условиях союзного государства: материалы международной научно-практической конференции. М. – Смоленск – Минск, 2001. С. 77–85.
5. *Лелеков В.А., Князева Е.Ю.* Понятие и место криминологической безопасности семьи в системе национальной безопасности // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2017. № 3. С. 171–180.
6. *Марюнина И.Н.* Управление процессами импортозамещения в нефтегазовой отрасли в условиях санкций // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 4. С. 35–41.
7. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка / ред. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000. 940 с.
8. *Плешаков В.А.* Криминологическая безопасность и ее обеспечение в сфере взаимодействия организованной преступности и преступности несовершеннолетних: дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.08. М., 1998. 323 с.
9. Правовые основы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: монография / под ред. А.В. Опалева. М.: Юнити, 2004. 511 с.
10. *Савельев А.И.* Криминологическая безопасность как вид национальной безопасности // Вестник Омской юридической академии. 2019. Т. 16. № 1. С. 49–54.
11. *Савельев А.И.* Криминологическая безопасность как вид общественной безопасности // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации. Омск, 2018. С. 94–98.
12. *Шабанов С.Г.* Криминологическая безопасность корпораций: учеб. пособие. Омск: Ом. акад. МВД России, 2002. 108 с.
13. *Шаваев А.Г.* Безопасность корпораций: криминологические, уголовно правовые и организационные проблемы. М.: Концерн «Банковский Деловой Центр», 1998. 240 с.

References

1. *Alekseenko V.I., Drevis Yu.G.* Osnovy postroeniya sistemy zashchity proizvodstvennykh predpriyatii i bankov [Fundamentals of building a protection system for industrial enterprises and banks]. Moscow, MIFI, 1996. 67 p. (In Russian)
2. *Gorshenkov G.N.* Zashchita ot prestupnosti (viktimologicheskii aspekt) [Protection from crime (victimological aspect)]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* [Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2012, no. 17, pp. 106–110. (In Russian)
3. *Gusev V.S.* O nekotorykh podkhodakh k obespecheniyu kompleksnoi bezopasnosti khozyaistvuyushchikh sub"ektov [On some approaches to ensuring the comprehensive security of economic entities]. St. Petersburg, ООО ВИФ "Balt-Nord" Publ., 1999. 79 p. (In Russian)
4. *Lebedev S.Ya.* Razvitie kriminologicheskikh nachal v Kontseptsii bezopasnosti Soyuza Belarusi i Rossii [The development of criminological principles in the Security Concept of the Union of Belarus and Russia]. In

Unifikatsiya zakonodatel'stva, bor'ba s prestupnost'yu v usloviyakh soyuznogo gosudarstva: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Unification of legislation, the fight against crime in the conditions of a union state. Proceedings of the international scientific and practical conference]. Moscow – Smolensk – Minsk, 2001, pp. 77–85. (In Russian)

5. *Lelekov V.A., Knyazeva E.Yu.* Ponyatie i mesto kriminologicheskoi bezopasnosti sem'i v sisteme natsional'noi bezopasnosti [The concept and place of criminological family security in the national security system]. *Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii [Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia]*, 2017, no. 3, pp. 171–180. (In Russian, abstract in English)

6. *Maryunina I.N.* Upravlenie protsessami importozameshcheniya v neftegazovoi otrasli v usloviyakh sanktsii [Management of the import substitution process in the oil and gas industry under sanctions]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski [State and municipal administration. Scholarly notes]*, 2020, no. 4, pp. 35–41. (In Russian, abstract in English)

7. *Ozhegov S.I.* Tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. Eds. S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. 4th ed. Moscow, Azbukovnik Publ., 2000. 940 p. (In Russian)

8. *Pleshakov V.A.* Kriminologicheskaya bezopasnost' i ee obespechenie v sfere vzaimovliyaniya organizovannoi prestupnosti i prestupnosti nesovershennoletnikh [Criminological security and its provision in the sphere of mutual influence of organized crime and juvenile delinquency]. Dis. ... d-ra jurid. nauk. 12.00.08. Moscow, 1998. 323 p. (In Russian)

9. *Pravovye osnovy obespecheniya natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii: monografiya [Legal basis for ensuring the national security of the Russian Federation: monograph].* Eds. A.V. Opalev. Moscow, Yuniti Publ., 2004. 511 p. (In Russian)

10. *Savel'ev A.I.* Kriminologicheskaya bezopasnost' kak vid natsional'noi bezopasnosti [Criminological security as a type of national security]. *Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii [Bulletin of the Omsk Law Academy]*, 2019, v. 16, no. 1, pp. 49–54. (In Russian, abstract in English)

11. *Savel'ev A.I.* Kriminologicheskaya bezopasnost' kak vid obshchestvennoi bezopasnosti [Criminological security as a type of public security]. In *Aktual'nye problemy ugovolnoi i ugovolno-protsessual'noi politiki Rossiiskoi Federatsii [Actual problems of criminal and criminal procedure policy of the Russian Federation]*. Omsk, 2018, pp. 94–98. (In Russian)

12. *Shabanov S.G.* Kriminologicheskaya bezopasnost' korporatsii: ucheb. posobie [Criminological security of corporations: a textbook]. Omsk: Om. akad. MVD Rossii Publ., 2002. 108 p. (In Russian)

13. *Shavaev A.G.* Bezopasnost' korporatsii: kriminologicheskie, ugovolno pravovye i organizatsionnye problem [Security of corporations: criminological, criminal law and organizational problems]. Moscow, Kontsern "Bankovskii Delovoi Tsentri" Publ., 1998. 240 p. (In Russian)

МОЛОДЫЕ КРИМИНАЛИСТЫ И КРИМИНОЛОГИ

МЕЖОТРАСЛЕВАЯ ПРЕЮДИЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Епоян Дмитрий Тигранович

***Цель:** в последние годы институт межотраслевой преюдиции становится все более обсуждаемым, но одновременно все еще содержит множество «темных пятен» и сложностей. В настоящее время еще не сложилась единообразная практика высших судов. В литературе встречаются разные подходы к решению связанных с этим проблем, однако все они в большей степени фокусируются на позитивистском анализе, исключая тем самым влияние внешних факторов на функционирование данного института. В статье предпринята попытка расширить дискурс обсуждения межотраслевой преюдиции, включить в него социальную действительность, в которой функционирует право.*

***Методология:** анализ, синтез, формально-юридический метод, системный метод, сравнительно-правовой метод, логический анализ юридических норм, метод межотраслевых юридических исследований.*

***Выводы.** Наиболее проблемным аспектом межотраслевой преюдиции является ее (не)опровержимый характер. Для создания наиболее гибкого и тонко настроенного регулирования представляется целесообразным развивать доктрину стандартов доказывания и дифференцировать их в разных процессах.*

***Научная и практическая значимость.** Межотраслевая преюдиция остается одним из наименее разработанных в отечественной доктрине институтов. С практической точки зрения создание корректного и наиболее эффективного регулирования должно послужить укреплению правовой определенности и справедливости.*

***Ключевые слова:** межотраслевая преюдиция, стандарты доказывания, априорный и апостериорный уровень убежденности, (не)опровержимый характер.*

Введение

В последние годы институт преюдиции становится все более обсуждаемым. В большой степени это связано с неумолимо растущим количеством различных сложных и весьма неоднозначных казусов в судебной практике.

Даже в рамках одной отрасли преюдиция вызывает множество вопросов. Институт же межотраслевой преюдиции еще менее разработан, а для решения возникающих сложностей пока нет эффективного инструментария.

Для начала стоит обозначить, с чем неизбежно сталкивается суд при рассмотрении дела: 1) неопределенность фактов, которую суд преодолевает, устанавливая события и их причинно-следственные связи; только установив факты, суд может

определить норму, которую следует применить в данном деле; 2) неопределенность права, которая чаще всего проявляется в необходимости сопоставить факты дела с нормами права и выбрать подходящую из них.

На первый взгляд может показаться, что при преюдициальном переносе могут быть преодолены обе эти неопределенности: если суд установил какие-либо факты и дал им правовую квалификацию, то в другом деле в силу принципа процессуальной экономии можно дополнительно не доказывать данные обстоятельства. Однако в данном вопросе следует более детально разобраться.

Обратимся к ст. 90 УПК РФ, которая непосредственно посвящена преюдиции.

«Обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, за исключением приговора, постановленного судом в соответствии со статьей 226⁹, 316 или 317⁷ настоящего Кодекса, либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки. При этом такие приговор или решение не могут предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле».

Закон прямо указывает, что если определенное обстоятельство было установлено судом и отражено в решении (приговоре), то оно признается уголовным судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки. Также указано, что преюдициально могут быть перенесены непосредственно факты дела (действия лиц), но не правовая квалификация лица, их совершившего.

Тем самым закон четко обозначает две позиции: 1) если по какому-то делу уже вынесено решение суда из другого процесса, в котором выяснены конкретные обстоятельства из данного дела, то их дальнейшее подтверждение, то есть доказывание, не требуется; 2) в рамках преюдициального переноса возможно лишь преодоление фактической, но не правовой неопределенности.

Данный тезис хоть и выглядит вполне обоснованным и четким, на деле вызывает много вопросов. Так, суд может (обязан) преюдициально принять факт совершения лицом, например, хищения, при этом необходимо будет доказать лишь субъективную сторону преступления. Невозможность переноса субъективной стороны объясняется, как справедливо отмечают Г.А. Есаков [1, с. 88–89], В.В. Байбак [2, с. 699], разным пониманием понятия вины в уголовном и гражданском праве.

Дальнейшее исследование будет посвящено двум упомянутым аспектам преюдиции, которые будут проанализированы как с догматической, так и с практической точки зрения.

Основная часть

Общие положения

Стоит начать с общего анализа возможности (и корректности) преюдиции и ее (не)опровержимого характера. При этом возникает сложный политико-правовой вопрос: правильно ли вообще переносить факты из гражданского или арбитражного процесса в уголовный без дополнительной верификации? Совершенно очевидно, что ни один

судья, каким бы образованным и внимательным он ни был, не может обладать уникальной способностью абсолютно безошибочно устанавливать истинность тех или иных фактов. Тем более выводы судей о достоверности событий в большой степени зависят от убедительности аргументации сторон спора: в гражданском праве даже действует принцип *prima facie*.

Не следует отрицать факт того, что, принимая решение, судья в определенной степени может сомневаться в истинности тех или иных событий — и это абсолютно нормально: такова человеческая природа. Предполагая возможность наличия сомнений у судьи, необходимо решить вопрос: какова допустимая степень этих сомнений, и во всех ли процессах она должна быть одинаковой.

Таким образом, вопрос возможности преюдициального переноса фактов лежит в плоскости дифференциации (или ее отсутствия) стандартов доказывания в различных процессах. Проблема стандартов доказывания не является новой в российском праве — на эту тему было написано много качественных работ [3, 4], она звучит в Определениях Верховного Суда РФ (*Определение ВС РФ от 13 июля 2018 г. № 308-ЭС18-2197 по делу № А32-43610/2015*), является темой научных дискуссий (*О стандартах доказывания и будущем российской цивилистики. Интервью с Артемом Карапетовым // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XmtBTx7BPol&t=304s> (дата обращения: 30.05.2022)*).

Не будем углубляться в детальный анализ стандартов доказывания как таковых, однако хотелось бы осветить наиболее важные моменты, связанные с проблемой межотраслевой преюдиции, мимо которых пройти нельзя. Необходимо проанализировать стандарты доказывания в данных отраслях: если они сопоставимы или в гражданском / арбитражном процессе даже выше, то возникающие проблемы не столь существенны, а если ниже — тогда стоит всерьез задуматься о корректности регулирования института межотраслевой преюдиции в российском праве.

Проблема стандартов доказывания

Перед обсуждением данной проблемы необходимо дать определение стандартов доказывания. В научном дискурсе приводится множество различных определений, однако наиболее исчерпывающим является вариант, предложенный А.Г. Карапетовым: стандарт доказывания есть требуемая степень достоверности доказательств, при которой суду следует признать факт доказанным (*Карапетов А.Г. Проблемы доказательствен-*

ного права: итоги круглого стола от 24 февраля 2014 г. // [Электронный ресурс]: URL: https://zakon.ru/blog/2014/3/19/problemy_dokazatelstvennogo_prava_itogi_kruglogo_stola_ot_24_fevralya_2014 (дата обращения: 18.04.2022).

Представляется, что в уголовном праве необходимо стараться максимально снизить уровень возможных сомнений в правильности решения. Необходимо догматически обосновать выдвинутый тезис. Наиболее ярким аргументом выступает идея о том, что в уголовном праве зачастую решается вопрос о человеческой жизни и свободе; в таких вопросах необходимо быть особенно уверенным и точным в отношении доказательств, так как цена ошибки слишком велика. В гражданском (арбитражном) процессе решается спор об имущественном, материальном благе, а на жизнь и свободу человека никто не посягает. Из этого, однако, не следует, что в гражданском праве можно вовсе не уделять внимания доказыванию; суду все равно необходимо быть максимально корректным в своих решениях. В результате можно сделать единственно верный вывод: необходимо, чтобы в уголовном праве стандарт доказывания был таким же или еще выше, чем в гражданском.

Обратимся к зарубежной практике. В науке сравнительного правоведения принято выделять две основные правовые семьи: англо-саксонскую и романо-германскую [5, с. 19–25].

Англо-саксонское право

В странах англо-саксонской правовой семьи доктрина стандартов доказывания разработана, и стандарты четко выделяются. В Англии существует 2 стандарта доказывания: 1) «баланс вероятностей» (balance of probabilities), применяющийся в гражданских делах; 2) «за пределами разумных сомнений» (beyond reasonable doubt), применяющийся, соответственно, в уголовных. В США выделяется 3 стандарта доказывания: 1) «перевес доказательств» (preponderance of evidence); 2) «ясные и убедительные доказательства» (clear and convincing evidence); 3) «за пределами разумных сомнений» (beyond reasonable doubt) [4, с. 27].

Получается, что в англо-саксонском праве закреплена критерий оценки доказательств, который без лишней формализации (никто не указывает судье, в какой степени определенное доказательство является убедительным или нет) дает судье ориентировку на то, какая степень внутренней убежденности является достаточной для вынесения того или иного решения. Для гражданского дела достаточно будет того, что одна сторона убедила судью больше, чем другая: процесс диспо-

зитивен, нет необходимости отдельно доказывать каждое событие или факт со стопроцентной достоверностью, нужно просто доказать лучше, чем это делает оппонент; в этом проявляется и принцип состязательности процесса. В уголовном процессе стандарт доказывания более высокий: обвинитель должен доказать свою позицию настолько убедительно, чтобы судья понял, что вероятность ошибки чрезвычайно мала (it is possible but not in the least probable) (*Высокий Суд Англии и Уэльса. Miller v. Minister of Pensions [1947] 2 All ER 372*).

При этом следует отметить, что стандарты доказывания в англо-саксонском праве не лишены объективности, а наоборот, они направлены на то, чтобы установить определенные уровни требований к правдоподобности аргументов и доводов [6, с. 464].

Благодаря такой дифференциации суды могут аргументированно мотивировать решение об убедительности преюдициально перенесенных фактов: иногда уголовный суд может действительно согласиться с доводами из решения по гражданскому делу, иногда — нет.

Ярким примером дифференциации стандартов доказывания является знаменитое дело О. Джея Симпсона, который обвинялся в убийстве двух человек и был оправдан, поскольку у присяжных оставались сомнения в вине подсудимого [7]. После уголовного суда родственники убитых подали гражданские иски о компенсации, которые, однако, были удовлетворены, поскольку при оценке доказательств через призму баланса вероятностей суд нашел достаточно убедительными доказательства истцов. Такая разница вполне понятна, и нет ничего плохого в разных решениях разных судов — одних и тех же доказательств может быть достаточно для присуждения компенсации, но недостаточно для отправки обвиняемого на смертную казнь, как это было бы с Симпсоном, признай суд его виновным.

Романо-германское право

В континентальной правовой системе разница между стандартами доказывания в разных отраслевых процессах прямо не отрицается, но предмет отдельных притязаний не выступает. Законодатель предоставляет судам полную дискрецию в вопросе оценки убедительности аргументации для принятия решения [3, с. 11]. При этом, например, в Германии благодаря дифференциации природы процессов (гражданский процесс — диспозитивный, а уголовный — в некоторой степени инквизиционный), в рамках которых суд обязан самостоятельно верифицировать факты и события,

доктрина сумела развить понятия разной истины, которую устанавливают суды в рамках процесса: в гражданском или арбитражном процессе это «формальная истина» (*formelle Wahrheit*), которая может быть основана исключительно на доказательствах, представленных сторонами, а события могут быть признаны достоверными при согласии на это сторон, а в рамках уголовного процесса суд устанавливает «материальную истину» (*materielle Wahrheit*) [8], проверяя ее достоверность. Такое разделение позволяет германским правоприменителям создавать опровержимые презумпции при преюдициальном переносе фактической стороны дела. По сути, у судьи есть возможность использовать в значительной степени объективный критерий при оценке достоверности доказательств.

Таким образом, институт стандартов доказывания в германском праве хоть прямо и не зафиксирован, тем не менее имплицитно присущ правопорядку. Однако следует упомянуть, что в сравнении со стандартами доказывания в англо-саксонском праве, институт дифференциации истины имеет намного больше проблем [9, с. 43–86].

Российский опыт

В АПК РФ (ст. 71), УПК РФ (ст. 17), ГПК РФ (ст. 67) присутствуют идентичные нормы о том, что суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств. При этом никакие доказательства не имеют для суда заранее определенной силы. Закон устанавливает, что суд обязан оценить достоверность доказательств на предмет их соответствия действительности. Критерий оценки доказательств «по внутреннему убеждению» можно назвать в определенной степени стандартом доказывания. Однако, как отмечает С.Л. Будылин, такой стандарт носит исключительно субъективный характер, что существенно осложняет возможность какой-либо объективной верификации справедливости решения судьи [4, с. 47].

Законодатель сознательно делегирует бремя оценки доказательств судьям, что представляется оправданным: судья понимает специфику дела и может более точно все оценить. Уголовный закон вводит дополнительные правила: презумпция невиновности, а также очень интересное правило ч. 3 ст. 14 УПК РФ о том, что любые неустранимые сомнения в виновности обвиняемого толкуются в его пользу. Из последнего правила путем телеологического толкования можно вывести некий нормативный стандарт доказывания: если судья

хотя бы немного сомневается в убедительности тех или иных доказательств, то они блокируются, толкуются в пользу обвиняемого. Значит, признать обвиняемого виновным можно только в случае отсутствия сомнений в его виновности. Вместе с тем представляется, что данные правила являются чрезмерно общими и не содержат никакого объективного элемента или критерия оценки, который мог бы помочь судье при осуществлении правосудия.

Здесь хотелось бы отметить, что несмотря на, казалось бы, максимально широкий характер указанных норм, в гражданском праве все усложняется огромным количеством установленных опровержимых презумпций и условий, при которых что-либо может считаться доказанным (например, доказательство п. 2 ст. 61.2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (*СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190*), для которого требуется доказать сразу 3 условия). В науке ведутся активные споры о характере этих презумпций: относить их к материальным или процессуальным нормам. Однако практика подтверждает, что ссылка на эти презумпции в суде действительно способна либо убедить суд, либо же, в случае их использования как инструмента возражения, заблокировать претензию истца. Ясно только одно: такие презумпции являются действенным объективным инструментом, помогающим судье оценить доказательства сторон, своеобразным стандартом доказывания. Более того, как справедливо отмечает Р.С. Бевзенко, российское гражданское право знает, по сути, стандарты доказывания («*Баланс вероятностей против «ясных и убедительных доказательств»*»: *какие бывают стандарты доказывания? Интервью с Романом Бевзенко // [Электронный ресурс]: URL: <https://shortread.ru/balans-veroyatnostej-protiv-yasnyh-i-ubeditelnyh-dokazatelstv-kakie-byvajut-standarty-dokazyvaniya-intervyu-s-romanom-bevzenko/> (дата обращения: 14.04.2022)*). Причем эти стандарты дифференцируются. Помимо простого баланса вероятностей (например, «разумной достоверности», то есть не абсолютной, а относительной истинности), закрепленного, к примеру, в п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда № 25 от 23 июня 2015 г. (*Российская газета. 2015. 30 июня*), где указано, что для взыскания убытков их размер необходимо установить с разумной степенью достоверности (это и есть необходимый стандарт доказывания), существуют и другие, например, «ясные и убедительные доказательства», детальный анализ которых представлен ниже.

Р.С. Бевзенко также указывает на то, что в делах о банкротстве применяется более вы-

сокий стандарт доказывания — «ясность и убедительность доказательств» (*там же*). Так, при рассмотрении заявлений о включении рядовых гражданско-правовых кредиторов суд должен осуществлять более тщательную проверку обоснованности требований по сравнению с общеисковым гражданским процессом; основанием для включения являются «ясные и убедительные доказательства» (*курсив мой. — Д.Е.*) (*Определение ВС от 4 июня 2018 г. № 305-ЭС18-413 по делу № А40-163846/2016*). Примечательно, что в этом же Определении Верховный суд апеллировал и к другому стандарту доказывания, указав, что целью проверки при рассмотрении требований о включении немониторитарных акционеров (участников) является «исключение у суда любых разумных сомнений в наличии и размере долга...» (*курсив мой. — Д.Е.*). В другом решении суд четко обозначил, что при включении в реестр кредиторов в рамках дела о банкротстве на заявителя возлагается «повышенный стандарт доказывания» (*курсив мой. — Д.Е.*) (*Определение ВС РФ от 13 июля 2018 г. № 308-ЭС18-2197 по делу № А32-43610/2015*).

Общая характеристика проанализированных положений

В англо-саксонском праве четко отражается догматическая идея того, что в уголовном процессе стандарт доказывания должен быть выше, чем в гражданском. Именно дифференциация стандартов доказывания позволяет суду четко и легко решать вопросы преюдиции: аргумент, который может служить доказательством в гражданском процессе, может оказаться недостаточным в процессе уголовном, а если в уголовном деле сочли виновным только одно лицо, а остальные избежали наказания (например, как бенефициары в банкротстве), то это не блокирует возможность в гражданском процессе привлечь к ответственности и остальных, поскольку стандарт доказывания будет другим, чем в уголовном праве. Судьи не будут связаны существующими решениями, смогут четко мотивировать свои решения, повышая уровень правовой определенности, а правовая система будет более гибкой.

К сожалению, российский правопорядок пока не настолько развит, чтобы самостоятельно избрести столь тонкие и точные инструменты, как, например, введение опровержимой презумпции в отношении преюдиции в германском праве или многоступенчатые объективные стандарты доказывания в англо-саксонском. В российском правопорядке, в котором изначально отсутствовал как таковой институт межотраслевой преюдиции,

сейчас закреплен неопровержимый характер преюдиции, что, как будет показано позже, является крайне спорным решением.

Проблема соотношения априорного и апостериорного уровней убежденности

Как было показано ранее, при рассмотрении дела судья оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, сообразно которому и принимает решение. Такая формулировка кажется довольно точной в данном контексте, поскольку судья как правоприменитель выносит решение по тому или иному делу, а значит, в первую очередь именно он должен быть в достаточной степени убежден в правильности решения. По сути, судья субъективно оценивает вероятность истинности того или иного факта или события, поэтому степень его внутренней убежденности уместно называть субъективной вероятностью. Однако, как было показано выше, в целом правопорядки стремятся к введению объективных и универсальных правил, в том числе и в вопросе оценки доказательств.

Необходимо выяснить, из чего формируется субъективная убежденность судьи.

Обратимся к популярной теории Байеса в контексте определения достоверности фактов спора [10]. В рамках этой теории выделяется априорная, то есть изначальная, вероятность, которая формируется у судьи без исследования всех доказательств, и апостериорная, которая формируется после оценки всех доказательств и учета всех обстоятельств дела. Выделение априорной и апостериорной вероятности при определении фактов спора поддерживает и Верховный Суд (*Определение ВС РФ от 21 марта 2019 г. № 308-ЭС18-25635 по делу № А63-9583/2018*).

В течение судебного процесса судья преодолевает путь от априорного к апостериорному уровню убежденности. Такая концепция вполне укладывается в современную концепцию понимания, которая принимает доводы сторонников социологической юриспруденции о том, что на мнение судьи влияет множество факторов, таких как, например, социальная среда, в которой он вырос, его вероисповедание, состояние правовой системы в государстве и др. [11]; эти факторы и составляют априорный уровень убежденности. Также к факторам, влияющим на априорный уровень убежденности, относят, например, проблему ретроспективного взгляда: оценивая события, произошедшие с другим человеком, мы в силу того, что знаем итог, подсознательно ошибочно скептически относимся к воз-

можной неосторожности в поведении лица, чьи деяния оцениваем [3, с. 21].

Априорный уровень убежденности не зависит от каких-либо существенных фактов дела, он существует вне рамок стандартов доказывания; апостериорный же, напротив, формируется после преодоления порога вероятности, установленного стандартом доказывания, применяемым к конкретному делу. Учитывая, что в уголовном праве изначально действует презумпция невиновности, представляется, что априорно должна предполагаться именно невиновность лица. Однако, если проанализировать переход от априорной к апостериорной убежденности, этот вывод станет более шатким. Чем меньше условная «дистанция» между априорным и апостериорным уровнями убежденности, тем слабее стандарт доказывания: судье достаточно небольшого количества доказательств, чтобы перейти от презумпции невиновности к признанию вины, и наоборот, чем эта «дистанция» больше, тем стандарт доказывания выше.

Конечно, невозможно объективно оценить «пробел» между априорной и апостериорной убежденностью судьи в конкретном деле — это крайне субъективный нюанс, который различается в каждом отдельном случае. Но можно постараться оценить, насколько действительно эти уровни отличаются в российском уголовном праве, и отличаются ли они вовсе.

В российском праве очень низкий уровень оправдательных приговоров (меньше 1%) (*По России в текущем году вынесли менее 1% оправдательных приговоров // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.interfax.ru/russia/807092> (дата обращения: 22.04.2022)*). Это может быть связано с двумя факторами: 1) следственные органы феноменально выполняют свою работу, собирают крайне убедительные доказательства и подробно представляют их в суде, который, в свою очередь, изначально презюмирует обвиняемого невиновным и меняет свою позицию, когда у него не остается сомнений по поводу вины подсудимого (правило ч. 3 ст. 14 УПК или *beyond reasonable doubt*); 2) стандарт доказывания в уголовном праве невысокий, судья рассматривает дело и априорно, зачастую незнательно допускает большую вероятность вины обвиняемого, а после, условно выражаясь, лишь «удостоверяется» в своем ощущении.

Здесь стоит упомянуть о так называемых ошибках первого и второго рода, которые актуальны в большей степени именно для уголовного права: ошибки I рода представляют собой ложнообвинительный приговор, ошибки II рода — ложнооправдательный. Многие авторы указывают на

превалирование в уголовном праве во всем мире именно ошибок I рода; данная тенденция понятна даже на интуитивном уровне: отпустить опасного для общества преступника кажется худшим вариантом, чем случайно наказать невиновного; таким образом в том числе формируется априорный уровень убежденности в вине обвиняемого. Названная тенденция, собственно, и подтверждается указанным выше чрезвычайно низким процентом оправдательных приговоров в России.

Существует еще несколько важных факторов, влияющих на априорную позицию суда. Так, оправдательный приговор считается отрицательным показателем работы ОВД, к тому же у прокуратуры имеются действенные инструменты воздействия на судей [12]. Сами суды неизмеримо нагружены, сроки рассмотрения дела сжаты (400 дел в год в 2010 г.) [13, с. 98].

В итоге формируется ситуация, при которой судьи изначально скорее убеждены в вине обвиняемого, тем самым смещая изначально *de iure* установленную презумпцию невиновности в сторону презумпции вины. Вторая гипотеза о природе низкого процента оправдательных приговоров в России представляется наиболее обоснованной.

Применительно к гражданскому праву следует сразу отметить несколько существенных отличий: 1) предметы спора в гражданском праве не обладают таким ярко выраженным негативным характером, поэтому вероятность появления у судьи предрассудков меньше: например, когда в суде рассматривается дело об убийстве, любой разумный человек, в том числе и судья, будет полагать, что простого человека с улицы не будут судить за такое преступление, и у судьи изначально может сформироваться негативное отношение к обвиняемому. В гражданском праве предмет разбирательства чаще всего не может вызвать у судьи предрассудков: сложно представить, что судья, полагаясь на свою интуицию, будет изначально негативно относиться к одной из сторон при рассмотрении, например, спора об оспаривании сделок; 2) в гражданском (арбитражном) процессе участники спора не обвиняются в совершении общественно опасных деяний, чаще всего не стоит вопрос защиты публичных интересов, у судьи нет задачи вынести обвинительный или оправдательный приговор, ему нужно справедливо разрешить частный спор, поэтому наличие ошибок I или II рода в их чистом виде фактически исключено; 3) в гражданском (арбитражном) процессе по большей части не принимает участие государственное обвинение, имеющее возможность оказания давления на суд, а значит, и риск

вмешательства в рассмотрение дела судом меньше. Все это в совокупности подводит к мысли о том, что стандарт доказывания в гражданском (арбитражном) процессе может оказаться даже выше, чем в уголовном.

Проблема (не)опровержимого характера межотраслевой преюдиции

Упомянутые выше проблемы стандартов доказывания и соотношения априорной и апостериорной убежденности судей могут быть на практике преодолены путем установления опровержимости преюдиции. Если судья при рассмотрении уголовного дела столкнется с тем, что факты из решения по гражданскому делу покажутся ему недостаточно обоснованными, и у него останутся сомнения по поводу их доказанности, он сможет просто потребовать дополнительного доказывания этих фактов. Тем самым преюдиция будет носить опровержимый характер. Утверждение опровержимого характера преюдиции будет способствовать разрабатыванию доктрины, созданию правовой определенности в сложной межотраслевой сфере, то есть, приведет, на мой взгляд, к положительным изменениям.

Преюдиция в Российской Империи носила неопровержимый характер, однако, как отмечал И.Я. Фойницкий, Сенат ввел правило о том, что уголовный суд мог пересмотреть решение гражданского суда в части установления факта как существующего, при этом пересматривать решения о квалификации факта как несуществующего не допускалось [14, с. 108–109]. Такого правила в нынешнем правопорядке нет.

Анализ судебной практики

Необходимо признать, что в законе установлен неопровержимый характер преюдиции, а позиции высших судов трудно назвать однозначными.

Как отмечает Г.А. Есаков, судебная практика Конституционного Суда «является крайне запутанной, трактуется в любом направлении» [1, с. 88]. Действительно, в Постановлении Конституционного Суда от 21 декабря 2011 г. № 30-П (СЗ РФ. 2012. № 2. Ст. 398) содержатся правовые позиции в пользу неопровержимого характера преюдиции: «Положения ст. 90 УПК Российской Федерации, предусматривающие, что обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки, — в их конституционно-правовом смысле, выявленном Конституционным Судом Российской Федерации в настоящем Постановлении, — не противоречат Конституции Российской Федерации» (п. 4.3 Поста-

новления). Однако в этом же Постановлении можно найти аргументы в пользу опровержимости преюдиции: «Институт преюдиции, являясь выражением дискреции законодателя в выборе конкретных форм и процедур судебной защиты и будучи направлен на обеспечение действия законной силы судебного решения, его общеобязательности и стабильности, на исключение возможного конфликта различных судебных актов, подлежит применению с учетом принципа свободы оценки доказательств судом, вытекающего из конституционных принципов независимости и самостоятельности судебной власти» (п. 3.3 Постановления). Исходя из телеологического толкования, акцент следует поставить именно на п. 3.3 Постановления, поскольку в нем весьма однозначно указывается важность роли стандартов доказывания.

Практика Верховного Суда РФ по делам, связанным с преюдицией, скудная. В относительно недавнем Определении Верховный Суд запретил оспаривать преюдициально перенесенные факты (Определение ВС РФ от 11 августа 2020 г. № 30-КГ20-1-К5). В еще более свежем деле Верховный Суд, отменяя акты нижестоящих судов, направил дело на новое рассмотрение и указал, что наличие преюдиции не исключает возможности иной правовой оценки обстоятельств (Определение ВС РФ от 3 февраля 2022 г. № 305-ЭС20-15238 по делу А40-171605/2019 305-ЭС20-15238).

Заключение

Остается неосвещенным вопрос преодоления правовой неопределенности при преюдиции. Из закона следует, что преюдиция не может разрешать такую неопределенность, однако этот вопрос не так прост.

Возможно ли в полной степени отделить факты от их правовой квалификации? В подавляющем большинстве несложных дел ответ, скорее всего, будет положительным, но в практике встречаются и очень сложные казусы.

Сконцентрируемся не на общих догматических размышлениях, а продемонстрируем неоднозначность обсуждаемой проблемы на примере одного недавнего дела Верховного Суда.

В 2019 г. Верховный Суд принял решение, в котором объективно вменил вредоносность цели действиям несовершеннолетнего ребенка при принятии подарка от отца (Определение от 23 декабря 2019 г. № 305-ЭС19-13326). Данная позиция Верховного Суда крайне спорна, что убедительно доказали Ю.В. Тай и С.Л. Будьлин [15].

В настоящем деле ребенку было 14 лет, и по общему правилу он не мог привлекаться к уголов-

ной ответственности. Предположим, что ему было больше 16 лет, в таком случае против него может быть возбуждено уголовное дело. Допустим, уголовный суд рассматривает дело и признает факт сокрытия преюдициально доказанным, но при этом не находит убедительными доказательства наличия мотива и цели. Получается, что в таком случае, мы имеем дело с коллизией судебных решений, суд противоречит сам себе: в одном деле вменяется цель нанесения вреда имущественным интересам кредиторов, в другом — она же отрицается. Ситуация может отдаленно напоминать случай с О. Джей Симпсоном, однако суды в США объяснили разницу решений через стандарты доказывания — категорию, не пользующуюся популярностью в отечественной практике.

Намного более страшную ситуацию можно представить, если суд решит «поверить» в выводы Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда и признать лицо виновным без дополнительного доказывания и мотивировки, чтобы не допустить противоречия суда самому себе. В этом случае мы рискуем оказаться на грани беспредела.

Представляется, что подобных проблем, которые на первый взгляд не бросаются в глаза, на самом деле очень много, а действенного их решения на сегодняшний момент нет.

Выводы

Проблема преюдиции лежит в двух плоскостях: 1) преодоление неопределенности в фактах; 2) преодоление неопределенности в праве. В данный момент четко разграничить эти аспекты представляется проблематичным.

Опыт показывает, что судебское усмотрение и уровень убежденности (как априорный, так и апостериорный) дифференцируются в зависимости от процесса — от гражданского или арбитражного к уголовному.

Наиболее острой «точкой» вопроса преюдиции является ее (не)опровержимый характер. С закреплением опровержимого характера многие вопросы преюдиции можно будет решить без введения дополнительных доктрин и инструментов.

Эффективным инструментом решения проблемы преюдиции является внедрение стандартов доказывания.

Вполне обоснованно встает вопрос о том, каким способом урегулировать разницу стандартов доказывания. Представляется, что наиболее логичным является сценарий, при котором доктрина вырабатывает стандарты доказывания, определяет случаи, в которых следует применять те или иные стандарты доказывания.

Литература

1. *Есаков Г.А.* Преюдиция в уголовном процессе: материально-правовой взгляд // Закон. 2022. № 1. С. 87–94.
2. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017. 1120 с.
3. *Карапетов А.Г., Косарев А.С.* Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Приложение к Ежемесячному журналу. 2019. № 5. Специальный выпуск. С. 3–96.
4. *Будылин С.Л.* Внутреннее убеждение или баланс вероятностей? Стандарты доказывания в России и за рубежом // Вестник ВАС РФ. 2014. № 3. С. 25–57.
5. *Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности. М.: Международные отношения, 1996. 400 с.
6. *Engel C.* Preponderance of the Evidence versus Intime Conviction: A Behavioral Perspective on a Conflict between American and Continental European Law // Vermont Law Review. 2009. Vol. 33. С. 435–467.
7. *Derschowitz A.M.* Reasonable Doubts: The Criminal Justice System and the O.J. Simpson Case. New York: Simon & Schuster, 1997. 272 с.
8. *Eicker A.* Die Prinzipien der “materiellen Wahrheit” und der “freien Beweiswürdigung im Strafprozeß. Herbolzheim: Centaurus Verlag & Media, 2001. 102 с.
9. *Боннер А.Т.* Проблемы установления истины в гражданском процессе. СПб.: Юридическая книга, 2009. 831 с.
10. *Finkelstein M.O., Fairley W.B.* A Bayesian Approach to Identification Evidence // Harvard Law Review 83. 1970. С. 489–517.
11. *Llewellyn K.N.* The Bramble Bush: The classic lectures on the law and law school. Oxford: University Press, 2008. 191 с.

12. Панеях Э. Траектория уголовного дела и обвинительный уклон в российском суде // Право и правоприменение в России: междисциплинарные исследования / под ред. В.В. Волкова. М.: Статут, 2011. С. 150–177.

13. Волков В.В., Дмитриева А.В. Источники рекрутирования, гендер и профессиональные субкультуры в российской судебной системе // Социология власти. 2015. Т. 27. № 2. С. 94–134.

14. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. 3-е изд. СПб.: Сенатская типография, 1910. 573 с.

15. Тай Ю.В., Будылин С.Л. Сын за отца отвечает. Субсидиарная ответственность членов семьи директора в банкротстве компании // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 6. С. 4–22.

References

1. Esakov G.A. Prejuditsiya v ugovnom protsesse: material'no-pravovoi vzglyad [Res judicata in criminal procedure taken from substantive criminal law viewpoint]. *Zakon [Law]*, 2022, no. 1, pp. 87–94. (In Russian, abstract in English)

2. Dogovornoe i obyazatel'stvennoe pravo (obshchaya chast'): postateinyi kommentarii k stat'yam 307–453 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii [Contract law and law of obligation (general part): commentaries to articles 307–453 of the Civil code of Russia]. Ed. A.G. Karapetov. Moscow, M-Logos Publ., 2017. 1120 p. (In Russian)

3. Karapetov A.G., Kosarev A.S. Standarty dokazyvaniya: analiticheskoe i empiricheskoe issledovanie [Standard of proof: an analytical and empirical research]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii. Prilozhenie k Ezhemesyachnomu zhurnalu [The herald of economic justice of the Russian Federation. Special edition]*, 2019, no. 5, pp. 3–96. (In Russian, abstract in English)

4. Budylin S.L. Vnutrennee ubezhdenie ili balans veroyatnostei? Standarty dokazyvaniya v Rossii i za rubezhom [Inner conviction or balance of probabilities? The standard of proof]. *Vestnik VAS RF [The herald of the Supreme arbitrage court of the Russian Federation]*, 2014, no. 3, pp. 25–57. (In Russian)

5. David R., Zhoffre-Spinozi K. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti [Major legal systems in the World today]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1996. 400 p. (In Russian)

6. Engel C. Preponderance of the Evidence versus Intime Conviction: A Behavioral Perspective on a Conflict between American and Continental European Law. *Vermont Law Review*, 2009, vol. 33, p. 435–467. (In English)

7. Derschowitz A.M. Reasonable Doubts: The Criminal Justice System and the O.J. Simpson Case. New York, Simon & Schuster, 1997. 272 p. (In English)

8. Eicker A. Die Prinzipien der “materiellen Wahrheit” und der “freien Beweiswürdigung im Strafprozeß. Herbolzheim, Centaurus Verlag & Media, 2001. 102 p. (In German)

9. Bonner A.T. Problemy ustanovleniya istiny v grazhdanskom protsesse [The problems of discovering the truth in a civil procedure]. St. Petersburg, Yuridicheskaya kniga Publ., 2009. 831 p. (In Russian)

10. Finkelstein M.O., Fairley W.B. A Bayesian Approach to Identification Evidence. *Harvard Law Review* 83, 1970, pp. 489–517. (In English)

11. Llewellyn K.N. The Bramble Bush: The classic lectures on the law and law school. Oxford: University Press, 2008. 191 s. (In English)

12. Paneyakh E. Traektoriya ugovnogo dela i obvinitel'nyi ukлон v rossiiskom sude [The path of a criminal case and accusatory bias in Russian court]. In *Pravo i pravoprimenenie v Rossii: mezhdistsiplinarnye issledovaniya [Law and Law Enforcement in Russia: Interdisciplinary Studies]*. Ed. V.V. Volkov. Moscow, Statut Publ., 2011, pp. 150–177. (In Russian)

13. Volkov V.V., Dmitrieva A.V. Istochniki rekrutirovaniya, gender i professional'nye subkul'tury v rossiiskoi sudebnoi sisteme [The sources for recruitment, gender and professional subculture in Russian legal system]. *Sotsiologiya vlasti [Sociology of power]*, 2015, vol. 27, no. 2, pp. 94–134. (In Russian)

14. Foinitskii I.Ya. Kurs ugovnogo sudoproizvodstva [A course of criminal procedure]. V. 2, 3rd ed. St. Petersburg, Senatskaya tipografiya Publ., 1910. 573 p. (In Russian)

15. Tai Yu.V., Budylin S.L. Syn za ottsa otvechaet. Subsidiarnaya otvetstvennost' chlenov sem'i direktora v bankrotstve kompanii [The son is responsible for his father. The director's family members' subsidiary liability in the company's bankruptcy]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii [Bulletin of economic justice of the Russian Federation]*, 2020, no. 6, pp. 4–22. (In Russian, abstract in English)

НЕКРОЛОГ

МЫ БУДЕМ ПОМНИТЬ! СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ЛУНЕЕВА ВИКТОРА ВАСИЛЬЕВИЧА (16.02.1932–06.01.2022)

Проф. Нечевин Д.К.

В эти трудные для всех нас дни вспоминаются слова поэта:

*«Неправда, друг не умирает,
Лишь рядом быть перестает.
Он кров с тобой не разделяет,
Из фляги из твоей не пьет...»*

Ушел из жизни на девяностом году наш коллега, крупный ученый, криминолог, практик, новатор, глубокий исследователь ряда фундаментальных проблем криминологии, который определил многие направления уголовной юстиции в нашей стране, один из основоположников теории и методологии криминологической науки, военной криминологии, уголовного права, психологии, обладавший ясным и острым умом, прекрасный грамотный полемист и оратор, блестящий педагог, создавший свою научную школу, энциклопедически образованный российский интеллигент, патриот России, общественный деятель, оставив о себе добрую память в книгах, монографиях, учебниках, научных статьях, учениках, друзьях и товарищах.

Он остро чувствовал сложность момента и имел необычайную научную и политическую интуицию, обладал широким кругозором, любитель поэзии и классической литературы. Та-

*Лауреату государственной премии России,
заслуженному деятелю науки РФ,
доктору юридических наук, профессору,
полковнику юстиции МО России (в отставке)*

лантливый и трудолюбивый ученый, умелый организатор юридических наук и образования, он придерживался демократических взглядов и убеждений. Эта парадигма красной нитью проходила сквозь его жизненный и научный путь, о чем он всегда говорил: «Ad verum via fert – путь ведет к истине».

На протяжении ряда лет руководил лабораторией криминологии в Институте государства и права РАН, а также преподавал военную криминологию в университете МО России.

Награжден государственными и ведомственными наградами.

В памяти потомков Виктор Васильевич Лунев останется живым, деятельным, талантливым во всем:

*«Здесь нет оград и вычурных крестов,
Полно все величавой простотой.
И прах детей, и прах отцов
С любовью взят родной землею,
Вещая непрерывность жизни,
И смерть является лишь сном
Для дорогой для них Отчизны...»*

Друзья не умирают, лишь рядом быть перестают...

Глубоко скорблю!

ПАМЯТИ ЛУНЕЕВА ВИКТОРА ВАСИЛЬЕВИЧА

**Мацкевич Игорь Михайлович,
Саламова Себила Якубовна**

Советская и российская наука понесла тяжелую утрату. 6 января 2022 г. на 90-м году жизни скончался Виктор Васильевич Лунеев.

Виктор Васильевич Лунеев родился 16 февраля 1932 г. в селе Вознесенском Порецкого района Чувашской АССР. В 1962 г. окончил военно-юридический факультет Военно-политической академии им. В.И. Ленина по специальности «военный юрист» и 8 лет занимался следственной и прокурорской работой в органах военной прокуратуры Приволжского военного округа. В 1970 г. без отрыва от службы защитил кандидатскую диссертацию во Всесоюзном институте по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности на тему «Мотивация воинских преступлений». В том же году был назначен на кафедру уголовного права и процесса военно-юридического факультета Военно-политической академии, где преподавал военную криминологию, уголовное право, юридическую статистику и проводил криминологические исследования проблем борьбы с преступностью в вооруженных силах. В 1976 г. В.В. Лунееву было присвоено звание полковника юстиции. В 1980 г. защитил докторскую диссертацию в Академии МВД СССР на тему «Криминологические проблемы предупреждения преступного поведения военнослужащих», а в 1983 г. ему было присвоено ученое звание профессора. После 37 лет службы в Вооруженных Силах СССР уволился в запас и с 1988 г. до последних дней жизни работал в Институте государства и права РАН.

29 сентября 1999 г. Указом Президента РФ за цикл работ «Мировые, региональные и российские тенденции преступности XX века» Виктору Васильевичу была присуждена Государственная премия РФ по науке и технике.

Указом Президента РФ от 14 августа 2014 г. № 568 «О награждении государственными наградами Российской Федерации» ему присвоено почетное звание Заслуженный деятель науки России.

Виктора Васильевича отличали высокая работоспособность наряду с творческим потенциалом. Своими мыслями, словами и делами, реализованными в научных исследованиях, он внес существенный вклад в развитие фундаментальных знаний о криминологии. Среди наиболее значимых работ: «Криминология. Причины, предупреждение и методы изучения преступлений в Вооруженных Силах СССР» (учебник, 1986); «Мотивация преступного поведения» (1991); «Субъективное вменение» (2000); «Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции» (1997, 1999, 2005); «Юридическая статистика» (учебник, несколько изданий 1999–2011); «Эпоха глобализации и преступность» (2007); «Курс мировой и российской криминологии» (2 тома двумя выпусками, 2011–2012).

Виктор Васильевич являлся соавтором и редактором ряда других учебников и монографий по криминологии и уголовному праву, а также многочисленных сборников статей и материалов международных и российских конференций. Некоторые его работы были изданы в США, Италии, Финляндии, Китае и Вьетнаме.

В составе правительственной делегации Виктор Васильевич принимал участие в работе VIII (Гавана, 1990) и X (Вена, 2000) Конгрессов ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, был экспертом ассоциированного с ООН Европейского института по анализу преступности (HEUNI, Финляндия),

выступал с докладами на международных конференциях в Швеции, Болгарии, Финляндии, США, Венгрии, Италии.

Виктор Васильевич оставил после себя солидное творческое наследие, многочисленных

учеников. С его смертью российская наука понесла безвременную и невозполнимую утрату.

Светлая память о Викторе Васильевиче Лунееве навсегда сохранится в сердцах его друзей, коллег, учеников и всех, кто его знал.

ПАМЯТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ УЧЕНОГО...

Не стало Эдуарда Филипповича Побегайло... Вместе с семьей, друзьями и близкими об этой невосполнимой утрате скорбит юридическая общественность всей России. В этом нет ни капли преувеличения, только горечь и боль потери...

Ученый с большой буквы, Учитель с большой буквы, Человек с большой буквы! Жизнь Эдуарда Филипповича не может оборваться, она продолжается в его фундаментальных трудах, его учениках, его последователях и единомышленниках.

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации Э.Ф. Побегайло не был кабинетным ученым. Начало профессионального пути в 1959 г. – работа следователем в прокуратуре Новошахтинска Ростовской области. Потом плодотворный период научно-педагогической деятельности в Куйбышевском государственном университете. В 1974 г. Эдуард Филиппович начинает работать в ведущем на тот период времени научном центре страны – Всесоюзном научно-исследовательском институте МВД СССР. В 1979 г. переходит на работу в крупнейшее ведомственное учебное заведение системы органов внутренних дел – Академию МВД СССР, где им совместно с блистательными учеными (А.А. Алексеев, С.В. Бородин, К.Е. Игошев, Г.В. Аванесов, М.М. Бабаев, Л.И. Спиридонов, П.Ф. Гришанин и многие другие) были заложены фундаментальные подходы к крупным проблемам отечественной уголовной политики, в том числе в сфере противодействия насильственным преступлениям и анализа современной преступности в целом.

В 1995 г. происходит возвращение в стены органов прокуратуры, но уже в качестве советника Генерального прокурора Российской Федерации. Благодаря неутомимой деятельности Эдуарда Филипповича открываются институты прокуратуры в Москве, Санкт-Петербурге, Белгороде, Екатеринбурге, Иркутске, Саратове. В этот период жизни опыт, глубочайшие знания и силы Э.Ф. Побегайло направлены на решение

задач государственной важности. С его помощью в Генеральной прокуратуре РФ была создана завершенная система подготовки кадров и научного обеспечения деятельности органов прокуратуры.

Под научным руководством Эдуарда Филипповича около 50 учеников успешно защитили кандидатские диссертации, 7 стали докторами юридических наук. Э.Ф. Побегайло является автором более 400 теоретических, научно-практических и учебно-методических работ, автором фундаментальных работ по противодействию насильственным преступлениям, ответственным редактором ряда известных учебников по уголовному праву, криминологии и комментариев к Уголовному кодексу Российской Федерации.

В публичных выступлениях – глубоко порядочный, чрезвычайно честный и остро чувствующий несправедливость человек – Э.Ф. Побегайло бескомпромиссно высказывался о проблемах, которые многие предпочитали, что называется, обойти стороной. Не мирилась казацкая кубанская душа с этим «обойти». До недавнего времени продолжал преподавать, руководить, профильными юридическими кафедрами известных московских вузов, браться за решение новых проблем, причем не только криминологии, уголовного права и уголовной политики, но и уголовного процесса, юридической психологии и других научных дисциплин юридического профиля. Эдуард Филиппович прожил достойную и яркую жизнь, прошел сложный путь в науке, в полной мере получил уважение и признание среди коллег и своих учеников.

Не стало Эдуарда Филипповича Побегайло. Конечно, уход таких крупных ученых – всегда невосполнимая утрата, но разговаривать с ним через его труды, полемицировать о проблемах уголовного права и криминологии мы не перестанем никогда. Светлая память!

*Профессорско-преподавательский состав
Московского университета МВД России имени
В.Я. Кикотя*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Барков Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации; профессор департамента правового регулирования экономической деятельности юридического факультета Финансового университета при Правительстве РФ, barkov_a_v@mail.ru

Берндт Анастасия Анатольевна – преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса юридического института Югорского государственного университета, saguri@mail.ru

Волков Дмитрий Юрьевич – старший преподаватель кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности Вологодского института права и экономики ФСИН России, hartman1@yandex.ru

Галюкова Мария Игоревна – кандидат юридических наук, доцент, судья Центрального районного суда города Челябинска, 753825777@mail.ru

Глуценко Никита Валерьевич – старший преподаватель кафедры информационного, энергетического права и уголовно-правовых дисциплин РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, gluschenko.gubkin@gmail.com

Доценко Елена Андреевна – начальник кабинета специальных дисциплин кафедры организации и обеспечения раскрытия и расследования преступлений Тверского филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, losjash87@mail.ru

Епоян Дмитрий Тигранович – студент 2-го курса факультета права НИУ ВШЭ, dtueroyan@gmail.com

Жилкин Максим Геннадьевич – доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права Московского областного филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, zmax71@mail.ru

Житков Алексей Анатольевич – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Вологодского института права и экономики ФСИН России, zhitkoff2015@yandex.ru

Зеленская Ольга Олеговна – преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, olga-020@mail.ru

Лавринов Вячеслав Викторович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Ростовского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Ростовского филиала Российской таможенной академии, полковник юстиции, vvl-rostov@mail.ru

Латышева Людмила Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, mila.latysheva.1988@mail.ru

Леймоева Залина Беслановна – преподаватель кафедры процессуального права ФГБОУ ВО «Донской государственной технической академии», deboshkina@mail.ru

Морозов Роман Михайлович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности Вологодского института права и экономики ФСИН России, morozur@mail.ru

Мащевич Игорь Михайлович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, Президент Союза криминалистов и криминологов, mackevich2004@mail.ru

Овсянникова Юлия Вячеславовна – адъюнкт Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, bibib@yandex.ru

Осяк Валентина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой криминалистики Ростовского филиала ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации», osyak.v@mail.ru

Павлушков Александр Рудольфович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Вологодского института права и экономики ФСИН России, apavlushkov@yandex.ru

Подройкина Инна Андреевна – доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин Ростовского филиала ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», 919820@mail.ru

Полубинская Светлана Вениаминовна – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права РАН, svepol@yandex.ru

Рашидян Андраник Арменович – кандидат юридических наук, начальник отдела мониторинга и анализа юридического управления администрации Президента Республики Армения, преподаватель кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права Института права и политики Российско-Армянского университета, gaando@yandex.ru

Рудаков Артур Михайлович – научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, ono.nil@yandex.ru

Саламова Себила Якубовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), руководитель Московского криминологического кабинета МГЮА, sebila@mail.ru

Саргсян Аделина Арменовна – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права Института права и политики Российско-Армянского университета, adelina-sargsyan@mail.ru

Силкин Вячеслав Петрович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными Вологодского института права и экономики ФСИН России, silkin.viacheslaw@yandex.ru

Тепляшин Павел Владимирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России, pavlushat@mail.ru

Хохрин Сергей Александрович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса юридического института Югорского государственного университета, hohrinsa@yandex.ru

Штанькова Анастасия Петровна – ассистент кафедры уголовного права Астраханского государственного университета, shtankova.stasy@gmail.com

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN

Barkov Alexei Vladimirovich – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Zivilrecht an der Militäruniversität des Verteidigungsministeriums der Russischen Föderation; Professor am Lehrstuhl für Rechtsregulierung der Wirtschaftstätigkeit der Juristischen Fakultät der Finanzuniversität bei der Regierung der Russischen Föderation, barkov_a_v@mail.ru

Berndt Anastasia Anatolievna – Lektorin am Lehrstuhl für Strafrecht und Strafverfahren des Juristischen Instituts an der Staatlichen Jugra-Universität, saguri@mail.ru

Dotsenko Elena Andreevna – Leiterin der Praxis für Sonderdisziplinen am Lehrstuhl für Organisation und Sicherstellung von Verbrechenaufklärung und -ermittlung an der Regionalabteilung Tver der Moskauer V.Ja. Kikot-Universität des Innenministeriums Russlands, losjash87@mail.ru

Epoyan Dmitry Tigranovich – Student im 2. Studienjahr der HSE Fakultät für Rechtswissenschaften, dtyepoyan@gmail.com

Galyukova Maria Igorevna – Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin, Richterin des Zentralen Bezirksgerichts Tscheljabinsk, 753825777@mail.ru

Glushchenko Nikita Valerievich – leitender Dozent am Lehrstuhl für Information, Energierecht und Strafrecht an der Gubkin Russische Staatliche Universität für Öl und Gas, glushchenko.gubkin@gmail.com

Khokhrin Sergey Alexandrovich – Kandidat der Rechtswissenschaften, außerordentlicher Professor, außerordentlicher Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Strafverfahren des Juristischen Instituts an der Staatlichen Jugra-Universität, hohrinsa@yandex.ru

Latysheva Lyudmila Alexandrovna – Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der juristischen Fakultät des Wologdaer Instituts für Recht und Wirtschaft des Föderalen Vollstreckungsdienstes Russlands, mila.latysheva.1988@mail.ru

Lavrinov Vyacheslav Viktorovich – Kandidat der Rechtswissenschaften, außerordentlicher Professor, außerordentlicher Professor für Strafrecht und Kriminologie der Rostower Zweigstelle der St. Petersburger Akademie des Ermittlungskomitees, außerordentlicher Professor für strafrechtliche Disziplinen an der Rostower Zweigstelle der Zollakademie Russlands, Oberst der Justiz, vvl-rostov@mail.ru

Leimoeva Zalina Beslanovna – Dozentin in der Abteilung für Verfahrensrecht an der Staatlichen Technischen Universität des Dombiets, deboshkina@mail.ru

Matskevich Igor Mikhailovich – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation, wissenschaftlicher Leiter am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften, Präsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, mackevich2004@mail.ru

Morozov Roman Mikhailovich – Kandidat der Rechtswissenschaften, Außerordentlicher Professor, Außerordentlicher Professor am Lehrstuhl für Strafverfahren, Forensik und operative Suchtätigkeit des Wologdaer Instituts für Recht und Wirtschaft des Föderalen Vollstreckungsdienstes Russlands, morozur@mail.ru

Osyak Valentina Vladimirovna – Kandidatin der Rechtswissenschaften, Assistenzprofessorin, Leiterin am Lehrstuhl für Kriminalistik an der Rostower Vertretung der St. Petersburger Akademie des Ermittlungskomitees Russlands, osyak.v@mail.ru

Ovsyannikova Yulia Vyacheslavovna – Postgraduierte Studentin an der Militäruniversität des Verteidigungsministeriums der Russischen Föderation, bibib@yandex.ru

Pavlushkov Alexander Rudolfovich – Kandidat der historischen Wissenschaften, Außerordentlicher Professor, Außerordentlicher Professor des Lehrstuhls für Staats- und Rechtswissenschaften am Wologdaer Institut für Recht und Wirtschaft des Föderalen Vollstreckungsdienstes Russlands, apavlushkov@yandex.ru

Podroykina Inna Andreevna – Doktorin der Rechtswissenschaften, außerordentliche Professorin, Leiterin der Abteilung für strafrechtliche Disziplinen an der Rostower Vertretung der Zollakademie Russlands, 919820@mail.ru

Polubinskaya Svetlana Veniaminovna – Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin, leitende wissenschaftliche Mitarbeiterin im Bereich Strafrecht, Strafverfahren und Kriminologie am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften, svepol@yandex.ru

Rashidyan Andranik Armenovich – Kandidat der Rechtswissenschaften, Leiter der Abteilung für Überwachung und Analyse der Rechtsabteilung der Verwaltung des Präsidenten der Republik Armenien, Lektor am Lehrstuhl

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN

---

für Strafrecht und Strafverfahren des Instituts für Recht und Politik der Russisch-Armenischen Universität, raando@yandex.ru

Rudakov Artur Mikhailovich – Wissenschaftler im Forschungslabor der Organisations- und Wissenschaftsabteilung des Wologdaer Instituts für Recht und Wirtschaft des Föderalen Vollstreckungsdienstes Russlands, ono.nil@yandex.ru

Salamova Sebila Yakubovna – Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin des Lehrstuhls für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität (MSAL), Leiterin der MSAL Moskauer kriminologischen Praxis, sebila@mail.ru

Sargsyan Adelina Armenovna – Kandidatin der Rechtswissenschaften, Lektorin am Lehrstuhl für Strafrecht und Strafverfahren des Instituts für Recht und Politik der Russisch-Armenischen Universität, adelina-sargsyan@mail.ru

Shtankova Anastasia Petrovna – Assistentin am Lehrstuhl für Strafrecht der Staatlichen Universität Astrachan, shtankova.stasy@gmail.com

Silkin Vyacheslav Petrovich – Kandidat der Rechtswissenschaften, Außerordentlicher Professor, Außerordentlicher Professor des Lehrstuhls für Strafrecht und Organisation der Erziehungsarbeit mit den Verurteilten am Wologdaer Institut für Recht und Wirtschaft des Föderalen Vollstreckungsdienstes Russlands, silkin.viacheslaw@yandex.ru

Teplyashin Pavel Vladimirovich – Doktor der Rechtswissenschaften, außerordentlicher Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie des Sibirischen Rechtsinstituts des Innenministeriums Russlands, pavlushat@mail.ru

Volkov Dmitry Yuryevich – Leitender Lehrer am Lehrstuhl für Strafverfahren, Forensik und operative Suchtätigkeit des Wologdaer Instituts für Recht und Wirtschaft des Föderalen Vollstreckungsdienstes Russlands, hartman1@yandex.ru

Zelenskaya Olga Olegovna – Dozent, Lehrstuhl für Strafvollzugsrecht und Organisation der Erziehungsarbeit mit Strafgefangenen der juristischen Fakultät des Föderalen Strafvollzugsdienstes VIPE Russlands, olga-020@mail.ru

Zhilkin Maxim Gennadievich – Doktor der Rechtswissenschaften, Dozent, Lehrstuhlleiter für Strafrecht an der Moskauer Regionalabteilung der Moskauer V.Ja. Kikot-Universität des Innenministeriums Russlands, zmax71@mail.ru

Zhitkov Alexey Anatolyevich – leitender Lehrer am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie des Wologdaer Instituts für Recht und Wirtschaft des Föderalen Vollstreckungsdienstes Russlands, zhitkoff2015@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Barkov Alexey Vladimirovich – Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation; Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, barkov_a_v@mail.ru

Berndt Anastasia Anatolievna – Lecturer of the department of Criminal Law and Criminal Proceedings of the Law Institute of Yugra State University, saguri@mail.ru

Dotsenko Elena Andreevna – Head of the Cabinet of Special Disciplines at the Chair of Organization and Ensuring the Disclosure and Investigation of Crimes at the Tver Branch of V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, losjash87@mail.ru

Epoyan Dmitry Tigranovich – second year student of faculty of law of Higher School of Economics, dtyepoan@gmail.com

Galyukova Maria Igorevna – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Judge, Central District Court, Chelyabinsk, 753825777@mail.ru

Glushchenko Nikita Valerievich – Senior Lecturer, Department of Information, Energy Law and Criminal Law Disciplines, Gubkin Russian State University of Oil and Gas, glushchenko.gubkin@gmail.com

Khokhrin Sergey Alexandrovich – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Law Institute of Yugra State University, hohrinsa@yandex.ru

Latysheva Lyudmila Alexandrovna – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, mila.latysheva.1988@mail.ru

Lavrinov Vyacheslav Viktorovich – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Rostov Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Rostov Branch of the Russian Customs Academy, Colonel of Justice, vvl-rostov@mail.ru

Leimoeva Zalina Beslanovna – Lecturer of the Department of Procedural Law Don State Technical University, deboshkina@mail.ru

Matskevich Igor Mikhailovich – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, President of the Union of Criminologists and Criminologists, mackevich2004@mail.ru

Morozov Roman Mikhailovich – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Investigative Activities of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, morozur@mail.ru

Osyak Valentina Vladimirovna – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics Rostov branch of St. Petersburg Academy Investigative Committee of the Russian Federation, osyak.v@mail.ru

Ovsyannikova Yulia Vyacheslavovna – Postgraduate student of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, bibib@yandex.ru

Pavlushkov Alexander Rudolfovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, apavlushkov@yandex.ru

Podroykina Inna Andreevna – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines Rostov branch of Russian Customs Academy, 919820@mail.ru

Polubinskaya Svetlana Veniaminovna – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Leading Researcher at the Chair of Criminal Law, Criminal Procedure Law and Criminology at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, svopol@yandex.ru

Rashidyan Andranik Armenovich – Candidate of Legal Sciences, Head of the division of monitoring and analysis of the legal department of the office of the President of the Republic of Armenia, Lecturer of the Chair

of Criminal Law and Criminal-procedure Law of the Institute of Law and Politics of the Russian-Armenian University, raando@yandex.ru

Rudakov Artur Mikhailovich – Researcher at the Research Laboratory of the Organizational and Scientific Department Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, ono.nil@yandex.ru

Salamova Sebila Yakubovna – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Chair of Criminology and Executive Law Chair at the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Head of Moscow Criminological Practice at MSAL, sebila@mail.ru

Sargsyan Adelina Armenovna – Candidat of Legal Sciences, Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure Law of the Institute of Law and Politics of the Russian-Armenian University, adelina-sargsyan@mail.ru

Shtankova Anastasia Petrovna – Assistant of the Department of Criminal Law of Astrakhan State University, shtankova.stasy@gmail.com

Silkin Vyacheslav Petrovich – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Penal Enforcement Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, silkin.viacheslaw@yandex.ru

Teplyashin Pavel Vladimirovich – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, pavlushat@mail.ru

Volkov Dmitry Yurievich – Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Investigative Activities of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, hartman1@yandex.ru

Zelenskaya Olga Olegovna – Lecturer, Department of Criminal Executive Law and organization of educational work with convicts Faculty of Law of the VIPE Federal Penitentiary Service of Russia, olga-020@mail.ru

Zhilkin Maxim Gennadievich – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Chair of Criminal Law at the Moscow Regional Branch of V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, zmax71@mail.ru

Zhitkov Alexey Anatolyevich – Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, zhitkoff2015@yandex.ru

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER

Unterbringung zur Erziehung in der Militäreinheit für Minderjährige als rechtliches Instrument zur Verhinderung von Vernachlässigung und Straftaten

Barkov A.V., Ovsyannikova Yu.V.

Ziel: die Möglichkeiten eines rechtlichen Rahmens für die Unterbringung von Minderjährigen in Militäreinheiten als rechtliches Instrument zur Verhinderung von Vernachlässigung und Straftaten aufzuzeigen.

Methodologie: Analyse und Synthese, Induktion und Deduktion, Vergleich, Abstraktion, formale juristische Methode, dialektische, systematische Methode, interdisziplinäre juristische Forschungsmethode.

Schlussfolgerungen. Neben der Erfüllung der Hauptaufgaben, die den Streitkräften zur Vorbereitung der bewaffneten Verteidigung der Russischen Föderation zugewiesen wurden, können die Militäreinheiten gegenwärtig wirksam zur Lösung des wichtigsten staatlichen und gesellschaftlich bedeutsamen Problems beitragen, nämlich der Vorbeugung der Vernachlässigung von Kindern und der Jugendkriminalität, indem sie Waisenkinder und Kinder ohne elterliche Fürsorge als Pflegekinder in die Militäreinheiten unterbringen. Die Militäreinheit sollte als Element des Systems zur Verhinderung von Straftaten anerkannt werden, und die Aufnahme von Waisen und Kindern ohne elterliche Fürsorge in die Listen der Militäreinheiten als Schüler ist eine Form der präventiven Einwirkung mit einem hohen Maß an Garantien für den Schutz der Rechte der Schüler, die auf die soziale Anpassung von vernachlässigten und heimatlosen Minderjährigen in einer schwierigen Lebenssituation abzielt. Die „Aufnahme von Minderjährigen in die Militäreinheit als Pflegekinder“ hat eine gemeinsame Rechtsnatur mit der Gruppe der Formen der Unterbringung von Kindern ohne elterliche Fürsorge, die nicht eindeutig im Familiengesetzbuch verankert sind und im Familienrecht als „andere Formen der Unterbringung“ bezeichnet werden, die das Verfahren, die Bedingungen für die Erziehung, die Bildung und den Unterhalt der Kinder festlegen und den Schutz ihrer Rechte und Interessen gewährleisten. Der Begriff „Aufnahme“, der rechtlich auf diesen komplexen und vielschichtigen Prozess angewandt wird, ist inhaltlich eng gefasst, da er nur ein Verfahrenselement widerspiegelt, und muss durch eine präzisere Definition der „Unterbringung zur Erziehung in der Militäreinheit für Minderjährige als Pflegekinder“ ersetzt werden, da er das Wesen der Tätigkeit widerspiegeln muss. Es wird vorgeschlagen, das in Art. 123 der Familiengesetzbuch RF enthaltene System der Organisationen für die Unterbringung von Kindern ohne elterliche Fürsorge dahingehend zu erweitern, dass es als systemisches Element „eine Militäreinheit, die Minderjährige als Pflegekinder unterbringt“ mit dem Status einer „sozial-adaptiven Vorbeugungseinrichtung“ umfasst.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung besteht darin, dass die Schlussfolgerungen, die als Ergebnis der Studie erhalten werden, im Prozess der weiteren wissenschaftlichen Untersuchung von Fragen im Zusammenhang mit der rechtlichen Regelung der sozialen Beziehungen, die entstehen, wenn Minderjährige in Militäreinheiten als Pflegekinder untergebracht werden, die Anpassung der Rechtsvorschriften, die Grundlage für methodische Empfehlungen, Anweisungen und in der Praxis der Militäreinheiten, die Pflegekinder aufnehmen, verwendet werden können.

Stichwörter: Unterbringung zur Erziehung in der Militäreinheit für Minderjährige, Militäreinheit, Vorbeugung von Vernachlässigung und Straftaten.

Determinanten des Einzelhandelsverkaufs von Alkohol an Minderjährige

Berndt A.A.

Ziel: eine umfassende Analyse der Determinanten des Einzelhandelsverkaufs von Alkohol an Minderjährige auf der sozio-sozialen, sozio-psychologischen und psychologischen Ebene zu erstellen.

Methodologie: direkte analytische Schlussfolgerungen in der Arbeit wurden auf der Grundlage von Methoden der Analyse, Synthese, Hypothese, Verallgemeinerung, sowie speziellen wissenschaftlichen statistischen und soziologischen Methoden gemacht. Die statistische Methode wurde für die quantitativen und qualitativen Merkmale des Einzelhandelsverkaufs von alkoholischen Getränken an Minderjährige, die Analyse der soziodemografischen Merkmale der nach Artikel 1511 des Strafgesetzbuchs RF Verurteilten, andere illegale Aktivitäten im Bereich des Einzelhandelsverkaufs und andere soziale Prozesse und Phänomene verwendet.

Es wurde eine soziologische Umfrage unter den Richtern des Autonomen Bezirks Chanty-Mansi – Jugra (60 Personen) durchgeführt, um die Probleme im Zusammenhang mit der Einhaltung des Verbots des Verkaufs alkoholischer Getränke an Minderjährige, die Gründe für diese rechtswidrigen Handlungen, die Anwälte, die die nach Artikel 1511 des Strafgesetzbuches RF Verurteilten verteidigten (150 Personen) – das Motiv für das Verbrechen zu untersuchen. Die Dokumentenanalyse diente der Untersuchung von Strafsachen nach Artikel 1511 des Strafgesetzbuchs RF (251 Verurteilungen), rechtswidrigen Handlungen und anderen sozialen Phänomenen.

Schlussfolgerungen. Negative Prozesse sozioökonomischer, politischer und geistig-moralischer Art bilden ein soziales und kriminogenes Umfeld für die Aktivitäten der Teilnehmer des Alkohol-Einzelhandelsmarktes und schaffen den Boden für die Entstehung einer kriminellen Motivation des Verkäufers, der Alkohol an Minderjährige verkauft. Der Prozess der Herausbildung seiner kriminellen Motivation wird in hohem Maße durch die Desozialisation in der Familie beeinflusst, in deren Verlauf eine Person keinen so sozial bedeutsamen Bezugspunkt wie die Sorge um die Zukunft junger Menschen hat. Der Prozess der Desozialisation der Persönlichkeit setzt sich in der beruflichen Tätigkeit fort. Unter dem Einfluss des sozio-kriminogenen Umfelds bildet sich die kriminelle Motivation zur Begehung der Straftat. In diesem Fall besteht das gewinnstüchtige Motiv des Verkäufers in dem Wunsch, seine materielle Situation auf Kosten des illegalen Verkaufs von Alkohol an einen Minderjährigen zu verbessern oder zu retten. Gleichzeitig wird er von dem Minderjährigen selbst zu der Straftat provoziert. Er agiert als aktiver Teilnehmer am Mechanismus dieses Verbrechens und schafft eine Konfliktsituation. Der Verkäufer hingegen hat den Wunsch, den Konflikt aufgrund emotionaler Gleichgültigkeit (Apathie) zu vermeiden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Diese Studie dient als Grundlage für die Ausarbeitung von Vorschlägen zur Verhinderung des Einzelhandelsverkaufs von Alkohol an Minderjährige unter Berücksichtigung der Bestimmungsfaktoren für ein solches Verhalten.

Stichwörter: Alkoholprodukte, Minderjährige, Kriminalität, Erwerbsmotiv, soziale, sozialpsychologische und psychologische Determinanten, sozio-kriminogenes Umfeld.

Nutzung von Ergebnissen der Genforschung in der Strafjustiz

Polubinskaya S.V.

Ziel: allgemeine Beschreibung der wichtigsten Anwendungsbereiche von Ergebnissen der Genforschung in der Strafjustiz; Darstellung von Beispielen für die Anwendung spezifischer genetischer Forschungsergebnisse und zugrundeliegender Technologien auf der Grundlage einer Analyse ausländischer wissenschaftlicher Literatur; Analyse der Standpunkte ausländischer Gerichte zur Zulässigkeit von genetischen Beweisen in Strafsachen.

Methodologie: dialektische Methode, Analyse, Synthese, formell-rechtliche Methode, rechtsvergleichende Methode, Methode der interdisziplinären Rechtsforschung.

Schlussfolgerungen. Als Ergebnis der durchgeführten Forschung kommt die Autorin zu dem Schluss, dass die Ergebnisse und Technologien von Gentests in der Strafjustiz vieler Länder gefragt sind. Das DNA-Fingerprint-Verfahren hat sich zu einer anerkannten Methode bei strafrechtlichen Ermittlungen entwickelt. Ausländische Gerichte sind sich in der Frage der Zulässigkeit von genetischen Beweisen in Strafsachen weniger einig.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. In dem Aufsatz werden zwei Hauptverwendungszwecke von genetischen Informationen in der Strafjustiz vorgestellt. Die DNA-Fingerprint-Methode ist daher bei der Untersuchung von Straftaten weit verbreitet. Derzeit gibt es in vielen Ländern forensische DNA-Informationsdatenbanken; die Einrichtung, der Umfang und die Art der Nutzung dieser Datenbanken werden durch nationale Rechtsvorschriften geregelt. Eine Durchsicht der ausländischen wissenschaftlichen Literatur zeigt, dass in der Strafjustiz verhaltensgenetische Erkenntnisse fast immer zu den mildernden Umständen gehören, die eine Strafmilderung bei schweren, meist gewalttätigen Straftaten rechtfertigen. Die Autorin macht darauf aufmerksam, dass die gerichtlichen Entscheidungen über die Zulässigkeit solcher genetischen Beweise auf einer Bewertung ihrer wissenschaftlichen Validität beruhen. Der kontroverse Charakter der vorliegenden Erkenntnisse über den Einfluss vererbter Faktoren auf das menschliche Verhalten ist der Grund für die Zurückhaltung der Gerichte bei der Verwendung solcher Beweise in Strafsachen. Die Autorin stellt jedoch fest, dass die verfügbaren Erkenntnisse über den Einfluss genetischer Variationen auf antisoziales Verhalten im Allgemeinen die etablierten strafrechtlichen Ansichten über die Gründe der strafrechtlichen Verantwortung nicht in Frage stellen.

Stichwörter: Strafjustiz, DNA-Fingerprint-Verfahren, forensische DNA-Datenbank, Verhaltensgenetik, MAOA-Gen, XYY-Syndrom, Strafrecht, strafrechtliche Verantwortung, Gericht, Beweismittel, Zulässigkeit von Beweismitteln, Sachverständigenbeweise, Sachverständigengutachten.

Die Probleme der Verhängung einer milderer Strafe als für dieses Verbrechen in der Rechtspraxis der Republik Armenien und der Russischen Föderation vorgesehen

Sargsyan A.A.

Ziel: die Probleme bei der Konstruktion einer Strafrechtsnorm, die eine geringere als die für die betreffende Straftat vorgesehene Strafe vorsieht, sowie die diesbezüglichen Fragen in der Rechtspraxis der Republik Armenien und der Russischen Föderation zu analysieren.

Methodologie: Deduktion, Induktion, formaljuristische, rechtsvergleichende Methoden.

Schlussfolgerungen. In Anbetracht der Ausrichtung des Strafrechts auf das Konzept des Individuums, der Notwendigkeit der Umsetzung internationaler Standards, allgemein anerkannter Grundsätze und Normen der internationalen Gemeinschaft, der Grundsätze der Gerechtigkeit, des Humanismus und der Bedeutung der Erreichung der Ziele der Bestrafung gewinnt die Institution der Verhängung einer milderer Strafe als die für das Verbrechen vorgesehene, als wichtigstes Instrument zur Individualisierung der Strafe besondere Bedeutung. Die strafrechtlichen Bestimmungen müssen verbessert werden, um ihre möglichst wirksame und einheitliche Anwendung in der Praxis zu gewährleisten. Der Beitrag enthält wissenschaftlich begründete Empfehlungen zur Verbesserung der gegenwärtigen Gesetzgebung und Praxis der Anwendung des Instituts der Strafmilderung, insbesondere werden Vorschläge zur Einschränkung des richterlichen Ermessens bei gleichzeitiger Darlegung seiner Bedeutung gemacht.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Ergebnisse dieser Studie können dazu beitragen, die Lücken in der gesetzlichen Regelung für mildere Strafen als die für diese Straftat vorgesehenen sowie die Praxis ihrer Anwendung zu verbessern.

Stichwörter: Strafe, Strafmilderung, Strafziele, Gerechtigkeit, Humanismus, unter der Untergrenze, außergewöhnliche Umstände, mildernde Umstände, Gesamtheit der Umstände, richterliches Ermessen.

Einige Fragen der Regelung der Mittäterschaft bei Straftaten nach dem neuen Strafgesetzbuch der Republik Armenien

Rashidyan A.A.

Ziel: einige Fragen der Regelung der Mittäterschaft bei Straftaten nach dem neuen Strafgesetzbuch der Republik Armenien zu analysieren.

Methodologie: Deduktion, formaljuristische Methode, rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Der Autor kommt zu dem Schluss, dass die Verwendung der Formulierung „zwei oder mehr strafrechtlich Verantwortliche“ anstelle der Formulierung „zwei oder mehr Personen“ in der gesetzlichen Mittäterdefinition sinnvoll ist und sich aus der modernen Strafrechtslehre zu diesem Problem ergibt. Die gesetzliche Ausweitung der Formen der Mittäterschaft, insbesondere die Berücksichtigung der Handlungen einer Person als Mittäter, die andere Mittäter bei der Begehung eines Diebstahls gegen eine mögliche Entdeckung absichert (Sicherheit bietet), ohne Handlungen zur Ergreifung und (oder) Weitergabe von Eigentum vorzunehmen, entspricht dem Wesen von Gruppendelikten. Mit dieser Formulierung wird eine klare Unterscheidung zwischen Täter und Mittäter getroffen.

Die Verankerung des Fachbegriffs von Spezialsubjekt im Gesetz ist von großer praktischer und theoretischer Bedeutung. Diese Formulierung muss jedoch präzisiert und ergänzt werden. Der Autor begründet die Notwendigkeit, fahrlässiger Mitbeteiligung und fahrlässiger Mittäterschaft an einer Straftat zu unterscheiden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Im Zusammenhang mit der Verabschiedung eines neuen Strafgesetzes müssen die strafrechtlichen Normen, die die Beziehungen im Zusammenhang mit der Mittäterschaft bei Straftaten regeln, zusätzlich überdacht und analysiert werden. Darüber hinaus wird das Studium der Erfahrungen der Republik Armenien, einschließlich der gesetzlichen Regelung der Mittäterschaft bei Straftaten, dem russischen Gesetzgeber ermöglichen, eine Reihe von Problemen im Zusammenhang mit der Verbesserung der einschlägigen Rechtsnormen im Strafgesetzbuch der Russischen Föderation zu lösen.

Schlüsselwörter: Republik Armenien, Mittäterschaft, Strafrecht, Kriminalität, Spezialsubjekt, Täter, Komplize, strafrechtliche Verantwortung, Unzurechnungsfähigkeit, Subjekt des Verbrechens, Kassationsgericht.

Rechtsvergleichende Analyse der Strafgesetzgebung der Russischen Föderation und der GUS-Staaten, die die Haftung für Betrug auf dem Verbrauchermarkt vorsieht: Problemstellung

Zhilkin M.G., Dotsenko E.A.

Ziel: die Probleme der strafrechtlichen Verantwortlichkeit für Betrug im Bereich des Verbrauchermarktes in der Russischen Föderation und den GUS-Staaten zu ermitteln.

Methodologie: Deduktion, formell-rechtliche Methode, rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Eine vergleichende Analyse der Gesetzgebung der Russischen Föderation und der GUS-Staaten ermöglichte es, problematische Fragen der Verantwortlichkeit für Betrug auf dem Verbrauchermarkt zu identifizieren und Wege zu ihrer Lösung aufzuzeigen, nämlich: die Möglichkeit, eine separate Gruppe von Straftaten auf dem Verbrauchermarkt zu identifizieren; die Notwendigkeit, Handlungen im Zusammenhang mit Betrug auf dem Verbrauchermarkt zu kriminalisieren, einschließlich des „Preisbetrugs“ oder illegaler Preiserhöhungen; die kriminologische Gültigkeit der breiten Anwendung der Haftungsregelung für den Warenverkehr und die Erbringung von Dienstleistungen, die den Sicherheitsanforderungen nicht genügen; die Notwendigkeit, kontroverse Fragen der strafrechtlichen Bewertung von Handlungen zu lösen, deren soziale Gefahr durch die digitale Transformation sozialer Beziehungen und anderer objektiver Bedingungen für das Funktionieren der Gesellschaft im Kontext einer verstärkten staatlichen Kontrolle der Marktbeziehungen verursacht wird.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung liegt darin, dass die Ergebnisse einer rechtsvergleichenden Analyse der Betrugsfälle auf dem Verbrauchermarkt und die damit verbundenen zusätzlichen Erkenntnisse in diesem Bereich es ermöglichen werden, bestehende Widersprüche zu beseitigen und Lücken im Strafrecht zu schließen und Vorschläge zur Verbesserung des geltenden russischen Strafrechts zu erarbeiten, sowie Empfehlungen zur Überwindung von Problemen zu entwickeln, die bei der strafrechtlichen Beurteilung von Betrugshandlungen auf dem Verbrauchermarkt auftreten. Die Umsetzung dieser Vorschläge und Empfehlungen wird dazu beitragen, die Wirksamkeit der Strafgesetzgebung zur Haftung für Straftaten auf dem Verbrauchermarkt zu verbessern und die in diesem Bereich der Strafverfolgungspraxis entstehenden Probleme zu lösen.

Stichwörter: Strafrechtliche Haftung, Verbrauchermarkt, Verbraucherbetrug, GUS-Staaten, rechtsvergleichende Analyse, unternehmerische Tätigkeit.

Umsetzung der internationalen Normen zum Schutz des menschlichen Genoms, des Embryos und der genetischen Informationen in die russische Strafgesetzgebung

Galyukova M.I.

Ziel: internationale Rechtsgrundsätze zur rechtlichen Regelung des Schutzes genetischer Daten, der Humangenomforschung und zum Verbot des Klonens von Menschen stehen immer wieder im Blickpunkt von Öffentlichkeit, Politikern, Genetikern und Juristen. Die Integration internationaler Normen im Bereich der Bioethik und Biogenetik in den Rechtsrahmen der Russischen Föderation wird jedoch von einem hohen Maß an Zurückhaltung und unmotivierter Trägheit begleitet. Ziel dieses Beitrags ist es, den Inhalt der internationalen Rechtsakte zu analysieren und die wichtigsten Ideen im Bereich der biologischen Sicherheit und der Biopolitik zu identifizieren, deren weitere Argumentation die wissenschaftliche Gemeinschaft zur Bildung eines vollständigen Konzepts des strafrechtlichen Schutzes der biogenetischen Rechte des Menschen führen wird.

Methodologie: die folgenden allgemeinen wissenschaftlichen Erkenntnismethoden wurden als Hauptmethoden verwendet: Übergang vom Abstrakten zum Konkreten, Modellierung, Vergleich, Analyse und Synthese, Induktion und Deduktion.

Schlussfolgerungen. Auf der Grundlage der Analyse internationaler Rechtsakte und bestehender Ansätze zur Auslegung internationaler Regelungen wird die vom Autor vorgenommene Klassifizierung internationaler Rechtsakte im Bereich des Biorechts und der Bioethik vorgestellt. Es wird eine Analyse der wichtigsten internationalen Rechtsakte im Bereich der Biopolitik, der Bedeutung der Rechtsakte des „Soft Law“ für die Entwicklung der nationalen Strafrechtswissenschaft im Bereich des Biobankings, der Bioinformatik und des Fortpflanzungsrechts durchgeführt. Auf der Grundlage internationaler Normen wird die Position des Autors in Bezug auf die Verschärfung der strafrechtlichen Verantwortung für das Klonen von Menschen, die illegale Sammlung, Speicherung und Verbreitung genetischer Informationen und die Veränderung des menschlichen Genoms begründet.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung liegt in dem von der Autorin vorgeschlagenen Modell zur Reformierung bestimmter Artikel des Besonderen Teils des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation sowie in der Konstruktion neuer Delikte gegen die Person: Klonen von Menschen, Veränderung des menschlichen Genoms. Das vorgeschlagene Modell leistet einen Beitrag zur Theorie des Strafrechts, einschließlich der Systematisierung des Besonderen Teils des Strafgesetzbuchs, und kann als Grundlage für die wissenschaftliche Diskussion dienen.

Stichwörter: menschliches Genom, genetische Daten, Embryo, Bioethik, Menschenrechte, Völkerrecht, Biosicherheit, Hightech-Medizin, Biopolitik, Klonen, Biobanking, genetischer Pass, Strafrecht, Straftaten gegen biogenetische Menschenrechte, Gesetzgeber, innovative Technologien.

Differenzierung der strafrechtlichen Verantwortung durch die Gestaltung eines neuen privilegierten Eigentumsdelikts

Shtankova A.P.

Ziel: Ziel ist es, die Möglichkeit und die Notwendigkeit einer Differenzierung der strafrechtlichen Verantwortung durch die Gestaltung eines neuen privilegierten Eigentumsdelikts zu ermitteln.

Methodologie: Deduktion, Analyse, Beschreibung, systemisch-strukturelle Methode.

Schlussfolgerungen. Das Strafrecht muss der sich verändernden kriminellen Situation und dem unterschiedlichen Grad der öffentlichen Gefährlichkeit der Straftat Rechnung tragen. Unter den heutigen schwierigen Bedingungen zeigen russische Statistiken eine wachsende Zahl von Menschen, die mit einem Einkommen unterhalb des Existenzminimums leben. Infolgedessen entsteht eine neue Art von Kriminalität – Diebstahl "aus Not", Diebstahl, der von Menschen begangen wird, die sich in einer schwierigen, manchmal hoffnungslosen finanziellen Situation befinden. Die in dem Artikel genannten Merkmale, die die Elemente des vorgeschlagenen Corpus Delicti offenlegen, können als Umstände wirken, die eine geringere strafrechtliche Verantwortung für den Diebstahl fremden Eigentums bewirken und somit den Grad der öffentlichen Gefahr im Vergleich zu dem Haupttatbestand des Diebstahls erheblich verändern und folglich die strafrechtliche Verantwortung und die Strafe differenzieren.

Nach Ansicht der Autorin des Beitrags ist es unter Berücksichtigung der Veränderungen im sozioökonomischen Leben der Gesellschaft notwendig, ein solches Corpus Delicti in der Russischen Föderation einzuführen, das eine gerechte Verfolgung von Personen für Straftaten mit mildernden Umständen ermöglichen wird.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Auswirkungen solcher mildernden Umstände auf die Differenzierung der strafrechtlichen Verantwortung können zur Verwirklichung einer gerechten strafrechtlichen Verantwortung für Straftaten mit geringerer Gesellschaftsgefährlichkeit beitragen und sich in der Entwicklung der Institution der privilegierten Straftaten im Allgemeinen niederschlagen.

Stichwörter: Diebstahl, strafrechtliche Verantwortung, Differenzierung, öffentliche Gefahr, mildernde Umstände.

Umsetzung des Konzepts für die Entwicklung des Strafvollzugssystems der Russischen Föderation bis 2030 im Rahmen der Nelson-Mandela-Regeln

Teplyashin P.V.

Ziel: die Rolle der Mindestgrundsätze der Vereinten Nationen für die Behandlung der Gefangenen (Nelson-Mandela-Regeln) bei der Umsetzung des Konzepts für die Entwicklung des Strafvollzugssystems in der Russischen Föderation bis 2030 zu definieren.

Methodologie: es wurden die formaljuristischen und systemstrukturellen Methoden sowie die Methode der Rechtsvergleichung angewandt.

Schlussfolgerungen. Es werden Argumente für die Universalität der in den Nelson-Mandela-Regeln enthaltenen Normen und Standards angeführt. Am Beispiel der Korrelation zwischen den Kategorien „Wiedereingliederung“, „Resozialisierung“, „soziale Anpassung“ und „Besserung“ wird die Diskrepanz zwischen einigen Bestimmungen des nationalen Strafrechts und der Nelson-Mandela-Regeln aufgezeigt. Es hat sich gezeigt, dass die Umsetzung der Bestimmungen dieses internationalen Rechtsakts bei der Modernisierung der russischen Strafvollstreckung nicht ausreichend aktiv ist.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Konkretisierung bestimmter Aspekte für die optimale Umsetzung des Konzepts der Entwicklung des Strafvollzugssystems der Russischen Föderation für den Zeitraum bis 2030 sowie der internationalen Rechtsgrundlage für die Behandlung von Gefangenen.

Stichwörter: internationale Verpflichtungen, internationales Recht, Wahrung berechtigter Interessen, Strafrechtspolitik, Universalität der Grundsätze, Justizvollzugsanstalt der vereinigten Art.

Struktur der Strafvollzugskriminalität und Maßnahmen zu ihrer Bekämpfung

Khokhrin S.A.

Ziel: die Reform des Strafvollzugs und die Einführung zusätzlicher Strafarten haben es in den letzten Jahren ermöglicht, die Gesamtzahl der Insassen, die ihre Strafe in Strafvollzugsanstalten verbüßen, deutlich zu reduzieren. In letzter Zeit hat die Kriminalität in den Justizvollzugsanstalten jedoch erheblich zugenommen, und infolgedessen ist auch die Zahl der von den Insassen begangenen Straftaten gestiegen. Die Wissenschaft hat festgestellt, dass die Gefängnisstrafkriminalität mit der Art der Strafvollzugsanstalt zusammenhängt, und es ist umstritten, welchen Einfluss

das Personal und die Bedingungen in der Einrichtung auf die Gefängniskriminalität haben. Verabschiedung einer Reihe von Dokumenten durch die Regierung der Russischen Föderation: erstens das Konzept für die Entwicklung des Straf- und Strafvollzugssystems der Russischen Föderation für den Zeitraum bis 2030, das durch den Erlass № 1138-r vom 29. April 2021 gebilligt wurde; zweitens das Programm für die wissenschaftliche Grundlagenforschung in der Russischen Föderation für den langfristigen Zeitraum (2021–2030) im Hinblick auf die Entwicklung alternativer sozialer Einwirkungssysteme, die auf die Vorbeugung und Bekämpfung kriminellen Verhaltens in Strafvollzugsanstalten ausgerichtet sind; ermöglicht uns, die Relevanz der Untersuchung der kriminologischen Merkmale und der Bestimmung der Determinanten der Kriminalität im Strafvollzug zu formulieren.

Methodologie: die Methode der statistischen Beobachtung wurde aktiv bei der Untersuchung von Dokumenten (Verwaltungsdokumente des Strafvollzugs, Strafsachen, Berichte des Dienstes, Urteile usw.) angewandt, es wurden Zusammenfassungen und Gruppierungen von statistischem Beobachtungsmaterial vorgenommen, absolute und relative statistische Werte bestimmt, Datenstichproben und -analysen durchgeführt und die Dynamik von Indikatoren analysiert.

Schlussfolgerungen. Die Analyse der statistischen Berichte führt zu der Schlussfolgerung, dass die Situation in den Strafvollzugsanstalten ungünstig ist. Und eine kriminologische Analyse wird eine gründliche Untersuchung der Determinanten ermöglichen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die kriminologischen Merkmale der Gefängniskriminalität und die Bildung ihrer Determinanten ermöglichen es uns, sie für die Weiterentwicklung der theoretischen Probleme der Kriminalität, ihrer Varianten, für die Entwicklung von Präventionsmaßnahmen, die Verbesserung der Strafgesetzgebung sowie die Aktivitäten des Straf- und Strafvollzugssystems zu nutzen.

Stichwörter: Strafvollzugskriminalität, Justizvollzugsanstalten, Insassen, Determinanten, verbotene Gegenstände, Personal, Kriminalitätsfaktoren, Kriminalitätslatenz, Haftregime.

Aktuelle Fragen der Prävention von abweichendem Verhalten von Minderjährigen durch die Bildung einer Beispielliste von Markern (Kriterien) zur Bewertung der Möglichkeiten der Beteiligung eines Minderjährigen an einer kriminellen Subkultur, einschließlich der in der Russischen Föderation verbotenen AUE-Bewegung

Morozov R. M., Volkov D. Yu.

Ziel: die vorhandene wissenschaftliche Literatur und die Erfahrungen der Strafverfolgungsbehörden zu analysieren und eine Gruppe von Markern (Kriterien) zu erarbeiten, die es ermöglichen, das abweichende Verhalten von Minderjährigen rechtzeitig und gezielter zu verhindern. Die Autoren des Beitrags behandeln die Probleme der Prävention von abweichendem Verhalten bei Minderjährigen durch die Definition von Markern (Kriterien), die die Möglichkeit der Beteiligung eines Minderjährigen an einer kriminellen Subkultur, einschließlich der in der Russischen Föderation verbotenen AUE-Bewegung, aufdecken. Außerdem werden Indikatoren und Marker untersucht, um den Anhänger der AUE-Bewegung von anderen antisozialen Subkulturen wie Fußballfans (Hooligans) und Skinheads (rechtsextreme Gruppierungen) zu unterscheiden. Die Arbeit gibt eine kurze Analyse der Geschichte und des aktuellen Stands der Subkultur AUE in Russland und zeigt die Indikatoren auf, die auf die Zugehörigkeit zur kriminellen Ideologie hinweisen können: äußere Merkmale, Lebensstil und Verhalten, Sprachmerkmale und so weiter.

Methodologie: dialektische Methode, Analyse, Synthese, Deduktion, formal-rechtliche Methode, systemische Methode, Fragebogen, Methode der branchenübergreifenden Rechtsforschung.

Schlussfolgerungen. Die weit verbreitete kriminelle AUE-Subkultur, insbesondere ihre Zugänglichkeit, wirkt sich negativ auf Minderjährige aus, vermittelt ihnen falsche Lebenseinstellungen und erhöht die Zahl der rechtswidrigen Handlungen. Wenn die Strafverfolgungsbeamten bei ihrer täglichen Arbeit nicht nur ein einziges Kriterium für die Zugehörigkeit einer Person zu einer kriminellen Subkultur, sondern mehrere Kriterien (Marker) rechtzeitig erkennen, ermöglicht es, Personen mit abweichenden Verhaltensweisen zu identifizieren und individuelle Präventionsmaßnahmen für sie durchzuführen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Bisher wurde die Untersuchung einzelner Kriterien (Marker) der kriminellen Subkultur in der wissenschaftlichen Literatur noch nicht ausreichend behandelt. Es scheint, dass es ohne eine systematische Analyse und ein Verständnis dieser Kriterien (Marker) für die Strafverfolgungsbehörden schwierig sein wird, die Anhänger dieser Subkultur rechtzeitig zu identifizieren, was zu einer Zunahme der von diesen Personen begangenen Straftaten führen und die Effizienz der Strafverfolgungsbeamten beeinträchtigen könnte.

Stichwörter: AUE, Einheit der Gefangenen, Gefangener Weg ist einer, kriminelle Subkultur, kriminelle Ideologie, Prävention von abweichendem Verhalten, Marker, Kriminalprävention, Strafverfolgung, Strafverfolgungsbehörden.

Einige Merkmale der Bewährung für lebenslänglich verurteilte Gefangene

Zelenskaya O.O.

Ziel: einige Merkmale der Bewährung für lebenslänglich Verurteilte zu untersuchen, einschließlich der Ansichten verschiedener Wissenschaftler zur Bewährung für lebenslänglich verurteilte Gefangene.

Methodologie: dialektische Methode, Analyse, Deduktion, rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Die strafrechtlichen Vorschriften über die Strafmilderung beruhen auf den Bestimmungen von Artikel 50 der Verfassung der Russischen Föderation, wonach jeder Verurteilte das Recht hat, einen Antrag auf Strafmilderung zu stellen. Die Entlassung wird als Bewährung bezeichnet, weil sie vor Ablauf der vom Gericht verhängten Strafe erfolgt. Mit der Bewährung werden der verurteilten Person bestimmte Bedingungen (Auflagen, Belastungen) auferlegt, die sich auf ihr Verhalten nach der Entlassung beziehen. Die Bedingungen werden vom Gericht gemäß Artikel 79 Teil 2 des Strafgesetzbuchs festgelegt und bestehen darin, der verurteilten Person bestimmte Verpflichtungen aufzuerlegen. Ein wichtiger Umstand ist, dass die bedingte Entlassung aufgehoben werden kann, wenn die vom Gericht auferlegten Verpflichtungen gemäß den Normen der geltenden Gesetzgebung der Russischen Föderation nicht erfüllt werden, was in Teil 7 des Artikels 79 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation zum Ausdruck kommt. Es sei auch darauf hingewiesen, dass die Bestrafung nach Artikel 43 Teil 2 des Strafgesetzbuchs darauf abzielt, die soziale Gerechtigkeit wiederherzustellen, den Verurteilten zu bessern und ihn von neuen Straftaten abzuhalten. Das Gericht lässt sich bei der Prüfung des Antrags des Verurteilten auf Bewährung in erster Linie davon leiten, ob die Strafe die erforderlichen Ziele erreicht hat. Die Einschätzung des Gerichts, ob der Verurteilte wahrscheinlich rückfällig wird, spielt hier eine wichtige Rolle. Die Voraussetzungen für die Vermeidung einer erneuten Straftat nach der Bewährung müssen dem Gericht klar sein. So kann die Bewährung nur bei Verurteilten angewandt werden, die nach Ansicht des Gerichts nicht die gesamte vom Gericht zu ihrer Besserung verhängte Strafe zu verbüßen haben und den in der Gesetzgebung der Russischen Föderation vorgesehenen Teil der Strafe verbüßt haben. Darüber hinaus sollten bei der Anwendung von Bewährungsmaßnahmen im Falle einer bedingten Entlassung eines Verurteilten seine Persönlichkeit, die Schwere der begangenen Straftat, seine Eigenschaften, sein Alter, bestehende Krankheiten und andere persönliche Eigenschaften berücksichtigt werden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Schlussfolgerungen und Vorschläge des Beitrags können bei der Rechtsetzung, in der Forschung und in der Strafverfolgungspraxis verwendet werden.

Stichwörter: Verurteilte, Bewährung, lebenslange Haft, Verbüßung der Strafe im ordentlichen Rechtsweg, Gesuche, Opfer, gesetzlicher Vertreter.

Anwendung grundlegender Maßnahmen zur Resozialisierung von Frauen während und nach der Inhaftierung

Latysheva L.A.

Ziel: die positiven Erfahrungen einiger Frauenvollzugsanstalten der Russischen Föderation bei der Anwendung grundlegender Besserungsmaßnahmen (Resozialisierung) von Gefangenen zu analysieren, den inhaltlichen Aspekt aufzuzeigen, die Besonderheiten der Anwendung von Resozialisierungsmaßnahmen bei Frauen im Freiheitsentzug hervorzuheben und eine Reihe von Empfehlungen zur Verbesserung der aktuellen Gesetzgebung und Praxis ihrer Anwendung in diesem Bereich zu geben.

Methodologie: die methodologische Grundlage der durchgeführten Forschung ist eine Reihe von kognitiven Methoden, zu denen auch Methoden der systemischen, vergleichenden Analyse, des Vergleichs und des logischen Vergleichs gehören. Es wurden insbesondere wissenschaftliche Methoden angewandt: formaljuristische, rechtsvergleichende.

Schlussfolgerungen. Gegenwärtig entsprechen die auf die Häftlinge angewandten Strafvollzugsmittel den Zielen der Resozialisierung, werden aber aufgrund der individuellen Merkmale und spezifischen Bedürfnisse und Probleme der weiblichen Häftlinge mit einer anderen Bedeutung als der traditionellen Auslegung gefüllt. In diesem Zusammenhang ist es ratsam, eine Reihe von Änderungen an der geltenden russischen Strafgesetzgebung sowie an der Praxis der Anwendung grundlegender Besserungsmaßnahmen (Resozialisierung) bei Frauen, die eine Haftstrafe verbüßen, vorzunehmen. Es wird daher vorgeschlagen, Teil 2 Artikel 9 des Strafvollzugsgesetzes der Russischen Föderation, um solche Besserungsmittel wie sozial nützliche und gesellschaftlich bedeutsame Tätigkeiten zu ergänzen. Unter einer "sozial nützlichen und gesellschaftlich bedeutsamen Tätigkeit" versteht man eine zielgerichtete, freiwillige Tätigkeit der Gefangenen, die auf die Entwicklung ihrer gesellschaftlich wertvollen Eigenschaften, ihrer schöpferischen Fähigkeiten und den Erwerb lebenswichtiger Fertigkeiten durch die Schaffung gesellschaftlich nützlicher Produkte

abzielt. Gleichzeitig ist es ratsam, im Strafvollzugsgesetzbuch der Russischen Föderation unter Berücksichtigung der individuellen Merkmale weiblicher Gefangener ein spezielles Kapitel vorzusehen, das die Fragen der Vollstreckung krimineller Strafen und anderer strafrechtlicher Maßnahmen in Bezug auf Frauen regelt. Besonderes Augenmerk wird auf die Resozialisierung von Frauen mit kleinen Kindern in der Strafvollzugsanstalt gelegt. Die Hauptrichtung der Resozialisierung dieser Kategorie von Gefangenen sollte die Wiederbelebung der mütterlichen Gefühle und Eigenschaften sein.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Analyse der wichtigsten Mittel zur Besserung/Resozialisierung von Frauen, die zu einer Haftstrafe verurteilt wurden, die Schlussfolgerungen und die entwickelten Empfehlungen zur Verbesserung der aktuellen Strafgesetzgebung und der Praxis ihrer Anwendung können für weitere Forschungen in diesem Bereich, in der Strafverfolgungspraxis sowie bei der Gesetzgebung zur Einführung von Gesetzesänderungen genutzt werden.

Stichwörter: Strafvollzugssystem, Justizvollzugsanstalten, Mittel der Strafvollstreckung für Verurteilte, Mittel zur Resozialisierung von Sträflingen, zu Freiheitsstrafen verurteilte Frauen, Verbüßung einer Freiheitsstrafe, Resozialisierung von Sträflingen, Nachbetreuung von den aus dem Gefängnis entlassen Personen, Erziehungsarbeit, gesellschaftliche Einwirkung.

Öffentliche Beobachtungskommission der Subjekte der Russischen Föderation: aktuelle Fragen und Probleme der Organisation von Aktivitäten

Pavlushkov A.R.

Ziel: die Entwicklung des modernen Strafverfolgungssystems im Allgemeinen und des Strafvollzugs im Besonderen geschieht in enger Zusammenarbeit mit der Zivilgesellschaft. Die Institution der öffentlichen Kontrolle ist eine relativ neue Einrichtung, die darauf abzielt, die Rechte von Personen in Haftanstalten zu gewährleisten. Die Zweckmäßigkeit solcher Aktivitäten steht außer Frage, da sie den gemeinsamen Interessen von Staat, Gesellschaft und Individuum entsprechen. Der Beitrag befasst sich mit den Besonderheiten der Arbeit der öffentlichen Beobachtungskommissionen in den Subjekten der Russischen Föderation. Die Rolle und die Funktionen der öffentlichen Beobachtungskommissionen werden dargelegt, und es wird eine kurze Analyse einiger in den letzten Jahren aufgetretener Probleme bei ihrer Tätigkeit gegeben.

Jede Aktivität muss analysiert werden, um sie weiter zu verbessern. Das Hauptziel des Beitrags besteht darin, die bestehenden Probleme bei der Tätigkeit der öffentlichen Beobachtungskommissionen zu analysieren.

Der erste Teil des Beitrags ist der Untersuchung des rechtlichen Status der öffentlichen Beobachtungskommission gewidmet. Ihre Aufgaben und Tätigkeitsbereiche werden konkretisiert. Die Gesetzgebung spiegelt die Rolle dieser öffentlichen Einrichtung im System der öffentlichen Kontrolle deutlich wider. Derzeit gibt es jedoch kein Konzept für eine öffentliche Beobachtungskommission, so dass sie nicht verstanden werden kann. Das Fehlen einer formalen Definition des rechtlichen Status der öffentlichen Beobachtungskommission führt zu Schwierigkeiten bei der Interaktion mit staatlichen Behörden und nachgeordneten Einrichtungen. Diese Schwierigkeiten wurden teilweise durch das Bundesgesetz "Über die öffentliche Kontrolle der Menschenrechte an Orten der Zwangshaft und die Unterstützung von Personen an Orten der Zwangshaft" gelöst, das die öffentliche Beobachtungskommission als ein Subjekt der öffentlichen Kontrolle und der Unterstützung von Personen an Orten der Zwangshaft definiert.

Der zweite Teil des Beitrags befasst sich mit der Analyse bestimmter Probleme bei der Tätigkeit der öffentlichen Beobachtungskommissionen. Dazu gehören Widersprüche organisatorischer und rechtlicher Natur. Zu diesen Problemen gehört die geringe fachliche Kompetenz einiger Mitglieder der öffentlichen Beobachtungskommissionen, was zu einer Verringerung der Arbeitseffizienz führt. Die Gründe für die derzeitige Situation (kurze Amtszeit, förmliche Auswahl der Kandidaten) und die Vorschläge der Betroffenen für deren Behebung werden offengelegt. Schwerwiegende Probleme sind: mangelnde Transparenz bei der Auswahl der Kommissionsmitglieder, mangelndes gegenseitiges Verständnis zwischen dieser Formation und der Leitung der Haftanstalten sowie fehlende Finanzierung. Die Inhalte der einzelnen Probleme, die Gründe für ihr Auftreten und ihre spezifischen Erscheinungsformen werden dargelegt.

Methodologie: bei der Vorbereitung des Beitrags wurden verschiedene wissenschaftliche Methoden verwendet: Analyse, Systematisierung von Informationen, formal-rechtliche und dialektische Methoden, die Methode der branchenübergreifenden Rechtsforschung.

Schlussfolgerungen. Die Analyse der aktuellen Gesetzgebung und der praktischen Tätigkeit der öffentlichen Beobachtungskommission der Subjekte der Russischen Föderation zeigt, dass die meisten der angesprochenen

Probleme auf Unzulänglichkeiten im bestehenden Mechanismus der öffentlichen Kontrolle zurückzuführen sind und sowohl legislative als auch organisatorische Lösungen erfordern.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Untersuchung der Aktivitäten öffentlicher Beobachtungskommissionen erweitert das Verständnis der Rolle der Zivilgesellschaft im System der Organisation der öffentlichen Kontrolle über die Haftanstalten. Die Identifizierung problematischer Momente in den Aktivitäten und ihre anschließende Beseitigung wird es ermöglichen, die Umsetzung der Rechte von Personen, die in Haftanstalten festgehalten werden, zu gewährleisten.

Stichwörter: öffentliche Beobachtungskommission, öffentliche Kontrolle, öffentliche Kammer, Zivilgesellschaft, Haftanstalten, Mitglied der öffentlichen Beobachtungskommission.

Zu den Zielen von Menschenrechtsorganisationen im Bereich des Strafvollzugs

Rudakov A.M.

Ziel: das Strafvollzugspotenzial von Menschenrechtsorganisationen im Strafvollzug aufzuzeigen, die nach Ansicht des Autors einseitig agieren: Sie konzentrieren sich auf die Rechte und Freiheiten der Gefangenen, schweigen aber über ihre Pflichten und Verantwortlichkeiten gegenüber der Gesellschaft, deren Normen sie verletzt haben.

Methodologie: Deduktion, formale Rechtsmethode, rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Das Hauptziel des Zusammenwirkens zwischen den Mitarbeitern des Strafvollzugs der Russischen Föderation und den Mitgliedern der im Strafvollzug tätigen Menschenrechtsorganisationen besteht unseres Erachtens darin, den Gefangenen bei der Resozialisierung zu helfen, in ihnen eine respektvolle Haltung gegenüber der Person, der Gesellschaft, der Arbeit, den Normen, Regeln und Traditionen der menschlichen Gemeinschaft zu bilden und ein gesetzkonformes Verhalten zu fördern. Wenn sich die Mitglieder von Menschenrechtsorganisationen, die im Strafvollzug tätig sind, ausschließlich auf die Gewährleistung der Rechte und Freiheiten von Verurteilten konzentrieren, wird die Verwirklichung der Ziele der Strafvollzugsgesetzgebung offensichtlich behindert. Dies untergräbt sowohl die pädagogischen Grundsätze der Persönlichkeitsbildung, als auch die verfassungsrechtlichen Grundlagen des menschlichen Zusammenlebens in der Russischen Föderation: jeder Bürger der Russischen Föderation genießt auf dem Territorium der Russischen Föderation alle Rechte und Freiheiten und hat die gleichen Pflichten gemäß der Verfassung der Russischen Föderation (Artikel 6 Teil 2 der Verfassung RF).

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Suche nach Kompromissen zwischen den Mitarbeitern des Strafvollzugssystems der Russischen Föderation und den Vertretern von Menschenrechtsorganisationen in der Zielkomponente ihrer Zusammenarbeit wird die Umsetzung der Grundrechte und -freiheiten der Insassen von Haftanstalten gewährleisten und die Erfüllung der durch die Strafvollzugsgesetzgebung festgelegten Pflichten organisieren. Gleichzeitig enthält der Beitrag Empfehlungen für Mitglieder von Menschenrechtsorganisationen für eine möglichst effektive Zusammenarbeit mit dem Föderalen Strafvollzugsdienst Russlands.

Stichwörter: Strafrechtssystem, Menschenrechtsorganisationen, internationale Zusammenarbeit, Strafgefangene, Rechte und Freiheiten.

Das Kriminalstrafensystem in den postsowjetischen Staaten

Silkin V.P.

Ziel: die Erfahrungen mit der gesetzlichen Regelung des Strafvollzugs in den Strafgesetzbüchern der postsowjetischen Staaten zu vergleichen und zu analysieren.

Methodologie: rechtsvergleichende Methode, Deduktion, formalrechtliche Methode.

Schlussfolgerungen. Die ständige Verbesserung des Systems der Strafen und seiner Strukturelemente – Arten von Strafen – ist ein wichtiger Bestandteil der Bekämpfung der Kriminalität, denn davon, welche Strafen in diesem System enthalten sind, wie groß ihr Umfang, ihr Inhalt und ihr Verhältnis zueinander ist und wie wirksam die Praxis ihrer Anwendung ist, hängt im Allgemeinen der Erfolg der Bekämpfung der Kriminalität ab. Ein wichtiges Instrument zur Verbesserung des Strafsystems können rechtsvergleichende Untersuchungen sein, insbesondere von Strafgesetzen, die Russland nicht nur in Bezug auf die Rechtsfamilie, sondern auch historisch ähnlich sind, also die Gesetze der postsowjetischen Staaten. Der Autor kommt zu dem Schluss, dass das russische Strafsystem mit verschiedenen Arten von Strafen überfordert ist, darunter auch solchen, die nicht funktionieren. Er begründet, warum eine Reihe von Strafen wie Verhaftung, Todesstrafe, Zwangsarbeit, Inhaftierung in einer militärischen Disziplinarinheit aus Art. 44 des russischen Strafgesetzbuches ausgeschlossen werden sollten, während andere – lebenslange Haft, Pflichtarbeit, Besserungsarbeit – umgewandelt werden sollten. Gleichzeitig wird die Notwendigkeit der Aufnahme neuer Arten von

Strafen in das russische Strafsystem am Beispiel ausländischer Gesetzgebungserfahrungen begründet: Beschlagnahme von Eigentum, Aufgabe, den Schaden wiedergutzumachen, Abschiebung von ausländischen Staatsbürgern und Staatenlosen aus Russland.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Das Studium der gesetzgeberischen Erfahrungen aus dem Ausland, einschließlich der gesetzlichen Regelung des Strafvollzugs, ermöglicht es dem russischen Gesetzgeber, eine Reihe von Problemen zu lösen, die mit der Verbesserung der einschlägigen Rechtsnormen im Strafgesetzbuch verbunden sind.

Stichwörter: postsowjetische Staaten, Strafgesetzgebung, Kriminalstrafensystem, Arten der Strafen.

Kriminologische Charakterprofilierung der Täter von Straftaten im Zusammenhang mit einem Angriff auf einen Angehörigen des Strafvollzugssystems Russlands

Zhitkov A.A.

Ziel: das System von Merkmalen und Eigenschaften zu untersuchen, die die Täter von Straftaten im Zusammenhang mit Angriffen auf Angestellte des Strafvollzugs charakterisieren. Die statistischen Daten, die die Persönlichkeit der oben genannten Personengruppe beschreiben, zu analysieren, um die persönlichen Merkmale des Täters von Straftaten gegen Bedienstete des Strafvollzugs zu ermitteln.

Methodologie: neben allgemeinen wissenschaftlichen Methoden wurden kriminologische Forschungsmethoden angewandt, insbesondere bei der Sammlung von empirischem Material, bei der Analyse von offiziellen Informationen im Internet, einschließlich statistischer Daten. Mit Hilfe eines anonymen Fragebogens wurden Interviews und Umfragen mit dem Personal von Strafvollzugsanstalten durchgeführt.

Schlussfolgerungen. Es werden die Merkmale eines Straftäters ermittelt, der Gewalttaten gegen einen Angehörigen des Strafvollzugs begeht, und es werden allgemeine Schlussfolgerungen zu den Merkmalen dieser Personengruppe gezogen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die bereitgestellten Informationen können als Teil des Lernprozesses in den Disziplinen Strafrecht, Kriminologie und Strafvollzugskriminologie sowie bei der Entwicklung von Maßnahmen zur Verhinderung von Missbrauch gegenüber Strafvollzugspersonal verwendet werden.

Stichwörter: Strafvollzug, Beamter, Gefängnisstrafbarkeit, Kriminalität, Straftat, Körperverletzung, Verbrechen, Persönlichkeit, kriminologische Charakterprofilierung, Merkmale.

Probleme bei der Einstufung von Straftaten gegen die sexuelle Unversehrtheit und die sexuelle Freiheit der Person, die in verschiedenen Zeiträumen begangen wurden

Lavrinov V.V.

Ziel: die Problematik der Einstufung von Straftaten gegen die sexuelle Unverletzlichkeit und die sexuelle Freiheit einer Person zu betrachten und zu analysieren, die in verschiedenen Zeiträumen begangen wurden, einschließlich der Zeit, als das Strafgesetzbuch der RSFSR und das Strafgesetzbuch der Russischen Föderation in Kraft waren.

Methodologie: Deduktion, formale juristische Methode, vergleichende juristische Methode.

Schlussfolgerungen. Der Gesetzgeber hat über einen langen Zeitraum hinweg den Wortlaut der Bestimmungen und Sanktionen der Normen, die die strafrechtliche Verantwortlichkeit für Sexualstraftaten vorsehen, immer wieder geändert, was die Einstufung solcher Straftaten erheblich erschwert. Dabei sind sowohl die gerichtliche Praxis als auch die strafrechtlichen Bestimmungen, einschließlich derjenigen, die sich auf die Wirkung des Strafrechts im Laufe der Zeit beziehen, zu berücksichtigen. Bei der derzeitigen Einstufung von Straftaten gegen die sexuelle Freiheit und die sexuelle Unversehrtheit der Person, die vor dem Inkrafttreten des Strafgesetzbuchs RF von 1996 begangen wurden, sollten die Bestimmungen von Art. 9 des Strafgesetzbuchs RF sowie die Möglichkeit und Notwendigkeit einer rückwirkenden Anwendung des Strafrechts berücksichtigt werden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Diese Analyse trägt dazu bei, eine Reihe von Problemen im Zusammenhang mit der Einstufung von Straftaten gegen die sexuelle Freiheit und die sexuelle Unversehrtheit der Person zu lösen, die vor dem Inkrafttreten des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation im Jahr 1996 begangen wurden.

Stichwörter: sexuelle Freiheit, sexuelle Unversehrtheit, Vergewaltigung, Gewalttaten sexueller Natur, rückwirkendes Strafrecht, Strafgesetzbuch der RSFSR 1960, Strafgesetzbuch der RF 1996.

Besonderheiten bestimmter Arten von Ermittlungsinspektionen bei der Untersuchung von Umweltverstößen bei Bauarbeiten

Osyak V.V.

Ziel: die Besonderheiten der einzelnen Arten von Ermittlungsinspektionen bei der Untersuchung von Umweltverstößen, während der Arbeiten zu berücksichtigen, um die Tätigkeit des Ermittlers in Strafsachen der jeweiligen Art zu optimieren.

Methodologie: allgemeine wissenschaftliche und spezielle Forschungsmethoden.

Schlussfolgerungen. Die rasche und kontinuierliche Veränderung der Ermittlungslage in Bezug auf die betreffende Art von Straftaten führt häufig zu irreversiblen Unterbrechungen und dem Verschwinden von Spuren. Wenn sie nicht aufgezeichnet werden, können sie unwiederbringlich verloren gehen. Die Informationen, die im Zuge weiterer Ermittlungen im Rahmen anderer Ermittlungsmaßnahmen gewonnen werden, können nur Teilinformationen liefern, die nicht mit der Menge an direkten Informationen vergleichbar sind, die im Rahmen einer rechtzeitigen Inspektion des Tatorts gewonnen werden könnten. Der Beitrag enthält Empfehlungen für bestimmte Arten von Untersuchungsinspektionen in einer Untersuchungssituation, in der der Untersucher nicht über Daten zu Quelle, Ursache und Art der Kontamination verfügt.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Autorin formuliert Empfehlungen für den Ermittler zur Vorbereitung der Inspektion des Tatorts, einschließlich der Gewährleistung der Sicherheit der Teilnehmer an der Inspektion. Die Schlussfolgerung über die Notwendigkeit eines verstärkten Einsatzes von Hightech-Geräten für die Spurensicherung, einschließlich der Möglichkeit der Fernüberwachung ohne direkte Anwesenheit der Beteiligten am Ort der Inspektion, ist gerechtfertigt.

Stichwörter: Organisation der Ermittlungen, Umweltverstöße bei der Arbeit, Ermittlungssituation, Untersuchung des Tatorts, Einsatz von Fachwissen, technische und forensische Mittel, Sicherheit.

Zusätzliche Strafen als Mittel zur Individualisierung der Bestrafung

Podroykina I.A., Leimoeva Z.B.

Ziel: der Beitrag stellt fest, dass die im Strafrecht vorgenommenen Änderungen nicht nur Fragen der Kriminalisierung/Entkriminalisierung, sondern auch der Pönalisierung/Depönalisierung betreffen. Die Autorinnen befassen sich mit dem Problem der Konstruktion des strafrechtlichen Sanktionssystems, d.h. dem Teilsystem der zusätzlichen Strafen. Auf der Grundlage einer Untersuchung der Statistiken über die Verhängung zusätzlicher Strafen wird hervorgehoben, dass die moderne Strafverfolgung das Potenzial zusätzlicher Strafen nicht ausreichend ausschöpft und dass im Allgemeinen jede dieser Strafen nicht mehr als 2 % der Gesamtzahl der Verurteilungen ausmacht (die einzige Ausnahme ist der Entzug des Rechts, bestimmte Positionen zu bekleiden oder bestimmte Tätigkeiten auszuüben).

Methodologie: bei der Durchführung der Studie stützten sich die Autorinnen auf eine Methode wie die Systemanalyse, die im Allgemeinen zur Vorbereitung und Begründung von Entscheidungen über komplexe Probleme auf verschiedenen Ebenen eingesetzt wird. Darüber hinaus wurden formaljuristische, rechtsvergleichende, statistische und konkret-soziologische Methoden eingesetzt, um die genannten Fragestellungen möglichst umfassend zu berücksichtigen und die gezogenen Schlussfolgerungen zu untermauern.

Schlussfolgerungen. Als Ergebnis dieser Studie kommen die Autorinnen zu dem Schluss, dass die Arbeit an der Gestaltung des Strafvollzugs als Ganzes und seiner Teilsysteme fortgesetzt werden sollte. Diese Arbeit sollte in zwei Richtungen erfolgen: einerseits sollten die bestehenden Rechtsvorschriften überarbeitet werden, um bestehende Unzulänglichkeiten zu beseitigen, andererseits sollte man sich darauf konzentrieren, neue, wirksame, zusätzliche Sanktionen zu finden, die den Bedürfnissen einer modernen digitalen Gesellschaft entsprechen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die theoretische Bedeutung der Arbeit liegt in der Tatsache, dass sie für weitere Forschungen im Bereich des Aufbaus eines Teilsystems zusätzlicher Strafen genutzt werden kann. Die praktische Bedeutung liegt darin, dass die Schlussfolgerungen der Autorinnen als Grundlage für die Suche nach neuen Arten zusätzlicher Strafen und die Ergänzung des geltenden Strafgesetzbuches der Russischen Föderation verwendet werden können.

Stichwörter: Strafe, System, Liste, Strafrecht, zusätzliche Strafen, Strafziele, Individualisierung der Strafe, Verurteilung, Statistik, Dynamik.

Zur Frage der Bedrohungen der Wirtschaftssicherheit von Öl- und Gasunternehmen

Glushchenko N.V.

Ziel: eine allgemeine Beschreibung der wirtschaftlichen Sicherheitsbedrohungen, ihre Arten und Besonderheiten bei Öl- und Gasunternehmen zu geben; vorhandene Ansätze zu untersuchen und einen eigenen Ansatz zur

Klassifizierung wirtschaftlicher Sicherheitsbedrohungen von Unternehmen zu entwickeln; kriminelle Bedrohungen und ihren Platz im allgemeinen System wirtschaftlicher Sicherheitsbedrohungen von Öl- und Gasunternehmen zu betrachten; den Begriff „kriminologische Sicherheit“ zu analysieren.

Methodologie: *dialektische Methode; Analyse, Synthese, formal-logische Methode, rechtsvergleichende Methode, Systemmethode.*

Schlussfolgerungen. *Als Ergebnis der Studie kommt der Autor zu dem Schluss, dass die erfolgreiche Gewährleistung jeder Art von Sicherheit, einschließlich der wirtschaftlichen Sicherheit, weitgehend von der Organisation der Bekämpfung von kriminellen Bedrohungen, d. h. von Verbrechen, abhängt. Unter modernen Bedingungen sollte man nicht von kriminologischer Sicherheit als einer separaten Art von Sicherheit sprechen, sondern von dem kriminologischen Aspekt (kriminologischen Inhalt) der Gewährleistung von Sicherheit jeglicher Art, einschließlich der wirtschaftlichen.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Der Autor weist darauf hin, dass es in der Rechtsliteratur unterschiedliche Ansätze zur Klassifizierung von Bedrohungen der wirtschaftlichen Sicherheit gibt, und stellt seine eigene Klassifizierung dieser Art von Bedrohung vor. Derzeit liegen die Hauptbedrohungen im internen Bereich der Unternehmen und werden als korporative definiert. Viele der Unternehmensbedrohungen sind entweder selbst kriminell, oder sie sind Ursache oder Voraussetzung für die Begehung von Straftaten mit wirtschaftlicher Ausrichtung bei Öl- und Gasunternehmen. Der Autor unterstreicht die Fragwürdigkeit der Ansätze zum Wesen des Begriffs der „kriminologischen Sicherheit“. Das Umstrittene wird durch die unterschiedlichen Inhalte bestimmt, die die Autoren in dieses Konzept einbringen.*

Stichwörter: *Öl- und Gasindustrie, Sicherheit, wirtschaftliche Sicherheit, Sicherheitsbedrohungen, Kriminalität, Wirtschaftskriminalität, kriminologische Sicherheit, wirtschaftliche Bedrohungen, Arten von Bedrohungen, Importsubstitution.*

Branchenübergreifende Präjudiz im Strafverfahren

Epoyan D.T.

Ziel: *in den letzten Jahren wurde die Institution der branchenübergreifenden Präjudizien immer häufiger diskutiert, aber gleichzeitig enthält sie immer noch viele „dunkle Flecken“ und Komplexitäten. Eine einheitliche Praxis der Obergerichte gibt es derzeit noch nicht. In der Literatur gibt es verschiedene Ansätze zur Lösung der damit zusammenhängenden Probleme, die sich jedoch alle eher auf eine positivistische Analyse konzentrieren und somit den Einfluss externer Faktoren auf das Funktionieren dieser Einrichtung ausschließen. Der Artikel versucht, den Diskurs über branchenübergreifende Präjudizien auf die soziale Realität auszudehnen, in der das Recht wirkt.*

Methodologie: *Analyse, Synthese, formale juristische Methode, systematische Methode, rechtsvergleichende Methode, logische Analyse von Rechtsnormen, Methode der interdisziplinären Rechtsforschung.*

Schlussfolgerungen. *Der problematischste Aspekt der branchenübergreifenden Präjudizien ist ihr (un)widerlegbarer Charakter. Um eine möglichst flexible und fein abgestimmte Regelung zu schaffen, erscheint es ratsam, die Lehre von den Beweismaßstäben weiterzuentwickeln und sie in verschiedenen Verfahren zu differenzieren.*

Die Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Branchenübergreifende Präjudizien gehören nach wie vor zu den am wenigsten entwickelten Institutionen der innerstaatlichen Rechtsprechung. Aus praktischer Sicht sollte die Schaffung der richtigen und wirksamsten Regelung der Stärkung von Rechtssicherheit und Gerechtigkeit dienen.*

Stichwörter: *branchenübergreifende Präjudizien, Beweisstandards, a priori und a posteriori Überzeugungsgrad, (un)widerlegbarer Charakter.*

ANNOTATIONS AND KEYWORDS

Placement of minors in military units as a legal tool for the prevention of neglect and offenses

Barkov A.V., Ovsyannikova Yu.V.

Mission: to reveal the possibilities of the legal structure of the device for the upbringing of minors in military units, as a legal tool for the prevention of neglect and offenses.

Methodology: analysis and synthesis, induction and deduction, comparison, abstraction, formal legal method, dialectical, system methods, method of intersectoral legal research.

Conclusions. Currently, in addition to performing the main tasks assigned to the Armed Forces to prepare for the armed defense of the Russian Federation, the military unit is able to effectively assist in solving the most important state socially significant problem, which is the prevention of neglect and juvenile delinquency, by enrolling orphans and children left without parental care in the lists of military units as pupils. The military unit should be recognized as an element of the system of crime prevention, and the enrollment of orphans and children left without parental care in the lists of military units as pupils is a form of preventive action, with a high degree of guarantees for the protection of the rights of pupils, aimed at social adaptation of neglected and homeless minors in a difficult life situation. "The enrollment of minors in military units as pupils" has a single legal nature with a group of forms of placement of children left without parental care, who have not received a clear legislative consolidation in the Family Code of the Russian Federation and have the name "other forms of placement" in family law, defining the order, conditions of upbringing, education and maintenance of children, ensuring the protection of their rights and interests. The legally applied term "enrollment" to this complex and multidimensional process is narrow in content, reflecting only one of the procedural elements and, due to the need to reflect the essence of the activity, it needs to be replaced with a more precise definition "placement of minors in military units as pupils". It is proposed to expand the system of organizations for the placement of children left without parental care, contained in Article 123 of the RF IC, by including in it as a system element "a military unit that arranges for the upbringing of minors as pupils", with the status of a "socio-adaptive, preventive organization".

Scientific and practical significance lies in the fact that the conclusions obtained as a result of this research can be used in the process of further scientific study of issues related to the legal regulation of public relations arising when minors are placed in military units as pupils, adjustments to legislation, the basis for methodological recommendations, instructions and applied in the practice of military units enrolling pupils.

Keywords: placement of minors, military unit, prevention of neglect and offenses.

Determinants of retail sale of alcoholic beverages to a minor

Berndt A.A.

Mission: to provide a comprehensive analysis of the determinants of retail sale of alcoholic beverages to minors at the general social, socio-psychological and psychological levels.

Methodology: direct analytical conclusions in the work are made on the basis of methods of analysis, synthesis, hypothesis, generalization, as well as private scientific methods: statistical and sociological. Statistical method was used for quantitative and qualitative characteristics of retail sale of alcoholic beverages to minors, analysis of socio-demographic characteristics of convicted under article 1511 of the Criminal Code, other illegal activities in the sphere of retail sale; other social processes and phenomena.

Sociological survey of magistrates of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra (60 people) was conducted in order to study the problems of compliance with the prohibition on selling alcoholic beverages to minors, the reasons behind these unlawful acts; lawyers, who defended those convicted under Art. 1511 of the Criminal Code (150 people) – to study the motives of committing a crime. Document analysis was applied to the study of criminal cases under article 1511 of the Criminal Code (251 convictions), unlawful acts and other social phenomena.

Conclusions. Negative processes of socio-economic, political and spiritual and moral nature form social and criminogenic environment in the activities of participants of the retail alcohol market. They create the ground for criminal motivation of the seller, who sells alcohol to minors. Family desocialization has a great influence on the process of formation of his criminal motivation. In the process of desocialization a person does not have such socially important reference point as care about the future of young people. The process of desocialization of a person

continues in professional activity. Influence of socially criminogenic environment forms a criminal motivation to commit this crime. In this case the mercenary motive of the seller has a peculiarity and consists in the desire to approve, preserve or improve their financial situation at the expense of the illegal sale of alcohol to a minor. At the same time, he is provoked to committing a crime by the minor himself. He acts as an active participant in the mechanism of this crime and creates a conflict situation. However, the seller has a desire to leave the conflict due to emotional indifference (apathy).

Scientific and practical significance. This study is an update for the development of proposals for the prevention of retail sales of alcoholic beverages to minors, taking into account the determinants of such an act.

Keywords: alcohol products, minor, crime, mercenary motive, general social, socio-psychological and psychological determinants, socio-criminogenic environment.

Using the results of genetic research in the field of criminal justice

Polubinskaya S.V.

Mission: to describe the main directions of using the results of genetic research in the field of criminal justice; on the basis of foreign scientific literature, to provide examples of the use of specific findings of genetic research and underlying techniques; to review the approaches of foreign courts regarding the admissibility of genetic evidence in criminal cases.

Methodology: dialectical method, analysis, synthesis, formal legal method, comparative legal method, method of interdisciplinary legal research.

Conclusions. As a result of the study, the author comes to conclusion that the results and techniques of genetic research are in demand by criminal justice in many countries. DNA fingerprinting has become a generally accepted method that is used in criminal investigations. Courts of foreign countries are not so uniform in their decisions on the admissibility of genetic evidence in criminal cases.

Scientific and practical significance. Two main directions of the use of genetic information in the field of criminal justice are presented in the article. Thus, the method of DNA fingerprinting is widely used for investigation of crimes. Currently, many countries have forensic DNA databases, the development, size, and usage procedure of which are regulated by the domestic legislation. The foreign scientific literature shows that evidence from behavior genetics is almost always part of the complex of mitigating circumstances that justify the mitigation of liability or punishment in cases of serious, usually violent, crimes in criminal court proceedings. The author draws attention to the fact that court decisions on the admissibility of such genetic evidence are based on the assessment of its scientific validity. The controversial nature of the available findings on the influence of hereditary factors on human behavior is the basis for courts' caution in using such evidence in criminal cases. However, the author notes that, on the whole, the available evidence on the influence of genetic variations on antisocial behavior does not undermine the well-established concepts in criminal law regarding criminal liability.

Keywords: criminal justice, DNA fingerprinting, forensic DNA database, behavioral genetics, MAOA gene, XYY syndrome, criminal law, criminal liability, court, evidence, admissibility of evidence, expert testimony, expert opinions.

Problems of assigning a milder punishment than is provided for this crime in the judicial practice of the Republic of Armenia and the Russian Federation

Sargsyan A.A.

Mission: to analyze the problems of constructing a criminal law norm providing for the imposition of a milder punishment than is provided for this crime and the problems arising in this regard in the law enforcement practice of the Republic of Armenia and the Russian Federation.

Methodology: deduction, formal legal method, comparative legal method.

Conclusions. Taking into account the orientation of criminal legislation on the concept of personality, the need to implement international standards, generally recognized principles and norms of the international community, the principles of justice, humanism, the importance of achieving the goals of punishment, the institution of assigning a milder punishment than provided for this crime is of particular importance as the most important tool for the individualization of punishment. In connection with the above, it seems necessary to improve the criminal law norm in question in order to apply it most effectively in practice and achieve uniformity. The article provides scientifically based recommendations aimed at improving the current legislation and the practice of applying the institution of

a more lenient punishment, in particular, offers proposals aimed at limiting judicial discretion while at the same time stating its importance.

Scientific and practical significance. The conclusions obtained as a result of the conducted research can contribute to improving the gaps in the legislative regulation of the appointment of a milder punishment than is provided for this crime and the practice of its application.

Keywords: punishment, lighter punishment, the purpose of punishment, justice, humanism, below the lowest, exceptional circumstances, mitigating circumstances, set of circumstances, judicial discretion.

Several issues of regulation of complicity in a crime in the new Criminal Code of the Republic of Armenia

Rashidyan A. A.

Mission: to analyze some issues of the new Criminal Code of the Republic of Armenia in terms of regulating the institution of complicity in a crime.

Methodology: deduction, formal legal method, comparative legal method.

Conclusions. The author comes to the conclusion that the use of the wording "two or more persons subject to criminal liability" instead of the wording "two or more persons" in the legislative definition of complicity is reasonable and follows from the modern doctrine of criminal law on this issue. The legislative expansion of the forms of complicity, in particular, considering as complicity the actions of a person who insures other accomplices from possible detection (ensuring security) in the process of committing theft, who does not perform any actions to seize and (or) turn property, corresponds to the essence of group crimes.

This formulation draws a clear line between the performer and the accomplice. Fixing the concept of a special subject in the law is of great practical and theoretical importance. However, this wording needs to be clarified and supplemented. The author substantiates the need to single out careless co-causation and careless co-performance.

Scientific and practical significance. In connection with the adoption of a new criminal law, the criminal law norms governing relations related to complicity in a crime need additional rethinking and analysis. In addition, studying the experience of the Republic of Armenia, including the legislative regulation of complicity in a crime, will allow the Russian legislator to solve a number of problems related to the improvement of the relevant legal norms in the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: the Republic of Armenia, complicity, criminal law, crime, special subject, perpetrator, accomplice, criminal liability, insanity, subject of a crime, The Court of Cassation.

Comparative legal analysis of the criminal legislation of the Russian Federation and the CIS countries providing for liability for fraud in the consumer market: problem statement

Zhilkin M.G., Dotsenko E.A.

Mission: identification of problems of criminal liability for fraud in the consumer market in the Russian Federation and CIS countries.

Methodology: deduction, formal legal method, comparative legal method.

Conclusions. A comparative analysis of the legislation of the Russian Federation and the CIS countries made it possible to identify problematic issues of liability for fraud in the consumer market and outline ways to resolve them, namely: the possibility of identifying a separate group of crimes in the consumer market; the need to criminalize acts related to fraud in the consumer market, including "price fraud" or illegal price increases; criminological validity of the wide application of the rule on liability for the circulation of goods and the provision of services that do not meet safety requirements; the need to resolve controversial issues of criminal law assessment of acts, the social danger of which is caused by the digital transformation of social relations and other objective conditions for the functioning of society in the context of increased state control over market relations.

Scientific and practical significance is that the results of a comparative legal analysis of fraud in the consumer market, and the additional knowledge gained in connection with this in this area, will eliminate existing contradictions and fill gaps in criminal law and form proposals for improving the current Russian criminal law, as well as develop recommendations for overcoming problems arising in the criminal law assessment of acts related to fraud in the consumer market. The implementation of these proposals and recommendations will help improve the effectiveness of criminal legislation on liability for crimes in the consumer market, as well as improve the emerging law enforcement practice in this area.

Keywords: *criminal liability, consumer market, consumer fraud, CIS countries, comparative legal analysis, entrepreneurial activity.*

Implementation of international standards of human genome, embryo, and genetic data security in the Russian criminal law

Galyukova M.I.

Mission: *international legal principles regulating the protection of genetic data, human genome research, and human cloning prohibition are a constant focus of interest for general public, politicians, genetic researchers and lawyers. In the meantime, the process of integrating international bio-ethics and bio-genetics standards into the Russian legal framework is associated with high alertness and unmotivated inertia. This paper aims to analyze the content of international legal instruments and identify the most significant ideas in the field of bio-safety and bio-politics, which, with further rationale and support, will lead to the development of a full-fledged concept of protecting bio-genetic human rights within the Russian scientific community.*

Methodology: *transition from abstract to concrete, modeling, comparison, analysis and synthesis, induction and deduction.*

Conclusions. *Based on the analysis of international legal acts and existing approaches to the interpretation of international regulations, the author presents a classification of international instruments in the field of bio-law and bio-ethics. The paper analyzes major international legal acts in the field of bio-politics and considers the importance of “soft law” acts for the development of domestic criminal legal science in bio-banking, bio-informatics, and reproductive law. With reference to the international standards, the author substantiates her standpoint to strengthen criminal sanctions for human cloning, illegal collection, storage and dissemination of genetic data, and for alternating the human genome.*

Scientific and practical significance. *The author proposes a model of reforming individual articles in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation and constructing new legal components of crimes against person, such as Human Cloning and Alternation of Human Genome. The proposed model contributes to the theory of criminal law, including the systematization of the Special Part of the Criminal Law and can give rise to further scientific discussion.*

Keywords: *human genome, genetic data, embryo, bio-ethics, human rights, international law, bio-security, high-tech medicine, bio-politics, cloning, bio-bank, genetic certification, criminal law, crimes against bio-genetic human rights, legislator, innovative technologies.*

Differentiation of criminal responsibility through the construction of a new privileged corpus delicti against property

Shtankova A.P.

Mission: *to identify the possibility and determine the need for differentiation of criminal liability by constructing a new privileged corpus delicti against property*

Methodology: *deduction, analysis, description, system-structural method*

Conclusions. *The criminal law must take into account the changing criminal situation, the changing degree of public danger of crime. In today's difficult conditions, Russian statistics show an increase in the number of citizens living on incomes below the subsistence minimum. As a result, a new type of crime appears — embezzlement “out of need”, embezzlement committed by persons who find themselves in a difficult, sometimes hopeless financial situation. The signs considered in the article, revealing the elements of the proposed corpus delicti, may act as circumstances regulating reduced criminal liability for theft of someone else's property, significantly, at the same time, changing the degree of public danger in comparison with the main components of theft and, as a consequence, differentiating criminal liability and punishment.*

According to the author of the article, there is a need, taking into account the changes in the socio-economic life of society, to introduce such a crime in the Russian Federation, in which a person will be fairly held accountable for a crime with mitigating circumstances.

Scientific and practical significance. *The influence of such mitigating circumstances on the differentiation of criminal responsibility can contribute to the realization of fair criminal responsibility for the commission of criminal acts with reduced public danger and affect the development of the institution of privileged elements of crimes in general.*

Keywords: *embezzlement, criminal liability, differentiation, public danger, mitigating circumstances.*

Implementation of the Concept for the Development of the Penal and Correctional System of the Russian Federation until 2030 in the context of the Nelson Mandela Rules

Teplyashin P.V.

Mission: to determine the role of the United Nations Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (the Nelson Mandela Rules) in the implementation of the Concept for the Development of the Penal and Correctional System of the Russian Federation until 2030.

Methodology: the formal-legal and system-structural methods, the method of comparative law were used in the work.

Conclusions. The arguments about the universality of norms and standards contained in the Nelson Mandela Rules have been presented. By the example of correlation between the categories of "reintegration", "re-socialisation", "social adaptation" and "correction" we can demonstrate the discrepancy between separate provisions of the domestic criminal legislation and the Nelson Mandela Rules. The article reveals insufficiently high level of implementation of the provisions of this international legal act in the modernisation of Russian practice of execution of criminal sanctions.

Scientific and practical significance. The substantiation of specific direction of optimal implementation of the Concept of development of criminal enforcement system of the Russian Federation for the period till 2030 as well as the international legal framework of the treatment of prisoners.

Keywords: international obligations, norms of international law, ensuring legitimate interests, penal policy, universality of principles, unified type institution.

The structure of penitentiary crime and measures to prevent it

Khokhrin S.A.

Mission: reforming the penitentiary system and the implementation of additional types of punishments have made it possible, in recent years, to significantly reduce the total number of convicts serving sentences in correctional institutions. However, recently the crime level in correctional institutions has been significantly increasing and, as a result, there has been an increase in the number of crimes committed by convicts in the territory of penitentiary institutions. Science has noted that penitentiary crime is associated with the type of correctional institution, and the issues of the influence of employees and the state of facilities on penitentiary crime are debatable. Adoption by the Government of the Russian Federation of a number of documents: firstly, the Concept for the development of the penitentiary system of the Russian Federation for the period up to 2030, approved by order No. 1138-r dated April 29, 2021; secondly, the Program of Fundamental Scientific Research in the Russian Federation for the long term (2021–2030) in terms of developing alternative social response systems aimed at preventing and suppressing criminal behavior in the society of the penitentiary system allows us to formulate the relevance of studying criminological characteristics and determining the determinants of penitentiary crime.

Methodology: in the course of the study, the method of statistical observation was actively used in the study of documents (organizational and administrative documents of the Penitentiary System, criminal cases, reports from the duty service, sentences, etc.), a summary and grouping of statistical observation materials was carried out, absolute and relative statistical values were determined, data were sampled and analyzed, analysis and dynamics of indicators were carried out.

Conclusions. The analysis of statistical reports allows us to draw a conclusion about the unfavorable situation on the territory of correctional institutions. And conducting a criminological analysis will allow for a more thorough study of the determinants.

Scientific and practical significance. The criminological characteristics of penitentiary crime and the formation of their determinants allows them to be used for further development of the theoretical problems of crime and its varieties. Development of preventive measures, improvement of criminal legislation, as well as the activities of the penitentiary system.

Keywords: penitentiary crime, correctional facilities, convicts, determinants, prohibited items, employees, crime factors, crime latency, detention regime.

Actual issues of prevention of deviant behavior of minors through the formation of an approximate list of markers (criteria) for assessing the possibility of a minor's involvement in a criminal subculture, including the AUE movement banned in the Russian Federation

Morozov R.M., Volkov D. Yu.

Mission: to analyze the available scientific literature and the experience of law enforcement officers and to identify a group of markers (criteria), the identification of which will allow for more timely and targeted prevention of deviant behavior of minors. The authors of the article consider the problems of prevention of deviant behavior among minors,

through the definition of markers (criteria) that allow to identify the possibility of involvement of a minor in a criminal subculture, including the "AUE" movement banned in the Russian Federation. In addition, the paper considers indicators, markers that allow to distinguish an adherent of the AUE movement from other antisocial subcultures, such as football fans ("hooligans") and skinheads (ultra-right groups). The paper provides a brief analysis of the history and current state of the AUE subculture in Russia, and also reveals indicators that may show the commitment of adolescents to criminal ideology – external attributes, lifestyle and behavior, speech characteristics.

Methodology: dialectical method, analysis, synthesis, deduction, formal legal method, system method, questionnaire, method of intersectoral legal research.

Conclusions. The prevalence of criminal subculture and, in particular, its accessibility negatively affects minors directly, gives them incorrect life attitudes, increases the number of illegal acts. Timely identification by law enforcement officers in their daily activities of not a single criterion (marker) indicating a person's commitment to a criminal subculture, but several criteria (markers) will allow identifying persons with deviant attitudes and carrying out individual preventive activities against them.

Scientific and practical significance. Nowadays the issues of studying individual markers (criteria) of the criminal subculture have not received proper consideration in the scientific literature. It seems that without a systematic analysis and understanding of the markers (criteria) of the criminal subculture, it will be impossible for law enforcement officers to identify subjects who adhere to it in a timely manner, which will affect the effectiveness of officers' work and lead to an increase in offenses made by these people.

Keywords: AUE, convict Urkagan unity, the convict way of life is one, criminal subculture, criminal ideology, prevention of deviant behavior, markers, crime prevention, law enforcement agencies.

Some features of parole of convicts sentenced to life imprisonment

Zelenskaya O.O.

Mission: to consider some features of the parole of convicts sentenced to life imprisonment, including the opinions of various scholars on the issues of parole of convicts.

Methodology: dialectical method, analysis, deduction, comparative legal method.

Conclusions. The criminal law on exemption from punishment is based on the provisions of Art. 50 of the Constitution of the Russian Federation that every convicted person has the right to ask for a mitigation of punishment. The release is called early, as it occurs before the expiration of the term of the court appointed by the verdict. With regard to parole, it places certain conditions (requirements, burdens) on the convict associated with his behavior after release. Conditions are determined by the court in accordance with Part 2 Article. 79 of the Criminal Code of the Russian Federation and consist in imposing certain duties on the convict. It is important that in case of failure to fulfill the obligations imposed by the court in accordance with the norms of the current legislation of the Russian Federation, parole can be canceled, as reflected in Part 7 of Art. 79 of the Criminal Code of the Russian Federation. It should also be noted that the purpose of punishment in accordance with Part 2 of Art. 43 of the Criminal Code of the Russian Federation consist in restoring social justice, correcting the convict and preventing him from committing new crimes. The court, considering the application of the convict for parole, when making a decision, is primarily guided by whether the punishment has achieved the necessary goals. An important role here is played by the opinion of the court on the possibility of committing a new crime by the convict. The prerequisites for the exclusion of recidivism after parole must be obvious to the court. Thus, conditional early release from serving a sentence can only be applied to those convicted who, according to the court, do not need the full serving of the sentence imposed by the court for their correction and have served part of it provided for by the legislation of the Russian Federation. In addition, the application of a probationary period in the case of parole of a convict should be carried out taking into account the personality, gravity of the crime committed, characteristics, age, existing diseases and other personal qualities.

Scientific and practical significance. The conclusions and suggestions of the article can be used in legislative activity, research work and in law enforcement practice.

Keywords: convicts, parole, life imprisonment, established procedure for serving sentences, petitions, victim, legal representative.

The use of basic means of resocialization against women while serving a sentence of imprisonment and in the post-penitentiary period

Latysheva L.A.

Mission: to analyze the positive experience of individual women's correctional institutions of the Russian Federation in the use of basic means of correction (resocialization) of convicts, to reveal the content aspect, to highlight the

specific features of the use of means of resocialization to women serving sentences in the form of imprisonment, to offer a number of recommendations for improving the current legislation and practice of its application in this area.

Methodology: *the methodological basis of the research is a set of methods of cognition, among which the methods of systematic, comparative analysis, comparison, as well as logical comparison should be distinguished. Private scientific methods were used: formal-legal, comparative-legal.*

Conclusions. *Currently, the means of correction applied to convicts meet the goals and objectives of resocialization, while in addition to the traditional interpretation they are filled with a different meaning, which is due to the individual characteristics and specific needs and problems of female convicts. In this regard, it is advisable to make a number of changes to the current Russian penal enforcement legislation, as well as the practice of its application in the field of the use of basic means of correction (resocialization) in relation to women serving a sentence of imprisonment. Thus, it is proposed to supplement part 2 of Article 9 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation with such a means of correction as socially useful and socially significant activities. «Socially useful and socially significant activity» means purposeful voluntary activity of convicts aimed at the development of socially valuable qualities, creative abilities of the individual, the acquisition of vital skills through the creation of socially useful products. Along with this, taking into account the individual characteristics of female convicts, it is advisable to provide in the Penal Enforcement Code of the Russian Federation a special chapter regulating the execution of criminal penalties and other measures of a criminal nature against women. Special attention is paid to the resocialization of women with young children in a correctional institution. The main direction of the resocialization of this category of convicts should be the resuscitation of maternal feelings and qualities.*

Scientific and practical significance. *The analysis of the main means of correction / resocialization of women sentenced to imprisonment, conclusions, developed recommendations for improving the current penal enforcement legislation and the practice of its application can be used for further research in this area, in law enforcement practice, as well as in legislative activity when amending legislation.*

Keywords: *penal enforcement system, correctional institutions, means of correction of convicts, means of resocialization of convicts, sentenced to imprisonment, women serving sentences in the form of imprisonment, resocialization of convicts, pos-penitentiary support of persons released from places of deprivation of liberty, educational work, social impact.*

Public Monitoring Commission of the Subjects of the Russian Federation: current issues and problems of the organization of activities

Pavlushkov A.R.

Mission: *the development of the modern law enforcement system in general and the penitentiary system in particular takes place in close cooperation with civil society. The institute of public control is a relatively new formation, which is aimed at ensuring the rights of persons in places of detention. The expediency of such activity raises no doubts, as it reflects the mutual interests of the state, society and the individual. The article is devoted to the peculiarities of the work of public monitoring commissions of the subjects of the Russian Federation. The role and functions of public monitoring commissions are disclosed, a brief analysis of some existing problems in their activities in recent years is given.*

Any activity requires analysis for further improvement. The main purpose of the article is to analyze the existing problems in the activities of public monitoring commissions.

The first part of the article is devoted to the study of the legal status of public monitoring commissions. Its tasks and directions of activity are specified. Legislation clearly enough reflects the role of this public formation in the system of public control. However, at the moment there is no concept of public supervisory commission, which prevents its understanding. Lack of formal definition of the legal status of a public supervisory commission creates difficulties in interaction with public authorities, subordinate institutions. Partially these difficulties were resolved by the Federal Law "On public control over ensuring human rights in places of forced detention and assistance to persons held in places of forced detention", defining the public monitoring commission as a subject of public control and assistance to persons held in places of forced detention.

The second part of the article is devoted to the analysis of certain problems in the activities of public monitoring commissions. They include contradictions of organizational and legislative nature. Such problems include a weak level of professional competence of individual members of public monitoring commissions, which leads to a decrease in the effectiveness of work. Reasons of this situation (short term of office, formal selection of candidates) and suggestions of subjects on its correction are disclosed. Serious problems are the following: insufficient transparency

of formation of the members of the public supervisory commission, lack of full understanding between this formation and the management of places of detention, as well as lack of funding. The content of each problem, their causes and specific manifestations are disclosed.

Methodology: various scientific methods were used in the preparation of the article: analysis, systematization of information, formal legal and dialectical methods, the method of intersectoral legal research.

Conclusions. An analysis of the current legislation and the practical activities of the public monitoring commission of the subjects of the Russian Federation suggests that most of the problems posed are reduced to the shortcomings of the existing mechanism of public control and require both legislative and organizational resolution.

Scientific and practical significance. The study of the activities of public monitoring commissions expands the understanding of the role of civil society in the system of organizing public control over places of forced detention. Identification of problematic issues in the activity and their subsequent elimination will ensure the realization of the rights of persons in places of forced detention.

Keywords: public monitoring commission, public control, public chamber, civil society, places of forced detention, member of the public monitoring commission.

On the question of the goals of the activities of human rights organizations in the penitentiary sphere

Rudakov A.M.

Mission: to reveal the correctional potential of human rights organizations in the penitentiary sphere, which, in the author's opinion, act unilaterally, focusing on the rights and freedoms of convicts, silent about their duties and responsibilities to society, the norms of which they have violated.

Methodology: deduction, formal legal method, comparative legal method.

Conclusions. The main goal of interaction between employees of the penitentiary system of the Russian Federation and members of human rights organizations operating in the penitentiary sphere, in our opinion, is to assist convicts in resocialization, to form in them a respectful attitude towards a person, society, work, norms, rules and traditions of human community and stimulation of law-abiding behavior. Focusing the attention of members of human rights organizations operating in the penitentiary sphere solely on ensuring the rights and freedoms of convicts obviously hinders the implementation of the goals of the penitentiary legislation. It undermines the pedagogical principles of personality formation, as well as the constitutional foundations of human community in the Russian Federation: every citizen of the Russian Federation has all the rights and freedoms on its territory and bears equal obligations stipulated by the Constitution of the Russian Federation (Part 2 of Article 6 of the Constitution of the Russian Federation).

Scientific and practical significance. The search for compromises between the employees of the penitentiary system of the Russian Federation and representatives of human rights organizations in the target component of their interaction will ensure the implementation of the fundamental rights and freedoms of convicts held in places of deprivation of liberty, as well as organize the fulfillment of their duties established by penitentiary legislation. At the same time, the article gives recommendations to members of human rights organizations for the most effective interaction with the Federal Penitentiary Service of Russia.

Keywords: penitentiary system, human rights organizations, international cooperation, convicts, rights and freedoms.

The system of criminal penalties of post-Soviet States

Silkin V.P.

Mission: compare and analyze the experience of legislative regulation of the penal system in the criminal codes of post-Soviet states.

Methodology: comparative legal method, deduction, formal legal method.

Conclusions. The continuous improvement of the system of criminal penalties and its structural elements – types of punishments, is an important component of the fight against crime, since it is on what punishments are included in this system, what are their sizes, content and relationship with each other, the effectiveness of the practice of their application, that the overall success of countering crime depends. Comparative legal studies can serve as an important tool in the work on improving the system of punishments, primarily criminal laws that are close to Russia not only in the legal family, but also historically, that is, the laws of post-Soviet states. The author comes to the conclusion that the Russian system of criminal penalties is overloaded with types of punishments, including non-working ones.

Justifies why a number of punishments, such as arrest, death penalty, forced labor, detention in a disciplinary military unit should be excluded from Article 44 of the Criminal Code of the Russian Federation, others – life imprisonment, compulsory labor, correctional labor should be transformed. At the same time, using the example of foreign legislative experience, he justifies the need to include new types of punishments in the Russian system of punishments – confiscation of property, imposition of the obligation to make amends for the damage caused, forced expulsion of foreign citizens and stateless persons from Russia.

Scientific and practical significance. *The study of the legislative experience of foreign countries, including the legal regulation of the system of criminal penalties, allows the Russian legislator to solve a number of problems related to the improvement of the relevant legal norms in the Criminal Code of the Russian Federation.*

Keywords: *post-Soviet states, criminal legislation, system of punishments, types of punishments.*

Criminological characteristics of persons committing crimes related to an attack on an employee of the Russian penal system

Zhitkov A.A.

Mission: *to consider issues concerning the system of traits and properties characterizing persons committing crimes related to encroachment on employees of the penal system. To analyze statistical data characterizing the personality of the specified category of persons in order to identify the personal characteristics of a person who commits assaults on an employee of the penal enforcement system.*

Methodology: *along with general scientific methods, criminological research methods were used, in particular when collecting empirical material, official information posted on the Internet, including statistical data, was analyzed. Interviewing and questioning of employees of institutions of the penal enforcement system using the method of anonymous questioning were conducted.*

Conclusions. *The features inherent in a penitentiary criminal who commits acts related to encroachment on an employee of the penal enforcement system are revealed, and general conclusions are formulated about the characteristics of this category of persons.*

Scientific and practical significance. *The information provided can be used as part of the educational process in the study of the disciplines "Criminal Law", "Criminology", "Penitentiary Criminology", as well as in the development of measures aimed at preventing encroachments against the staff of the penitentiary system.*

Keywords: *penal enforcement system, employee, penitentiary crime, criminality, offense, encroachment, crime, personality, encroachment, criminological characteristics, features.*

Problematic issues of qualification of crimes against sexual integrity and sexual freedom of the individual committed in different periods

Lavrinov V.V.

Mission: *to consider and analyze problematic issues of qualification of crimes of sexual inviolability and sexual freedom of the individual committed in different periods of time, including the periods of validity of the Criminal Code of the RSFSR and the Criminal Code of the Russian Federation.*

Methodology: *deduction, formal legal method, comparative legal method*

Conclusions. *For a long period of time, the legislator has repeatedly amended the wording of dispositions and sanctions of norms providing for criminal liability for sexual crimes, which significantly complicates the qualification of such, it is necessary to take into account both judicial practice and the provisions of criminal legislation, including those related to the operation of criminal law in time. When currently qualifying crimes of sexual freedom and sexual inviolability of the person committed before the entry into force of the Criminal Code of the Russian Federation in 1996, it is necessary to take into account the provisions of Article 9 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the possibility and necessity of applying the retroactive force of the criminal law.*

Scientific and practical significance. *The analysis allows us to solve a number of problems related to the qualification of crimes against sexual freedom and sexual inviolability of the person committed before the entry into force of the Criminal Code of the Russian Federation in 1996.*

Keywords: *sexual freedom, sexual inviolability, rape, violent acts of a sexual nature, retroactive force of the criminal law, the Criminal Code of the RSFSR of 1960, the Criminal Code of the Russian Federation of 1996.*

Features of the production of certain types of investigative inspection in the investigation of violations of environmental protection rules during the production of works

Osyak V.V.

Mission: to consider the specifics of the production of certain types of investigative inspection in the investigation of violations of environmental protection rules during the production of works to optimize the activities of the investigator in criminal cases of the type in question.

Methodology: general scientific and special research methods.

Conclusions. the rapid and continuous change in the investigative situation for the type of crimes under consideration often leads to irreversible disruption of the situation and the disappearance of traces. If they are not fixed, they can be irretrievably lost. Obtaining information about them in the course of further investigation as a result of other investigative actions can give only partial information that is not comparable with the amount of direct information that could be obtained during a timely inspection of the scene of the incident. The article provides recommendations for conducting certain types of investigative inspection in an investigative situation where the investigator does not have data on the source, cause and nature of contamination.

Scientific and practical significance. The author formulated recommendations to the investigator on preparing for the inspection of the scene of the incident, including ensuring the safety of the inspection participants. The conclusion is substantiated about the need for wider use of high-tech forensic equipment, including providing the possibility of remote surveillance without the direct presence of its participants at the inspection site.

Keywords: organization of investigation, violations of environmental protection rules during work, investigative situation, inspection of the scene, use of special knowledge, technical and forensic means, safety.

Additional punishments as a means of individualizing punishment

Podroykina I.A., Leimoeva Z.B.

Mission: the article notes that the amendments to the criminal law relate not only to the issues of criminalization-decriminalization, but also penalization-depenalization. The authors touch upon the problem of constructing a system of criminal penalties, namely, a subsystem of additional punishments. Based on the study of the statistics of the appointment of additional punishments, it is emphasized that the modern law enforcement officer uses their potential of additional punishments insufficiently, and in general, the share of the use of each of them does not exceed 2% of the total number of convicts (the exception is only deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities).

Methodology: when conducting the study, the authors relied on such a method as system analysis, which is usually used to prepare and justify solutions to complex problems of various levels. Along with the above, formal legal, comparative legal, statistical and specifically sociological methods were used to fully consider the stated problems, as well as in order to substantiate the conclusions made.

Conclusions. As a result of the conducted research, the authors come to the conclusion that work on the construction of the punishment system as a whole and its subsystems should be continued. And this work should be carried out in two directions: on the one hand, it is necessary to conduct an audit of the current legislation in order to eliminate existing shortcomings; and on the other – to focus on finding new, effective, appropriate to the needs of modern digital society types of additional penalties.

Scientific and practical significance. The theoretical significance of the work lies in the fact that it can be used for further research in the field of building a subsystem of additional punishments. The practical significance lies in the fact that the authors' conclusions can be used as a basis for the search for new types of additional punishments and filling in the current Criminal Code with them.

Keywords: punishment, system, list, criminal law, additional punishments, goals of punishment, individualization of punishment, sentencing, statistics, dynamics.

To the question of economic security threats in oil and gas companies

Glushchenko N.V.

Mission: give a general description of economic security threats, their types in and their specifics in the companies of the oil and gas industry; explore existing approaches and develop own approach to the classification of economic security threats in companies; consider criminal threats and their place in the general system of economic security threats in oil and gas companies; analyze the concept of 'criminological security'.

Methodology: dialectical method, analysis, synthesis, formal logical method, comparative legal method, system method.

Conclusions. As a result of the study, the author comes to conclusion that successful provision of any type of security, including economic security, largely depends on the organization of countering criminal threats – crimes. In modern conditions, we should not talk about criminological security as a separate type of security but about the criminological aspect (criminological content) of ensuring security of any kind, including economic security.

Scientific and practical significance. The author pays attention to the existence in the legal literature of various approaches to the classification of economic security threats and gives his own classification of threats. Currently, the main threats are located in the internal sphere of the companies and defined as corporate. Many of the corporate threats are criminal, or reasons and conditions for committing economic crimes at oil and gas companies. The author emphasizes the controversial of approaches to the essence of the concept “criminological security”. The controversial is determined by the different content that the authors put into this concept.

Keywords: oil and gas industry, security, economic security, security threats, crime, economic crime, criminological security, economic threats, types of threats, import substitution.

Interbranch issue preclusion in criminal proceedings

Епоуан D.T.

Mission: in the recent years the issue of collateral estoppel (*res judicata*) has been actively discussed among experts. Nevertheless, the mechanisms of collateral estoppel application are still not well elaborated. The Supreme Court processes are still lacking consistency and unification. Different approaches to resolve this issue are found in literature, however all of them apply a positivistic analysis which excludes the influence of external factors. The author of this article tries to expand the current discourse of collateral estoppel by considering multiple external factors that impact the law and makes proposals to establish flexible legal mechanisms to address collateral estoppel related issues.

Methodology: analysis, synthesis, formal legal method, system method, comparative legal method, logical analysis of law rules, method of intersectoral legal research.

Conclusions. The most problematic aspect of intersectoral collateral estoppel (*res judicata*) is its (ir)refutable nature. To create the most flexible and fine-tuned regulation, it seems appropriate to develop a doctrine of standards of proof and differentiate them in different trials.

Scientific and practical significance. Collateral estoppel (*res judicata*) remains one of the least developed institutions in the national doctrine. From a practical point of view, the creation of the correct and most effective regulation should facilitate strengthening of the legal certainty and fairness.

Keywords: collateral estoppel (*res judicata*), standards of proof, *a priori* and *a posteriori* level of conviction, (ir) refutable nature.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ»

I. Аннотация

Текст аннотации – от 1500 до 3000 знаков.

Обязательные разделы аннотации:

1. Цель.
2. Методология.
3. Выводы.
4. Научная и практическая значимость.
5. Ключевые слова.

Ключевые слова: 10–12 слов и словосочетаний (словосочетания – не более двух слов).

Автор переводит аннотацию на английский и немецкий языки самостоятельно. Редакция оставляет за собой право попросить автора улучшить представленный перевод.

Перевод названий разделов аннотации

Английский язык	Немецкий язык
Abstract	Abstrakt
Mission	Ziel
Methodology	Methodologie
Conclusions	Schlussfolgerungen
Scientific and practical significance	Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung
Keywords	Stichwörter

Перевод на дополнительный язык также возможен по желанию автора и его силами и средствами.

II. Статья

Сведения об авторе, которые необходимо указывать:

ФИО автора, должность, место работы, ученую степень и звание, электронную почту (обязательно).

Объем статьи не менее 10 страниц: шрифт – Times New Roman, высота шрифта – 14 пунктов; межстрочный интервал – полупетитный; абзацный отступ – 1,25 см; поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1 см. Объем не менее 27 000 знаков с аннотацией. Максимальный объем статьи – не ограничен. **Важно:** в случае, если статья превышает 20 страниц, она должна быть разбита на разделы (название и количество разделов – на усмотрение автора).

III. Ссылки

Ссылки и список литературы – даются на русском и английском языках. Переводятся автором самостоятельно.

Название раздела: «Ссылки и библиография» (Referencies).

Ссылки и список литературы размещаются в конце в хронологическом порядке. На все источники из списка литературы должны быть ссылки в тексте. При этом в тексте в квадратных скобках указывается номер источника в списке литературы и страница источника.

Пример: [5, с. 425–426].

В списке литературы указываются только монографии и научные статьи (в том числе и опубликованные в электронных источниках). В списке литературы не указывать учебники и газетные публикации. Законы, ГОСТы, инструкции, учебники, газетные публикации можно указывать только в постраничных сносках (нумерация сквозная по документу). Оформление ссылок на русском языке осуществляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

При переводе на английский язык указывается как ее перевод, так и транслитерация, проведенная с помощью одной из принятых международных систем транслитерации (www.translit.ru, меню **Варианты**, пункт **BSI**). В переведенной ссылке лучше указывать английское название журнала (если оно есть) или его транслитерацию. Проверить наличие английского названия у журнала можно на ресурсе www.elibrary.ru

Пример оформления ссылки на русском и английском языках:

Качалов В.В. Уголовная ответственность юридических лиц: критический анализ аргументов против // *LexRussica*. 2016. № 12. С. 32–38.

Kachalov V.V. Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits: kriticheskii analiz argumentov protiv [The criminal liability of legal entities: a critical analysis of the arguments against]. *Lex Russica*, 2016, no. 12, pp. 32–38. (In Russian, abstract in English)